

Островскій. IX.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Домъ А. Н. Островскаго
въ Щелыковѣ — имѣніи его, Костромской губ.,
Кинешемскаго уѣзда.

Полное собрание сочинений
А. Н. Островского.

Томъ девятый.

Всемірная Бібліотека.

Собранія сочиненій ізвѣстныхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Русские писатели:

Аксаковъ, С. Т., подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
Андреевъ, Л. Н., со вступительной статьей проф. М. А. Реймера;
Ан—скій, С. А., подъ наблюденіемъ автора;
Амфитеатровъ, А. В., подъ наблюденіемъ автора;
Айзманъ, Д. Я., подъ наблюденіемъ автора;
Гоголь, Н. В., подъ редакціей В. В. Каллаша;
Добролюбовъ, Н. А., подъ редакціей В. П. Крамицфельда;
Достоевскій, Ф. М., съ множествомъ приложеніями;
Златовратскій, Н. Н., подъ наблюденіемъ автора;
Кольцовъ, А. В., подъ редакціей Арс. Ил. Введенскаго;
Крыловъ, И. А., подъ редакціей В. В. Каллаша;
Лазаревскій, Б. А., подъ наблюденіемъ автора;
Левитовъ, А. И., со вступ. статьей А. А. Измайлова;
Лермонтовъ, М. Ю., подъ ред. Арс. Ил. Введенскаго;
Максимовъ, С. В., со вступ. статьей П. В. Быковъ;
Мачтеть, Г. А., подъ редакціей Д. П. Сильческаго;
Муйжель, В. В., подъ наблюденіемъ автора;
Невѣжинъ, П. М., подъ наблюденіемъ автора;
Никитинъ, И. С., подъ ред. А. Г. Фокина, со вступительной статьей
Ю. И. Айзенеальда;
Немировичъ-Данченко, Вас. И., подъ наблюденіемъ автора;
Олигеръ, Н. Ф., подъ наблюденіемъ автора;
Осиповичъ, Н. М., подъ наблюденіемъ автора;
Островскій, А. Н., подъ ред. М. И. Писарева;
Помяловскій, Н. Г., съ біограф. очеркомъ Н. А. Благовѣщенскаго;
Потѣхінъ, А. А., подъ наблюденіемъ автора;
Пушкинъ, А. С., подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
Соловьевъ, Н. Я., съ портретомъ автора;
Танъ, В. Г., подъ наблюденіемъ автора;
Толстой, Л. Н., подъ редакціей А. М. Хирьякова;
Шапиръ, Ольга, подъ наблюденіемъ автора.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Акціон. О-ва "Сім'орбразованіе",
Забалканскій просп., д. № 75.

ЧИТ. ЗАЛ

Полное собрание сочинений 0-77

A. Н. Островского.

Критически проверен. текстъ, біографія, приложенія, примѣчанія, портреты автора, его fac-simile и проч.,

подъ редакціей

1911 М. И. Писарева,

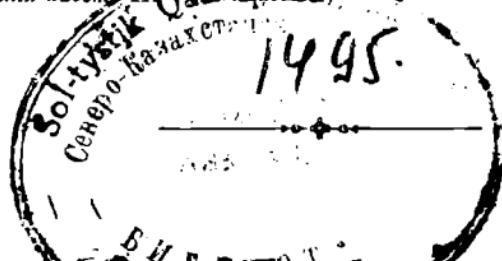
съ критико-біографическимъ очеркомъ

П. И. Вейнберга.

51 Томъ девятый.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвещенія въ ученіческія бібліотеки средніхъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ бібліотеки училищескихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Рекомендовано Головкою Управления Военно-учебныхъ заведеній для чтенія кадетовъ № 172 (для библиотеки).

БИБ С.Петербург
Книгоиздательство Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканский просп., соб. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавлениe.

Волки и овцы	1
Правда — хорошо, а счастье лучше . .	181
Послѣдняя жертва	287
} Безприданница	451
Сердце не камень	587
Приложенie:	693
a) Записка о театральныхъ школахъ.	
b) Дополнительная записка о театральныхъ школахъ.	
c) Программа подготовительной драматической школы.	
Примѣчанiя	715

Волки и овцы.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

у

Островскій. IX.

Л и ц а:

Меропія Давыдовна Мурзавецкая, дѣвица лѣтъ 65, по-
мѣшица большого, но разстроеннаго имѣнія, особа, имѣю-
щая большую силу въ губерніи.

Аполлонъ Викторовичъ Мурзавецкій, молодой человѣкъ,
лѣтъ 24-хъ, прапорщикъ въ отставкѣ, племянникъ Мур-
завецкой.

Глафира Алексѣевна, бѣдная дѣвица, родственница Мур-
завецкой.

Евлампія Николаевна Купавина, богатая молодая вдова.
Анѣуса Тихоновна, ея тетка, старуха.

Михаилъ Борисовичъ Лыняевъ, богатый, ожирѣвшій ба-
ринъ, лѣтъ подъ 50, почетный Мировой Судья.

Василій Ивановичъ Беркутовъ, помѣщикъ, сосѣдъ Ку-
павиной; представительный мужчина? среднихъ лѣтъ, съ
лысинкой, но очень живой и ловкій.

Вуколь Наумовичъ Чугуновъ. бывшій членъ уѣзднаго
суда, лѣтъ 60-ти.

Клавдій Горецкій, племянникъ Чугунова, красивый моло-
дой человѣкъ, кудрявый, съ румянымъ лицомъ, одѣтъ
въ легкомъ лѣтнемъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы,
рубашка русская цветная, безъ галстука, панталоны въ сапоги.

Павлинъ Савельичъ, дворецкій }
Власъ, буфетчикъ, }
Корнилій лакей, }
Мурзавецкой.

Лакей Купавиной.

Стропилинъ, подрядчикъ.

Маляръ.

Столяръ.

Крестьянинъ, бывшій староста Мурзавецкой.

Мастеровые, крестьяне и приживалки Мурзавецкой.

Дѣйствіе первое въ губернскомъ городѣ, въ домѣ Мурзавецкой.

Дѣйствіе первое.

Зала, меблированная по старинному; съ правой стороны отъ зрителей три окна, въ простѣнкахъ узкія длинныя зеркала съ подзеркальниками. У первого окна, ближе къ авансценѣ, высокое кресло и столикъ, на немъ раскрытая старинная книга и колокольчикъ; въ глубинѣ, въ правомъ углу, двустворчатая дверь въ большую переднюю, въ лѣвомъ дверь въ комнату Мурзанецкаго, между дверями печь; на лѣвой сторонѣ, въ углу, дверь въ коридоръ, ведущій во внутренняя комнаты, ближе къ авансценѣ двери къ гостиную; между дверями придвигнуть къ стѣнѣ большою обѣденный столъ.

Явленіе первое.

Павлинъ (у дверей въ переднюю), подрядчикъ, маляръ, столяръ староста, крестьяне и мастеровые.

Павлинъ

(подавая руку подрядчику).

Господину Стропилину! (Прочитъ.) Невозможно, господа, невозможно. Чѣмъ за базаръ!

Столяръ.

Всякій тоже изъ за своего интересу.

Маляръ.

Другому деньги-то какъ нужны, — страсть!

Староста.

Праздничное дѣло, слободно, ну, значитъ, иди за получкой.

Подрядчикъ.

Праздничное-то дѣло такъ бываетъ, другъ сердечный, что и получишь, да домой не донесешь.

Столяръ.

Донесли-бы, сумѣли, только-бъ было чтѣ.

Маляръ.

Только-бъ залучить деньги-то, а то вотъ какъ зажму, силой не отымешь.

Павлинъ.

Стало-быть, вы барышню дожидаться хотите?

1-й крестьянинъ.

Да ужъ подождемъ. Наше дѣло такое, что дожидаться.

2-й крестьянинъ.

И подождешь, ничего не подѣлаешь ... Мы еще позапрошлую осень лѣсь возили на баньку. (Указывая на подрядчика.) Вонъ рыжий-то строилъ.

Маляръ.

А мы вотъ палисаду красили звенѣ двѣнадцать, да бесѣдку умброй подводили.

Староста.

А мы такъ бычка-опеочка въ ту пору на солонину ...

Столяръ.

Всякій за своимъ, вѣдь; и мы вотъ тоже два столика подъ орѣхъ, да въ спальню къ барышнѣ ...

Павлинъ.

А вы, господинъ Стропилинъ?

Подрядчикъ.

Со старымъ счетцемъ. Вышелъ изъ дома съ утра по своимъ дѣламъ, такъ ужъ думаю, пройду, моль, за мѣсто моціону.

Павлинъ.

Ну, чтò-жь мнѣ дѣлать прикажете? Допустить васъ я не смѣю. Домой идите, други милые, вотъ чтò я вамъ скажу. Послѣ понавѣдайтесь, да не всѣ вдругъ.

Подрядчикъ.

Нѣтъ, ужь меня-то вы до барышни допустите, Павлинъ Савельичъ.

Голоса.

Допущай до самой! Всѣхъ допущай до самой!

Павлинъ.

Я, пожалуй, допущу; только съ уговоромъ, господа. Вотъ первое: которые почище (указывая на подрядчика, маляра, столяра и старосту) останьтесь здѣсь. (Остальныи.) А вы къ крыльцу. Второе дѣло: какъ барышня изъ экипажа, сейчасъ всѣ къ ручкѣ; а кто, по усердію, можетъ и въ ножки. Объ деньгахъ и не заикаться, съ праздникомъ можно поздравить, а объ деньгахъ чтобъ ни слова.

Маляръ.

Да коли мы за ними собственно пришли, какъ такъ ни слова?

Павлинъ.

А такъ-же ни слова, да и все тутъ. Пройдутъ барышня въ гостиную, чаю накушаются, я имъ до-кладъ сдѣлаю; тогда вамъ резолюція и выдѣть. Какъ-же вы хотите, чтобъ праздничное дѣло, утромъ, да сейчасъ за суету? Барышня въ это время тишину любятъ, и чтобъ никто ихъ не беспокоилъ, особенно объ деньгахъ. Вы тѣ подумайте: когда онѣ пріѣдутъ изъ собора, сидутъ въ размышленіи и подымутъ глазки квѣрху, гдѣ душа ихъ въ это время бываетъ?

Подрядчикъ.

Высоко, Павлинъ Савельичъ, высоко.

Староста.

Ужь такъ-то высоко, что ахъ.

Павлинъ.

Ну, вотъ то-то-же! (Малару.) А ты съ умброй! Эхъ, сырьё! Когда вы отмякнете сколько нибудь? Деньги деньгами, а тоже и время надо знать. Мы суеты всѣми мѣрами избѣгать стараемся; а онъ за бычка-опоечка получать пришелъ. Ну, ступайте на свое мѣсто. (Крестьяне и мастеровые уходятъ. Входитъ Чугуновъ съ портфелемъ.)

Явленіе второе.

Павлинъ, Чугуновъ (у двери въ переднюю) подрядчикъ, маляръ, столяръ, староста, потомъ Корнилій.

Чугуновъ

(указывая глазами на толпу).

Набралось гостей со всѣхъ волостей.

Павлинъ (нюхая табакъ).

Коммиссія, сударь.

Чугуновъ.

Дай-ко березинскаго-го. (Павлинъ подаетъ табакерку. Чугуновъ, понюхавъ). Разборъ дѣлаешь: кому—подожди, кому—послѣ приди!

Павлинъ.

Перемежка въ деньгахъ, сударь.

Чугуновъ.

Это бываетъ. Передъ деньгами, говорять.

Павлинъ.

Дай-то Богъ! Женское дѣло, сударь ... Отъ женскаго ума порядковъ большихъ и требовать нельзя.

Чугуновъ.

Ну, не скажи! У Меропы Давыдовны ея женскаго ума на пятерыхъ мужчинъ хватить.

Павлинъ.

Какъ-же возможно противъ мужчинъ! Кабы столько ума было, такъ за вами бы не посылали; а то чуть кляузное дѣло, сейчасъ за вами и шлють.

Чугуновъ.

Да на кляузы развъ умъ нуженъ? Будь ты хоть семи пядей во лбу, да коли законовъ не знаешь . . .

Павлинъ.

Понимаю я-сь. Да отъ большого ума кляузъ-то заводить не слѣдуетъ. Конечно, осуждать господъ мы не можемъ, а и похвалить нельзя. У Меропы Давыдовны такой характеръ: съ кѣмъ изъ знакомыхъ размолвка, сейчасъ тяжбу заводить. Помилуйте, знакомство большое, размолвки частыя, — только и знаемъ, что судимся.

Чугуновъ.

Да, другой разъ просто не изъ чего дѣло затѣваешь.

Павлинъ.

Только что отъ всѣхъ знакомыхъ господъ неудовольствія.

Чугуновъ.

Да вѣдь мы никого не обидѣли: намъ все отказываютъ, еще ни одного дѣла не выиграли.

Павлинъ.

Такъ вѣдь убытку много: прѣтори платимъ да подьячихъ кормимъ.

Чугуновъ.

Кто-жъ ихъ кормить-то будетъ? Вѣдь и они кушать хотятъ, люди тоже.

Павлинъ.

Не считаю я ихъ за людей, сударь.

Чугуновъ.

Напрасно. Вѣдь и я подьячій, Павлинъ Са-
вельичъ.

Павлинъ.

Знаю-сь.

Чугуновъ.

А знаете, такъ будьте поучтивѣе. У меня та-
кихъ-то хамовъ, какъ вы, полтораста животовъ
было.

Павлинъ.

Было, да прошло.

Чугуновъ.

Да, прошло; былъ бариномъ, а теперь вотъ
сутягой сталъ; да холопскіе разговоры слушаю.

Павлинъ.

Нельзя и не говорить; поневолѣ скажешь, коли
вы барышню только смущаете. Можно вамъ теперь,
сударь, кляузы-то бросить и опять бариномъ за-
житъ: золотое дѣло имѣете.

Чугуновъ.

Имѣю.

Павлинъ.

По милости нашей барышни у госпожи Купа-
виной всѣмъ имѣніемъ управляете, — вѣдь это
легко сказать. Да оно и видно: и домикъ обстроили,
и лошадокъ завели, да и деньги, говорятъ ...

Чугуновъ.

Заговорили ужъ, позавидовали.

Павлинъ.

Нѣтъ, чтѣ-жъ. давай Богъ, наживайтесь!

Чугуновъ.

Да и наживусь, и наживусь. Разговаривай еще! Посмотрю, чтò-ль, я на кого! Я видаль нужду-то, въ чемъ она ходить. Мундиръ-то мой помнишь, давно-ль я его снялъ? Такъ вытерся, что только однѣ нитки остались; сарафанъ-ли это, мундиръ-ли, не скоро разберешь.

Павлинъ.

Барыня молодая, добрая, понятія ни объ чемъ не имѣютъ; тутъ коли совѣсть не зазрить ...

Чугуновъ.

Зачѣмъ-же ты совѣсть-то? Къ чѣму ты совѣсть-то приплелъ? Въ философію пускаться тебѣ не по чину ...

Павлинъ (взглянувъ въ окно).

Барышня идутъ. (Уходитъ. Корнилій въ бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ выходитъ изъ гостиной, отворяетъ обѣ половинки дверей и становится слѣва.)

Явленіе третье.

Чугуновъ встаетъ со стула и становится невдалекъ отъ двери въ гостиную, за нимъ, по линіи къ выходной двери становятся: подрядчикъ, потомъ староста, потомъ маляръ и столяръ. Мурзавецкая одѣта въ черную шелковую блузу, подпоясанную толстымъ шелковымъ шнуркомъ, на головѣ кружевная черная косынка, которая, въ видѣ вуали, до половины закрываетъ лицо, въ лѣвой руцѣ черная палка съ бѣлымъ, слоновой кости, костылемъ. Проходить медленно, и не глядя ни на кого, отъ дверей передней въ гостиную. Всѣ, стоящіе въ залѣ, поочередно царапаютъ ея правую руку. За ней, въ двухъ шагахъ, проходитъ, опустя глаза въ землю, Глафира, одѣта въ грубое черное шерстяное платье. Потомъ двѣ приживалки, одѣтые въ черное. Павлинъ идетъ съ лѣвой стороны Мурзавецкой и, почтительно согнувшись, несетъ на руцѣ что-то въ родѣ чернаго плаща. Корнилій, пропустивъ всѣхъ, входить въ гостиную и затворяетъ двери.

Явленіе четвертое.

Чугуновъ, подрядчикъ, староста, маляръ, столяръ, потомъ Павлинъ.

Староста.

Ахъ, матушка! Дай ей, Господи. Создай ей, Господи!.. И костылекъ-то все тотъ-же.

Подрядчикъ.

Развѣ помнишь?

Староста.

Да какъ не помнить? Тоже, какъ крѣпостными-то были ...

Подрядчикъ.

Такъ хаживалъ по вѣсѣ?

Староста.

Еще какъ хаживалъ-то. (Выходитъ Павлинъ.)

Павлинъ.

Не въ честь, господа, пришли.

Чугуновъ.

Чтѣ такъ?

Павлинъ.

И докладывать-то не смѣю. (Чугунову.) Наказанье нынче, сударь, Вуколь Наумычъ, съ прислугой. Сливокъ вскипятить не умѣютъ, либо не хотятъ, чтѣ-ли. Только и твердишь, чтобы пѣнокъ, какъ можно, больше, потому барышня страсть ихъ любятъ. Въ такой малости не хотятъ барышнѣ удовольствія сдѣлать, ну, и гнѣваются.

Староста.

Что-же теперича намъ?

Павлинъ.

А какъ-нибудь, на недѣль, что тамъ Богъ дасть.

Маляръ.

Ходишь, ходишь, только маєта одна.

Павлинъ.

Ну, ужь будешь! Поговорилъ и довольно! Ласково я съ вами говорю, или нѣтъ? Такъ вы грубо слова не дожидайтесь.

Столяръ.

Только и всего, съ тѣмъ, значитъ, и идти?

Павлинъ.

Чего-жъ тебѣ? Угощенья для варь не припасено. (Подрядчику.) До пріятнаго свиданія, господинъ Стропилинъ. (Прочимъ.) Ну, такъ прощайте, добрые люди! (Подрядчикъ, староста, маляръ и столяръ уходятъ.) Вамъ, сударь, въ столовой фриштыкатъ приготовлять.

Чугуновъ.

Дай-ко табачку-то!

Павлинъ (подавая табакерку).

Пожалуйте. Ужь придется вамъ повременить, потому барышня Аполлона Викторыча дожидаются.

Чугуновъ.

Гдѣ-же онъ?

Павлинъ.

Одно мѣсто у нихъ. Просто срамъ, сударь! Въ городѣ-то стыдятся; такъ возьмутъ ружье, будто за охотой, да, на Раззорихъ, въ трактирѣ и про-кляжаются. И трактиришко-то самый что ни есть дрянной, ужь можете судить, — въ деревнѣ, на большой дорогѣ заведеніе, на вывѣскѣ: „Вотъ онъ!“ написано. Ужь такъ-то не хорошо, что и сказать нельзя. Дня по два тамъ кантуютъ, ссоры заводятъ, — и что имъ тамъ за компанія? Барышня ужь послали буфетчика Власа, велѣли ихъ домой привести.

Чугуновъ.

А что ему дома-то дѣлать?

Павлинъ.

Барышня хотятъ ихъ установить и въ хороший кругъ ввести; въ гости съ ними хотѣли сегодняѣхать и даже все новое имъ платье приказали сшить.

Чугуновъ.

Ужь не женить-ли хотятъ?

Павлинъ.

Похоже на это-съ.

Чугуновъ.

Женихъ завидный.

Павлинъ.

Вотъ теперь тоже Евлампія Николавна вдовѣютъ, господинъ Лыняевъ тоже холостой.

Чугуновъ.

Обо всѣхъ-то у матушки Меропы Давыдовны забота.

Павлинъ.

Нельзя-же-съ. И ахъ, какъ онъ чудесно разсуждаютъ! Евлампія Николавна богаты очень, значитъ, имъ можно и не богатаго жениха, только-бѣ молодого, вотъ какъ нашъ Аполлонъ Викторычъ; Михаилъ Борисычъ Лыняевъ тоже богаты и ужь въ лѣтахъ, для нихъ теперь на примѣтъ есть барышня, княжескаго рода, не молодая, это точно-съ, и въ головкѣ у нихъ словно какъ дрожаніе, а ужь такъ образованы, такъ образованы, чтѣ сказать нельзя-съ. (Взглянувъ въ окно.) Да вотъ, должно-быть, барина привезли.

Чугуновъ.

Такъ я въ столовую. (Уходитъ. Входитъ: Мурзавецкая,

одѣтъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, панталоны въ сапоги, на головѣ фуражка съ краснымъ околышемъ и съ кокардой. Власъ съ ружьемъ, патронташемъ, ягдташемъ и арапникомъ.)

Явленіе пятое.

Мурзавецкій, Павлинъ, Власъ.

Мурзавецкій

(не снимая фуражки).

Ма тантъ у себя?

Павлинъ.

У себя-съ.

Мурзавецкій.

Охъ, ужъ эта охота мнѣ! Усталъ, братецъ. А что дѣлать-то? Страсть, жить безъ охоты не могу. Халатъ теперь, да спать завалиться. (Хочетъ идти въ свою комнату.)

Павлинъ.

Нѣтъ ужъ, извольте здѣсь подождать, такъ приказано. (Мурзавецкій садится у окна.)

Власъ.

Съ рукъ на руки, Павлинъ Савельичъ, и барина, и всю сбрую, и амуницію.

Павлинъ (заглянувъ въ ягдташъ).

Въ ягдташѣ-то, сударь, не то что дичи, а и пе-рышковъ-то нѣтъ.

Мурзавецкій.

Незадача, братецъ, дьявольская незадача. Выходъ не хороши былъ, вернуться-бъ надо; заяцъ дорогу перебѣжалъ, какая ужъ тутъ охота? Чѣмъ ни приложусь, пафъ, либо пудель, либо осѣчка.

Павлинъ (Власу).

Снеси къ барину въ комнату, положи осторожнѣе!
(Власъ уходитъ.)

Мурзавецкій (растворяя окно).

Фу, духота какая! (Высовывается въ окно и свищетъ.)
Тамерланъ! Ахъ, проклятый! Ну, погоди-жь! Человѣкъ, приведи сюда Тамерлана, да подай мнѣ арапникъ!

Павлинъ.

Нѣть ужь, этого ни подъ какимъ видомъ нельзя:
не приказано-съ. И какой-же это Тамерланъ? Нешто такіе Тамерланы бывають? Ужь много сказать про него, что Тлезоръ, и то честь больно велика; а настоящая-то ему кличка Шалай.

Мурзавецкій.

Много ты понимаешь.

Павлинъ.

Да я всю его родословную природу знаю. Окромя что по курятникамъ яицы таскать, онъ другой науки не знаетъ. Его давно на осину пора, да что и на осину-то! Вотъ, Богъ дастъ, осень придетъ, такъ его безпремѣнно, за его глупость, волки съѣдятъ. Не даромъ мы его волчьей котлеткой зовемъ. А вы бы, сударь, фуражку-то сняли, неравно барышня войдутъ.

Мурзавецкій (снимая фуражку).

Не твое дѣло; ты знай свое мѣсто! Я разговаривать съ вашимъ братомъ не люблю.

Павлинъ.

Слушаю-съ.

Мурзавецкій.

Фу, чортъ возьми, чтѣ это мнѣ, какъ будто, не по себѣ, нездоровится чтѣ-то? Ноги, должно-быть, промочилъ въ болотѣ. (Громко.) Человѣкъ, водки!

Павлинъ.

Здѣсь, сударь, не въ раззорихинскомъ трактирѣ.

Мурзавецкій.

Ну, чтѣ-же, что не въ раззорихинскомъ трактирѣ, ну, чтѣ-же?

Павлинъ.

А то, что здѣсь не подадутъ-съ.

Мурзавецкій.

Ну, пожалуйста, Павлинъ Савельичъ, ну, будь другомъ, ну, я тебя прошу. Не въ службу, а въ дружбу, братецъ, понимаешь?

Павлинъ.

Вотъ то-то же сударь!

Мурзавецкій.

Право, такъ что-то фантазія пришла. Павлинъ Савельичъ, я съ тобой буду откровененъ: адски хочется, братецъ.

Павлинъ.

Ужь, видно, нечего съ вами дѣлать. (Уходитъ. Изъ гостиной входитъ Глафира и идетъ къ коридору).

Явленіе шестое.

Мурзавецкій, Глафира, потомъ Павлинъ и Власъ.

Мурзавецкій.

Кузина, удостойте взглядомъ! Глазки-то, фу! Все отдашь.

Глафира.

Чтѣ-вамъ угодно?

Мурзавецкій.

Чтѣ-мнѣ угодно? Вотъ странно! Мнѣ угодно расцаловать васъ, но ...

Глафира.

Вы глупы.

Мурзавецкий.

Пардонъ, мадемуазель!

Глафира.

Adieu, monsieur! (Хочетъ идти.)

Мурзавецкий.

Постойте! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ма тантъ иррите?

Глафира.

Какъ вы дурно говорите по-французски.

Мурзавецкий.

Ничего, по нашей губерніи сойдетъ.

Глафира.

Да, я не думаю, чтобъ она была довольна вами.

(Хочетъ идти.)

Мурзавецкий.

Атанде! Поклонъ.

Глафира.

Отъ кого?

Мурзавецкий.

Отъ Лыняева.

Глафира.

Благодарю васъ. Чѣмъ это ему вздумалось?

Мурзавецкий.

На охотѣ встрѣтились, денегъ у него занялъ, чортъ его возьми. Шуры-муры завели? Ну, чтѣ-жъ, признавайтесь! А еще важность на себя напускаете. (Глафира, пожавъ плечами, уходитъ. Входить: Павлинъ и Власъ съ подносомъ, на которомъ рюмка водки и закуска.)

Павлинъ.

Извольте кушать поскорѣе, а то, чего доброго, барышня выдуть.

Мурзавецкій (выпивъ и закусивъ).

Фу! Кабачная водка, собачья закуска! (Власу.)
Пошелъ! (Власъ уходитъ.)

Павлинъ.

Какая есть, и за ту спасибо скажите, сударь!

Мурзавецкій.

Чтѣ ты важничашь? Точно какое одолженіе мнѣ сдѣлалъ. Я тебѣ приказалъ, ты мнѣ подалъ, вотъ и все. Смѣль бы ты не подать.

Павлинъ.

Хорошо-съ, такъ и будемъ знать.

Мурзавецкій.

Хамъ и важничаетъ, — это смѣшно даже. (Входитъ Мурзавецкая.)

Явленіе седьмое.

Мурзавецкій, Мурзавецкая, Павлинъ.

Мурзавецкая.

Чтѣ ты разсѣлся? Не видишь! (Поднимая костыль.)
Встань!

Мурзавецкій.

Ахъ, пардонъ, ма танты! Я такъ, чтѣ-то, не въ духѣ сегодня, не въ расположеніи.

Мурзавецкая.

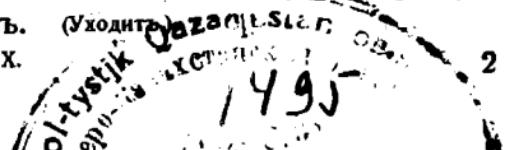
А очень мнѣ нужно! (Павлину.) Поди, затвори двери, и не принимать никого, пока я не прикажу.

Павлинъ (подавая кресло).

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Островскій. IX.

2

Мурзавецкая (указывая на стуль).

Вотъ теперь садись, когда приказываютъ.

Мурзавецкій.

О, ма тантъ, не беспокойтесь.

Мурзавецкая.

Да чтѣ не беспокоиться-то? Будешь вертѣться передо мной, какъ бѣсь; терпѣть не могу. (Стучитъ палкой.) Садись! (Мурзавецкій садится.) Долго ты меня будешь мучить да срамить?

Мурзавецкій (съ удивленіемъ).

Чтѣ такое? Я, ма тантъ, вашихъ словъ не понимаю.

Мурзавецкая.

А то, что ты шляешься по трактирамъ, водишься съ мужиками, — ссоры у васъ тамъ ... Мурзавецкому-то это прилично, а?

Мурзавецкій.

Вотъ превосходно, вотъ превосходно! Однако-жъ меня ловко оклеветали передъ вами.

Мурзавецкая.

Гдѣ ужъ клеветать; про тебя и правду-то мнѣ сказать, такъ людистыдятся. Да чего и ждать отъ тебя? Изъ полка выгнали ...

Мурзавецкій.

Позвольте, ма тантъ!

Мурзавецкая.

Молчи! Ужъ не болѣло-бѣ у меня сердце, кабы за молодечество за какое-нибудь: ну, растратъ ты деньги казенные, проиграй въ карты, — все-бѣ я тебя пожалѣла; а то выгнали свои-же товарищи за мелкія гадости, за то, что мундиръ ихъ 'мараешь.'

Мурзавецкій.

Но позвольте-же!

Мурзавецкая.

Куда какъ хорошо, пріятно для всей нашей фамиліи!

Мурзавецкій.

Но позвольте-же въ оправданіе ... два слова.

Мурзавецкая.

Ничего ты не скажешь, — нечего тебѣ сказать

Мурзавецкій.

Нѣтъ, ужь позвольте!

Мурзавецкая.

Ну, говори, сдѣлай такую милость!

Мурзавецкій.

Судьба, ма тантъ, судьба, а судьба — индѣйка.

Мурзавецкая.

Только

Мурзавецкій.

Судьба индѣйка, я вамъ говорю, вотъ и все.

Мурзавецкая (покачавъ головою).

Ахъ, Аполлонъ, Аполлонъ! Если жалѣть тебя и любить, какъ слѣдуетъ, такъ вѣдь съ ума сойдешь, глядя на тебя. Вотъ что ты мнѣ скажи: со-владать-то съ собой ты можешь, али нѣтъ, — ну, хоть нѣ на долго?

Мурзавецкій.

Я-то, я-то съ собой не совладаю? Вотъ это мило! Покорно васъ благодарю.

Мурзавецкая (не слушая его).

Вѣдь, если-бъ ты былъ хоть немножко поприлич-

нѣе, я бы тебѣ и службу достала, и невѣсту съ
хорошимъ приданымъ.

Мурзавецкій.

Ма тантъ, ручку! (Цалуетъ руку у Мурзавецкой.) Мерси!

Мурзавецкая.

Только ужь чтобъ ни-ни, чтобъ и духу этого
не было.

Мурзавецкій.

Чтѣ вы мнѣ говорите! Какъ будто я не пони-
маю, я очень хорошо понимаю. Дурачусь, а, коли
вамъ угодно, такъ хоть сейчасъ,—ни капли, абсолют-
манъ.

Мурзавецкая.

Не вѣрю.

Мурзавецкій.

Пароль донёръ, — честное слово благороднаго
человѣка.

Мурзавецкая.

Давно это слово-то я слышала.

Мурзавецкій (встаетъ).

Ну, хотите пари, пари, ма тантъ, какое вамъ
угодно?

Мурзавецкая.

Нѣть, ужь я лучше безъ пари, я вотъ не пущу
тебя никуда изъ дома, да выдержу хорошенъко.

Мурзавецкій (глядя въ окно).

Все, что вамъ угодно, ма тантъ.

Мурзавецкая.

Выѣзжать ты будешь только со мной и вотъ се-
годня-же.

Мурзавецкій

(въ окно, ударяя ладонью себя по груди).

Тамерланъ, соте, соте!

Мурзавецкая.

Полоумный! Чѣдѣ ты, опомнись! Съ грязными-то лапами въ окно!

Мурзавецкій.

Пардонъ! (Въ окно.) Кушъ, кушъ, анаема.

Мурзавецкая.

Опомнись, опомнись! Сядь, сю минуту сядь!

Мурзавецкій.

Ахъ, ма тантъ, вы не понимаете: собакѣ строгость нужна, а то бросить ее, удавить придется.

Мурзавецкая (стуча палкой).

Шелопай! Кому я говорю?

Мурзавецкій.

Сейчасъ, ма тантъ, къ вашимъ услугамъ. (Въ окно.) Кушъ, говорять тебѣ! Гдѣ арапникъ? (Громко.) Человѣкъ, подай арапники!

Мурзавецкая

(береть его за руку и сажаетъ).

Арапникъ-то нуженъ для тебя. Обѣ чѣмъ я тебѣ говорила, ты слышалъ, слышалъ?

Мурзавецкій.

Ахъ, ма тантъ, какъ меня этотъ песь разстроилъ

Мурзавецкая.

Ну, вотъ тебѣ мой приказъ: поди выспись, а вѣчеромъ къ невѣстѣ поѣдемъ! Одѣнься хорошенъко, къ Евлампіи Николавнѣ поѣдемъ!

Мурзавецкій.

Боже мой, какъ я влюбленъ-то въ нее! Ужъ это ... ужъ это ... тутъ, ма тантъ, словъ нѣтъ. Мерси, мерси! Вотъ за это мерси! (Цалуетъ у неї руку.)

Мурзавецкая.

Поди спать!

Мурзавецкий

(идетъ къ двери, потомъ возвращается).

Доне муа де ляржанъ!

Мурзавецкая.

Не считаю нужнымъ.

Мурзавецкий.

Такъ прикажите принести ...

Мурзавецкая.

Чего еще?

Мурзавецкий.

Енпё, маленький фланчикъ и закусить. Вообразите, вчера до ночи по болотамъ, страсть, ма тантъ, куска во рту не было.

Мурзавецкая.

А кто пари предлагалъ?

Мурзавецкий.

Ахъ, я оставлю, ужь сказалъ, такъ и оставлю. Только не вдругъ, сразу нельзя: знаете, бываютъ какіе случаи, ма тантъ? Трагические случаи бываютъ. Вотъ одинъ вдругъ оборвалъ и, какъ сидѣлъ, такъ ... безъ всякихъ прелюдій, просто даже безъ покаянія, ма тантъ.. Вотъ оно что!

Мурзавецкая.

Богъ не безъ милости, можетъ - быть, и не умрешь.

Мурзавецкий (громко вскрикиваетъ).

Ахъ! (Хватается за грудь.) Ай, ай, ай! Вотъ оно!

Мурзавецкая.

Что случилось?

Мурзавецкий (хватаясь за грудь).

Насквозь, ма тантъ отъ сердца да подъ лопатку.

Мурзавецкая.

Пройдетъ, ничего.

Мурзавецкій (вскрикиваетъ громче).

Ой!.. Охъ, охъ! Точно кинжаломъ.

Мурзавецкая.

Ну, ступай! Я прикажу, только ужь въ послѣдній разъ, слышишь?

Мурзавецкій.

Ужь не знаю, дойду-ли до комнаты. Долго-ль, въ самомъ дѣлѣ, умереть! Мнѣ жизнь копейка, да вѣдь безъ покаянія, ма тантъ ... (Уходитъ, Мурзавецкая звонитъ, входитъ Павлинъ.)

Явленіе восьмое.

Мурзавецкая, Павлинъ.

Мурзавецкая.

Смотрѣть за Аполлономъ Викторычемъ, чтобъ ни шагу изъ дома! Вели людямъ сидѣть въ передней безвыходно! Тебѣ я приказываю, съ тебя и спрошу.

Павлинъ.

Осмѣлюсь доложить, сударыня, они въ окно даже иногда ...

Мурзавецкая.

Убери все платье! Вели взять, будто почистить, да и не давай! Въ халатѣ не уйдетъ.

Павлинъ.

Осмѣлюсь доложить, сударыня, они и въ халатѣ, ежели къ вечеру ...

Мурзавецкая.

Гдѣ онъ деньги беретъ?

Павлинъ.

Заимствуются-сь.

Мурзавецкая.

У кого?

Павлинъ.

У разныхъ господъ-съ, которые знакомые, вотъ у г-на Лыняева и у прочихъ. Осмѣливаюсь доложить, сударыня, ни одного гостя не пропускають, чтобъ не попросить.

Мурзавецкая.

Нѣтъ, ужь терпѣнья моего не хватаетъ . . . Женю я его . . . Ужь суди меня Богъ, а я его женю.

Павлинъ.

Чего-бы лучше-сь!

Мурзавецкая.

Чтѣ это за народъ былъ у крыльца здѣсь?

Павлинъ.

За полученіемъ-сь; давно ждутъ, сударыня-сь.

Мурзавецкая.

Ну, пусть еще подождутъ.

Павлинъ.

Одолѣютъ, сударыня, беспокойство для васъ.

Мурзавецкая.

А что мнѣ беспокоиться-то? У меня нужды не бываетъ,—мнѣ на нужду посылается, сколько нужно. Чѣ ты смотришь? Да, сколько нужно, столько и пошлется: понадобится мнѣ тысяча, будетъ тысяча, понадобится пятьдесятъ тысячъ, будетъ и пятьдесятъ. А сказываль-ли ты имъ, что кому я должна, я тѣхъ помню, я за тѣхъ молюсь; а кому заплатила, тѣхъ изъ головы вонъ?

Павлинъ.

Сказывалъ, да понимать не хотять, — деньги требуютъ-сь. Необразованіе, а при всемъ томъ и зажоренѣость.

Мурзавецкая.

А вѣдь бывали примѣры, Павлинъ, что за мои молитвы-то счастье посыпается, барыши большіе ... Ну, чтѣ-жь, коли имъ деньги нужны, такъ заплатимъ.

Павлинъ.

Срокъ бы имъ какой назначить-сь.

Мурзавецкая.

Зачѣмъ срокъ? Чѣмъ мнѣ себя связывать! Отдамъ, вотъ и все тутъ. Я еще не знаю, сколько у меня денегъ, и есть-ли деньги,—да и копаться-то въ нихъ за грѣхъ считаю. Когда понадобятся, да не то, что когда понадобятся, а когда захочу отдать, такъ деньги найдутся, стѣтъ только пошарить кругомъ себя. И найдется ровно столько, сколько нужно. Вотъ какія со мной чудеса бываютъ. Да ты вѣришь, аль нѣтъ?

Павлинъ.

Какъ-же я смѣю не вѣрить-сь?

Мурзавецкая.

Такъ обѣ чемъ и разговаривать? Безпокоиться о долгахъ я не желаю. Куда торопиться-то? Почемъ мы знаемъ, можетъ-быть, такъ и нужно, чтобы они ждали, — можетъ-быть, имъ черезъ меня испытаніе посыпается?

Павлинъ.

Это дѣйствительно-сь.

Мурзавецкая.

Позови ко мнѣ Чугунова.

Павлинъ (у двери).

Вуколь Наумычъ, пожалуйте къ барышнѣ. (Мурза-
вецкой.) Идутъ-съ. (Уходитъ въ переднюю. Входитъ Чугуновъ.)

Явленіе девятое.

Мурзавецкая, Чугуновъ.

Чугуновъ.

Съ праздникомъ, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая.

Здравствуй, Вуколь Наумычъ! Садись!

Чугуновъ.

Ручку позвольте, благодѣтельница! (Цалуетъ руку и
садится.) Присылать изволили?

Мурзавецкая.

Посылала. Дѣло у меня важное, Вуколь, дѣло
большое, третью ночь я обѣ немъ думаю; да не
знаю, какъ расположиться-то на тебя, повѣрить-то
тебѣ боюсь.

Чугуновъ.

Да развѣ у меня совѣсть подымется противъ
благодѣтельницы ...

Мурзавецкая.

У тебя совѣсти нѣтъ.

Чугуновъ.

Нельзя совсѣмъ не быть, матушка, благодѣтель-
ница. Все ужъ сколько-нибудь да есть.

Мурзавецкая (стучитъ костылемъ).

У тебя совѣсти нѣтъ

Чугуновъ.

Ну, какъ вамъ угодно, какъ вамъ угодно, спо-

рить не смѣю. Я только одно скажу: вы у меня послѣ Бога ...

Мурзавецкая.

Лжешь.

Чугуновъ.

И не знаю я за собой грѣха противъ васъ.

Мурзавецкая.

Потому что боишься меня, знаешь, что я могу тебя и съ мѣста теплого турнуть и изъ городу выгнать,—проказъ-то не мало за тобой; и придется тебѣ въ волостные писаря проситься. Да вѣдь у меня не долго, я какъ разъ.

Чугуновъ

(встаетъ и целуетъ у ней руку).

Нѣтъ ужъ, благодѣтельница, не лишайте вашихъ милостей.

Мурзавецкая.

Садись! (Чугуновъ садится.) Дѣло вотъ какое: братъ мой, Викторъ Давыдовъчъ, отецъ Аполлона, имѣль дѣла съ Купавинымъ, съ мужемъ Евлампіемъ.

Чугуновъ.

Деньги занимали у Купавина, а больше никакихъ дѣлъ не имѣли-съ.

Мурзавецкая.

Да, занималъ, и Купавинъ ему даваль. А вотъ передъ смертью братецъ сталъ бумажный заводъ строить, и не хватило у него денегъ; Купавинъ обѣщалъ дать, да и не далъ.

Чугуновъ.

Такъ точно-съ.

Мурзавецкая.

А если-бъ Купавинъ не отказалъ?

Чугуновъ.

Тогда вашъ братецъ выстроили бы заводъ. Отчего-жъ на чужія деньги не выстроить?

Мурзавецкая.

Да, выстроилъ-бы, и, по его разсчету, за уплатой всѣхъ долговъ, нажилъ бы пятьдесятъ тысячи. Значитъ, виноватъ Купавинъ, что Аполлонъ нищій остался. Ну, надо правду сказать, Вуколь, братецъ покойникъ прихватнуть любиль, я всегда ему только въ половину вѣрила; такъ вотъ я теперь, можетъ, и себя обижаю, а считаю за Купавиной только 25 тысячи, а не пятьдесятъ.

Чугуновъ.

Считать можно-съ.

Мурзавецкая.

Да и говорю вездѣ, по всему городу славлю, что Купавины должны Аполлону, что они ограбили у меня племянника.

Чугуновъ.

И говорить можно-съ.

Мурзавецкая.

„Можно да можно!“ А чего нельзя-то по-твоему?

Чугуновъ.

Нельзя этихъ денегъ получить-съ. Никто не обязанъ взаймы деньги давать-съ, на это есть добрая воля. Хоть Купавинъ и не далъ взаймы вашему братцу, а все-таки по закону взыскать съ него за это ничего нельзя, потому что строить-то на свои...

Мурзавецкая.

Ахъ, ты ворона! Да развѣ я глупѣй тебя? Развѣ я не понимаю, что по законамъ, по тѣмъ, что у васъ въ книгахъ-то написаны, тутъ долга нѣть. Такъ

у васъ свои законы, а у меня свои; я вотъ знать ничего не хочу, кричу вездѣ, что ограбили племянника.

Чугуновъ.

Ваша воля, вамъ запретить никто не можетъ.

Мурзавецкая.

Такъ вѣдь не сдуру-же я. Какъ ты думаешь, а? Сдуру я, или у меня есть въ головѣ чтѣ-нибудь?

Чугуновъ.

Стало-быть, есть.

Мурзавецкая.

На совѣсть я на людскую надѣюсь, все еще въ совѣсти людской не извѣрилась ... Думаю: Евлампія женщина добрая, деликатная, не потерпить, чтобы про нее такой разговоръ былъ.

Чугуновъ.

Полагаете, заплатить?

Мурзавецкая.

Нѣтъ, не полагаю. Велики деньги, гдѣ-жь заплатить! А мы мировую сдѣлаемъ.

Чугуновъ.

Сколько-жь вы по мировой получить надѣетесь?

Мурзавецкая.

Ничего не хочу я получать; а женимъ Аполлона на ней, вотъ и квить. Изъ того только я и бьюсь, изъ того и сыръ-борь загорѣлся, и разговоръ объ долгѣ пошелъ.

Чугуновъ (съ испугомъ встаетъ).

Матушка, матушка!

Мурзавецкая.

Чего ты испугался?

Чугуновъ.

Вѣдь ужь тогда вы, благодѣтельница, все управлѣніе въ свои ручки возьмете?

Мурзавецкая.

Разумѣется, возьму.

Чугуновъ.

А я-то куда-же, благодѣтельница?

Мурзавецкая.

А куда хочешь. Вотъ, очень мнѣ нужно! Будеть съ тебя, нагрѣть руки-то.

Чугуновъ.

Нѣтъ, матушка - благодѣтельница, нѣтъ, развѣ малость самую. Мнѣ вотъ къ усадьбишкѣ пустошь прикупить хочется, рядомъ продаются, три тысячи просятъ.

Мурзавецкая.

Не жирно-ли, Вуколь?

Чугуновъ.

И ни зачѣмъ-бы я больше не погнался, на всю жизнь кусокъ хлѣба, и кляузы брошу.

Мурзавецкая.

Коли дѣло сдѣлается, я тебѣ тысячу рублей дамъ, а остальная самъ промышляй покуда, сколачивай какъ-нибудь, я тебѣ не судья. Только не больше, а двѣ тысячи хоть и у Купавиной своруешь, такъ не бойся, ее не разоришь.

Чугуновъ.

Только вы-то, благодѣтельница, не осудите, вы-то не осудите; а то никого мнѣ не страшно, ужь я себя не обижу.

Мурзавецкая.

Ну, обѣ тебѣ-то довольно толковать, ты меня-то послушай!

Чугуновъ.

Слушаю, благодѣтельница.

Мурзавецкая.

По моему, всякая баба дрянь: хоть ты ее золотомъ осыпь, все ей самой-то цѣна—грошъ. А Евлампія теперь съ деньгами-то, пожалуй, очень высоко думаетъ о себѣ: тотъ ей не пара, другой не женихъ.

Чугуновъ.

Насчетъ этого я въ ихъ мысли проникнуть не могу-съ.

Мурзавецкая.

Я, вѣдь, дѣвица старая, я мужчинъ разбирать не умѣю; можетъ-быть, Аполлонъ и въ самомъ дѣлѣ плохой женихъ; да, понимаешь ты, что я этого и знать не хочу; я своему родному добра желаю, а до нея мнѣ и горя мало ... Такъ вотъ, если она заупрямится, надо намъ съ тобой, Вуколь, придумать, чѣмъ пугнуть ее.

Чугуновъ.

Будемъ придумывать, благодѣтельница!

Мурзавецкая.

Ну, и думай! Какъ по твоему, кому ты долженъ служить: мнѣ, или ей?

Чугуновъ.

Никому, кромѣ васъ, благодѣтельница.

Мурзавецкая.

Вотъ и сослужи своей благодѣтельницѣ службу великую, избавь ее отъ заботы! Вѣдь измучилъ меня племянничекъ-то

Чугуновъ.

Ничего-съ, можно-съ не извольте беспокоиться.

Я имѣю полную довѣренность отъ Евлампіи Николавны, могу всѣ дѣла вести и миромъ кончать.

Мурзавецкая.

Ну, такъ чтѣ-же?

Чугуновъ.

Надо-бы какой-нибудь счетецъ старый найти, или въ книгахъ конторскихъ нѣтъ-ли какихъ раз-счетовъ, на чемъ вамъ претензію основать ... да я поищу-сь. Потомъ мы съ Аполлономъ Викторычемъ дѣло и кончимъ миромъ у мироваго. Я какой вамъ угодно долгъ признаю, хоть во сто тысячъ. Вы-дадутъ Аполлону Викторычу исполнительный листъ, вотъ ужъ тогда дѣло будетъ крѣпко, такимъ доку-ментомъ пугнуть можно-сь! Выходи замужъ, а то, моль, разорю.

Мурзавецкая.

Да, да, да ... вотъ, вотъ, мнѣ только того и нужно. Ну, да еще это дѣло впереди, можетъ-быть, и безъ того сладимъ. А заупрямится, такъ ужъ не взыщи ... Чѣмъ грѣха таить, я для своей родни криводушница.

Чугуновъ.

А кто-жь безъ грѣха-то? Кто похвалится, благо-дѣтельница?

Мурзавецкая.

У Евлампіи наличные деньги есть?

Чугуновъ.

Какъ не быть, есть.

Мурзавецкая.

Чѣмъ она, забыла, что-ли? Я ей не разъ напо-минала. Мужъ ея обѣщалъ дать мнѣ тысячу рублей на бѣдныхъ ... Да ужъ не помню, на словахъ онъ говорилъ, или письмо было отъ него. „Въ завѣщаніи,

говоритьъ, я этихъ денегъ не помѣщаю, все равно, когда умру, вамъ жена моя заплатить“. Кажется, было письмо. Ты смотрѣлъ въ моихъ бумагахъ?

Чугуновъ.

Разъ пять пересматривалъ, на домъ браль-съ.

Мурзавецкая.

Нѣтъ?

Чугуновъ.

Нѣтъ-съ.

Мурзавецкая.

Жаль. Не вѣрить мнѣ она^а не смѣеть, а все-таки, пожалуй, поморщится.

Чугуновъ.

Такъ что-же-съ, можно-съ ...

Мурзавецкая.

Что „можно“?

Чугуновъ.

Да письмо найти, коли оно нужно-съ.

Мурзавецкая.

Вѣдь ужъ ты искалъ?

Чугуновъ.

Искалъ, да не тамъ, гдѣ надобно; сдуру - то только время потерялъ даромъ. (Вынимаетъ изъ кармана письмо и подаетъ Мурзавецкой.) Вотъ извольте, матушка-благодѣтельница, нашлось.

Мурзавецкая

(прочитавъ про себя письмо).

Его рука, его. Что такое? Ужъ не колдовство-ли?

Чугуновъ.

Какъ можно, благодѣтельница ... грѣхъ этакій! Возьму-ли я на свою душу? ...

Мурзавецкая.

А не колдовство, такъ не много лучше, — это подлогъ; за это Сибирь. (Отдаетъ письмо Чугунову.)

Чугуновъ.

Чтò это вы какія слова говорите? Зачѣмъ, благо-дѣтельница, такія слова говорить? Ну, чтò за подлогъ? Умное дѣло,—вотъ какъ это называется. Такая воля была господина Купавина; а не все-ли равно, чтò на словахъ, чтò на письмѣ онъ ее выразилъ. А если безъ письма-то Евлампія Николавна не повѣритъ, да денегъ не дастъ, такъ не большели тогда грѣха-то будетъ? И воля покойнаго не будетъ исполнена, и бѣднымъ на поминъ его доброй души ничего не достанется.

Мурзавецкая.

А если я тебя обманула, если онъ не обѣщалъ мнѣ?

Чугуновъ (хочетъ разорвать письмо)

Такъ вѣдь вотъ ... долго-ли?

Мурзавецкая.

Чтò ты, чтò ты! Постой! Подай сюда. (Береть письмо.)

Чугуновъ.

Жаль, чтò мало, Меропа Давыдовна, — вотъ чтò надо сказать.

Мурзавецкая.

Чтò мало?

Чугуновъ.

Да денегъ-то. Ужь за одно-бы.

Мурзавецкая.

Да чтò ты, пропащій! Вѣдь только обѣщано.

Чугуновъ.

То-то я и говорю; жаль, что мало обѣщано, а ужь писать-то-бы все одно.

Мурзавецкая.

Разбойникъ ты на-чисто, Вуколь, какъ погляжу я на тебя. Вотъ я бѣднымъ помогаю, такъ для нихъ можно и душой покривить, грѣхъ небольшой; а ты, поди, и для своей корысти отъ такого баловства не прочь. (Прячетъ письмо въ карманъ и грозитъ Чугунову.) Эй, Вуколь, совѣсть - то, совѣсть-то не забывай, пуще всего! Вѣдь это дѣло уголовное.

Чугуновъ.

Уголовное, благодѣтельница, уголовное.

Мурзавецкая.

Самъ, чтѣли?

Чугуновъ.

Гдѣ ужь самому! Руки трясутся ... *Ілемянникъ.*

Мурзавецкая.

Горецкій?

Чугуновъ.

Онъ, благодѣтельница. Думали, ничего изъ парня не выдетъ, не учился нигдѣ и грамотѣ едва знаетъ отдали частному землемѣру въ помощники, такъ все одно, чтѣ бросили. И вдругъ какое дарованіе открылось! Чтѣ хотите дайте, точка въ точку сдѣлаетъ.

Мурзавецкая.

Введетъ онъ тебя въ бѣду съ этимъ дарованіемъ-то.

Чугуновъ.

Побаиваюсь, благодѣтельница ... А прогнать жаль, неровенъ часъ и понадобится; не себѣ, такъ

добрымъ людямъ услугить. (Взглянувъ въ окно.) Кто-то подъѣхалъ къ вамъ! Ужь вы меня отпустите! (Цалуетъ руку Мурзавецкой.)

Мурзавецкая.

Прощай, Вуколь, спасибо.

Чугуновъ.

Коли опять что понадобится, только, благодѣтельница, мигните, я всей душой. (Уходитъ. Входитъ Павлинъ.)

Павлинъ.

Господинъ Лыняевъ съ Анеусой Тихоновной подъѣхали.

Мурзавецкая.

Проси! (Павлинъ уходитъ. Входятъ: Лыняевъ и Анеуса.)

Явленіе десятое.

Мурзавецкая, Лыняевъ, Анеуса и Павлинъ (у двери).

Лыняевъ.

Ухъ! Здравствуйте!

Мурзавецкая

(подававшись съ Анеусой).

Здравствуй, телепень! Садитесь, гости будете. Гдѣ ты эту красавицу-то поддѣлъ?

Лыняевъ.

У гостинаго двора Евлампія Николавна навязала; она къ вамъ заѣдетъ за ней.

Мурзавецкая (Анеуса).

Тебѣ, сирота, чайку?

Анеуса.

Да, ужь-бы, чайку-бы ужь ...

Мурзавецкая (Павлину).

Подай чаю Анеусъ Тихоновнъ. (Павлинъ уходитъ. Лыняеву.) А кабы не порученіе, ты-бы и не заѣхалъ ко мнѣ, пожалуй?

Лыняевъ.

Не заѣхалъ-бы сегодня, дѣлъ вѣдь у насъ съ вами никакихъ нѣтъ.

Мурзавецкая.

Да не все по дѣлу; а такъ, навѣстить старуху, побесѣдоватъ?

Лыняевъ.

Вѣдь у насъ одна бесѣда: близкихъ судить. А мнѣ некогда сегодня критикой заниматься, домой нужно.

Мурзавецкая.

Ну, да какъ-же! Дѣловой человѣкъ, важныя занятія! А пріѣдешь домой, на диванъ ляжешь, я вѣдь знаю. Всѣ диваны пролежалъ, поминутно пружины поправляютъ.

Лыняевъ.

Положеніе-то горизонтальное больно заманчиво. (Павлинъ приноситъ на подносѣ чайникъ, чашку и сахарницу. Анеуса наливаетъ и питьѣ въ прикуску.)

Мурзавецкая (Анеусѣ).

Вотъ тебѣ и работа, и пей сиди! (Лыняеву.) На что это похоже, какъ ты разбухъ!

Лыняевъ.

Сердце у меня доброе, и совѣсть чиста, вотъ и толстѣю. Да теперь похудѣю скоро, забота есть.

Мурзавецкая.

Вотъ рѣдкость-то! Чѣдѣ за забота?

Лыняевъ.

Волка хочется поймать, травленаго. На слѣдѣ никакъ не попаду.

Мурзавецкая.

Ахъ ты, судья праведный! Ну, дай Богъ нашему теляти да волка поймати!

Лыняевъ.

Завелся въ нашемъ округѣ какой-то сутяга: чтõ ни съѣздъ, то двѣ-три кляузы, и самыя злостныя. Да и подлоги стали оказываться. Вотъ-бы поймать, да въ Окружный!

Мурзавецкая.

Ахъ, какой храбрый! А ты вотъ что скажи: отчего ты людямъ-то не кажешься, ни у кого не бываешь?

Лыняевъ.

Боюсь.

Мурзавецкая.

Чтõ ты, маленький, чтõ-ли?

Лыняевъ.

Кабы маленький, такъ-бы не боялся: маленькому-то не страшно.

Мурзавецкая.

Да чего, скажи на милость?

Лыняевъ.

Женять.

Мурзавецкая.

Вотъ страсть какая! Бобылемъ-то развѣ лучше жить?

Лыняевъ.

Кому не страшно, а я боюсь до смерти, и ужъ гдѣ есть дѣвицы, я въ тотъ домъ ни ногой.

Мурзавецкая.

Какъ-же ты ко мнѣ-то ѿзишь? Мы обѣ дѣвицы: и я, и Глафира.

Лыняевъ.

Вѣдь у васъ монастырь, смиреніе, тишина.

Мурзавецкая.

Ну, и намъ тоже пальца-то въ ротъ не клади!
Такъ вотъ отчего ты людей-то боишься!

Лыняевъ.

Да развѣ кругомъ нась люди живутъ?

Мурзавецкая.

Батюшки! да кто-же по твоему?

Лыняевъ.

Волки да овцы. Волки кушаютъ овецъ, а овцы
смиренно позволяютъ себя кушать.

Мурзавецкая.

И барышни тоже волки?

Лыняевъ.

Самые опасные. Смотрить лисичкой, всѣ движе-
нія такъ мягки, глазки томныя, а чуть зазѣвался не-
множко, такъ въ горло и влѣпится. (Встаетъ и беретъ
шляпу.)

Мурзавецкая.

Тебѣ все волки мерещатся, пуганая ворона куста
боится. А меня ты куда-жь? Да нѣть, ужь лучше.
въ волки запиши; я хоть и женщина, а овцой съ
тобой въ одномъ стадѣ быть не хочу.

Лыняевъ.

Честь имѣю кланяться! До свиданья, Анѣуса
Тихоновна. (Уходитъ.)

Мурзавецкая.

Ну, вотъ пріѣхалъ, а что умнаго сказалъ? Часто
онъ у васъ бываетъ?

Анѣуса.

Не то чтобъ, а такъ ужь ... по сосѣдству ...
извѣстно ужь ...

Мурзавецкая.

Любезничаетъ съ Евлампіей-то?

Анєуса.

Да ужь... Гдѣ ужь... куда ужь...

Мурзавецкая.

Чтò-жь онъ у васъ дѣлаеть?

Анєуса.

Да ужь все... (Махнувъ рукой, зѣваеть.) Вотъ тоже.

Мурзавецкая.

Онъ зѣваеть, а ты, пожалуй, и вовсе спиши.
Плохой ты сторожъ, надо тебѣ хорошаго помощника
дать.

Павлинъ (растворяя двери.)

Евлампія Николавна. (Входитъ Купавина).

Явленіе одиннадцатое.

Мурзавецкая, Анєуса, Купавина.

Мурзавецкая.

Здравствуйте, богатая барыня! Благодарю, что
удостоили своимъ посѣщеніемъ!

Купавина.

Я не рѣдко бываю у васъ, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая

(сажаетъ Купавину на свое мѣсто).

Сюда, сюда, на почетное мѣсто!

Купавина.

Благодарю васъ. (Садится.)

Мурзавецкая.

Какъ поживаете?

Купавина.

Скучаю, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая.

Замужъ хочется?

Купавина.

Куда мнѣ торопиться-то? Мнѣ ужъ надоѣло подъ чужой опекой жить, хочется попробовать пожить на своей волѣ.

Мурзавецкая.

Да, да, да! Вотъ чтѣ? Только вѣдь трудно убѣречься-то, коли женихи кавалеры постоянно кругомъ увишаются.

Купавина.

Какіе женихи? Какіе кавалеры? Я ни одного еще не видала.

Мурзавецкая.

Полно, матушка! Чтѣ ты мнѣ глаза-то отводишь? Я старый воробей, меня на мякинѣ не обманешь.

Купавина.

Такъ вы, значитъ, больше моего знаете.

Мурзавецкая.

А Лыняевъ-то, Лыняевъ-то при чёмъ у тебя?

Купавина.

Не угадали! Ошиблись, Меропа Давыдовна. Чтѣ мнѣ за неволя идти за Лыняева? Во-первыхъ, онъ ужъ очень не молодъ, а во-вторыхъ, совсѣмъ не такой мужчина, чтобы могъ нравиться.

Мурзавецкая.

Старъ, старъ для тебя. Хоть и выйдешь за него, а что проку-то! Ни вдова, ни замужняя. Ужъ чтѣ Лыняевъ за мужъ? Распѣтушье какое-то.

Аиѳуса.

А чтѣ-же... ужъ... какъ-же это, ужъ?..

Мурзавецкая.

Ну вотъ, объяснять еще тебѣ? Я вѣдь дѣвица, барышня. Вотъ свяжись съ бабами разговаривать, не согрѣша, согрѣшишь.

Купавина.

Нѣть, я хочу подождать.

Мурзавецкая.

А я говорю: выходи!

Купавина.

Вы совѣтуете?

Мурзавецкая.

Выходи, выходи!

Купавина.

За кого?

Мурзавецкая.

А за кого, обѣ этомъ подумаемъ, на то Богъ умъ даль.

Анёуса.

Да, да... ужь...

Мурзавецкая.

Что ты дакаешь-то? Даль Богъ умъ, да не всякому; тебя обидѣлъ, не даль, — не взыщи.

Анёуса (махнувъ рукой).

Ну, ну, ужь вы... сами; а я... чтѣ ужь!

Мурзавецкая.

Ты за старика Купавина-то шла, ужь не скажешь, что по любви, а за богатство за него, за деньги.

Купавина.

Да вѣдь вы ...

Мурзавецкая.

Да чтò; „вы“! Ужь ау, матушка! Продала себя.
А это нè хорошо, грѣхъ.

Купавина.

Да вѣдь вы сами сосватали, а я развѣ понимала тогда?

Мурзавецкая.

Да ты не ершишь, я тебѣ не вѣ укорѣ говорю, я обѣ душѣ твоей забочусь. Тебѣ теперь чтò нужно для очистки совѣсти? Полюбить нужно не богатаго, выдти за него замужъ, да и наградить богатствомъ-то своимъ любимаго человѣка, — вотъ ты съ грѣхомъ и расквитаешься.

Купавина.

Легко сказать: полюбить.

Мурзавецкая.

Вѣ твои года долго-ли полюбить, только не будь разборчива. Ты молода, такъ ищи молодого; тебѣ хочется на своей волѣ жить, самой большой быть, такъ найди бѣднаго, онъ по твоей дудочкѣ будетъ плясать; у тебя ума-то тоже не очень чтобъ черезъ край, такъ выбирай попроще, чтобъ онъ надѣ тобой не возносился. Такъ, чтò-ли, я говорю?

Купавина.

Я съ вами согласна, да гдѣ-жь найдешь такого?

Мурзавецкая.

Найдемъ, свѣтъ-то клиномъ сошелся. Я найду, я найду. Только ужь ты, коли добра себѣ желаешь, сама не мудри, а на меня расположись. Ты меня слушай, благо мнѣ забота обѣ тебѣ припала. Не обо всякой вѣдь я тоже хлопотать-то буду, а кого полюблю.

Купавина.

Благодарю васъ.

Мурзавецкая.

Охъ, милыя вы мои, пользуйтесь моей добротой, пока я жива; умри я, такъ вотъ что надо сказать, матери родной лишитесь.

Анёуса (утирая слезы).

Ужъ что ужъ... ужъ...

Мурзавецкая (Анёусъ).

Полно ты плакать-то, погоди, я еще жить хочу. (Купавиной.) А вотъ что, красавица ты моя, о себѣ-то ты помнишь, а мужа-то поминаешь-ли, какъ слѣ-дуетъ?

Купавина.

Поминаю.

Мурзавецкая.

То-то, поминаешь! А надо, чтобы и другіе по-минали; бѣдныхъ-то не забывай, ихъ-то молитвы до-ходчивѣе.

Купавина.

Да я помню... вы говорили мнѣ... я привезла.

Мурзавецкая.

Чтѣ это ты, словно сквозь зубы, цѣдишь? Этакъ мнѣ, пожалуй, и не надобно. Развѣ такъ добро-то дѣлаютъ? Не свои я тебѣ слова-то говорила.

Купавина.

Да я вамъ вѣрю.

Мурзавецкая.

Видно, плохо вѣришь. Аль думаешь, что я у тебя выханжить хочу? Такъ на вотъ, посмотри! (Вынимаетъ изъ кармана письмо.)

Купавина.

Да не нужно, увѣряю васъ.

Мурзавецкая.

Нѣтъ, матушка, чужая душа потемки. (Подаетъ письмо.) Чѣмъ боишся-то, возьми. (Купавина беретъ письмо.) Кто это писалъ?

Купавина.

Мужъ мой.

Мурзавецкая.

А чѣмъ писано?

Купавина.

То самое, о чѣмъ вы говорили!

Мурзавецкая.

Ну, такъ вотъ ты и вѣрь мнѣ!

Купавина.

Да я никогда и не сомнѣвалась. (Открываетъ сумку, кладетъ туда письмо и вынимаетъ деньги.) Вотъ извольте!

Мурзавецкая.

Чѣмъ это ты мнѣ даешь?

Купавина.

Деньги.

Мурзавецкая.

Да я и братьсяя-то за нихъ не люблю; какъ-то гадко мнѣ въ рукахъ-то держать эту мерзость.

Купавина.

Сочтите по крайней мѣрѣ.

Мурзавецкая.

Вотъ нужно очень! Не мнѣ эти деньги, нечего мнѣ объ нихъ и руки марать! Коли не хватитъ, такъ не меня ты обманула, а сиротъ: лишнія найдутся,

такъ лишній человѣкъ за твоего мужа помолится.
Ты еще, пожалуй, расписку попросишь, — такъ не
дамъ, матушка; не бойся, другихъ не потребую.

Купавина.

Куда-жъ мнѣ ихъ дѣть?

Мурзавецкая.

А положи на столикъ въ книгу.

Купавина

(положивъ въ книгу деньги).

Тетя, не пора-ли намъ?

Аиѳуса.

Да я... чтѣ-жь я... я вотъ.

Купавина (Мурзавецкой).

У вашего племянника есть какая-то претензія на
моего мужа, я слышала?

Мурзавецкая.

А ты беспокоишься? Напрасно. Тебѣ какое дѣло,
что твой мужъ его ограбилъ? Ницій, такъ ницій,
ну, и проси милостыню, да съ горя по кабакамъ
шляйся! Вотъ какъ живи, такъ богата будешь. Аль
ты не такая? Ну, хорошо, я сама къ тебѣ заѣду
потолкуемъ объ этомъ, скоро, скоро заѣду.

Купавина.

Такъ до свиданія, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая.

Прошайте, дорогія гости! (Смотрѣть на Купавину.)
Добрая у тебя душа, Евлампіеушка! Дай тебѣ Богъ
счастья (шепотомъ) мужа хорошаго! Вѣдь я вотъ какъ
тебя люблю, словно ты мнѣ дочь. (Аиѳусъ.) Ишь ты
кутаешься, точно въ Кіевъ.

Купавина (въ дверахъ).

Прошайте!

Мурзавецкая (въ дверяхъ).

Велите кучеру поосторожнѣй ѿхать!

Анѳуса.

Ужъ мы ужъ... я ужъ... (Купавина и Анѳуса уходятъ.
Мурзавецкая вынимаетъ деньги изъ книги и считаетъ; часть кладетъ
въ книгу, а остальная себѣ въ карманъ. Садится въ кресло и звонить
Входя: Павлинъ и Глафира.)

Явленіе двѣнадцатое.

Мурзавецкая, Глафира, Павлинъ.

Павлинъ.

Чтѣ прикажете, сударыня? (Глафира стоитъ подлѣ Мур-
завецкой, опустивъ глаза въ землю.)

Мурзавецкая (Павлину).

Слушай хорошенъко! Я передумала, надо распла-
титься со всѣми. Люди не ангелы, чтѣ ихъ иску-
шать-то. Посмотри въ книгѣ, нѣть-ли денегъ.

Павлинъ (раскрывъ книгу).

Есть, сударыня.

Мурзавецкая.

Возьми! (Павлинъ беретъ деньги.) Много-ли мы дол-
жны?

Павлинъ.

Безъ малаго пятьсотъ рублей-съ.

Мурзавецкая.

А у тебя сколько?

Павлинъ (сосчитавъ).

Такъ точно-съ.

Мурзавецкая.

Раздай всѣмъ. Ступай.

Павлинъ.

Слушаю-съ. Въ газетахъ надо этакія-то оказіи печатать. (Уходитъ.)

Мурзавецкая.

Глафира, я хочу дать тебѣ послушаніе.

Глафира.

Приказывайте, матушка.

Мурзавецкая.

Я тебя свезу сегодня къ Купавиной; подружись съ ней, да въ душу-то къ ней влѣзь; она женщина не хитрая; а тебя учить нечего.

Глафира.

Слушаю, матушка.

Мурзавецкая.

Да коли увидишь, что Мишка Лыняевъ обходитъ ее, такъ не давай имъ любезничать-то, а постарайся разбить, очерни его передъ ней,—а Аполлона хвали!

Глафира.

О, съ удовольствіемъ, матушка, съ удовольствіемъ.

Мурзавецкая.

Да и сама-то на Лыняева глазъ не закидывай! У меня для него готова невѣста.

Глафира.

Мои мечты другія, матушка; моя мечта: келья.

Мурзавецкая.

Этотъ кусъ не по тебѣ.

Глафира.

Я о земномъ не думаю.

Мурзавецкая

(поднявъ глаза къ небу).

Ахъ, окаянная я, окаянная! (Глафира.) Глафира, я окаянная. Чѣдь ты на меня смотришь? Да, вотъ, я окаянная, а ты какъ думала? Кажется, и не замолить мнѣ, чѣдь нынче нагрѣшила. Бабу малоразумную обманула,—все равно, чѣдь малаго ребенка. И обѣдать не буду, буду поклоны класть. И ты не обѣдай, постись со мной! Сейчасъ, сейчасъ въ образную! И ты, и ты . . . (Встаетъ. Глафира беретъ ее подъ правую руку.) Веди меня! (Идетъ, какъ-бы совсѣмъ обезсилѣвъ.) Согрѣшила я, окаянная, согрѣшила.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Изящно меблированная комната въ усадьбѣ Купавиной.
Дамскій письменный столъ со всѣмъ приборомъ, въ глубинѣ
растворенная дверь въ залу; двѣ двери по сторонамъ.

Явленіе первое.

Купавина (выходитъ изъ боковой двери съ правой стороны), потомъ
Чугуновъ.

Купавина (садясь у стола).

Кто тамъ въ залѣ?

Чугуновъ (изъ залы).

Мы, Евлампія Николавна, мы съ Анюсой Тихоновной, въ дурачки играемъ, старикивское наше дѣло.

Купавина.

Подите сюда, Вуколь Наумычъ! (Чугуновъ входитъ.)
Садитесь!

Чугуновъ.

Благодарю покорно. Сяду, сяду-съ. (Садится.)

Купавина.

Какія дѣла были у моего мужа съ племянникомъ Мурзавецкой?

Чугуновъ.

Съ отцомъ его были разсчеты какіе-то.

Купавина.

Меропа Давыдовна вездѣ кричитъ, что мы ея племянника ограбили.

Чугуновъ.

Строгая онѣ дама-съ, Меропа Давыдовна-съ.

Купавина.

Что же имъ нужно отъ меня?

Чугуновъ.

Да вамъ зачѣмъ безлокоиться, головку утруждать? Я-то при чемъ у васъ? Даромъ, чтѣль, я жалованье-то получаю?

Купавина.

Для меня этотъ разговоръ очень непріятенъ. Кончите съ ними какъ-нибудь поскорѣе!

Чугуновъ.

Миромъ прикажете?

Купавина.

Я вѣдь не понимаю; а, конечно, миромъ лучше всего.

Чугуновъ.

Слушаю-съ. А какъ на счетъ денегъ, если понадобятся?

Купавина.

У меня денегъ наличныхъ немного.

Чугуновъ.

Вотъ это жалко-съ. Такая вы знаменитая у насъ барыня, и какъ вы себя стѣсняете въ деньгахъ, даже удивительно.

Купавина.

Да гдѣ-жъ я ихъ возьму?

Чугуновъ.

Помилуйте! Да прикажите мнѣ, сколько вамъ угодно, столько у васъ и будетъ.

Купавина.

Такъ найдите мнѣ денегъ, Вуколь Наумычъ!

Чугуновъ.

Да я и искать не стану, только одно ваше имячко золотое нужно. Имячко вамъ подписать, только и труда, вотъ и деньги.

Купавина.

Чтѣ подписать? Я васъ не понимаю.

Чугуновъ.

А вотъ я вамъ сейчасъ на дѣлѣ объясню-сь. Извольте перышко взять. Вотъ и бумажка кстати нашлась. (Вынимаетъ изъ кармана вексельную бумагу.)

Купавина.

Какая странная бумага!

Чугуновъ.

Да-сь, чудныхъ такихъ понадѣлали. Извольте писать тутъ внизу: „Вдова полковника, Евлампія Николаевна Купавина“. (Купавина пишетъ.) Только всего-съ вотъ и деньги. (Засыпаетъ пескомъ.) Случится кому платить, тогда напишемъ вотъ тутъ на бумажкѣ пятьсотъ рублей, или тысячу и готово.

Купавина.

Понимаю теперь. (Чугуновъ нѣсколько разъ робко бегется за вексель; но, при взглядѣ Купавиной, отдергиваетъ руку.) Чтѣ вы дѣлаете?

Чугуновъ.

Да не затерялся бы какъ.

Купавина.

Такъ уберите.

Чугуновъ.

Куда прикажете?

Купавина.

Да куда хотите. Возьмите къ себѣ въ портфель!

Чугуновъ.

Какъ вы изволили сказать-съ? Мнѣ къ себѣ взять?

Купавина.

Ну, да. Чѣмъ же вы сомнѣваетесь?

Чугуновъ.

Я-то не сомнѣваюсь, да какъ-же вы-то-съ? А коли ваше такое расположеніе, такъ покорнѣйше васъ благодарю. (Беретъ вексель.)

Купавина.

За что вы меня благодарите?

Чугуновъ.

Да какъ-же, такая награда-съ.

Купавина.

Какая награда?

Чугуновъ.

А довѣріе чего стойти-съ? Кто-жъ это сдѣлаетъ у насъ въ губерніи? Да ни одинъ человѣкъ. Чугунову въ руки бланкъ! Конечно, всѣ мы люди, Евлампія Николавна, всѣ человѣки, бѣдность, семья... а ужъ и ославили: „Вуколка плутъ, Вуколкъ гроша погѣрить нельзя“. А вы вотъ чѣмъ! На-ко!

Купавина.

Хорошо, хорошо! Только, пожалуйста, разочти-тесь поскорѣй съ Мурзавецкими.

Чугуновъ.

Чтò Мурзавецкие! Мизинца вашего не стоять. А то плуть! Ну, плуть; а вèдь тоже чувство. (Ударяетъ себя въ грудь.) Вотъ они слезы-то. Онъ даромъ не польются. (Цалуетъ руку у Купавиной.) Ну, какъ я теперь противъ васъ какую-нибудь такую... большую подлость сдѣлаю? Это мнѣ будетъ очень трудно и очень даже совѣстно!

Купавина.

Постойте-ко! Кажется, кто-то есть въ залѣ.

Чугуновъ.

Гости, должно быть-съ. Я въ конторѣ буду-съ.
(Уходитъ налево.)

Купавина

(подойдя къ двери въ залу).

Тётя, съ кемъ вы тамъ разговариваете? (Входитъ Лыняевъ.)

Явленіе второе.

Купавина, Лыняевъ.

Купавина.

А, это вы, Михайло Борисычъ!

Лыняевъ.

Здравствуйте! Давно вы изъ городу?

Купавина.

Только прїехали.

Лыняевъ.

А я васъ на почтѣ проходилъ. Чтò-бы вамъ по-трудиться заглянуть туда! А то заставляете двѣ версты крюку дѣлать, заѣзжать къ вамъ.

Купавина.

Извините! Я не ждала ни отъ кого писемъ.

Лыняевъ.

А не мѣшало бы полюбопытствовать.

Купавина.

Развѣ есть?

Лыняевъ.

Отъ друга, отъ Василія Иваныча Беркутова, два письма: одно ко мнѣ, другое къ вамъ. (Отдаетъ Купавиной письмо.)

Купавина

(положивъ письмо на столъ).

Вы ужъ, вѣроятно, свое прочитали? Чтѣ-же онъ пишетъ?

Лыняевъ.

Да вы свое-то не откладывайте, прочтите, не церемоньтесь!

Купавина.

Успѣю, успѣю. Къ чemu торопиться, Михайло Борисычъ!

Лыняевъ.

Прочтайте, прочтайте! Пріятную новость узнаете.

Купавина.

Будто?

Лыняевъ.

Онъ сегодня или завтра прѣдѣтъ въ усадьбу. Вотъ радость-то!

Купавина.

Для кого?

Лыняевъ.

Для меня, да для всѣхъ, я думаю. Развѣ вы-
то?..

Купавина.

Да ужъ не такъ, какъ вы. Вы меня простите, Михайло Борисычъ, если я не побѣгу встрѣтить его за пять верстъ.

Лыняевъ.

Бѣдный другъ мой! Чуешь-ли его сердце, какое равнодушіе ожидаетъ его здѣсь?

Купавина.

Чтѣ-жь дѣлать-то, гдѣ-жь мнѣ взять много-то радости? Сколько есть.

Лыняевъ.

Зачѣмъ вы въ городъ ѿѣдили?

Купавина.

Тысячу рублей денегъ свезла.

Лыняевъ.

Кому?

Купавина.

Меропѣ Давыдовнѣ.

Лыняевъ.

Да полноте! Зачѣмъ, съ какой стати?

Купавина.

На бѣдныхъ, по приказанію покойнаго мужа.

Лыняевъ.

Да никакого приказанія не было, никогда онъ и не думалъ приказывать. Онъ терпѣть не могъ Мурзавецкую и называлъ ее ханжей. Какъ васъ обманываютъ-то, ай, ай!

Купавина.

Вотъ вы всегда такъ несправедливы къ Меропѣ Давыдовнѣ. Когда вы перестанете обижать ее, эту почтенную женщину? Вотъ посмотрите! (Подаетъ ему письмо, которое взяла у Мурзавецкой.)

Лыняевъ (разматривая письмо).

Ну, что хотите со мной дѣлайте, а это подлогъ.

Купавина.

Чтò вы, чтò вы, Михайло Борисычъ! Возможное-ли это дѣло?

Лыняевъ (съ жаромъ).

Кто у нея эти штуки работаетъ?

Купавина.

Да перестаньте! Мнѣ дико слушать.

Лыняевъ.

Позвольте мнѣ взять это письмо не на долго.

Купавина.

Возьмите, только, пожалуйста, не дѣлайте скандала и не ссорьте меня съ Меропой Давыдовной; у меня съ ней есть серьезное дѣло.

Лыняевъ.

Никакого дѣла, увѣряю васъ. Я всѣ ваши дѣла знаю.

Купавина.

Не у меня, а у моего мужа были какіе-то счеты съ Мурзавецкимъ, съ братомъ ея.

Лыняевъ (съ жаромъ).

Да никакихъ счетовъ и не бывало; это опять какая-нибудь подьяческая кляуза.

Купавина.

Да успокойтесь, это дѣло до васъ не касается. Я поручила Вуколу Наумычу покончить это дѣло миромъ; я ужъ и подписала.

Лыняевъ.

Ахъ, Боже мой! Не подписывайте вы ничего, не посовѣтовавшись со мной! Чтò вы подписали?

Купавина.

Не бойтесь! Чтò я подписала, тамъ ничего не было.

Лыняевъ.

Да почемъ вы знаете, что ничего не было?

Купавина.

Вотъ мило! У меня глаза есть.

Лыняевъ.

Да что вы съ вашими глазами разберете? Тутъ надо быть юристомъ.

Купавина.

Ахъ, это смѣшно наконецъ. Зачѣмъ юристомъ, когда ничего нѣтъ.

Лыняевъ.

Какъ „ничего“?

Купавина.

Такъ, ничего, чистая бумага.

Лыняевъ.

Часть отъ часу не легче! Да вы подписали бланкъ.

Купавина.

Какой бланкъ?

Лыняевъ.

Вексель. Тамъ, гдѣ ничего-то нѣтъ, могутъ написать, что угодно, и взыскать съ васъ пятьдесятъ, сто тысячъ.

Купавина.

Какія страсти! Какъ вы дурно думаете о людяхъ! Да Чугуновъ со слезами благодарилъ меня за довѣрие. Онъ плакалъ, говорю я вамъ.

Лыняевъ.

И крокодилы плачутъ, а все-таки по цѣлому теленку глотаютъ.

Купавина.

Такъ съ меня непремѣнно взыщутъ сто тысячъ?

Лыняевъ.

Хоть не сто тысячъ, а чтѣ-нибудь взыщутъ не-
премѣнно.

Купавина.

Да почемъ вы знаете?

Лыняевъ.

На это я вамъ отвѣчу русской сказкой: „Влѣзъ цыганъ на дерево и рубить сукъ, на которомъ сидить. Идетъ мимо русскій и говоритъ: Цыганъ, ты упадешь! А почемъ ты знаешь, спрашиваетъ цыганъ, развѣ ты пророкъ?”

Купавина.

Это глупо, глупо, Михайло Борисычъ. Кто ста-
нетъ рубить тотъ сучекъ, на которомъ сидить?

Лыняевъ.

Нѣть, очень умно. Я на каждомъ шагу вижу людей, которые точно то-же дѣлаютъ, чтѣ этотъ цы-
ганъ. И ужъ сколько разъ мнѣ приходилось быть такимъ пророкомъ.

Купавина.

Я понимаю, куда клонится этотъ разговоръ: —
вамъ хочется попасть на свою любимую тему, — что
женщины ничего не знаютъ, ничего не умѣютъ, что
онѣ безъ опеки жить не могутъ. Ну, такъ я вамъ
докажу, что я сумѣю вести свои дѣла и безъ по-
сторонней помощи.

Лыняевъ.

Дай вамъ Богъ! А еще лучше, если-бъ вы раская-
лись въ своемъ заблужденіи какъ можно скорѣе,
пока еще не успѣли погубить своего состоянія.

Купавина.

Оставайтесь обѣдать!

Лыняевъ.

Пожалуй, я только отдохну немного въ бесѣдкѣ.
Позволите?

Купавина.

Ступайте, еще обѣдъ не скоро.

Анёуса (изъ залы).

Гости... ужь тутъ... они.

Купавина.

Кто, Мурзавецкая?

Анёуса (изъ залы).

Да, ужь ...

Лыняевъ.

Нѣть, извините! По два раза въ день ее видѣть
для меня слишкомъ много. Я пойду въ садъ, она
меня и не замѣтить. Можно тутъ пройти? (Указываетъ
въ дверь налѣво.)

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе! До свиданья! (Идетъ въ залу.
Лыняевъ уходитъ въ дверь налѣво. Изъ залы входятъ: Купавина,
Мурзавецкая, Мурзавецкій, Глафира и Анёуса.)

Явленіе третье.

Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкій, Глафира, Анёуса.

Мурзавецкая.

Ну, вотъ я къ тебѣ со всѣмъ дворомъ опричь
хоромъ.

Купавина.

Милости просимъ!

Мурзавецкая.

Да ужь рада-ль ты, не рада-ли, дѣлать нечего,
принимать надо. Вотъ (указывая на племянника) присталъ.

Мурзавецкій.

Ахъ, ма тантъ, лесе!

Мурзавецкая.

Замолчи, пожалуйста! Развѣ я чтѣ дурное говорю! Ты всегда къ ней можешь прѣѣхать, и принять тебя она должна съ честью; ты не баклушки бить, не лясы точить; ты за своимъ дѣломъ кровнымъ. Вотъ пустъ-ко она послушаетъ.

Купавина.

Я съ удовольствіемъ.

Мурзавецкая.

Ну ужъ, какое удовольствіе! Это дѣло, матушка, къ Богу вопіеть; вотъ что я тебѣ скажу.

Купавина.

Такъ объясните мнѣ, въ чемъ оно.

Мурзавецкая.

Не мое, такъ мнѣ и объяснять нечего. Онъ обиженъ, онъ тебѣ и разскажетъ. Поговорите, такъ, Богъ дастъ, и сладите. Коли умна, такъ догадаешься, не дашь себя разорить; а заупрямишься, такъ не взыщи, своя рубашка къ тѣлу ближе.

Купавина.

Чѣмъ подчивать прикажете?

Мурзавецкая.

Чтѣ за подчиванье! Я вѣдь отъ тебя къ празднику въ гости єду. У варь тутъ храмовой праздникъ не-подалеку; а ты, чай, и не знаешь?

Купавина.

Какъ не знать! На моемъ лугу гулянья бываетъ. А отъ чаю все-таки не откажетесь?

Мурзавецкая.

Да пожалуй.

Купавина.

Тётя!

Анёуса.

Ужь я ... ужь давно ... ужь, гляди, готовъ ...

Мурзавецкая.

А вотъ эту дѣвицу, извини, я къ тебѣ погостить привезла.

Купавина.

Очень вамъ благодарна.

Мурзавецкая.

Думала, скучно одной-то, съ Анёусой-то немного разговоришься, вотъ, моль, ей птицу - перепелицу, все-таки зубки почесать есть съ кѣмъ.

Купавина.

Извините меня! Я на одну минуту, я только покажу Глафири Алексѣевнѣ ея комнату. (Глафири.) Пойдемте. (Купавина и Глафира уходятъ въ дверь направо.)

Явленіе четвертое.

Мурзавецкая, Мурзавецкій, Анфуса, потомъ Купавина.

Мурзавецкая.

Хороша усадьба-то?

Мурзавецкій.

Маньификъ.

Мурзавецкая.

Покоряй вдовье сердце, твоя будетъ. Только не ударь себя въ грязь лицомъ!

Мурзавецкій.

Чтѣ вы, ма тантѣ? Я-то?

Мурзавецкая.

Да, ты-то. Разговариваешь ты смѣло; а вѣрится тебѣ что-то плохо.

Мурзавецкій.

Десять словъ.

Мурзавецкая.

Чтѣ: „десять словъ“?

Мурзавецкій.

Я больше съ женщинами никогда не говорю. Десять словъ, и довольно, готово, воть по сихъ поръ. (Показываетъ на уши.)

Мурзавецкая.

Ну, хоть и не десять, только бы ...

Мурзавецкій.

Нѣть, больше десяти, ма тантъ, нельзя, опасно, чортъ возьми!

Мурзавецкая.

Ужь опасно?

Мурзавецкій.

Пароль донеръ. Въ рѣки бросаются, чтѣ за пріятность!

Мурзавецкая.

А воть посмотримъ. (Входитъ Купавина.)

Купавина.

Тетя, разлейте чай!

Анѣуса.

Я воть ... я ... (Хочетъ идти.)

Мурзавецкая.

Пойдемъ, и я съ тобой, терпѣть не могу изъ лакейскихъ рукъ; то-ли дѣло усѣсться подлѣ самоварчика. (Уходитъ съ Анѣусой въ дверь нальво.)

Явленіе пятое.

Мурзавецкій, Купавина.

Купавина.

А вы чаю не хотите?

Мурзавецкій.

Муа? Чую? Ни за какие пряники! Жаме де ма ви! Бабье занятіе.

Купавина.

Ну, какъ угодно. Вы желали со мной о вашемъ дѣлѣ поговорить?

Мурзавецкій.

Жалалъ-съ, страстно желалъ.

Купавина.

Такъ обратитесь къ Вуколу Наумычу, я ему поручила это дѣло.

Мурзавецкій.

Чтò такое Вуколъ Наумычъ? Компрене ву, подъячій; а вы, а вы! Это ... нѣть, какъ хотите, это разница.

Купавина.

Но я съ вами говорить не могу, я ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ.

Мурзавецкій.

Да чтò дѣло! Чтò такое дѣло? Счеты—разсчеты-клюшки—коклюшки! Чтò значитъ это дѣло въ сравненіи съ вѣчностію и, чуть было не сказалъ, съ соленымъ огурцомъ! Пардонь! Я сказалъ глупость. Подлѣйшая привычка говорить остроты! Но это въ сторону.

Купавина.

Чтò же вамъ угодно, я васъ не понимаю?

Мурзавецкій.

Души низкія ищутъ денегъ, души возвышенныя ищутъ блаженства, какъ сказалъ одинъ полковой писарь.

Купавина.

Но какого-же блаженства вы ищете?

Мурзавецкій.

Я? О! Словъ нѣть! Чтобы описать это блаженство, такихъ словъ нѣть.

Купавина.

Такъ, значитъ, я и не узнаю? Жаль.

Мурзавецкій.

Небесныя очи, томныя улыбки, тамъ разныя фили-мigli, нѣжности — бѣлоснѣжности и прочее, и прочее,—все это вздоръ! Позвольте-сь съ вами говорить откровенно!

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе!

Мурзавецкій.

Вы не увидите меня на колѣняхъ предъ собой. Нѣть, ужь это атанде. Я гордъ.

Купавина.

Ахъ, очень рада.

Мурзавецкій.

Но полюбить меня должны.

Купавина.

Скажите, пожалуйста, я не знала.

Мурзавецкій.

Впрочемъ, это какъ вамъ угодно.

Купавина.

Да, я думаю.

Мурзавецкій.

Я гордъ, повторяю вамъ.

Купавина.

Я слышала.

Мурзавецкій.

Да... Но знаете, какое обстоятельство, чортъ взыми! По нѣкоторымъ причинамъ... я-бы вамъ сказалъ ихъ, да вы не поймете,---я не служу-сь, довольно! Старался, не оцѣнили, ну, и довольно. Родового не имѣю, благопріобрѣтенного не пріобрѣлъ...

Купавина.

Если мужъ мой дѣйствительно былъ вамъ долженъ, вы получите ...

Мурзавецкій.

Ахъ, оставьте, лесе! Вы мнѣ надоѣли. Миль пардонъ, мадамъ! Я совсѣмъ о другомъ. Изволите видѣть, я чистъ ... Ма тантъ—старая дѣвка, она не понимаетъ и не можетъ понимать потребностей молодого, холостого офицера, и скуча, какъ ...

Купавина.

Я вамъ говорю, что вы получите.

Мурзавецкій.

Вы опять за свое? Это скучно!.. Я иногда долженъ отказывать себѣ въ самыхъ необходимыхъ удовольствіяхъ. Ну, положимъ, табакъ ... Мнѣ даже стыдно признаться. Имажине-ву, дворянинъ и безъ табаку!

Купавина.

Чтѣ-же вамъ угодно?

Мурзавецкій.

Апрезанъ келькъ шозъ.

Купавина.

Сколько-же вамъ?

Мурзавецкій.

Конечно, взаймы...

Купавина.

Ну да, разумѣется, но сколько?

Мурзавецкій.

А это какъ вамъ угодно. Енпе, весьма не много..
Однако, все-жъ таки, не двугривенный.

Купавина

(вынимаетъ изъ портмone ассигнацію).

Пять рублей довольно?

Мурзавецкій.

Сетасе. Мерси, гранъ мерси! Черезъ два дня,
пароль донеръ!

Купавина.

Ужь извините! Я пойду къ дамамъ! (уходитъ.)

Мурзавецкій.

Нѣтъ, ромъ ... ну его! Вреденъ мнѣ; съ моимъ
характеромъ нельзя. Попробую-ко ужо (шлкаетъ себя
пальцемъ по галстуху) крамбамбулевой заняться. Какъ-бы
только вырваться у ма тантъ! (Прячетъ деньги въ карманъ.
Входить Мурзавецкая.)

Явленіе шестое.

Мурзавецкій и Мурзавецкая.

Мурзавецкая.

Ты что это прячешь?

Мурзавецкій.

Такъ, на память выпросилъ бездѣлушку, сувенир-

чикъ маленький. Ма тантъ, знаете, что мнѣ нужно? Мнѣ нужна свобода.

Мурзавецкая.

Неправда.

Мурзавецкій.

Нужна, ма тантъ, нужна. Вотъ, напримѣръ, сегодня вечеромъ, если вы меня не отпустите ...

Мурзавецкая.

Куда это? На гулянье, съ пьяными мужиками путьтаться?

Мурзавецкій.

Кель иде! Чего я тамъ не видаль?

Мурзавецкая.

Такъ куда-жъ?

Мурзавецкій (потирая лобъ).

Послѣ, ма тантъ, послѣ узнаете.

Мурзавецкая.

Нѣть, говори сейчасъ!

Мурзавецкій (тайно).
Сюда.

Мурзавецкая.

Зачѣмъ?

Мурзавецкій.

За рѣшительнымъ отвѣтомъ.

Мурзавецкая.

Какъ „за рѣшительнымъ?“ Развѣ ты сдѣлалъ предложеніе?

Мурзавецкій.

Десять словъ. Я вѣдь, ма тантъ, безъ экивоковъ: такъ и такъ, говорю, вуле ву? Она почти согласна,

велѣла вечеромъ пріѣзжать за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Нельзя-же не быть.

Мурзавецкая.

А не лжешь-ли ты?

Мурзавецкій.

Же ву засюръ. Только вы ей ни, ни! Она про-
сила, чтобъ это дѣло пока осталось антръ ну дѣ.

Мурзавецкая.

А чтò если правда? Да понимаешь-ли ты, какъ
это важно для нась?

Мурзавецкій (серъезно).

Очень, ма тантъ, важно, очень.

Мурзавецкая.

Право, мнѣ чго-то ужъ не вѣрится; ужъ больно
хорошо. А впрочемъ лукавый-то чего не дѣлаетъ!

Мурзавецкій.

Вѣрно, ма тантъ, она моя.

Мурзавецкая.

Поѣзжай, поѣзжай! Только ты скорѣй возвра-
щайся отъ нея, я тебя буду ждать. Не усну вѣдь
ни за чтѣ, ты подумай! (Входятъ: Купавина, Глафира и
Анeusа.

Явленіе седьмое.

Мурзавецкая, Мурзавецкій, Купавина, Глафира и Анeusа.

Мурзавецкая.

Спасибо этому дому, поѣдемъ къ другому! Про-
шайте, крали! Ужъ не знаю, скоро-ли попаду къ
тебѣ.

Купавина.

Я сама къ вамъ заѣду.

Мурзавецкій.

Но я, ма тантъ, скоро буду у мадамъ Купавиной, я обязанъ быть.

Мурзавецкая.

Ну, и ладно. (Купавиной.) А ты его принимай хорошошенько! Вотъ я и узнаю твое расположение ко мнѣ: коли ласково его приниматъ будешь, значить, меня любишь; коли ты его обидишь, значитъ, меня хотѣла обидѣть. Прощайте! Всего не переговоришь. Уходятъ: Мурзавецкая, Мурзавецкій, Купавина и Анюса. Входитъ Глафира).

Явленіе восьмое.

Глафира садится, вынимаетъ изъ кармана маленькую книжку и погружается въ чтеніе. Входитъ Купавина.

Купавина.

Наконецъ-то я залучила васъ къ себѣ.

Глафира.

Ахъ, это вы? (Опускаетъ книгу.) Я давно собиралась къ вамъ; сельская природа такъ располагаетъ къ благочестивымъ размышленіямъ.

Купавина.

Надѣюсь, что вы у меня погостите подольше.

Глафира.

Очень благодарна; но боюсь, что вы со мной соскучитесь, я плохая собесѣдница, я люблю уединеніе.

Купавина.

А я слышала, что вы въ Петербургѣ жили весело.

Глафира.

Ваша правда. Я тогда еще не понимала жизни, теперь я смотрю на вещи гораздо серьезнѣе, житейская суeta не имѣеть для меня никакой цѣны.

Купавина.

Когда-же вы успѣли такъ измѣнить свой образъ мыслей?

Глафира.

Я молода еще, конечно; но подъ руководствомъ такой женщины, которую почти можно назвать святой, я въ короткое время успѣла сдѣлать много для своей души.

Купавина.

А вы кстати пріѣхали.

Глафира.

Почему-же?

Купавина.

Мнѣ нужно посовѣтоваться; а не съ кѣмъ было. Вы мнѣ не откажете?

Глафира.

Рада служить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу. Откройте мнѣ свою душу! Впрочемъ не надо, я догадываюсь. Вы женщина свѣтская, значитъ, легкомысленная, — вы влюблены?

Купавина.

Вы почти угадали.

Глафира.

Мнѣ жаль васъ.

Купавина.

Отчего-же?

Глафира.

Оттого, что это грѣхъ.

Купавина.

Небольшой, я думаю.

Глафира.

Ну, это судя по человѣку, котораго вы любите.
Богатъ онъ или бѣденъ?

Купавина.

Богатъ.

Глафира.

Такъ большой грѣхъ.

Купавина.

Я его люблю не за богатство.

Глафира.

Да онъ-то будетъ очень радъ вашему богатству.
А если-бъ вы не навязывались съ своей любовью
къ богатому человѣку, можетъ-быть, онъ женился-
бы на бѣдной дѣвушкѣ и осчастливили ее. А то
если и богатыя женщины хвалятся за богатыхъ,
такъ чтѣ-жь намъ-то, бѣднымъ дѣвушкамъ, останется?
Я ошиблась, сказавши: „намъ“, мнѣ ничего не нужно;
я говорю вообще.

Купавина.

Чтѣ-же мнѣ дѣлать?

Глафира.

Возьмите власть надъ собой, — разлюбите его!
И если ужъ вы безъ любви жить не можете, такъ
полюбите бѣднаго человѣка, грѣха будетъ меньше.
Его разлюбить легко, стоитъ только взглянуться въ
него хорошенько.

Купавина.

Въ кого? Развѣ вы его знаете?

Глафира.

Конечно, знаю.

Купавина.

Сомнѣваюсь.

Глафира.

Вы плохо хитрите, вашъ секретъ извѣстенъ всѣмъ:
вы любите Лыняева.

Купавина.

Вы ошибаетесь.

Глафира (живо).

Ошибаюсь? Вы говорите, что я ошибаюсь?

Купавина.

Да, увѣряю васъ.

Глафира.

Такъ вы любите не его?

Купавина.

Нѣтъ. Съ чего вамъ въ голову пришло?

Глафира.

Говорите правду! Я васъ умоляю, говорите
правду!

Купавина.

Да подумайте хорошенько! Ну, что мнѣ въ немъ?

Глафира.

Такъ извините меня, извините! Довольно играть
комедію. Любите, кого угодно и сколько вамъ
угодно. Какую я гнусную роль играла передъ вами!
Вѣдь я приставлена къ вамъ шпіономъ, и я взяла
эту роль съ удовольствіемъ.

Купавина.

Зачѣмъ-же?

Глафира.

Я думала, что вы моя соперница.

Купавина.

Такъ вы сами любите Лыняева?

Глафира.

Люблю? О, нѣтъ, зачѣмъ-же! Но я хочу выйти за него замужъ, — это моя единственная надежда, единственная мечта.

Купавина.

Но чѣ-же значить вашъ костюмъ, ваше поведеніе, ваши проповѣди?

Глафира.

Мой костюмъ, поведеніе, проповѣди, — все это маска. Я буду съ вами откровенна, только помогите мнѣ.

Купавина.

Съ удовольствіемъ.

Глафира.

Я дѣйствительно жила въ Петербургѣ очень весело: моя сестра замужемъ за молодымъ человѣкомъ, очень ловкимъ; онъ вдругъ составилъ себѣ большое состояніе. Насъ окружали только люди богатые: адвокаты, банкиры, акціонеры. Мы съ сестрой жили въ какомъ-то чаду: катанье по Невскому, въ бархатѣ, въ соболяхъ,—роскошные обѣды дома или въ ресторанахъ; всегда въ обществѣ; опера, французскій театръ, а чаще всего Буффъ,—пикники, маскарады ... Конечно, такая жизнь не серьезна; но кто испыталъ ее, тому здѣшняя, копеечная, невыносима. Ахъ, какъ невыносима, если-бы вы знали!

Купавина.

Чтò заставило васъ уѣхать изъ Петербурга?

Глафира.

Я не знаю, чтò сдѣлалось. Чтò-то произошло вдругъ, для насъ съ сестрой неожиданное. Сестра о чемъ-то плакала, стали все распродавать, меня отправили къ Меропѣ Давыдовнѣ, а сами скрылись куда-то, исчезли, кажется, за-границу. Конечно, я сама виновата, очень виновата: мнѣ надо было тамъ ловить жениха, — это было очень легко; а я закружилась, завертѣлась, какъ глупая дѣвчонка; я себѣ этого никогда не прощу.

Купавина.

Зачѣмъ вы ходите въ черномъ?

Глафира.

А въ чемъ-же мнѣ ходить? Въ старыхъ полицяльныхъ обноскахъ, давно вышедшихъ изъ моды? Грубая черная одежда, по крайней мѣрѣ, оригинальна и обращаеть на тебя вниманіе; при томъ-же и улыбнуться кому-нибудь, и смѣло окинуть глазами гораздо эффектнѣе изъ подъ чернаго платка, чѣмъ изъ подъ старомодной шляпки. Но носить это платье можно не долго и только съ известной цѣлью; а если вообразить, что придется всю жизнь таскать эту ветошь ... О! это можно съ ума сойти.

Купавина.

Я удивляюсь, какъ Меропа Давыдовна не найдетъ вамъ приличной партіи; она такая мастерица пристроивать своихъ родныхъ.

Глафира.

Нѣть, для меня она ничего не сдѣлаетъ. У ней во всемъ разсчетъ! Она ловкая женщина, она сумѣеть выдать и за богатаго человѣка, но только съ

тѣмъ, чтобы взять потомъ въ свои руки и пользоваться всѣмъ, чѣмъ можно, и еще твердить постоянно, что она вотъ какъ благодѣтельствовала.

Купавина.

Да, это правда.

Глафира.

Мы съ ней видимъ другъ друга насквозь, и она хорошо знаетъ, что если я вырвусь отъ нея замужъ, такъ она только меня и видѣла. Впрочемъ, я ей очень благодарна.

Купавина.

За что-же?

Глафира.

Я научилась отъ нея многому полезному, многому такому, что бѣдной женщинѣ необходимо въ жизни.

Купавина.

Именно?

Глафира.

Выучилась хитрить, не говорить даромъ ни одного слова, не имѣть стыда, когда чего-нибудь добиваешься, выучилась безцеремонному обращенію, просто наглости, которая у ханжей идетъ за откровенность и простоту. Жертву я нашла, — Лыняевъ единственный человѣкъ, за которымъ я могу жить такъ, какъ мнѣ хочется, какъ я привыкла; всякая другая жизнь для меня тягость, бремя, несчастіе, — хуже смерти. А я сама себѣ не врагъ, Евлампія Николаевна, и потому постараюсь, во что-бы то ни стало, выдти за Лыняева; и для этого я готова употребить всѣ дозволенные и даже не дозволенные средства. Мнѣ кажется, я ужъ очень откровенна съ вами. Извините меня!

Купавина.

Нѣть, нѣть, я очень хорошо понимаю ваше положеніе. (Долго смотритъ на Глафиру, потомъ обнимаетъ ее.) Ахъ, если-бы мнѣ ваша энергія!

Глафира.

А мнѣ ваши деньги! (Смотритъ прямо въ глаза Купавиной.) Поможешь мнѣ? Ты меня видишь дѣвушкой, посмотри женщиной, чтò изъ меня выдетъ.

Купавина.

Все, что отъ меня зависитъ я съ радостью ... Я хоть погляжу на замужнюю женщину, которая имѣеть свою волю. А я, бѣдная, и за тѣмъ мужемъ жила подъ строгой опекой, да и опять, должно быть, то-же будетъ.

Глафира.

Чтò за мрачныя мысли?

Купавина.

Такъ, видно, на роду написано. Я сужу по тому письму, которое мнѣ написаль мой возлюбленный. Вотъ объ этомъ-то я и хотѣла посовѣтоваться съ тобой!

Глафира.

Такъ расскажи, чтò за дѣла у васъ?

Купавина.

Года три тому назадъ, когда еще мой мужъ былъ живъ, пріѣзжалъ сюда на лѣто нашъ сосѣдъ, Беркутовъ.

Глафира.

Ну, и ...

Купавина.

Ну, и ... не суди меня строго! Моему мужу было шестьдесятъ пять лѣтъ. Беркутовъ мнѣ по-

нравился. Впрочемъ, я вела себя очень осторожно, и онъ ни въ чемъ не могъ замѣтить моего особенного расположенія.

Глафира.

А, можетъ-быть, и замѣтилъ?

Купавина.

Не знаю ... можетъ-быть. Онъ прожилъ здѣсь только одно лѣто и уѣхалъ въ Петербургъ; съ тѣхъ поръ я его и не видала; но онъ въ каждомъ письмѣ къ Лыняеву посыпалъ мнѣ поклоны и разные комплименты.

Глафира.

Какъ все это невинно!

Купавина.

Очень невинно; а все-таки я попалась. Какъ-то, мѣсяца три тому назадъ, присталъ ко мнѣ Лыняевъ: напишите да напишите Беркутову, чтобы онъ пріѣхалъ лѣтомъ въ усадьбу, онъ вамъ не откажеть.

Глафира.

Ты и послушалась, написала?

Купавина.

Написала вздоръ какой-то, ужъ и не помню, что; такая глупость непростительная.

Глафира.

И отвѣтъ получила?

Купавина.

Въ томъ-то и дѣло, что получила. Во-первыхъ, все письмо написано дѣловымъ канцелярскимъ слогомъ; а во-вторыхъ, смыслъ его такой: мнѣ наслаждаться природой некогда, у меня важныя денежныя дѣла; но если вы хотите, я пріѣду. Прошу васъ не

дѣлать никакихъ перемѣнъ въ имѣніи, не довѣрять никому управлениія, не продавать ничего, особенно лѣсу.

Глафира.

Серьезный человѣкъ и, должно быть, очень умный.

Купавина.

Согласна; но кто ему далъ право учить меня? Чѣмъ я, малолѣтняя, чтѣ-ли? Это оскорбительно. Я отвѣчала и, признаюсь, довольно таки охладѣла къ нему. Онъ пріѣдетъ сегодня или завтра; вотъ я посмотрю на него, какъ онъ поведетъ себя, и, если замѣчу, что онъ имѣетъ виды на меня, я полюбезничлю съ нимъ, потомъ посмѣюсь и отпущу его въ Петербургъ ни съ чѣмъ.

Глафира.

Планъ хорошъ; надо только выполнить его.

Купавина.

Постараюсь. Мнѣ страшно за мою свободу. Вотъ письмо отъ него, я еще его не читала; видишь, какъ я равнодушна. Мнѣ привезъ его Лыняевъ.

Глафира.

Лыняевъ ужъ быль у тебя, значитъ, я его увижу не скоро, а, можетъ-быть, и совсѣмъ не увижу. Пригласи его!

Купавина.

Приглашать его не нужно, онъ въ саду, спрятался отъ Меропы Давыдовны и сейчасъ явится къ обѣду.

Глафира.

Вотъ и прекрасно! Вели подать шампанскаго, мнѣ давно, давно хочется; ужасно надоѣло сухояденіе.

Купавина.

Изволь!

Глафира.

У меня еще просьба къ тебѣ. Дай мнѣ надѣть чтô-нибудь по-приличнѣй! Все это на мнѣ такъ гадко.

Купавина.

Вотъ тебѣ ключъ отъ гардероба, выбирай, что хочешь. Тамъ много нового, ненадѣванного; я нашла пропасть, да, послѣ траура, все еще не рѣшаюсь щеголять-то.

Глафира.

Merci! Я въ одну минуту. (Убѣгаешь.)

Явленіе девятое.**Купавина**

(одна распечатываетъ письмо).

Посмотримъ, что за посланіе. (Читаетъ.) „Исполняю ваше приказаніе, собираюсь въ усадьбу. Но съ той самой минуты, какъ я рѣшилсяѣхать, я ужъ испытываю мучительное чувство нетерпѣнія. Мнѣ обидно, что меня повезетъ паровозъ, придуманный англичанами для перевозки тяжелыхъ грузовъ; мнѣ нужны крылья, рѣзыя крылья амура“. Какая пошлость! (Читаетъ про себя.) Что дальше, то лучше. Что съ нимъ сдѣлалось? Неужели онъ думаетъ, что я повѣрю этимъ глупостямъ? Ну, да прекрасно, надо оставить его въ этомъ заблужденіи; тѣмъ вѣрнѣе онъ попадется. (Изъ двери показывается Глафира въ одной юбкѣ и въ платкѣ, накинутомъ на шею.)

Явленіе десятое.

Купавина, Глафира.

Глафира.

Я все, и шелковые чулки нашла, и башмаки, и какъ все мнѣ впору. Посмотри! (Подымаетъ и вытягиваетъ ногу какъ танцовщица.) Вѣдь жалко такую ножку обувать въ какія-то лапти.

Купавина.

Чудо, какъ ты мила. Ужь развѣ онъ каменный, а то какъ бы, кажется . . . (Въ двери.) Тетя, прикажите обѣдать подавать. Да вотъ и Михайло Борисычъ идетъ.

Глафира.

Подождите меня, я сейчасъ. Ну! Либо панъ, либо пропалъ. (Уходить въ дверь направо. Купавина въ залу.)

Занавѣсь.

Дѣйствіе третье.

Черезъ всю сцену садовая рѣшетка съ калиткой по серединѣ, у калитки скамья. За рѣшеткой виденъ густой паркъ усадьбы Купавиной. Вечерѣетъ.

Явленіе первое.

Горецкій стоитъ у рѣшетки и посвистываетъ. Изъ калитки выходитъ Чугуновъ.

Чугуновъ.

Чтѣ ты, зачѣмъ ты? Пошелъ домой! Сейчасъ пошелъ домой!

Горецкій.

Нѣтъ, домой я не пойду. Я васъ дожидался.
Нужно очень.

Чугуновъ.

На чѣ ты?

Горецкій.

Денегъ пожалуйте, государственныхъ кредитныхъ билетовъ!

Чугуновъ.

Денегъ? Нѣтъ, нѣтъ, и не думай. Зачѣмъ тебѣ деньги?

Горецкій.

Я своему сердцу отвагу даю, на гулянье иду.
(Свищеть.)

Чугуновъ.

На какое гулянье? Сиди дома! Да полно тебѣ свистать-то! Чѣд я тебѣ приказывалъ? Ни шагу чтобы, ни ни ...

Горецкій.

Нѣтъ, это вы напрасно беспокоитесь! Безъ судебнаго приговора не буду я сидѣть въ заключеніи; приговорятъ, — тогда сяду.

Чугуновъ.

Зачѣмъ ты такія слова говоришь? Зачѣмъ?

Горецкій.

Ну, вотъ еще, слова! Нужно очень слова разбить. Вы денегъ пожалуйте!

Чугуновъ.

Гдѣ я тебѣ возьму?

Горецкій.

Это ваше дѣло, это до меня не касается. Я вотъ про себя знаю, что запью сегодня, должно-быть, дней на двѣнадцать.

Чугуновъ.

Ужь такъ и на двѣнадцать? Впередъ знаешь, что на двѣнадцать?

Горецкій.

Только бы, дяденька, не больше. Пожалуйте!

Чугуновъ.

Ты это изъ города пѣшкомъ?

Горецкій.

Пѣшкомъ.

Чугуновъ.

Нечего сказать, охота за какимъ-нибудь двугривеннымъ десять верстъ пѣшкомъ лупить.

Горецкій.

Версты — это мнѣ ничего; я съ астролябіей по двѣ тысячи ходилъ. Я и за гривенникомъ, когда онъ мнѣ нуженъ, далеко пойду; только вотъ что: давайте по чести, двугривенного мало.

Чугуновъ.

Ишь ты, мало! Будетъ, за глаза будетъ.

Горецкій.

Говорю, что мало. Божиться, чтѣ-ли?

Чугуновъ.

Сколько-жь тебѣ надо?

Горецкій.

Пятьдесятъ рублей.

Чугуновъ.

Въ своемъ ты разумѣ, Клашка, въ своемъ?

Горецкій.

Ничего. Вотъ, что послѣ гулянья будетъ, не знаю; а покуда въ своемъ.

Чугуновъ.

У кого ты просишь? У кого ты просиши, говорю?

Горецкій.

У васъ. У кого-жь мнѣ просить? У кого деньги водятся, у того и прошу.

Чугуновъ.

Да что, банкъ, чтѣ-ли, у меня?

Горецкій.

Передъ кѣмъ вы убогимъ-то притворяетесь? Вы ужъ это передъ чужими; а я свой, родственникъ. У барыни имѣніемъ управляете ... вонъ усадьба-то какая! Да чтобъ не грабить!

Чугуновъ.

„Грабить, грабить“! Невѣжа! Чурбанъ необраванный. Ну, такъ вотъ и есть деньги, да не дамъ.

Горецкій (надѣвъ фуражку).

Пожалѣете.

Чугуновъ.

Объ чемъ?

Горецкій.

О томъ, что не дали. Можете большую непріятность получить.

Чугуновъ.

Отъ кого?

Горецкій.

Отъ меня.

Чугуновъ.

Чтѣ ты за птица такая важная?

Горецкій.

Вотъ и не птица, а непріятность сдѣлаю.

Чугуновъ.

Какую?

Горецкій.

Домъ сожгу.

Чугуновъ.

Чтѣ ты! Какой домъ? Чтѣ ты!

Горецкій.

Вашъ.

Чугуновъ.

Ахъ, ты!.. Эхъ, братецъ!.. Да какъ ты ...

Горецкій.

Да вотъ такъ: пойду и зажгу.

Чугуновъ.

Въ кого ты такой каторжный уродился?

Горецкій.

Да кто-жъ у насъ въ роднѣ святые-то? Вы, чтоб-
ли? Въ кого путнымъ-то уродиться?

Чугуновъ,

Не груби, Клашка, не груби!

Горецкій.

Дайте денегъ, такъ и грубысти не услышите.

Чугуновъ (вынимаетъ бумажникъ).

Отвяжись ты отъ меня! Нѣ! Провались ты кудা-
нибуль! (Даетъ пять рублей.)

Горецкій.

Чтѣ это? Пять рублей. (Отдаетъ назадъ.) Нѣть, я
дороже стѣю.

Чугуновъ.

Правда, правда, дороже стѣишь; ты и пятьсотъ
рублей стѣишь, кабы тебя можно было въ солдаты
продать.

Горецкій.

Не обѣ солдатахъ рѣчи! А за свое мастерство
я дороже стѣю.

Чугуновъ.

Хорошее мастерство! Хвались, хвались! Есть чѣмъ
похвастаться!

Горецкій.

Хорошее-ли, дурное-ли, а вамъ понадобилось,
такъ платите. Ужъ вы покупайте меня, а то плохо.

Чугуновъ.

Ну, на еще! (Даетъ еще пять рублей.)

Горецкій.

Мало.

Чугуновъ.

Иши ты, какъ разбойникъ въ лѣсу, на дорогѣ ловиши. Больше не дамъ, конечно.

Горецкій.

Ну, а если мнѣ кто-нибудь больше ласть, такъ, стало-быть, продавать васъ съ Мурзавецкой-то?

Чугуновъ.

Тише ты! У Евлампії Николавны гости въ саду.

Горецкій.

А мнѣ что за дѣло?

Чугуновъ.

Ну тебя! Уйти отъ грѣха. (Уходитъ.)

Горецкій (вслѣдъ Чугунову).

Дядя! Слушай! Коли болыше дадутъ, я васъ продамъ; вы такъ и знайте. Говорю я тебѣ, что мнѣ гулять охота пришла. А коли мнѣ въ это время денегъ не дать, такъ я хуже звѣря. (Уходитъ за Чугуновымъ. Изъ сада выходятъ: Купавина, Глафира, Анеуса, Лыняевъ.)

Явленіе второе.

Купавина, Глафира, Анеуса, Лыняевъ.

Лыняевъ (Купавиной).

Не понимаю, не понимаю, что за фантазія гулять по росѣ, когда можно очень покойно сидѣть въ комнатѣ, ну, пожалуй, на балконѣ, если хотите быть на воздухѣ.

Купавина.

Я хочу народное гулянье посмотретьъ.

Лыняевъ.

Не ходите! Чтò за удовольствiе идти за двé
версты, да еще по горамъ, чтобы смотрѣть на пья-
ныхъ!

Купавина.

Скажите лучше, что вамъ лѣнь! Оставайтесь!

Лыняевъ.

Я-бы пошелъ; но тамъ, вѣроятно, ваши люди
гуляютъ, мы ихъ только стѣснимъ. Зачѣмъ раз-
строивать чужое веселье!

Купавина.

Мы издали посмотримъ, съ горы. Да ужь оста-
вайтесь, оставайтесь, я тетю возьму.

Лыняевъ.

Вотъ и прекрасно; а впрочемъ я, пожалуй.

Купавина.

Нѣть, нѣть! Будете вздыхать да охать всю до-
рогу, жертву изъ себя представлять, и безъ васъ
обойдемся. Пойдемъ, тетя!

Анeusа.

Я чтò-жь ... я, пожалуй.

Купавина (Глафири).

Ты останешься тоже? Оставайся, оставайся!

Глафира.

Да, у меня отъ шума голова кружится.

Купавина.

Подождите настъ здѣсь!

Лыняевъ.

Подождемъ, подождемъ. (Купавина и Анеуса уходятъ.)

Явленіе третье.**Лыняевъ, Глафира.****Лыняевъ.**

Вы только платье перемѣнили, а скромность при себѣ оставили?

Глафира.

Вамъ излишняя скромность не нравится?

Лыняевъ.

Какъ не нравится! Чѣмъ вы, помилуйте! Нѣтъ, это хорошо, это очень хорошо.

Глафира.

Можетъ-быть, и хорошо, да за то скучно.

Лыняевъ.

Да развѣ вы обязаны развлекать меня? Это скорѣй моя обязанность, но и я . . . извините, и я могу предложить вамъ только поскушать со мной вмѣстѣ.

Глафира.

И прекрасно, очень вамъ благодарна.

Лыняевъ.

Не стойте благодарности.

Глафира.

Нѣтъ, очень стойте.

Лыняевъ.

Да за чѣмъ-же?

Глафира.

За спокойствіе, развѣ этого мало? Проведя вечеръ съ вами, можно уснуть безъ всякихъ волненій, сномъ праведника. Я еще никого не любила, Михайло Борисычъ; но вѣдь эта пора придетъ; я въ такихъ лѣтахъ, что каждую минуту должна ждать любовной горячки.

Лыняевъ.

Значитъ, вы такъ-же, какъ и всѣ. А я думалъ, что вы ...

Глафира.

Чтѣ? Что я неспособна любить? Такихъ дѣвушекъ не бываетъ, Михайло Борисычъ.

Лыняевъ.

Такъ вы боитесь полюбить?

Глафира.

Какъ-же не бояться? Любовь мнѣ ничего не принесетъ, кромѣ страданій. Я дѣвушка со вкусомъ и могу полюбить только порядочнаго человѣка; а порядочные люди ищутъ богатыхъ. Вотъ отчего я прячусь и убѣгаю отъ общества, — я боюсь полюбить. Вы не смотрите, что я скромна, тихія воды глубоки, и я чувствую, что если полюблю ...

Лыняевъ.

Ой, страшно! Не говорите, пожалуйста, не продолжайте.

Глафира.

Но съ вами я ничего не боюсь.

Лыняевъ.

Не боитесь?

Глафира.

Нисколько: вы меня увлечать не станете, да и увлечься вами нѣтъ никакой возможности.

Лыняевъ (обидѣвшись).

Но почему-же вы такъ думаете?

Глафира.

Ну, полноте, какой вы любовникъ! Вы не обижайтесь, Михайло Борисычъ! Вы очень хороший человѣкъ, васъ всѣ уважаютъ; но любить васъ не-

возможно. Вы ужь и въ лѣтахъ, и ожирѣли, и, вѣроятно, дома въ тепломъ халатѣ ходите и въ колпакѣ, ну, однимъ словомъ, вы стали похожи на милага добраго папашу.

Лыняевъ.

Вы ужь очень безжалостны ко мнѣ ... Нѣть, я еще ...

Глафира.

Нѣть, нѣть, не обманывайте себя. — откажитесь отъ побѣдъ, Михайло Борисычъ! Ха, ха, ха! (Хоочеть).

Лыняевъ.

Да чему же вы смѣетесь, помилуйте!

Глафира.

Извините, пожалуйста! Мнѣ сейчасъ смѣшная мысль въ голову пришла. Ну, если вы въ меня влюбитесь и будете разсыпаться въ нѣжностяхъ передо мной, вѣдь, при всемъ уваженіи къ вамъ, не выдержишь, расхохочешься.

Лыняевъ.

Однако, какія вамъ мысли-то въ голову приходятъ игривыя.

Глафира.

Такъ, дурачусь. Вамъ странно, что я развеселилась? Не долго мнѣ.

Лыняевъ.

Отчего-жь недолго?

Глафира.

Въ монастырь собираюсь на дняхъ.

Лыняевъ.

Нѣть, вы шутите?

Глафира.

Не шучу. Прощайте! Не поминайте лихомъ!
Въ самомъ дѣлѣ, не сердитесь на меня за мои шутки!
Мнѣ хочется оставить добрую память по себѣ.

Лыняевъ.

Оставить добрую память вы очень можете.

Глафира.

Какимъ образомъ?

Лыняевъ.

Окажите мнѣ маленькую услугу!

Глафира.

Съ особеннымъ удовольствиемъ.

Лыняевъ.

Почему-жъ съ особеннымъ?

Глафира.

Такъ, вы очень милый человѣкъ.

Лыняевъ.

Мнѣ нужно хорошаго писца на нѣкоторое время.

Глафира.

Не могу. Хоть и хорошо пишу, а въ писцы къ вамъ не пойду.

Лыняевъ.

Вы не поняли или не хотите понимать.

Глафира.

Вотъ еслибѣ я была мужчина; а то, помилуйте, что подумаютъ, милый Михайло Борисычъ! А впрочемъ ...

Лыняевъ.

Да нѣтъ-же! У Меропы Давыдовны занимается

письмоводствомъ Чугуновъ, я его руку знаю, но иногда попадаются отъ нея бумаги, написанныя отличнымъ почеркомъ.

Глафира.

Такъ вамъ нужно точно такого писца?

Лыняевъ.

Мнѣ нужно знать, кто это пишетъ.

Глафира.

Спросите у Чугунова.

Лыняевъ.

Не скажеть.

Глафира.

Тутъ у васъ чтѣ-то не просто.

Лыняевъ.

Да вы знаете?

Глафира.

Можеть-быть, знаю больше, чѣмъ вы думаете.

Лыняевъ.

Такъ скажите!

Глафира.

Нельзя.

Лыняевъ.

Почему?

Глафира.

Потому, что онъ мой любовникъ.

Лыняевъ.

Часъ отъ часу не легче.

Глафира.

Я немного сильно выразилась. Онъ дѣйствительно влюбленъ въ меня и пишеть мнѣ стихами письма

чуть не каждый день. Такой милый, — отвѣта не требуетъ, а только изливаетъ свои чувства передо мной.

Лыняевъ.

Но кто-же онъ, скажите?

Глафира.

Онъ вамъ очень нуженъ?

Лыняевъ.

Очень.

Глафира.

Я не только могу его назвать вамъ, но черезъ десять минутъ привести его сюда и отрекомендовать.

Лыняевъ (потирая руки отъ радости).

Чтò вы? Неужели?

Глафира.

Только даромъ этого не сдѣлаю.

Лыняевъ.

Требуйте отъ меня, чтò вамъ угодно, чего только вамъ угодно.

Глафира.

Я попрошу небольшого.

Лыняевъ.

Все, все, что хотите.

Глафира.

Притворитесь влюбленнымъ въ меня и цѣлый вечеръ сегодня ухаживайте за мной.

Лыняевъ.

А вы будете смѣяться?

Глафира.

Вѣроятно, если это будетъ смѣшно.

Лыняевъ.

Ну, ужь одинъ вечеръ куда ни шло! Хоть и тяжеленъко, да нечего дѣлать, самъ обѣщалъ. Такъ вы когда-же мнѣ его покажете?

Глафира.

Хоть сейчасъ. Я видѣла, какъ онъ прошелъ на гулянье, я пойду и приведу его сюда. Подождите меня здѣсь! Вотъ и Евлампія Николавна. (Уходитъ. Входятъ: Купавина и Анеуса.)

Явленіе четвертое.

Лыняевъ, Купавина, Анеуса.

Лыняевъ.

Чтѣ-же вы такъ скоро?

Купавина.

И хотѣлось еще погулять, да скрываюсь отъ преслѣдованій.

Лыняевъ.

Вотъ я вамъ говорилъ, что тамъ пьяные; кто-же вѣсъ преслѣдуетъ?

Купавина.

Нашъ общій знакомый, Мурзавецкій. Проводите меня до дому.

Лыняевъ.

Анѣуса Тихоновна, будьте такъ добры, подождите здѣсь Глафиру Алексѣевну и, когда она воротится, скажите ей, что я сейчасъ иду.

Купавина.

Да не пускайте Мурзавецкаго въ садъ, скажите, что меня дома нѣтъ, что я уѣхала.

Анёуса.

Хорошо ужь ... я ужь ...

Лыняевъ.

Да чтò съ нимъ церемониться, просто гнать этого милаго мальчика прочь.

Купавина.

Ахъ нѣтъ, нельзя! Съ нимъ надо какъ можно осторожнѣе. Онъ скажетъ Меропѣ Давыдовнѣ, тогда мы большую бѣду наживемъ. Поделикатнѣе какъ-нибудь, а то она меня съѣстъ. (Уходятъ: Купавина и Лыняевъ Анёуса садится на скамейку. Входитъ Мурзавецкій.)

Явленіе пятое.

Анёуса, Мурзавецкій.

Мурзавецкій (свищетъ).

Тамерланъ, Тамерланъ, иси! Эко животное! Повѣшу, конечно, нѣтъ, братъ, повѣшу, — конечно. Пардонъ, медамъ! Гдѣ-жь онѣ? (Осмотриваясь.) А, вонъ! Кажется, обѣ тутъ. Такъ чтò-то какъ будто въ глазахъ застилаетъ, мелькаетъ чтò-то: то одна, то двѣ ... нѣтъ двѣ, двѣ, ну, конечно, двѣ. (Раскланиваясь издали.) Честь имѣю.

Анёуса (отворачиваясь).

Ну ужь ... не надо ужь ...

Мурзавецкій.

Нѣтъ, позвольте, Евлампія Николавна!

Анёуса.

Да какая ... гдѣ ужь она? ...

Мурзавецкій.

Нѣтъ, Евлампія Николавна, нѣтъ, она здѣсь, въ

груди моей; пароль донеръ. (Вздыхаетъ.) Такихъ страданій, такихъ страданій ...

Анѣуса.

Ну ужъ ... довольно ужъ ...

Мурзавецкій.

Я съ вами согласенъ, но если нѣть силь, чтѣ-же мнѣ дѣлать, я васъ спрашиваю! Влюблена, ну и ... ну и конечно.

Анѣуса.

Ахъ, право ужъ ... ну, что?

Мурзавецкій.

Не хотите, не хотите отвѣтить? А я вотъ тутъ ... у васъ ... у ногъ ... могу умереть. Отвѣтайте, отвѣтайте, монъ анжъ! Ну, енъ мо!

Анѣуса.

Да что ужъ ... ну тебя!

Мурзавецкій.

Анѣуса Тихоновна, оставьте, я васъ прошу, я не съ вами.

Анѣуса.

Не со мной ужъ ... такъ, ну, съ кѣмъ?

Мурзавецкій.

„Съ кѣмъ?“ Это странно. Ха, ха, ха! Это странно! Вы думали, съ вами?

Анѣуса.

Да ужъ ... никого тутъ больше-то ... что еще?

Мурзавецкій.

Анѣуса Тихоновна, тезеву! Евлампія Николавна, бывають въ жизни минуты ... Что я! Одна минута, когда человѣкъ ...

Анёуса.

Ахъ ужъ ... чтò мнё съ нимъ?

Мурзавецкій.

Вы молчите, за васъ отвѣчаюсь, — для благородной души моей это ... это, я вамъ скажу ...
(Вздыхаетъ.) Тяжело.

Анёуса.

Да откуда-жь она ... коли нѣтъ?

Мурзавецкій (подходя).

Чего нѣтъ? Какъ нѣтъ?

Анёуса.

Да ужъ такъ вотъ ...

Мурзавецкій

(осматривая Анёусу и скамейку).

Да гдѣ-жь она?

Анёуса

Коли нѣтъ ... гдѣ-жь мнё? ...

Мурзавецкій (ударивъ себя по лбу).

Боже мой! Боже мой!

Анёуса.

Ну ужъ ... чего еще!

Мурзавецкій.

Однако какой обманъ!

Анёуса.

Кому ужъ ... нужно?

Мурзавецкій.

Такъ чтò-же это, чтò-же? Обманъ чувствъ, игра воображения? (Входитъ Лыняевъ.)

Явленіе шестое.**Мурзавецкій, Анеуса, Лыняевъ.****Мурзавецкій.**

Но нѣтъ, я шутить надъ собою не позволю,
дудки!

Анеуса (увидавъ Лыняева).

Ахъ, вы ужь... ну вотъ... ужь сами... (Идетъ
въ садъ.)

Мурзавецкій.

Я ъду, ъду, не свищу, а наѣду — не спущу.

Анеуса.

Ну, мели ужь... на просторѣ! (Уходитъ.)

Мурзавецкій.

Но я, нѣтъ, я пойду.

Анеуса.

Куда?

Мурзавецкій.

Къ ней.

Лыняевъ.

Увы!

Мурзавецкій.

Что „увы“? Что такое, милостивый государь,
увы?

Лыняевъ.

Нельзя, не велѣно васъ принимать.

Мурзавецкій.

Меня не велѣно? О! Я вотъ посмотрю. (Хочетъ идти
въ садъ.)

Лыняевъ (загораживая калитку).

Послушайте! Я вамъ вотъ что по-дружески по-
совѣтую: поѣзжайте домой, а то не хорошо.

Мурзавецкій.

Чтò такое „не хорошо“? Позвольте васъ ...
Позвольте васъ спросить.

Лыняевъ (тайственно).

Въ саду поставлены люди, и, какъ вы войдете,
такъ (показываетъ знакомъ) понимаете?

Мурзавецкій.

Чтò, чтò?

Лыняевъ.

Я не виноватъ, Евлампіи Николаинѣ было уго-
дно такъ распорядиться.

Мурзавецкій.

Меня вѣдь не испугаешь; ну, да я, пожалуй, и не
пойду, не надо. Я, знаете-ли, хотѣлъ мое дѣло съ
ней миромъ; а теперь нѣть, шалишь, моргенъ фрю!

Лыняевъ.

Чтò вамъ за охота миромъ?

Мурзавецкій.

Да вѣдь жаль, чортъ возьми, пятьдесятъ тысячъ
должна.

Лыняевъ.

Хорошія деньги.

Мурзавецкій.

Да я не хотѣлъ братъ, зачѣмъ? Я просто, мон-
шеръ, хотѣлъ, санъ-фасонъ, предложить руку, чтобы,
компреневу, соединить капиталы. У меня ничего ...
то есть, нѣть, чтò я! У меня состояніе, у нея со-
стояніе, какіе тутъ иски да взыски.

Лыняевъ.

Хорошо-бы, только она за васъ не пойдетъ.

Мурзавецкій.

Ну, такъ ужь не взыщи, не помилую. Ахъ, монъ шеръ, чтѣ я съ ней сдѣлаю! Ограблю, начисто ограблю.

Лыняевъ.

Пятьдесятъ тысячъ потребуете?

Мурзавецкій.

Нѣтъ, ужь тутъ не пятидесятью пахнетъ. Полтораста! Усадьба эта моя будетъ, черезъ недѣлю моя.

Лыняевъ.

Вотъ и хорошо, сосѣди будемъ. (Жметъ руку Мурзавецкаго.) Прошу любить да жаловать. А теперь вамъ пора домой! Вотъ это не вашъ-ли экипажъ? Вѣроятно, Меропа Давыдовна за вами прислала.

Мурзавецкій.

Да, она ждетъ; я обѣщалъ рѣшительный отвѣтъ привезти.

Лыняевъ.

Ужь чего же рѣшительнѣе!

Мурзавецкій.

А вѣдь жаль мадамъ Кулавину, плакать будетъ. Оревуаръ. (Уходитъ, слышенъ свистъ и голосъ: „Тамерланъ, иси!“ Съ противоположной стороны входятъ Глафира и Горецкій.)

Явленіе седьмое.

Лыняевъ, Глафира, Горецкій.

Глафира.

Вотъ рекомендую: Горецкій Клавдій. (Горецкому.) А это Михайло Борисычъ Лыняевъ, нашъ сосѣдъ-помѣщикъ.

Горецкий (снимая фуражку).

Я ихъ знаю-съ.

Лыняевъ.

Надѣньте, пожалуйста!

Горецкий.

Ничего-съ! Глафира Алексѣвна, позвольте для васъ какую-нибудь подлость сдѣлать!

Лыняевъ.

Вотъ странная просьба.

Горецкий.

Ничего, не странная-съ. Чѣмъ - же я могу доказать? Нѣтъ, ужь вы не мѣшайте. Глафира Алексѣвна, хотите, весь этотъ заборъ изломаю? ...

Глафира.

Нѣтъ, зачѣмъ.

Горецкий.

Какъ-бы я для васъ прибилъ кого-нибудь, вотъ бы трепку задалъ веселую.

Лыняевъ.

Да вѣдь за это судить будутъ.

Горецкий.

А пущай ихъ судятъ.

Лыняевъ.

Да вѣдь посадятъ.

Горецкий.

А посадять, такъ сидѣть будемъ. Глафира Алексѣвна, прикажите какую-нибудь подлость сдѣлать!

Глафира.

Я ужь, право, не знаю, чтоѣ вамъ приказать.

Дѣйствіе третье. Явленіе седьмое.

Лыняевъ.

Да зачѣмъ непремѣнно подлость? Попросите его правду сказать.

Глафира.

Ну, вотъ я прошу вѣсъ мнѣ правду сказать, вы скажете?

Горецкій.

Какую правду-съ?

Глафира.

А вотъ какую мы спросимъ.

Горецкій.

Извольте-съ, все, чтѣ угодно-съ.

Лыняевъ.

А если секретъ?

Горецкій.

Да хотя-бы разсекретъ. У меня своихъ секретовъ нѣть, а если какой чужой, такъ что мнѣ за надобность беречь его. Я для Глафиры Алексѣевны все на свѣтѣ...

Лыняевъ (подавая Глафири письмо).

Спросите, кто это писалъ?

Глафира (Горецкому).

Кто это писалъ?

Горецкій.

Ахъ! Спросите чтѣ-нибудь другое!

Лыняевъ.

А говорили, что все на свѣтѣ.

Горецкій.

Да мнѣ чтѣ-жь, пожалуй: только за это деньги заплачены.

Лыняевъ.

Сколько?

Горецкій.

Десять рублей.

Лыняевъ.

А если я дамъ пятнадцать?

Горецкій.

А если дадите, скажу.

Лыняевъ.

Такъ вотъ, возьмите! (Даетъ деньги.)

Горецкій (беретъ деньги).

Покорно благодарю-сь. (Кладеть деньги въ разные карманы.) Десять назадъ отдамъ, скажу, мало дали. Это я писалъ-сь.

Лыняевъ.

Вы? Ну, такъ вы мнѣ очень нужны будете. У васъ есть свободное время?

Горецкій.

Да у меня всегда свободное время-сь.

Лыняевъ.

Хотитеѣхать ко мнѣ сегодня-же? Я вамъ и заплачу хорошо, и столь у меня хороший, и вино, какое вамъ угодно.

Горецкій.

Съ удовольствіемъ-сь. Чѣ-жь, Глафира Алексѣевна, прикажите какую-нибудь подлость сдѣлать!

Глафира.

Да вѣдь ужъ вы сдѣлали.

Горецкій.

Велика-ли это подлость? Да и за деньги.

Лыняевъ.

Извините за нескромный вопросъ. Вы знали когда-нибудь разницу между хорошимъ дѣломъ и дурнымъ?

Горецкій.

Какъ вамъ сказать-съ. Нѣтъ, хорошенъко-то не знаю.

Лыняевъ.

Такъ и не знаете?

Горецкій.

Вѣдь это философія; такъ намъ гдѣ-же знать!

Лыняевъ.

Отчего-же?

Горецкій.

Семейство очень велико было.

Лыняевъ.

Такъ что-же?

Горецкій.

Съ шести лѣтъ надо было въ домъ что-нибудь тащить, голодныхъ ребята кормить.

Лыняевъ.

Васъ не учили?

Горецкій.

Какъ не учить! Вѣдь учить у насъ значить бить, такъ учили и дома, и посторонніе, кому не лѣнъ было. Особенно пьяные приказные по улицамъ, бывало, такъ и ловятъ мальчишекъ за вихры, это для нихъ первое удовольствіе.

Лыняевъ.

Вы говорили, что васъ большая семья была, куда-жъ всѣ дѣлись?

Горецкий.

Всѣ въ люди вышли: одинъ братъ ученый, въ фершѣла вышелъ, да далеко угнали, на Аландскіе острова; одинъ былъ въ аптекѣ въ мальчикахъ, да выучился по-нѣмецки, такъ теперь въ кондукторахъ до нѣмецкой границыѣздить; одинъ въ Москвѣ у живописца краски третъ; которые въ писаряхъ у становыхъ да у квартальныхъ, двое въ суплерахъ ходятъ по городамъ; одинъ на телеграфѣ гдѣ-то за Саратовыемъ; а то одинъ въ Ростовѣ на Дону подъ греческой фамиліей табакомъ торгуетъ; я вотъ въ землемѣры вышелъ. Да многоя нась, всякаго званія есть.

Лыняевъ.

Васъ любопытно послушать. Вы ужъ прямо ко мнѣ отсюда. Я васъ съ собой возьму.

Горецкий.

Хорошо-съ. Я васъ въ конторѣ подожду. До свиданія, Глафира Алексѣевна! (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Лыняевъ, Глафира.

Глафира.

Ну, довольны вы?

Лыняевъ.

Не могу выразить, какъ я вамъ благодаренъ. Я такъ радъ, что готовъ прыгать и плясать, какъ ребенокъ.

Глафира.

Ребенкомъ быть не хорошо; будьте лучше юношей.

Лыняевъ.

Какъ-же это?

Глафира.

Сдержите свое слово!

Лыняевъ.

Какое?

Глафира.

А любезничать со мной.

Лыняевъ.

Неловокъ я, Глафира Алексѣвна, чтò вамъ за радость, чтобъ я, въ мои лѣта, шута разыгрывалъ?

Глафира.

Ну, хоть немного, слегка.

Лыняевъ.

Ну, какъ же любезничать? Прикажете хвалить ваши глазки?

Глафира.

Нѣтъ, это глупо.

Лыняевъ.

Или по-русски, какъ парни съ дѣвками любезничаютъ, тѣ очень просто, безъ церемоній.

Глафира.

А это ужь слишкомъ. Впрочемъ, все-таки лучше, чѣмъ говорить пошлости. Эко горе ваше! Любезничать не умеете, а любезничать надо. Ну, да не беспокойтесь, я вамъ помогу. Закутайтесь плѣдомъ, заткните уши ватой, а то сырьо стало! Вотъ такъ.
(Одѣваетъ Лыняева плѣдомъ.)

Лыняевъ.

Благодарю васъ.

Глафира.

Теперь скажите: неужели вы въ жизни не любили никого?

Лыняевъ.

Какъ не любить!

Глафира.

Вы говорили что-нибудь съ предметомъ вашей страсти?

Лыняевъ.

Много говорилъ, но я тогда былъ молодъ.

Глафира.

Ну, такъ вспомните теперь, что вы говорили.

Лыняевъ.

Это не трудно. Я говорилъ одной блондинкѣ, что наши души, еще до появленія на землѣ, были родныя, что онѣ носились вмѣстѣ по необъятной, вселенной, порхали, какъ бабочки, въ лучахъ мѣсяца.

Глафира.

Ну, а другой что вы говорили?

Лыняевъ.

А другой, брюнеткѣ я говорилъ, что найду ей великколѣпную дачу, куплю пару вороныхъ рысаковъ.

Глафира.

Это вотъ хорошо, мнѣ этотъ разговоръ больше нравится. Вотъ и продолжайте въ этомъ духѣ.

Лыняевъ.

Я обѣщалъ ей горы золотыя, говорилъ, что не могу жить безъ нея, хотѣль застрѣлиться, утопиться.

Глафира.

А она что-жъ?

Лыняевъ.

А она говорила: „Зачѣмъ вамъ стрѣляться или утопиться? Женитесь, вотъ и не обѣ чемъ вамъ

больше беспокоиться“. Нѣтъ, говорю, мой ангелъ, это для меня хуже, чѣмъ утопиться. „Ну, такъ, говоритъ, утопитесь; потому что я огорчать мамашу и родныхъ своихъ не хочу“.

Глафира.

Да она была бѣдная дѣвушка?

Лыняевъ.

Бѣдная.

Глафира.

Такъ глупа.

Лыняевъ.

А вы что-жь-бы сдѣлали на ея мѣстѣ?

Глафира.

Я бы вамъ противорѣчить ни въ чемъ не стала я-бы взяла и дачу, и рысаковъ, и деньги, и все-таки вы бы женились на мнѣ.

Лыняевъ.

Но это невозможно: я такъ твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Глафира.

Нѣтъ, очень просто.

Лыняевъ.

Но какимъ-же образомъ, скажите, объясните мнѣ!

Глафира.

Сядемте! (Садятся на скамью.) Ну, представьте себѣ, что вы меня любите немножко, хоть такъ же, какъ ту брюнетку! Иначе, конечно, невозможно ничего. (Садится съ ногами на лавку и прилегаетъ къ Лыняеву.)

Лыняевъ.

Позвольте, что-же это вы?

Глафира (отодвигаясь).

Ахъ, извините!

Лыняевъ.

Нѣтъ, ничего. Я только хотѣлъ спросить васъ, чтѣ это вы, въ роль входите, или потому, что меня за мужчину не считаете?

Глафира.

Я озябла немного.

Лыняевъ.

Такъ сдѣлайте одолженіе, не беспокойтесь, если это вамъ пріятно.

Глафира

(опять прилегая къ Лыняеву).

Итакъ, вы меня любите, мы живемъ душа въ душу. Я — олицетворенная кротость и покорность, я не только исполняю, но предупреждаю ваши желанія, а между тѣмъ понемногу забираю въ руки васъ и все ваше хозяйство, узнаю малѣйшія ваши привычки и капризы и, наконецъ, въ короткое время дѣлаюсь для васъ совершенной необходимостью, такъ что вы безъ меня шагу ступить не можете.

Лыняевъ.

Да, я допускаю, это возможно.

Глафира.

Вотъ въ одно прекрасное утро я говорю вамъ: „папаша, я чувствую потребность помолиться, отпусти меня денька на три на богомолье!“ Вы, разумѣется, сначала заупрямитесь, я покоряюсь вамъ безропотно. Потомъ изрѣдка робко повторяю свою просьбу и смотрю на васъ нѣсколько дней сряду умоляющимъ взоромъ; вы все, день за день, откладываете и наконецъ отпускаете. Безъ меня начинается въ домѣ ералашъ: то не такъ,—другое

не по васъ; то кофей горекъ,--то обѣдъ опоздалъ; то у васъ въ кабинетѣ не убрано, — а если убрано, такъ на столѣ бумаги и книги не на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ нужно. Вы начинаете выходить изъ себя, часто вздыхать, то бѣгать по комнатѣ, то останавливаться, разводить руками, говорить съ собой; начинаете прислушиваться, не ъдуть-ли; часто выбѣгать на крыльцо; а я нарочно промедлю дня два, три. Наконецъ ужь вамъ не сидится, вы теряете терпѣніе, и начинаете ходить по дорогѣ версты за двѣ отъ дома. Вотъ я ъду. Сколько радости! Опять тихая, спокойная жизнь для васъ; въ вашихъ глазахъ только счастіе и безконечная нѣжность.

Лыняевъ (со вздохомъ).

Ну и чего-жъ еще, и чего-жъ еще?

Глафира.

Но вотъ однажды, когда ваша нѣжность ужь не знаетъ предѣловъ, я говорю вамъ со слезами: „милый папаша, мнѣ стыдно своихъ родныхъ, своихъ знакомыхъ, мнѣ стыдно людямъ въ глаза глядѣть. Я должна прятаться отъ всѣхъ, заживо похоронить себя, а я еще молода, мнѣ жить хочется“ ...

Лыняевъ.

Да ... ахъ, въ самомъ дѣлѣ.

Глафира

Прощай, милый папаша! Не нужно мнѣ никакихъ твоихъ сокровищъ.

Лыняевъ.

Ахъ чортъ возьми, какъ это скверно!

Глафира.

Я выхожу замужъ.

Лыняевъ.

За кого?

Глафира.

Ну, хоть за Горецкаго.

Лыняевъ.

Отличная партія!

Глафира.

Да, онъ бѣденъ, но я все-таки буду имѣть хоть какое-нибудь положеніе въ обществѣ. Да ужь, конечно, я рѣшилась.

Лыняевъ.

Но нельзя-же такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, бросить человѣка! Надо было прежде думать и заранѣе предупредить.

Глафира.

Я боялась, милый папаша. Развѣ ты не видишь, я худью, сохну день ото дня, я могу захворать серьезно, умереть.

Лыняевъ.

Это безсовѣстно! Все это притворство!

Глафира.

Если ты не вѣришь, какъ тебѣ угодно; я готова пожертвовать для тебя даже жизню.

Лыняевъ.

Ну вотъ то-то-же!

Глафира.

Что дѣлать, у мужчинъ такие твердые характеры.

Лыняевъ.

Все-таки я поставилъ на своемъ.

Глафира.

Да, на своеемъ. Гдѣ-жь намъ спорить съ вами? Только въ тотъ - же день къ вечеру я незамѣтно исчезаю, и никто не знаетъ, то есть, никто не скажетъ вамъ, куда. Проходитъ дѣнь, другой; вы разсылаете по всѣмъ дорогамъ гонцовъ, сыщиковъ, сами мечетесь туда и сюда; теряете сонъ, аппетитъ, сходите съ ума. И вотъ за нѣсколько минутъ до того, когда вамъ ужъ дѣйствительно нужно помѣшаться, вамъ объявляютъ по секрету, гдѣ я скрываюсь. Вы бросаетесь ко мнѣ съ подарками, съ брильянтами, со слезами умоляете меня возвратиться,— я непреклонна. Вы плачете, я сама рыдаю! Я люблю васъ, мнѣ жаль съ вами разстаться, но я не умолима. Наконецъ, я говорю вамъ: „милый папаша, ты любишь холостую жизнь, ты не можешь жить иначе,— сдѣлаемъ вотъ что! Обвѣнчаемся потихоньку, такъ что никто не будетъ знать; ты опять будешь вести холостую жизнь, все пойдетъ по прежнему, ничего не измѣнится,— только я буду покойна, не буду страдать“. Вы, послѣ недолгаго колебанія соглашаетесь.

Лыняевъ.

Да, очень можетъ быть, очень можетъ быть, дѣйствительно, это возможно. Но я все-таки поставлю по-своему.

Глафира.

Да, по-своему. Но на другой же день откуда у меня эта свѣтскость возьмется, эта лѣнь, эта медленность въ движеніяхъ! Откуда возьмутся эти роскошные туалеты!

Лыняевъ.

Да, вотъ ...

Глафира.

Оттопырится нижняя губка, явится повелительный
Островскій. IX.

тонъ, величественный жестъ. Какъ мила и нѣжна я буду съ посторонними и какъ строга съ вами! Какъ счастливы вы будете, когда дождетесь отъ меня милостиваго слова! Ужь не буду я суетиться и бѣгать для васъ, и не будете вы папашей; а просто Мишель. (Говорить лѣниво.) „Мишель, сбѣгай, я забыла въ саду на скамейкѣ мой платокъ!“ И вы побѣжите. Это вотъ одинъ способъ заставить жениться; онъ, хотя старый, но вѣрный; а то есть еще и другіе.

Лыняевъ.

Да, но вѣдь такъ можно поймать человѣка только тогда, когда онъ любитъ.

Глафира.

Разумѣется. Вы въ совершенной безопасности, потому что никого не любите.

Лыняевъ.

Я въ безопасности и очень этому радъ. Но ужь если бы мнѣ пришлось полюбить кого-нибудь, то я полюбилъ бы васъ. (Цалуетъ руку Глафиры.)

Глафира.

Это чѣмъ? Это зачѣмъ?

Лыняевъ.

Такъ.

Глафира.

Если просто „такъ“, то обидно. На васъ нѣжность нашла, ну, а благо я тутъ близко, такъ и вы беретесь прямо за меня руками.

Лыняевъ.

Да нѣтъ. Вѣдь вы сами хотѣли, чтобы я любезничала съ вами.

Глафира.

Ахъ, я и забыла. Ну, такъ, цалуйте, пожалуй.

Лыняевъ.

Да и поцалую. (Цаluетъ другую руку.)

Глафира.

Вы, видно, тоже начинаете входить во вкусъ вашей роли.

Лыняевъ.

Я давеча боялся чѣ-то; а теперь такъ нахожу, что это очень пріятная шутка.

Глафира (со вздохомъ).

Да, да, къ сожалѣнію, только шутка. (Входитъ **Анѣуса**).

Явленіе девятое.

Лыняевъ, Глафира, Анѣуса.

Анѣуса.

Ужинать ужь... ждутъ ... Чѣдночью-то! ...
Сыро ... Прислали ужь ... меня.

Глафира (Лыняеву).

Пойдемте!

Лыняевъ.

Я сейчасъ за вами. (Глафира и Анѣуса уходятъ.) А какая она хорошенькая, какая милая, умная! Вѣдь вотъ долго-ли! Посидиша этакъ вечера два съ ней, и начнешь подумывать; а тамъ только пооплошай, и запрягутъ. Хорошо еще, что она въ монастырь-то идетъ; а то бы и отъ нея надо было бѣгать. Нѣтъ, поскорѣй поужинать у нихъ да домой, отъ грѣха подальше, только она меня и видѣла. А послѣ хоть и увижу съ ней, такъ только: „здравствуйте“! да „прощайте“! Хороша ты, Глафира Алексѣевна а свобода и покой, и холостая жизнь моя лучше тебя.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Комната въ азіатскомъ вкусѣ въ домѣ Купавиной, съ однимъ выходомъ на террасу; стеклянная растворенная дверь съ портьерами, по сторонамъ двери два большихъ окна, закрытыя драпировками; по стѣнамъ и подъ окнами мягкие диваны. За балюстрадой террасы видѣнъ садъ и за нимъ живописная сельская мѣстность.

Явленіе первое.

Купавина, Глафира, потомъ лакей

Купавина.

Кажется, у тебя съ Лыняевымъ дѣло подвигается?

Глафира.

Ахъ, это только кажется.

Купавина.

Онъ вчера былъ такъ любезенъ съ тобой.

Глафира.

По заказу,—это была шутка.

Купавина.

Ты теряешь надежду, бѣдная?

Глафира.

Ну, не совсѣмъ. Надо еще разъ увидать его, тогда я буду знать навѣрно, можно на него разсчитывать, или нѣть.

Купавина.

А вотъ сегодня увидиши. Мнѣ Горецкій принесъ письмо отъ него; онъ пріѣдетъ, и угадай, съ кѣмъ?

Глафира.

Чтѣ угадывать-то, по глазамъ видно, что жениха дожидаешься.

Купавина.

Да, осчастливишъ насъ Василій Иванычъ Беркутовъ, прибылъ изъ Петербурга.

Глафира.

Когда они пріѣдутъ?

Купавина.

Конечно, вечеромъ. Надо пріодѣться для такого дорогого гостя.

Глафира.

Но до вечера Меропа Давыдовна можетъ прислать за мной лошадей.

Купавина.

Лошади и подождуть.

Глафира.

Разсердится.

Купавина.

Посердится, да и помилуетъ.

Глафира.

Не скоро, на это она нетороплива. (Входитъ лакей.)

Лакей

(подавая письмо Купавиной).

Меропа Давыдовна, тарантасъ прислали и письмо приказали вамъ отдать. (Купавина распечатываетъ и читаетъ письмо про себя.)

Глафира.

Ну, такъ я и знала! Эко несчастie! Опять черное платье, опять притворство и постничанье..

Купавина (лакею).

Вуколь Наумычъ въ усадьбѣ?

Лакей.

Никакъ нѣтъ-сь, они въ городѣ.

Купавина (съ беспокойствомъ).

Чтѣ-жь мнѣ дѣлать? Это такъ неожиданно ... Я совершенно теряюсь.

Глафира.

Чтѣ съ тобой?

Купавина.

А вотъ послушай, что Меропа Давыдовна пишетъ! (Лакею.) Ступай, скажи, чтобы кучеръ подождалъ! (Лакей уходитъ.)

Глафира.

Читай, читай!

Купавина (читаетъ).

„Милостивая Государыня, Евлампія Николаевна!“

Глафира.

Что-то строго начинается.

Купавина.

Нѣть, ты послушай, чтѣ дальше-то! (читаетъ) „Вамъ вчера неугодно было принять моего племянника. Если-бъ вы были дома однѣ, или вели очень скромную жизнь, я-бъ ничего не сказала, а то у васъ были люди, которые ничѣмъ его не лучше. Онъ такой-же дворянинъ, какъ и Лыняевъ и ужъ вѣрно не глупѣе его. Или вы сдѣлали это, не подумавши, или васъ научилъ какой-нибудь умный человѣкъ.“

Если ужъ вы забыли всѣ мои одолженія и милости къ вамъ, такъ должны были помнить, что за обиду я никогда въ долгу не остаюсь. Вы такъ развлеклись, или увлеклись, что забыли, что у васъ съ Аполлономъ есть тяжба. Мы, по простотѣ и по добротѣ своей, думали пожалѣть васъ, подобно какъ малаго беззащитнаго ребенка, и хотѣли кончить все дѣло миромъ, истинно по-христіански, въ любви и согласіи. Но коль скоро вы сами отворачиваетесь отъ насъ и презираете благодѣтелей, то ужъ не гнѣвайтесь на насъ. Взысканіе съ васъ очень большой суммы, чего и все ваше имѣніе не стойтъ, я произведу со всею строгостю и жалѣть васъ, и плакать о васъ не буду. Бывшая ваша благодѣтельница Меропа Мурзавецкая". Какъ тебѣ это покажется?

Глафира.

Не пугаетъ-ли она тебя?

Купавина.

Вотъ сюрпризъ! Я не знаю, чтѣ и отвѣтить. Надо подождать этихъ господъ, посовѣтуюсь съ ними. Вотъ тебѣ, поневолѣ приходится оставаться. (Входитъ Анѣуса.)

Явленіе второе.

Купавина, Глафира, Анѣуса.

Анѣуса.

Ужъ пріѣхали вѣдь ... чтѣ-жъ вы?...

Купавина.

Неужели они?

Анѣуса.

Да кому-жъ?...

Купавина.

Такъ я пойду, одѣнусь.

Анөуса.

Само собой ужь ... нешто хорошо!.. Почитай,
чужой ...

Купавина.

Попросите ихъ подождать.

Анөуса.

Да вотъ ужь ... сюда ... изъ саду.

Купавина (Глафириѣ).

Пойдемъ. (Уходятъ Глафира и Купавина.)

Анөуса.

Чтобъ раньше-то!... Говорила ужь ... (Входятъ
Лыняевъ и Беркутовъ).

Явленіе третье.

Анөуса, Лыняевъ, Беркутовъ.

Лыняевъ.

Вотъ, Анфуса Тихоновна, рекомендую вамъ друга.
Василій Иванычъ Беркутовъ.

Анөуса.

Ужь знаю ... давно вѣдь ...

Беркутовъ.

Какъ ваше здоровье, почтенная Анөуса Тихоновна?

Анөуса.

Ничего ... такъ ... голова иногда. Обождать
ужь ... хоть здѣсь ... просила ... сейчасъ, моль ...

Лыняевъ.

Не беспокойтесь, Анөуса Тихоновна, мы подо-
ждемъ.

Анёуса.

Ну, то-то!... Не долго, чай ... чтò ей тамъ.
Не взыщите! (Уходитъ.)

Лыняевъ.

Вотъ она сама тебѣ разскажетъ, какъ выманили
у нея тысячу рублей.

Беркутовъ.

Не горячись, пожалуйста, не горячись!

Лыняевъ.

Какъ, не горячись? Не могу не горячиться; вѣдь
это подлогъ, понимаешь ты, подлогъ.

Беркутовъ.

Успокойся! Никакого подлога нѣтъ.

Лыняевъ.

Чего-жь тебѣ? Да Горецкій признался. Жаль, я
проспалъ и не успѣлъ еще разспросить его хоро-
шенько сегодня утромъ; потомъ ты прїехалъ и ута-
шилъ его у меня.

Беркутовъ.

Я долго говорилъ съ Горецкимъ, и въ городъ
съ нимъ ъездилъ. Онъ тебя обманулъ. Ему пона-
добились деньги, онъ и сказалъ напраслину на себя.
Хорошъ и ты, повѣрилъ Горецкому.

Лыняевъ.

Чтò ни говори, а это дѣло не чисто.

Беркутовъ.

По-моему, въ вашемъ обществѣ Меропа Давы-
ловна должна стоять выше подозрѣній. Хорошо
общество, гдѣ всѣ смотрятъ другъ на друга, какъ
на разбойниковъ.

Лыняевъ.

Отъ Меропы всего ждать можно.

Беркутовъ.

Провинціалы любятъ уголовщину, ужъ это известно. Вамъ скучно безъ скандаловъ, подкапываетесь другъ подъ друга; больше вамъ дѣлать-то нечего.

Лыняевъ.

Да вѣдь грабятъ Евлампію Николавну.

Беркутовъ.

Ну, какъ хочешь, а пока я здѣсь, ты въ ея дѣла не путайся, пожалуйста, я тебя прошу. Поищи себѣ другое занятіе!

Лыняевъ.

По-твоему, и Чугуновъ хороший человѣкъ.

Беркутовъ.

А чтѣ-жь, Чугуновъ? Подьячій, какъ подьячій,—разумѣется, пальца въ ротъ не клади. Вѣдь вы, горячіе юристы, все больше насчетъ высшихъ взглядовъ, а глядишь, простого прошенія написать не умѣете. А Чугуновы — старого закала, Сводъ Законовъ на память знаютъ; вотъ они и нужны.

Лыняевъ.

Хорошо тебѣ,—ты пріѣдешь не на долго; а каково жить съ этимъ народомъ? Попробовалъ-бы ты!

Беркутовъ.

Кто умѣеть жить, тотъ вездѣ уживется. А кто ребячится, какъ ты, тому вездѣ трудно. Я уживусь.

Лыняевъ.

Посмотримъ; значитъ, ты къ намъ на долго?

Беркутовъ.

Нѣть. Послѣ, можетъ-быть, и совсѣмъ здѣсь поселюсь; а теперь мнѣ некогда, у меня большое дѣло въ Петербургѣ. Я пріѣхалъ только жениться.

Лыняевъ.

На комъ?

Беркутовъ.

На Евлампію Николавнѣ.

Лыняевъ.

У васъ развѣ ужь кончено?

Беркутовъ.

Еще не начиналось.

Лыняевъ.

Еще не начиналось, а ты ужь такъ увѣренно говоришь?

Беркутовъ.

Да никакихъ причинъ не вижу сомнѣваться. Охъ, братъ, ужь я давно поглядываю.

Лыняевъ.

На Евлампію Николавну?

Беркутовъ.

Нѣтъ, на это имѣніе, ну и на Евлампію Николавну, разумѣется. Сколько удобствъ, сколько до-ходныхъ статей, какая красавица мѣстность. (Указывая въ дверь.) Погляди, вѣдь это роскошь. А вонъ, на лѣво-то, у рѣчки, что за уголокъ прелестный! Какъ-будто сама природа создала.

Лыняевъ.

Для швейцарской хижинки.

Беркутовъ.

Нѣтъ, для винокуренаго завода. Признаюсь тебѣ, грѣшный человѣкъ, я ужь давно подумывалъ. Купавинъ старикъ старый, не нынче — завтра умреть, останется отличное имѣніе, хорошенькая вдова ... Я ужь поработалъ-таки на своемъ вѣку, думаю объ

отдыхъ; а чего-жъ лучше для отдыха, какъ такая усадьба, красивая жена, какая-нибудь почетная должность ...

Лыняевъ.

Мы тебя въ предводители.

Беркутовъ.

Мы! А много-ль васъ? Вы тутъ ссоритесь, на десять партій разбились. Ну, вотъ я пристану къ вамъ, такъ ваша партія будетъ посильнѣе. Знаешь, что я замѣчаю? Твое вольнодумство начинаетъ выдыхаться; вы, провинціалы, мало читаете. Вышло много новыхъ книгъ и брошюрокъ по твоей части; я съ собой привезъ довольно. Коли хочешь, подарю тебѣ. Прогляди книжки двѣ, такъ тебѣ разговору-то лѣтъ на пять хватить.

Лыняевъ.

Вотъ спасибо. Значить, у тебя за малымъ дѣло стало, только жениться?

Беркутовъ.

Да, жениться, мой другъ, жениться поскорѣй. Имѣніе я знаю, какъ свои пять пальцевъ, порядки въ немъ заведены отличные; надо торопиться, чтобы не успѣли запустить хозяйство. Умень былъ старикъ Купавинъ.

Лыняевъ.

Подъ старость, кажется, немножко рехнулся.

Беркутовъ.

Почему ты думаешьъ?

Лыняевъ.

Лѣсу накупилъ тысячъ на сто.

Беркутовъ.

Эка умница! Вотъ спасибо ему!

Лыняевъ.

За то чистыхъ денегъ Евлампія Николаевнѣ оставилъ мало; она теперь нуждается.

Беркутовъ.

И прекрасно сдѣлалъ. Оставь онъ деньги, такъ ихъ давно-бы не было, а лѣсъ-то стоитъ да растетъ еще.

Лыняевъ.

Да куда его дѣвать? На лѣсъ у насъ никакой цѣны нѣтъ.

Беркутовъ.

Лѣсъ Купавиной стоитъ полмилліона. Черезъ десять дней вы услышите, что здѣсь пройдетъ желѣзная дорога. Это изъ вѣрныхъ источниковъ, только ты молчи пока.

Лыняевъ.

Ай, ай! Ловко! А вотъ чтѣ! Я вѣдь тебѣ говорилъ, бланкъ-то она выдала Чугунову, бланкъ-то.

Беркутовъ.

Могла скверная штука выйти.

Лыняевъ.

Какъ, „могла“?

Беркутовъ.

Если-бѣ бланкъ попался въ другія руки.

Лыняевъ.

А Чугуновъ помилуетъ, чтѣ-ли?

Беркутовъ.

У Чугунова, какъ у всѣхъ старыхъ плутовъ, душа коротка, да и потребности ограничены. Я спрашивался; онъ тутъ пустошь торгуется, — три тысячи просятъ. Вѣроятно, онъ этимъ и удовольствуется.

Лыняевъ.

Значить, препятствій нѣть, и ты женишься. Но любопытно, какъ ты это устроишь?

Беркутовъ.

Ну, какъ, — я еще не знаю, глядя по обстоятельствамъ; только, во всякомъ случаѣ, это будетъ! Женщины любятъ думать, что онѣ свободны и могутъ располагать собой, какъ имъ хочется. А на дѣлѣ-то онѣ никакъ и никогда не располагаютъ собой; а располагаютъ ими ловкіе люди. (Входитъ Купавина.)

Явленіе четвертое.

Лыняевъ, Беркутовъ, Купавина

Купавина.

Извините, господа!

Лыняевъ.

Насъ извините, что мы не вѣ-время.

Беркутовъ

(залуя руки Купавиной).

Моя торопливость простительна, я такъ давно не видалъ васъ ... Нетерпѣніе мое было такъ велико ...

Купавина (съ улыбкой).

Чтѣ, если-бъ крылья ...

Беркутовъ.

Я-бы прилетѣлъ еще раньше.

Лыняевъ.

Ну, для амура ты ужъ немножко тяжелъ сталъ.

Купавина.

Да ужъ и стрѣлы, я думаю, порастратили.

Лыняевъ.

Нѣтъ, онъ еще приберегъ для случая.

Купавина.

Ужь развѣ немнога, и то не очень острыя.

Беркутовъ.

За то я сталъ бережливѣ и не раскидываю ихъ понапрасну.

Купавина.

А стрѣляете только навѣрное?

Беркутовъ.

По крайней мѣрѣ, не трачу даромъ, и то хорошо.

Лыняевъ.

Не позволите-ли вы мнѣ погулять по саду? А то, если я послѣ обѣда долго въ комнатѣ ...

Купавина.

Такъ сонъ клонитъ?

Лыняевъ.

Угадали.

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе, поступайте, какъ вамъ угодно.

Лыняевъ (уходя).

Чей это экипажъ у васъ на дворѣ?

Купавина.

Мурзавецкая прислала за Глафиroy Алексѣевной.

Лыняевъ.

Такъ она уѣзжаетъ?

Купавина.

А вамъ жаль?

Лыняевъ.

Не скажу, чтобъ очень. А скоро уѣзжаетъ?

Купавина.

Сейчасъ.

Лыняевъ.

Счастливый путь, скатертью ей дорожка! (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Купавина, Беркутовъ, потомъ лакей.

Купавина.

На долго вы къ намъ?

Беркутовъ.

Нѣтъ, къ несчастію, на короткое время; я пріѣхалъ по дѣлу.

Купавина.

По дѣлу?

Беркутовъ.

Я бы могъ обмануть васъ, сказать, что пріѣхалъ собственно за тѣмъ, чтобъ увидать васъ, чтобъ полюбоваться на васъ; но, во-первыхъ, вы этому не повѣрите ...

Купавина.

А, можетъ-быть, и повѣрю.

Беркутовъ.

Ну, такъ я не хочу васъ обманывать. Послѣ двухъ лѣтъ разлуки, какъ я смѣю разсчитывать, что мои нѣжности будутъ вамъ пріятны? Вы могли перемѣниться, да, вѣроятно, и перемѣнились. Вы теперь женщина богатая и свободная, ухаживать за вами не совсѣмъ честно; да и вы на каждого взды-

хателя должны смотрѣть, какъ на врага, который хочетъ отнять у васъ и то, и другое, то есть, и богатство, и свободу. Прежде, другое дѣло, вы были въ зависимомъ положеніи, да и оба мы были помоложе. (Со вздохомъ) Ахъ, какое хорошее время было!

Купавина.

Такъ вы совершенно отказываетесь ухаживать за мной?

Беркутовъ.

Совершенно. А вамъ хотѣлось помучить меня, позабавиться? Не запирайтесь! Ужь я вижу по глазамъ вашимъ. Ну, Богъ съ вами. Поберегите кокетство для другихъ обожателей: у васъ будетъ много. Побесѣдуемъ, какъ дѣловые люди! Я пріѣхалъ продать усадьбу.

Купавина.

Что вамъ вздумалось? Родовое имѣніе ...

Беркутовъ.

Такъ что-жь, что родовое? Доходовъ очень мало, нѣть выгоды имѣть его, чистая деньги мнѣ больше дадутъ.

Купавина.

И васъ ничто не привязываетъ къ мѣсту вашего рожденія, вамъ ничего не жаль здѣсь?

Беркутовъ.

Можетъ-быть, и жаль, да разсчету нѣть.

Купавина.

Все разсчеты, разсчеты и нисколько сердца.

Беркутовъ.

Остываетъ оно съ годами-то, Евлампія Николавна. Купите у меня имѣніе!

Купавина.

У меня денегъ нѣть, да я и плохая хозяйка.

Беркутовъ.

Вы скромничаете. У васть все такъ хорошо, все въ такомъ цвѣтущемъ видѣ, вездѣ порядокъ, чистота.

Купавина.

Чистота дѣло женское и очень не мудреное; а какъ идетъ хозяйство у меня, я не имѣю и понятія. Бываютъ дѣла, которыхъ выше моего соображенія; я должна довѣряться постороннимъ людямъ и, конечно, могу быть обманута.

Беркутовъ.

Чтѣ-же, напримѣръ?

Купавина.

Да вотъ и теперь есть у меня дѣло, которое меня очень беспокоитъ.

Беркутовъ.

Если не секретъ, скажите.

Купавина.

Нимало не секретъ; я даже хотѣла посовѣтиться съ вами и просить вашей помощи.

Беркутовъ.

Всей душой радъ помочь вамъ, если только время позволить. Въ чемъ дѣло?

Купавина.

Рассказывать долго, а вотъ лучше прочтите письмо.
(Подаетъ письмо Мурзавецкой.)

Беркутовъ

(прочитавъ письмо отдать его обратно).

Прочель-сь.

Купавина.

Чтѣ-же вы скажете?

Беркутовъ.

Надо узнатъ, какъ велика претензія, осмотрѣть документы.

Купавина.

Я слышала, двадцать пять тысячъ. А потомъ?

Беркутовъ.

Потомъ поскорѣй заплатить деньги, чтобы не доводить до процесса. На всякий случай надо имѣть тысячу тридцать. Есть у васъ?

Купавина.

Нѣтъ, у меня денегъ очень мало.

Беркутовъ.

Это вотъ дурно.

Купавина.

Вы меня пугаете.

Беркутовъ.

Нисколько не пугаю; зачѣмъ мнѣ вѣсъ пугать? Я только объясняю вамъ ваше положеніе.

Купавина.

Какое-же мое положеніе?

Беркутовъ.

Незавидное. Вы очень богатая женщина, но эти тридцать тысячъ такъ могутъ разстроить ваше состояніе, что вамъ его никогда не поправить.

Купавина.

Почему-же?

Беркутовъ.

Вы должны или заложить имѣніе въ банкъ ...

Купавина.

Вотъ и деньги!

Беркутовъ.

Но тогда почти всѣ доходы уйдутъ на процен-
ты, и вамъ самимъ мало останется на прожитіе.

Купавина.

Такъ закладывать не надо.

Беркутовъ.

Въ такомъ случаѣ надо продать часть имѣнія,
лѣсъ напримѣръ. У васъ есть тысячи полторы де-
сятинъ лѣсу?

Купавина.

Какъ полторы? Четыре тысячи.

Беркутовъ.

Въ другомъ мѣстѣ это огромное богатство, а
здесь на лѣсъ цѣны низки: лѣсопромышленники
дадутъ вамъ рублей по десяти за десятину, значитъ,
надо продать его почти весь. А безъ лѣсу имѣніе
стоитъ гроши. Дадутъ и дороже десяти рублей, но
съ разсрочкой платежа, по вырубкѣ, а вамъ нужны
деньги сейчасъ. Вотъ какое ваше положеніе.

Купавина.

Да, я теперь вижу. (Входитъ лакей.)

Лакей.

Василій Иванычъ, васъ межевої спрашиваетъ.
Говоритьъ, что непремѣнно нужно васъ видѣть.

Беркутовъ (Купавиной).

Позвольте мнѣ въ вашемъ присутствіи сказать
Горецкому десять словъ не болѣе. Я посылаю его
въ Вологду межевать лѣса въ моемъ имѣніи.

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе. (Лакею.) Позови! (Лакей уходитъ.)
Мы поговорить еще успѣмъ. (Входитъ Горецкій.)

Явленіе шестое.

Беркутовъ, Купавина, Горецкій.

Беркутовъ (Горецкому).

Чтѣмъ угодно?

Горецкій.

За мной дядя прислалъ, велить сейчасъ пріѣзжать. Какъ прикажете?

Беркутовъ.

Вы не знаете, зачѣмъ?

Горецкій.

Говорятъ, дѣло есть.

Беркутовъ (подумавъ).

Поѣзжайте и дѣлайте все, что вамъ прикажутъ. А между тѣмъ сбирайтесь; вы поѣдете завтра на пароходѣ въ полдень. Утромъ вы мнѣ будете нужны: постарайтесь меня увидать прежде, чѣмъ я буду у Меропы Давыдовны; выходите ко мнѣ на встрѣчу, на дорогу.

Горецкій.

Хоть за пять верстъ, если прикажете.

Беркутовъ.

Такъ далеко не нужно. Только постарайтесь, чтобы васъ не замѣтили; вообще не будьте очень откровенны, и не болтайтесь пустяковъ. Вы отдали пятнадцать рублей Михаилу Борисычу?

Горецкий.

Сейчас въ саду отдамъ-сь. Денегъ мнѣ не дадите?

Беркутовъ.

Завтра утромъ пятьдесятъ рублей, а теперь ни гроша. Прощайте. (Горецкий кланяется и уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Беркутовъ, Купавина.

Беркутовъ.

Виновать. Съ Горецкимъ я кончилъ, и весь къ вашимъ услугамъ.

Купавина.

Угодно вамъ продолжать нашъ разговоръ? Утѣшьте меня!

Беркутовъ.

Очень радъ, очень радъ. Я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ не сочлисъ съ Мурзавецкой, — вы видитесь съ ней часто. Надо было хорошенъко разобрать дѣло, на слово никому вѣрить не должно, и сойтись на какую-нибудь сдѣлку, склонить ее на уступку, на разсрочку, чтобы расплатиться безъ затрудненій и безъ хлопотъ. Вы, какъ видно, не успѣли привести въ ясность, ни имѣнія вашего, ни доходовъ, ни обязательствъ, которыя лежатъ на вашемъ имѣніи. Вы скажете: „я все пѣла“. Прекрасно. Съ васъ и требовать многаго нельзя: вы неопытны, ваше положеніе новое для васъ. Но неужели у васъ, кромѣ продажного подьячаго, не было ни близкихъ, ни знакомыхъ, кто-бы могъ привести въ порядокъ дѣла по вашему имѣнію? Неужели вы ни въ комъ не видали участія къ вамъ, не имѣли ни отъ кого доброго совѣта?

Купавина.

Нѣтъ, имѣла.

Беркутовъ.

Да чтоб-же?

Купавина.

Да не послушала.

Беркутовъ.

И даже не отвѣчали на письмо ...

Купавина.

Довольно странное, въ которомъ ...

Беркутовъ.

Было все, чтоб нужно для васъ: дружеское участіе и практическіе совѣты.

Купавина.

Вы сердитесь на меня?

Беркутовъ (съ улыбкой).

Нѣтъ.

Купавина.

Такъ докажите, что не сердитесь и помогите мнѣ добрымъ совѣтомъ!

Беркутовъ.

Это, моя обязанность. Но примете-ли вы мой совѣтъ? Дайте мнѣ слово, что вы меня послушаете.

Купавина.

Связать себя словомъ, не зная ...

Беркутовъ.

Не бойтесь, мой совѣтъ безкорыстенъ: я имѣю въ виду только вашу одну пользу.

Купавина.

Въ такомъ случаѣ я приму. Чѣмъ вы мнѣ посовѣтуете?

Беркутовъ.

Выходите поскорѣе замужъ!

Купавина (съ изумленіемъ).

Замужъ? За кого?

Беркутовъ.

За Мурзавецкаго.

Купавина.

Вы меня оскорбляете.

Беркутовъ.

И въ помышлениі не имѣль ничего, кроме доброго расположенія къ вамъ.

Купавина.

Я не знаю, какъ они осмѣлились! Намеки Меропы Давыдовны очень понятны были.

Беркутовъ.

Да отчего-жь имъ не смѣть? Онъ — дрянь мальчикъ; но вѣдь своихъ недостатковъ онъ не замѣчаетъ. Онъ дворянинъ, еще молодъ, можетъ получить кой-что отъ тетки, и нельзя сказать, чтобы вы, съ вашимъ приданнымъ, стояли для него очень высоко.

Купавина.

Вы или шутите, или хотите обидѣть меня.

Беркутовъ.

Ни то, ни другое; всякий умный человѣкъ скажетъ вамъ то-же, что я.

Купавина.

Такъ, по-вашему, для меня единственное средство — выйти за Мурзавецкаго?

Беркутовъ.

Не единственное, но лучшее, чтобы сохранить въ цѣлости имѣніе и не раззориться.

Купавина (твѣрдо).

Такъ выходить? Я васъ рѣшительно спрашиваю?

Беркутовъ.

Да, выходите! Хорошо сдѣлаете, очень хорошо.

Купавина.

Какой тонъ у васъ равнодушный! Вы, какъ медикъ, приговариваете къ смерти безъ состраданія.

Беркутовъ.

Но, когда обращаются къ медику, такъ отъ него не состраданія требуютъ, а знанія своего дѣла и полезнаго совѣта.

Купавина.

Я могла надѣяться, судя по нашимъ прежнимъ отношеніямъ ...

Беркутовъ.

Безпощадное время уноситъ все.

Купавина.

И по послѣднему письму ...

Беркутовъ.

За послѣднее письмо извините! Собираясь сюда не надолго и, вѣроятно, въ послѣдній разъ, я хотѣлъ встрѣтиться со всѣми любезно и оставить по себѣ хорошее впечатлѣніе. Можетъ-быть, я пересосилъ, впалъ въ пошлость.

Купавина.

Только?

Беркутовъ (холодно).

Только. Вы еще не отвѣчали Мурзавецкой на письмо?

Купавина.

Нѣтъ.

Беркутовъ.

Надо отвѣчать.

Купавина.

Я не знаю, чтѣ.

Беркутовъ.

Это не мудрено. Если хотите, я вамъ помогу. Я завтра утромъ буду у Мурзавецкой и поговорю о вашемъ дѣлѣ; можетъ-быть, оно и не такъ страшно, какъ кажется изъ дали. Вы мнѣ довѣряете?

Купавина.

Я прошу вѣсть. (Входитъ Лыняевъ)

Явленіе восьмое.

Купавина, Беркутовъ, Лыняевъ.

Лыняевъ.

Ходилъ, ходилъ по саду, еще хуже, такъ и клонитъ.

Купавина.

Этому горю помочь очень легко. Мы съ Василемъ Иванычемъ пойдемъ писать письмо Мурзавецкой, а вы можете расположиться здѣсь, какъ вамъ угодно. Эту комнату мой мужъ нарочно и устроилъ для послѣобѣденныхъ отдыховъ: окна на сѣверъ, кругомъ зелень, тишина, мягкие диваны.

Лыняевъ.

Именно все это мнѣ и нужно для того, чтобы быть совершенно счастливымъ.

Купавина.

Такъ и будьте!

Лыняевъ.

Постараюсь. (Купавина и Беркутовъ уходятъ.) Кто что ни говори, а холостая жизнь очень пріятна. Вотъ теперь, напримѣръ, еслибъ я былъ женатъ, вѣдь же на помѣшала-бы спать. „Не спи, душенька, не хорошо, тебѣ нездорово, ты отъ этого толстѣешь.“ А того и знать не想要, какъ ея „душенькѣ“ пріятно уснуть, когда сонъ клонить, и глаза смыкаются. (Садится на диванъ подъ окномъ. Глафира изъ-за портьеръ, смотрить на него страстныи, хищническимъ взглядомъ, какъ кошка на мышь.) А какъ хорошо просыпаться холостому! Какъ только откроешь глаза, первая мысль: что ты самъ себѣ господинъ, что ты свободенъ. Нѣтъ я неисправимый холостякъ, — я свою дорогую свободу не промѣняю ни на какія ласки бархатныхъ ручекъ. (Медленно склоняется къ изголовью. Глафира, выйдя изъ за портьеръ, обнимаетъ его одной рукой за шею и смотритъ ему прямо въ глаза. Лыняевъ, приподнимаясь, смотритъ на Глафиру съ испугомъ).

Явленіе девятое.

Лыняевъ, Глафира.

Глафира

(поднося платокъ къ глазамъ).

Чтѣ вы со мной сдѣлали?

Лыняевъ

(вставъ съ дивана и протирая глаза).

Я? Нѣтъ, что это вы-то со мной дѣлаете?

Глафира.

Я не знаю ... я помѣшалась ... я не помню ничего. А во всемъ вы виноваты, вы ...

Лыняевъ.

Ни душой, ни тѣломъ.

Глафира.

Нѣтъ, вы ... Я вамъ говорила ...

Лыняевъ.

Чѣмъ я виноватъ, чѣмъ?

Глафира.

Я вамъ говорила, я васъ предупреждала, что сильная страсть можетъ вспыхнуть во мнѣ каждую минуту ... Я такая нервная ... Ну, вотъ, ну, вотъ! ... А вы, зная мою страсть ...

Лыняевъ.

Да вѣдь я по вашему приказанію ...

Глафира.

Я вамъ говорила ... а вы сводили меня съ ума своими похвалами, цаловали мои руки.

Лыняевъ.

Да вѣдь шутка, Глафира Алексѣевна ... шутка ...

Глафира.

Я вамъ говорила, что любовь, кромѣ страданій, ничего мнѣ не доставить ... Я вѣдь вамъ говорила, а вы ... Ну, вотъ я не спала всю ночь; я полюбила васъ до безумія.

Лыняевъ.

Ахъ, вотъ бѣда-то! Ну, простите меня!

Глафира.

Я вамъ говорила, что если ужъ я полюблю ...

Лыняевъ.

Да, говорили, кажется ... но успокойтесь!

Глафира (съ отчаяніемъ).

Вы меня погубили.

Лыняевъ.

Ну, я виноватъ, я каюсь. Ради Бога извините!
Я неумышленно ... (Хочеть поцаловать у Глафиры руку.)

Глафира.

Не дотрагивайтесь до меня!... Я такая нервная ...

Лыняевъ.

Но позвольте-жь поцаловать вашу ручку на прощанье. И поѣзжайте, поѣзжайте ...

Глафира.

Ахъ, нѣтъ, оставьте ... не трогайте!

Лыняевъ.

На прощанье! Я, по крайней мѣрѣ, буду знать ...

Глафира.

Я такая нервная ...

Лыняевъ.

Что вы меня не презираете. (Беретъ руку Глафиры.)

Глафира.

Я говорила вамъ ...

Лыняевъ.

Вѣдь вы уѣдетѣ?... Уѣдетѣ? Ну, и поѣзжайте!
(Целуетъ руку Глафиры.)

Глафира.

Ахъ, я такая нервная ... Ахъ, ахъ! (Бросается на шею Лыняеву и закрываетъ глаза.)

Лыняевъ.

Чтò-же это вы, Глафира Алексеевна! Глафира Алексеевна!

Глафира (открывъ глаза).

Ахъ, сюда идуть, кажется.

Лыняевъ.

Они ходятъ по террасѣ.

Глафира.

Ахъ, ахъ! (Закрывая глаза.)

Лыняевъ.

Глафира Алексеевна, Глафира Алексеевна, не беспокойтесь ... они сюда не пойдутъ.

Глафира.

Вы меня погубили ... Что подумаютъ? Куда мнѣ дѣться? Другого выхода нѣтъ.

Лыняевъ.

Да вы потише, не очень громко, а то ..

Глафира.

Развѣ они слышать? Спрячьте меня, спрячьте!

Лыняевъ.

Да куда-же мнѣ васъ?.. Развѣ за драпировку?..

Глафира.

Да вотъ они идуть ... Вы меня погубили ...

Лыняевъ.

Да тише, ради Бога, тише!

Глафира.

Ахъ, чтò вы со мной сдѣлали! (Бросается къ нему на шею и закрываетъ глаза.)

(Показываются въ дверяхъ: Беркутовъ и Купавина).

Явленіе десятое.

Лыняевъ, Глафира, Беркутовъ, Купавина, потомъ лакей.

Беркутовъ.

Чтò я вижу? Другъ мой!

Купавина.

Михайло Борисычъ, Михайло Борисычъ! Вотъ вы какой! Ахъ, притворщикъ!

Лыняевъ (сквозь слезы).

Ну, чтò-жь! Ну, я женюсь. (Входитъ лакей.)

Лакей.

Глафира Алексѣевна, лошади готовы.

Глафира.

Ахъ, и люди туты! Чтò вы со мной сдѣлали? Чтò теперь Меропа Давыдовна?

Купавина.

Ахъ, бѣдная! Ты останься у меня!

Беркутовъ.

Не беспокойтесь! Я завтра буду у Меропы Давыдовны, я ей объясню все.

Лыняевъ (чуть не плача).

Ну, чтò-жь, я женюсь. Ты такъ и скажи, пожалуйста! Скажи, что я женюсь.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Декорація 1-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Павлинъ, входитъ Чугуновъ.

Чугуновъ.

Здравствуй, Павлинушка!

Павлинъ.

Здравствуйте, сударь! Немножко раненько по-
жаловали.

Чугуновъ.

Такъ приказано. Дай-ко табачку-то!

Павлинъ (подавая табакерку).

Извольте, сударь.

Чугуновъ.

Встали?

Павлинъ.

Сѣли чай кушать. Да вотъ они сами изволятъ.
(Входитъ Мурзавецкая, Павлинъ уходитъ).

Явленіе второе.

Мурзавецкая, Чугуновъ, потомъ Павлинъ.

Мурзавецкая.

А, ты здѣсь ужь? Здравствуй!

Чугуновъ.

Здравствуйте, матушка, Меропа Давыдовна!
Какъ почивать изволили?

Мурзавецкая (садясь).

Ничего. Садись! (Чугуновъ садится.) Гнать-бы мнѣ
тебя надо было.

Чугуновъ.

За чѣ-же, матушка?

Мурзавецкая.

Просимъ Бога избавить насть отъ лукаваго, а лу-
кавый вѣдь это ты.

Чугуновъ.

Гдѣ ужь мнѣ, благодѣтельница! Умишка на та-
кую должность не хватитъ. Мнѣ-бы только вамъ
умѣть угодить, съ меня и довольно.

Мурзавецкая.

Письмо получила.

Чугуновъ.

Слушаю-сь.

Мурзавецкая.

Прѣдѣть сегодня. Несмѣяна-то царевна, испу-
галась.

Чугуновъ.

Чай, простите?

Островскій. IX.

Мурзавецкая.

Нѣтъ, отомщу, отомшу. Грѣхъ на душу возьму, а отомшу. (Стучитъ костылемъ.)

Чугуновъ.

Чѣмъ отомстить-то? Вы только грозите. А кто нынче угрозы-то боится?

Мурзавецкая.

Твое дѣло дьявольства-то придумывать! Чѣо у тебя на умѣ, сказывай?

Чугуновъ.

Чѣо сказывать-то, коли сердитесь.

Мурзавецкая.

Нѣтъ, говори! Ты знаешь, я упрѣма; ужь коли приказываю, такъ говори!

Чугуновъ.

Какъ вамъ угодно, а по-моему, простить нель-
зя-сь. Противъ благодѣтельницы своей да такая наスマѣшка!

Мурзавецкая.

Да, да, вотъ!

Чугуновъ.

Вы кто у насть въ губерніи-то? Каковъ-бы ни былъ Аполлонъ Викторычъ, да онъ вашъ племянникъ. Легко сказать: племянникъ Меропы Да выдовны! Много-ль такихъ-то особъ?

Мурзавецкая.

Ну, вотъ, поди-жь ты, какая герцогиня нашлась

Чугуновъ.

Сама приглашала; вы тутъ дожидаетесь отвѣту, беспокоитесь, а тамъ его лакеи чуть не въ шею.

Мурзавецкая.

Да, да. (Громко.) Аполлонъ, поди сюда!

Чугуновъ.

На чѣдѣ похоже, помилуйте! (Входитъ Мурзавецкій, одѣтъ по охотничьи, въ рукахъ ружье.)

Явленіе третье.

Мурзавецкая, Чугуновъ, Мурзавецкій.

Мурзавецкая.

Ты куда этѣ?

Мурзавецкій.

Вальдшнепы показались по садамъ, перебить надо

Мурзавецкая.

Купавина тебя сама приглашала?

Мурзавецкій.

Сама, ма тантъ; я вамъ тогда говорилъ.

Мурзавецкая.

Да, можетъ-быть, такъ, мимоходомъ?

Мурзавецкій.

Мимоходомъ! Такъ на шею и бросается; ужъ я ее останавливалъ, говорилъ: лесе, не хорошо!

Чугуновъ.

Вотъ, вотъ она какая!

Мурзавецкая.

Можетъ-быть, Аполлонъ и лжеть, а все-же хотїтъ-нибудь есть и правды.

Мурзавецкій.

Все правда, ма тантъ.

Мурзавецкая.

Ну, а дальше что?

Мурзавецкий.

А дальше малёръ. Мало того, что не пустила, а еще поставила засаду изъ лакеевъ. И если-бы не мой Тамерланъ, ну, адъё, монъ плезиръ! Только-бы вы меня и видѣли, ма тантъ. Левъ, а не собака: того за горло, другого за горло, ну, и разбѣжались, и я живъ. Собака — другъ. (Свищетъ.) Тамерланъ, иси! Другъ единственный!

Мурзавецкая.

Не надо, не надо, оглушилъ. Ступай! (Мурзавецкий уходитъ въ переднюю.)

Явленіе четвертое.

Мурзавецкая, Чугуновъ.

Мурзавецкая.

Чтò-жь это такое, Вуколь, а?

Чугуновъ (нюхая табакъ).

Насмѣшка.

Мурзавецкая.

Надъ кѣмъ?

Чугуновъ.

Надъ вами, видимое дѣло.

Мурзавецкая.

Отомстить-то ей я отомщу, ужь найду случай, не умру безъ того; да мнѣ-бы теперь-то зло сорвать дороже всего.

Чугуновъ.

Надо теперь; что откладывать? Еще забудете, пожалуй.

Мурзавецкая.

Не забуду я, милый, не забуду никогда.

Чугуновъ.

Они теперь, чай, смѣются съ Лыняевымъ.

Мурзавецкая.

Да чтѣ ты меня дразнишь-то, сутяга? Затѣмъ, чтѣ-ли, я тебя позвала-то?

Чугуновъ.

Чѣмъ я васъ дразню? Сами знаете, что смѣются.

Мурзавецкая.

Молодая бабенка, и ума-то не важнаго, смѣется надъ нами, какъ надъ дураками; а мы съ тобой, старые умники, сидимъ да ничего сдѣлать ей не можемъ.

Чугуновъ.

Все можно сдѣлать, все.

Мурзавецкая.

Да чтѣ? Пусть пріѣдетъ, да прощенья просить, вотъ чтѣ мнѣ нужно!

Чугуновъ.

И это можно.

Мурзавецкая (стуча костылемъ).

Хвастаешь, хвастаешь, приказная крыса.

Чугуновъ.

На колѣняхъ будетъ стоять.

Мурзавецкая.

Говорю, не дразни! Костылемъ вѣдь я тебя!

Чугуновъ.

Спасибо скажете, а не то, чтѣ костылемъ.

Мурзавецкая.

Ну, бѣсь воплощенный, чтѣ у тебя за каверзы,
говори!

Чугуновъ (вынимая бумагу).

А вотъ покажите-ко ей, пусть посмотритъ!

Мурзавецкая (взявъ бумагу).

Чтѣ это? Письмо къ Аполлону.

Чугуновъ.

Извольте прочитать.

Мурзавецкая (читаетъ).

„Милостивый государь, Аполлонъ Викторычъ! По дѣламъ моимъ съ покойнымъ родителемъ вашимъ, я остался долженъ ему въ разное время тысячи до тридцати, чтѣ вы можете усмотрѣть изъ конторскихъ книгъ и счетовъ, если таковые сохранились. Но весьма можетъ-быть, что, по извѣстной небрежности вашего родителя, въ его бумагахъ не осталось никакихъ слѣдовъ моего долга. Я нисколько не желаю скрывать оный и лишать васъ удовлетворенія; на каковой конецъ и прилагаю при семъ узаконенной формы документъ“... Такъ ты вотъ что придумалъ! А про Сибирь-то забылъ?

Чугуновъ.

Да чтѣ за пропасть! Только и слышу отъ всѣхъ, что Сибирь, да Сибирь.

Мурзавецкая.

Дѣла твои, милый, такія; оттого и слышать тебѣ часто приходится.

Чугуновъ

(вынувъ изъ кармана векселя).

Вотъ и векселя!

Мурзавецкая.

Готово ужъ? Нѣтъ, Вуколь, въ тебѣ дьяволъ

сидить. Какъ васъ, искаріотовъ, земля терпитъ? А что за книга это у тебя?

Чугуновъ.

Конторская старая; тутъ и счеты есть. Изъ кладовой мы ее достали, отсырѣла она, пятнышками пошла. Векселя у меня въ ней всю ночь лежали, да и теперь пусть лежать, да выцвѣтаютъ; а то свѣжи чернила-то. Да тутъ имъ и быть слѣдуетъ. (Береть векселя у Мурзавецкой.) Поглядите, какая чистота-то!

Мурзавецкая.

Чтѣ глядѣть-то, дьяволъ тебѣ помогаетъ.

Чугуновъ.

Только это и слышу отъ васъ. (Кладетъ векселя въ книгу и отдаетъ Мурзавецкой.)

Мурзавецкая.

Да какъ-же не дьяволъ? Развѣ человѣкъ самъ на такую гадость рѣшился? Да хоть-бы и рѣшился, такъ одному, безъ дьявола, не съумѣть.

Чугуновъ.

Думаешь угодить, а вы браните. Вотъ житѣе-то мое!

Мурзавецкая.

Полно хныкать-то!

Чугуновъ.

Да право! Лучше отдайте, я ихъ уничтожу.

Мурзавецкая.

Ну, какъ не отдать! Говори, крыса, что мнѣ съ ними дѣлать-то?

Чугуновъ.

Евлампія Николаевна пріѣдетъ, вы покажите векселя, да построже обойдитесь. Уплатите, молъ, не-

медленно, а то ко взысканію подамъ. Ну, ужь тутъ она вся въ вашихъ рукахъ: что хотите, то съ ней и дѣлайте.

Мурзавецкая.

Ну, да, ну, да. Пугнуть только; а то неужто-жъ въ судъ представлять? Вѣдь они фальшивые. (Кладеть книгу на столъ.)

Чугуновъ.

А какъ сдѣланы-то—заглядѣнья! Эхъ! Представить-бы ихъ завтра въ мировому—къ вечеру исполнительный листъ готовъ; а то письма пишете, грозите, предупреждаете только. Пожалуй, и довѣренность мою уничтожать.

Мурзавецкая.

Противъ своей барыни-то! Хорошъ управляющій!

Чугуновъ.

Я ужь себя обезпечилъ, на пустошь денегъ добылъ. Чѣмъ мнѣ ее жалѣть-то! Всѣ тридцать тысячъ взыскали-бы, мнѣ двадцать процентиковъ.

Мурзавецкая.

Да какъ ты посмѣль ротъ-то разинуть! Кому ты говоришь? Благородной дамѣ ты такія подлости предлагаешь!.. Такъ бы вотъ тебя по лысинѣ-то и огрѣла. Да и стойти. (Прислушиваясь.) Никакъ кто-то подѣхалъ? Поди, закуси чѣм-нибудь! Я тебя послѣ позову. (Чугуновъ уходитъ. Входитъ Павлинъ.)

Павлинъ.

Василій Иванычъ Беркутовъ.

Мурзавецкая.

Какой такой Беркутовъ? Да, да, да, помню. Проси! (Павлинъ уходитъ. Входитъ Беркутовъ.)

Явленіе пятое.**Мурзавецкая, Беркутовъ.****Беркутовъ.**

Честь имѣю представиться! Изволите помнить?

Мурзавецкая.

Ну, какъ, батюшко, Василій Иванычъ, не помнить! Милости прошу садиться! (Беркутовъ садится.) Давно прѣхали?

Беркутовъ.

Третьяго-дня вечеромъ. Извините! Вчера-же хотѣлъ быть у васъ, да очень усталъ съ дороги: Еще въ Петербургѣ поставилъ для себя долгомъ, по прїездѣ сюда, ни мало не откладывая, явиться къ вамъ, засвидѣтельствовать свое почтеніе и сообщить, что молва о вашей подвижнической жизни, о вашихъ благодѣяніяхъ, достигла уже и до столицъ.

Мурзавецкая.

Благодарю, батюшко!

Беркутовъ.

Кромѣ того, мнѣ, какъ прїезжу, любопытно знать житѣе-бытье въ нашей губерніи; а отъ кого-же я могу получить болѣе вѣрныя свѣдѣнія и болѣе справедливые отзывы, какъ не отъ васъ?

Мурзавецкая.

Ужь кому-жъ и знать наши дѣла, какъ не мнѣ?

Беркутовъ.

Какъ у насъ земство, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая.

Ну, чтѣ! Черезъ пень колоду валятъ.

Беркутовъ.

А чтѣ-же-бы къ вамъ за совѣтомъ?

Мурзавецкая.

Всѣ сами умники: поѣдутъ они къ старухѣ, какъ-же!

Беркутовъ.

Положимъ, что между ними есть люди и не глупые, но вѣдь у васъ только могутъ они занять опытность, знаніе жизни народной и нуждъ здѣшняго края. Нѣтъ, если-бы я стала служить здѣсь ...

Мурзавецкая.

А кто-жъ мѣшаетъ?

Беркутовъ.

Дѣла есть неоконченныя. Я-бы, разумѣется, стала баллотироваться на болѣе видныя должности.

Мурзавецкая.

Да сдѣлайте милость! Вотъ у насъ скоро выборы будутъ въ предводители, въ предсѣдатели Земской Управы ...

Беркутовъ.

Я вѣдь только къ тому говорю, Меропа Давыдовна, что, если-бы я служилъ, я-бы безъ вашего совѣта ничего не сдѣлалъ.

Мурзавецкая.

Послушай-ко, Василій Иванычъ, ужь извини меня, старуху, баллотируйся!

Беркутовъ.

И своимъ-то умомъ Богъ не обидѣль, да съ вашими-бы совѣтами ... да тогда вся губернія бы ла-бы у насъ съ вами въ рукахъ.

Мурзавецкая.

Говорю тебѣ, баллотируйся! Чего тебѣ бояться?

Беркутовъ.

Да, мнѣ бояться нечего: я здѣсь со всѣми въ ладу. Хоть ребячество Лыняева и всей ихъ компаніи я и не одобряю, а все-таки нессорюсь и съ ними.

Мурзавецкая.

Именно, ребячество, вотъ ужъ вѣрное-то слово ты сказалъ.

Беркутовъ.

Разумѣется, я душою всегда буду съ вами, въ вашей партіи.

Мурзавецкая.

Ну, такъ мы тебя и запишемъ; значитъ, нашего полку прибыло.

Беркутовъ.

Я подумаю, Меропа Давыдовна, подумаю. Позвольте вамъ услужить. Я съ собой привезъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія.

Мурзавецкая.

Сдѣлай милость, одолжи.

Беркутовъ.

Да я вамъ ихъ подарю. (Вставъ.) Честь имѣю кланяться. Мнѣ нужно сдѣлать въ городѣ нѣсколько визитовъ. Я еще заѣду къ вамъ и не одинъ разъ, если позволите. Бесѣда съ вами такъ назидательна. (Раскланивается.)

Мурзавецкая.

Милости прошу во всякое время.

Беркутовъ.

Ахъ, извините! У меня есть къ вамъ небольшая просьба.

Мурзавецкая.

Чтѣ такое, батюшко? Очень рада служить, чѣмъ могу.

Беркутовъ.

Я имѣю порученіе отъ сосѣдки моей, Евлампіи Николавны. Дѣло-то не важное.

Мурзавецкая.

Какъ не важное? Нѣтъ, ужь это она напрасно такъ думаетъ.

Беркутовъ.

Во - первыхъ, она просить у васъ извиненія и сама сегодня будетъ у васъ.

Мурзавецкая.

Вотъ такъ-то лучше, давно-бы ей догадаться.

Беркутовъ.

А что касается до долга ея мужа вашему покойному брату, или теперь вашему племяннику, такъ неизвѣстно, признавалъ - ли господинъ Купавинъ этотъ долгъ.

Мурзавецкая.

Признавалъ, самъ признавалъ, какъ-же.

Беркутовъ.

Да почемъ вы знаете?

Мурзавецкая.

Письмо есть.

Беркутовъ.

Послушайте, Меропа Давыдовна, и вы этому вѣрите?

Мурзавецкая.

Да какъ не вѣрить, коли и документы, и все у меня на лицо.

Беркутовъ.

Какіе-же они негодяи! Чѣмъ они съ вами дѣлаются?

Мурзавецкая.

Кто это, кто?

Беркутовъ.

Племянничекъ вашъ Аполлонъ и компанія.

Мурзавецкая.

Да вы не забывайтесь, милостивый государь! Вы у меня въ домѣ.

Беркутовъ.

Нѣть, гоните его, гоните всѣхъ ихъ скорѣе!

Мурзавецкая.

Онъ дворянинъ ... Да если-бы онъ слышалъ! Да и я ... вѣдь я его тетка. Или извольте замолчать ...

Беркутовъ.

Позвольте! Я васъ понимаю: у васъ такое любящее сердце, вы и не подозрѣваете всей гнусности ...

Мурзавецкая.

Нѣть, увольте меня отъ вашихъ разговоровъ! Сдѣлайте одолженіе, увольте! Прошу васъ, увольте!

Беркутовъ.

Что они? Имъ терять нечего. А этакую даму, почтенную, видѣть на скамье подсудимыхъ! Вся губернія будетъ смотрѣть ...

Мурзавецкая (въ испугѣ).

Какъ, на скамью подсудимыхъ?

Беркутовъ.

Я вамъ сейчасъ объясню: скрывать не зачѣмъ, ужъ все это теперь многимъ извѣстно; завтра дойдетъ до прокурора, начнется слѣдствіе. Главный виновникъ, Горецкій, ничего не скрываетъ; его, должно-быть, скоро арестуютъ.

Мурзавецкая.

Да что такое, чтò?

Беркутовъ.

Написаны фальшивые векселя на покойного Купавина; сдѣлано это вчера; я подозрѣваю вашего племянника, не васъ - же подозрѣвать, въ самомъ дѣлѣ.

Мурзавецкая.

Нѣть, нѣть, не меня, не меня.

Беркутовъ.

Написали письмо отъ имени Купавина вашему племяннику и два векселя, достали изъ кладовой старую конторскую книгу и положили ихъ туда. (Увидавъ на столѣ книгу.) Вотъ въ такую книгу. (Береть книгу и развертываеть.) Да вотъ они, здѣсь. И въ книгѣ счетъ выведенъ ... помарки, почистки. Прекрасно! Вещественные доказательства ...

Мурзавецкая.

Батюшко, не погуби!

Беркутовъ.

Теперь моя главная забота: спасать васъ.

Мурзавецкая.

Спасай меня, батюшко, спасай! Въ ножки поклонюсь!

Беркутовъ.

Не беспокойтесь! Я постараюсь всѣми силами потушить это дѣло. Васъ очень жаль! Чѣмъ вы виноваты!

Мурзавецкая.

Ничѣмъ, батюшко, ничѣмъ.

Беркутовъ.

Еще есть письмо, по которому вы получили тысячу рублей.

Мурзавецкая.

Ужь не упомню, батюшко, не упомню; память плоха стала.

Беркутовъ.

Я вамъ напомню. (Вынувъ изъ кармана письмо.) Вотъ оно! Оно того-же мастера. Вамъ надо будетъ деньги возвратить.

Мурзавецкая.

Гдѣ-жь я возьму, ужь я ихъ всѣ раздала бѣднымъ; они теперь Бога молятъ... не отнимать-же у нихъ.

Беркутовъ.

Разумѣется, вы были въ заблужденіи; но чтѣ-жь дѣлать, возвратить придется, если дѣло дойдетъ до суда. Впрочемъ, вы пока не беспокойтесь, выкиньте все это изъ головы!

Мурзавецкая.

И рада-бѣ выкинула, да нейдетъ. Ошеломилъ, да и говорить: изъ головы выкиньте!

Беркутовъ.

Развлеките себя! Поговоримъ о чёмъ-нибудь другомъ.

Мурзавецкая.

Боюсь я, голубчикъ, окружнаго-то суда; страсть, какъ боюсь.

Беркутовъ.

Ну, можетъ-быть, дѣло какъ-нибудь и уладится. Вотъ вамъ новость! Лыняевъ сдѣлалъ предложеніе Глафириѣ Алексѣвиѣ.

Мурзавецкая.

Да ну ихъ! Чѣмъ это сердце-то какъ дрожитъ. Изловила-таки она его!

Беркутовъ.

И, кажется, очень ловко.

Мурзавецкая.

По-дѣломъ ему! Ничего мнѣ его не жаль! Не унимается сердце-то. А вы-то холостой?

Беркутовъ.

Холостой.

Мурзавецкая.

Чтѣ-жь не женитесь?

Беркутовъ.

Сначала дѣла мѣшали, а теперь невѣсты не найду. Посватайтѣ!

Мурзавецкая.

Кого-бѣ тебѣ посватать? Вотъ въ виски вступило. Да чего-жь лучше, сосѣдка твоя Евлампія Николавна.

Беркутовъ.

Она, кажется, не очень расположена ко мнѣ; а я-бы не прочь.

Мурзавецкая.

Такъ сватать, чтѣ-ли?

Беркутовъ.

Сватать не сватать, а я-бы попросилъ васъ поговорить съ ней поласковѣе, узнать ея мнѣніе,—посовѣтовать ей.

Мурзавецкая.

Да ужь не учи, я не глупѣй тебя на эти дѣла. Только ты меня выручи! Да вотъ тысяча-то рублей...

Беркутовъ.

Вы для меня, а я для васъ. Евлампія Николавна должна сейчасъ прїѣхать, а вмѣстѣ съ ней и Глазифира Алексѣевна, и Лыняевъ.

Мурзавецкая.

Такъ ужь ты меня извини, я пойду распоряжусь.
Надо завтракъ приготовить и кофей, жениха-то принять; вѣдь племянникъ будетъ.

Беркутовъ.

Обо мнѣ не беспокойтесь! Мнѣ-бы нужно сей-
часъ же видѣть Чугунова.

Мурзавецкая.

Да онъ, каторжный, тутъ. Я его сейчасъ пошлю.
Вуколь, Вуколь! Да вотъ онъ. (Мурзавецкая уходитъ.
Входитъ Чугуновъ)

Явленіе шестое.

Беркутовъ, Чугуновъ.

Беркутовъ.

Здравствуйте, Вуколь Наумычъ! (Подаетъ руку.)

Чугуновъ.

Мое почтеніе, Василій Иванычъ! Давно-ли пожаловать изволили-сь?

Беркутовъ.

Только - что пріѣхалъ. Очень пріятно васъ видѣть. Какъ поживаете, Вуколь Наумычъ?

Чугуновъ.

Благодареніе Создателю, Василій Иванычъ, не жалуюсь.

Беркутовъ.

Душевно радъ. Я васъ отъ дѣла не отвлекаю-
ли? Мнѣ желательно поговорить съ вами нѣсколько
минутъ.

Чугуновъ.

Сколько вамъ угодно. Готовъ служить.

Беркутовъ.

Нужно мнѣ, почтеннѣйшій Вуколь Наумычъ, нѣкоторыя свѣдѣнія собрать на счетъ здѣшней мѣстности.

Чугуновъ.

Да-съ? (Вынувъ табакерку.) Не прикажете-ли?

Беркутовъ.

Не нюхаю; а впрочемъ позвольте! (Нюхаетъ.) Чѣмъ это онъ пахнетъ?

Чугуновъ.

Жасминомъ-съ. Нарочно произрашаю: и цветокъ пріятно имѣть въ домѣ на окнѣ, и запахъ-съ. Хорошіе табаки стали изъ моды выходить. Прежде былъ табакъ подъ названіемъ: „Собрание любви“, вотъ, я вамъ доложу, Василій Иванычъ, табакъ былъ... Такъ что-же вамъ угодно на счетъ мѣстности?

Беркутовъ.

Видите-ли, поговариваютъ о Сибирской желѣзной дорогѣ; мы, какъ здѣшніе помѣщики, заинтересованы въ этомъ дѣлѣ,—и если нѣть никакихъ физическихъ препятствій, горь, напримѣръ...

Чугуновъ.

Препятствій и горь нѣть-съ, плоская губернія. Только что-же мы будемъ доставлять въ Сибирь, какіе продукты?

Беркутовъ.

Продукты есть, Вуколь Наумычъ!

Чугуновъ.

Интересно послушать-съ.

Беркутовъ.

Я думаю, вамъ случалось читать въ газетахъ, что, въ послѣднее время, много стало открываться

растратъ, фальшивыхъ векселей и другихъ бумагъ, подлоговъ и вообще всякаго рода хищничества. Ну, а по всѣмъ этимъ операциямъ находятся и виновные; такъ вотъ эти-то продукты мы и будемъ посыпать въ Сибирь, Вуколь Наумычъ.

Чугуновъ.

Шутить изволите.

Беркутовъ.

Какія шутки! Да вотъ, не далеко ходить, сей-часъ одинъ молодой человѣкъ самъ сознался, что надѣлалъ фальшивыхъ векселей.

Чугуновъ (качая головой).

Скажите, пожалуйста, какія дѣла творятся на бѣломъ свѣтѣ!

Беркутовъ.

Какъ его фамилія-то? Горецкій, кажется.

Чугуновъ.

Горецкій ... позвольте! Есть такой, есть-сь ... слыхалъ.

Беркутовъ.

Онъ говорить, что его принудили, и черновые представилъ, съ которыхъ его списывать заставляли.

Чугуновъ.

Очень нужно путать людей! Не понимаю. Вѣдь ужъ ему не легче отъ того будетъ. Молодъ еще.

Беркутовъ.

Онъ еще сознался, что вексель на госпожу Купавину писалъ, а Евлампія Николавна сегодня заявляетъ, что у нея похищенъ бланкъ.

Чугуновъ.

Какія дѣла-то!

Беркутовъ.

Вотъ чтѣ, Вуколь Наумычъ, не съ вами-ли вексель-то? А коль не съ вами, такъ принесите его поскорѣй!

Чугуновъ.

Нѣть, зачѣмъ же-съ. Я вамъ очень благодаренъ, Василій Иванычъ.

Беркутовъ.

За чтѣ-же?

Чугуновъ.

Предупредили. Я теперь вексель уничтоженю предамъ. Пусть Горецкій путаетъ, а я и знать не знаю, у меня и не было никакого.

Беркутовъ.

Жаль, - вамъ, хоть не всю сумму, а все-таки чтѣ-нибудь получить надо-бы по этому векселю.

Чугуновъ.

Да, конечно, Василій Иванычъ, надо-бы. Вѣдь какой благородный поступокъ-то съ моей стороны! Выдаютъ бланки, зря ... Да другой-бы, помилуйте ... Кому-жъ нужно отъ своего счастья отказываться?

Беркутовъ.

Справедливо, Вуколь Наумычъ, справедливо. Да и Евлампію Николавну надо наказать, чтобы она была впередъ осторожнѣе.

Чугуновъ.

Надо наказать, Василій Иванычъ, надо. Какъ это можно бланки выдавать! Отберутъ имѣніе-то какъ разъ. Вотъ я только три тысячи написалъ; а вѣдь у всякаго-ли совѣсть-то такая, какъ у меня?

Беркутовъ.

Укоротите вексель-то немного, Вуколь Наумычъ:

напишите, что получили часть въ уплату; а осталь-
ные Евлампія Николавна заплатить. Доставайте
вексель! Вотъ чернила и перо!

Чугуновъ.

Слушаю-сь. (Вынимаетъ вексель, надѣвааетъ очки, беретъ
перо.) Какъ писать прикажете, Василій Иванычъ?

Беркутовъ.

По сему векселю получено въ уплату двѣ ты-
сячи ...

Чугуновъ.

Тысячу рублей только оставляете? Мало, ... , Ва-
силій Иванычъ.

Беркутовъ.

Нѣтъ, и тысячи рублей много, Вуколь Наумычъ.

Чугуновъ.

А какое благородство съ моей стороны!

Беркутовъ.

Вотъ мы его и оцѣнимъ, какъ слѣдуетъ. (Диктуетъ.)
Получено въ уплату двѣ тысячи пятьсотъ ...

Чугуновъ.

Только пятьсотъ! Ужь это даже нѣсколько и
обидно.

Беркутовъ.

Нѣтъ, и не пятьсотъ, а меныше. Пишите, пи-
шите! Двѣ тысячи пятьсотъ пятьдесятъ рублей. По-
чему я прибавилъ эти пятьдесятъ рублей, я вамъ
скажу послѣ. Остальные получите.

Чугуновъ

(положивъ вексель въ карманъ).

Покорнѣйше васть благодарю, чувствительнѣйшую
вамъ приношу благодарность.

Беркутовъ.

Когда вашъ племянникъ рассказалъ мнѣ всѣ дѣла и ваши черновыя представилъ, я сначала хотѣлъ ъхать къ прокурору.

Чугуновъ.

Нѣтъ, зачѣмъ къ прокурору! Вамъ, Василій Иванычъ, въ такія грязныя дѣла путаться какой раз-
счетъ? Только срамъ.

Беркутовъ.

А потомъ разсудилъ переговорить прежде съ Меропой Давыдовной и съ вами.

Чугуновъ.

Очень хорошо и основательно поступили. Мало, чтѣль, у прокурора дѣль-то и безъ нашихъ!

Беркутовъ.

А чтобы вашъ племянникъ не болталъ тутъ, чего не нужно ... Онъ какой-то сорви-голова!

Чугуновъ.

Шальной мальчишко!

Беркутовъ.

Я его отправилъ въ Вологду обойти мои лѣса; онъ ужъ теперь катить на пароходѣ. На дорогу я ему далъ пятьдесятъ рублей; а вѣдь это ваша была обязанность, Вуколь Наумычъ; вотъ эти-то пятьдесятъ рублей я у васъ и вычелъ.

Чугуновъ.

Очень хорошо-стъ. Долго-ли погостите у насъ, Василій Иванычъ?

Беркутовъ.

Еще не знаю. Какъ дѣла позволять.

Чугуновъ.

Коли будетъ какое дѣлишко, такъ не обойдите, по старому знакомству!

Беркутовъ.

Непремѣнно, Вуколь Наумычъ, непремѣнно.

Чугуновъ.

Вотъ гости, должно-быть. До пріятнаго свиданія-сь.
(Уходитъ. Входятъ: Купавина и Анеуса, изъ гостиной выходить Мурзавецкая.)

Явленіе седьмое.

Беркутовъ, Мурзавецкая, Купавина, Анеуса.

Мурзавецкая (Купавиной).

Ну, вотъ и хорошо сдѣлала, что пріѣхала, родная моя. Старшихъ уважай!

Купавина.

Я очень жалѣю, Меропа Давыдовна, что подала вамъ поводъ къ неудовольствію.

Мурзавецкая.

Кто старое помянеть, тому глазъ вонъ.

Беркутовъ.

Евлампія Николавна, я ваше порученіе исполнилъ.

Купавина.

Благодарю васъ.

Беркутовъ.

Меропа Давыдовна и племянникъ ея считаютъ себя совершенно удовлетворенными и никакихъ претензій на васъ болѣе не имѣютъ. Такъ-ли, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая.

Онъ правду говоритъ, правду. Посылай такихъ адвокатовъ, такъ всегда изъ воды суха выдешь.

Купавина.

Значитъ, я всѣмъ обязана вамъ. Сколько-же я вамъ должна?

Беркутовъ.

Сочтемся послѣ, Евлампія Николавна.

Мурзавецкая (Беркутову).

Пошелъ-бы ты, закусиль что-нибудь! Временито много; чай, съ утра изъ усадьбы-то? Поди-ко, мать Анюса, похозяйничай за меня! Мы сейчасъ придемъ

Анюса.

Да, ужъ ... съ дороги-то ... и я ужъ ... (Уходять: Беркутовъ и Анюса.)

Явленіе восьмое.

Мурзавецкая, Купавина.

Мурзавецкая.

Извини меня, другъ мой, что я строго такъ обошлась съ тобою! Я вѣдь любя.

Купавина.

Я не понимаю, чѣмъ я виновата ... Вы дѣлаете такія угрозы ...

Мурзавецкая.

И всегда буду дѣлать угрозы, и всегда. Нѣть, ты виновата, виновата, у меня сердце болитъ глядѣть на тебя. Еще не такъ тебя надо пугнуть.

Купавина.

Да чѣмъ-же я виновата?

Мурзавецкая.

Зачѣмъ живешь одна? Отчего замужъ не выходишь? Чѣмъ хорошаго? Только дѣла запутываешь, да имѣніе разстроиваешь. На Чугунова-то плоха надежда.

Купавина.

Да вѣдь вы сами его рекомендовали.

Мурзавецкая.

А развѣ въ нихъ влѣзешь? Онъ вотъ плутъ оказывается изрядный.

Купавина (подумавъ).

Нѣтъ, какъ хотите, я за него не пойду; я не чувствую къ нему никакого расположенія.

Мурзавецкая.

Къ кому?

Купавина.

Къ Аполлону Викторычу!

Мурзавецкая.

Да кто тебя неволитъ? Я думала, что ты его любишь; а нѣтъ, такъ и не надо. Твоя воля, выбирай любого!

Купавина.

Изъ кого выбирать-то?

Мурзавецкая.

Подумай! Да ты-бы не прочь, кабы нашелся хороший человѣкъ?

Купавина.

Отчего-же нѣйти? Я и сама вижу, что мое хозяйство плохо.

Мурзавецкая (тихо).

Беркутовъ-то долго здѣсь проживетъ?

Купавина.

Нѣтъ, онъ на нѣсколько дней. Да въ немъ никакого расположенія ко мнѣ не замѣтно.

Мурзавецкая.

Жаль. А я, было, ужь ...

Купавина.

Нѣтъ, какъ можно навязываться!

Мурзавецкая.

Ну, а если онъ самъ ...

Купавина.

Нѣтъ, ему нужно побогаче.

Мурзавецкая.

Ну, да, ахъ, Боже мой! Мало-ль что? Можетъ, вдругъ фантазія придетъ.

Купавина.

Не знаю.

Мурзавецкая.

Разумѣется, коли онъ на нѣсколько дней, да и не ухаживаетъ ...

Купавина.

Нисколько. И не думаетъ ухаживать.

Мурзавецкая.

Такъ нечего дѣлать. Знаешь что? Нѣтъ-ли у него въ Питерѣ какой?

Купавина.

Должно-быть, есть.

Мурзавецкая.

Какая-нибудь изъ нѣмокъ. Ну, мы хоть такъ поговоримъ съ тобой ... А еслибъ онъ?

Купавина.

Право, я не знаю, что вамъ сказать.

Мурзавецкая.

Да чего стыдиться-то? Минь-то ты скажи!

Купавина.

Да зачѣмъ вамъ?

Мурзавецкая.

Развѣ ты меня не знаешь? Страсть моя знать все на свѣтѣ и соваться во всѣ дѣла, гдѣ меня не спрашиваютъ.

Купавина.

Да отчего-жь? ... Я-бы съ удовольствіемъ.

Мурзавецкая.

Вотъ и ладно. (Громко.) Василій Иванычъ, поди сюда!

Купавина.

Ахъ, позвольте! Чѣмъ вы?

Мурзавецкая.

Молчи ужь! Минь только твое желаніе надо было знать, ты мнѣ дорога-то; а на нихъ нечего смотрѣть! Я умѣю съ ними обращаться, вотъ посмотри! Только ужь помни русскую пословицу: давши слово, держись, а не давши, крѣпись! Василій Иванычъ! (Входитъ Беркутовъ.)

Явленіе девятое.

Мурзавецкая, Купавина, Беркутовъ.

Мурзавецкая.

Василій Иванычъ, цалуй ручку у Евлампіи Николавны!

Беркутовъ.

Готовъ всегда съ величайшимъ удовольствиемъ.

Мурзавецкая.

Богъ васъ благословитъ.

Беркутовъ.

Чтѣзначать эти слова ваши, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая.

А то, что я тебя женить хочу. Чтѣживешь, только небо коптишь!

Беркутовъ.

Ужъ очень вы много власти берете надо мной, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая.

Извини, голубчикъ! Вижу я сиротство твоѣ, родныхъ у тебя нѣтъ; надо и обѣ тебѣ кому-нибудь позаботиться.

Беркутовъ.

Хорошо, Меропа Давыдовна, что я люблю Евлампію Николавну и люблю давно; а еслибъ не такъ, вы-бы поставили насъ въ затруднительное положеніе.

Мурзавецкая.

Въ затруднительное? Ошибаешься. (Стучигъ кости-лемъ.) Ошибаешься, говорю тебѣ. Я лучше васъ знаю, что вамъ нужно: чтѣ тебѣ нужно, чтѣ ей. Ея душа мнѣ извѣстна; я въ нее, какъ въ зеркало, смотрю: вотъ я сейчасъ вижу, что она тебя любить. И тебѣ пора остыдниться. Денегъ, чтѣль, большихъ ищешь? Такъ стыдно тебѣ. А ты душу ищи!

Беркутовъ.

Слушаю, Меропа Давыдовна, слушаю-сь.

Мурзавецкая.

Вы, питерскіе, думаете, что вѣсъ и рукой не до-
станешь, что вамъ у насъ и пары нѣтъ; а вотъ есть.

Беркутовъ (склонивъ голову).

Евлампія Николавна?

Мурзавецкая (Купавиной).

Чтѣ молчишь? Ну, такъ я за тебя скажу. Она
рада-радехонька.

Купавина.

Я женщина простая, хитрить не могу; я не умѣла
скрыть своихъ чувствъ передъ Меропой Давыдовной,
не буду скрывать и передъ вами.

Беркутовъ.

Благодарю васъ за счастіе, которое вы мнѣ до-
ставляете. (Цалуетъ руку Купавиной.) Прошу васъ зачи-
слить меня вашимъ управляющимъ; это дѣло не тер-
питъ отлагательства.

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе. (Входитъ Чугуновъ.)

Явленіе десятое.

Мурзавецкая, Купавина, Беркутовъ, Чугуновъ, потомъ Павлинъ.

Беркутовъ (Купавиной).

Вотъ вашъ кредиторъ: вы ему должны по век-
селию.

Купавина.

Я ничего не должна Вуколу Наумычу.

Чугуновъ (палая руку Купавиной).

За службу мою, за усердіе векселекъ выдали.

Купавина.

Я вамъ всегда деньгами платила.

Чугуновъ.

Запамятовали, сударыня, запамятовали.

Беркутовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Евлампія Николавна, долго-ли забыть? Вуколь Наумычъ дѣйствительно заслуживаетъ награды: онъ человѣкъ старательный. Приходите завтра, вы получите все, что слѣдуетъ! Благодарите Евлампію Николавну.

Чугуновъ.

Завтра со всѣми дѣтьми приду, въ ноги кланяться заставлю. (Входитъ Павлинъ.)

Павлинъ.

Михайло Борисычъ и Глафира Алексѣевна!

(Уходить. Входятъ: Лыняевъ и Глафира).

Явленіе одиннадцатое.

Мурзавецкая, Купавина, Беркутовъ, Чугуновъ, Глафира, Лыняевъ, потомъ Аноуса, Павлинъ.

Мурзавецкая.

Вотъ какъ! Ужь и вмѣстѣ?

Глафира.

Да чего-жь мнѣ церемониться, Меропа Давыдовна? Мишель очень дорогъ для меня: я не хочу съ нимъ разставаться ни на минуту.

Мурзавецкая.

Ну, будущая мадамъ Лыняева, просимъ любить да жаловать! Садитесь!

Лыняевъ.

Меропа Давыдовна, извините меня, что я пото-

ропился предложить руку Глафири Алексѣевнѣ, не спросивъ вашего дозволенія!

Мурзавецкая.

Не виновата я, батюшка, ни въ чемъ не виновата.

Лыняевъ.

Я въсъ и не виню; я прошу меня извинить.

Глафира.

Онъ хочетъ поблагодарить въсъ. (Лыняеву.) Чтобъ-жъ ты молчишь, Мишель?

Лыняевъ (со вздохомъ).

Да-съ, поблагодарить ...

Глафира.

Ему особенно понравилась во мнѣ моя кротость. (Бросая Лыняеву шаль.) Нѣ, Мишель, подержи шаль! (Мурзавецкой.) Мое смиреніе. (Лыняеву.) Возьми хорошенько, не мни! (Мурзавецкой.) Моя скромность. А всѣмъ этимъ я обязана вамъ. (Лыняеву.) Ты все молчишь, Мишель, такъ ужъ я за тебя говорю.

Лыняевъ.

Благодаренъ, Меропа Давыдовна, очень благодаренъ.

Мурзавецкая.

Объ одномъ, батюшко, я тебя прошу: не пеняй ты на меня, своя воля была. Вотъ эту пару ужъ точно я сосватала, вотъ за нихъ должна буду Богу отвѣтчать; а вы, какъ знаете.

Лыняевъ (Беркутову).

И ты женишься? Какъ ты скоро!.. Поздравляю тебя!

Глафира (Купавиной).

Ты рѣшилась, наконецъ. Ну, поздравляю!

Купавина.

Да, я все мечтала о свободѣ ... я потомъ убѣдилась, что наше женское счастье неразлучно съ неволей ...

Мурзавецкая.

Не клевещи, матушка, на женщинъ! Всякія бываютъ; есть и такія, чтѣ не только своимъ хозяйствомъ, а хоть губерніей править сумѣютъ, хоть въ Хиву воевать посылай. А мужчины есть тоже всякие: есть вотъ и такіе молодцы (показывая на Беркутова), а то видали мы и такихъ, чтѣ своей охотой къ бабамъ въ лакеи идутъ.

Лыняевъ.

Да, на свѣтѣ волки да овцы, волки да овцы.
(Павлинъ вноситъ кофе).

Глафира (принимая чашку).

Мишель, сдѣлай милость, подержи мой зонтикъ.
(Смѣется.) Ахъ, у тебя все изъ рукъ валится.

Мурзавецкая (Беркутову).

Зиму-то здѣсь будете жить?

Беркутовъ.

Я думаю, что Евлампій Николаевичъ пріятнѣе будеть эту зиму провести въ Петербургѣ.

Купавина.

Да, конечно.

Мурзавецкая (Лыняеву).

А вы?

Глафира.

Мы эту зиму будемъ жить въ Парижѣ.

Лыняевъ.

Мы въ Парижѣ.

Беркутовъ.

А ужь на лѣто къ вамъ, подъ ваше крылышко.

Лыняевъ.

И я тоже.

Глафира.

Ахъ нѣтъ, Мишель, вѣдь мы еще не рѣшили.
Я думаю провести лѣто въ Швейцаріи.

Лыняевъ.

Да, мы еще не рѣшили.

Беркутовъ.

Меропа Давыдовна, благодарю васъ за радушный
пріемъ и за участіе, которое вы во мнѣ приняли! Поз-
звольте предложить вамъ этотъ маленький подарокъ.
(Подаеть Мурзавецкой коробочку.) Это аквамариновыя четки.
Господа, я пробылъ здѣсь не долго, но ужь имѣлъ
возможность вполнѣ оцѣнить эту во всѣхъ отноше-
ніяхъ рѣдкую женщину. Желательно, чтобы наши
передовые люди всегда относились съ глубокимъ
уваженіемъ къ Меропѣ Давыдовнѣ. Мы должны по-
давать примѣръ другимъ, какъ нужно уважать такую
почтеннную старость.

Чугуновъ (утирая слезы).

Все правда, все правда.

Мурзавецкая.

Благодарю, Василій Иванычъ, благодарю. (Ца-
лууеть Беркутова въ голову.) Ну, батюшко, видала я на
своемъ вѣку всякихъ людей; а такихъ, какъ вы, не
приводилось. (Тихо.) Ну, я твое дѣло сдѣлала, а ты
мое какъ?

Беркутовъ.

Уладится благополучно. Вамъ Чугуновъ скажетъ.

Купавина.

Поѣдемте, господа! До свиданья, Меропа Давы-
Островскій. IX.

довна! Намъ еще съ Глафиroy Алексѣевной нужно всѣ магазины обѣздить. Вы ужь позвольте мнѣ ее взять къ себѣ.

Мурзавецкая.

Ахъ, матушка, съ руками отдаю.

Глафира.

Мишель, ты съ нами?

Лыняевъ.

У Евлампії Николавны коляска вѣдь двумѣстная.

Глафира.

Такъ чтѣ-же, Мишель? Сядь на козлы! Свой экипажъ отдай Анеусѣ Тихоновнѣ! Анеуса Тихоновна! ... (Анеуса выходитъ.) Поѣзжайте на лошадяхъ Мишеля!

Анеуса.

Хорошо ужь ... прощайтѣ!

Лыняевъ.

Да какъ-же возможно мнѣ, съ моимъ сложеніемъ, на козлы? Да еще двѣнадцать верстъ трястись до усадьбы!

Глафира.

Послушай меня, Мишель! Тебѣ это очень полезно: ты толстѣешь такъ, что ни на что не похоже. Мы въ Парижъ поѣдемъ, вѣдь самому будетъ совсѣмъ такимъ медвѣдемъ пріѣхать. (Уходятъ: Беркутовъ, Купавина, Лыняевъ, Глафира и Анеуса.)

Явленіе двѣнадцатое.

Мурзавецкая, Чугуновъ, потомъ Мурзавецкій.

Чугуновъ (у окна).

Въ Парижъ, да въ Петербургъ! Чтѣ денегъ-то увезутъ изъ губерніи!

Мурзавецкая.

Чтò? Смаклерилъ дѣло-то хорошò? Благодарю!
Осрамилъ, было, благородную, уважаемую даму.

Чугуновъ.

Да вы ужь хоть повѣсьте меня, а не воротиши!

Мурзавецкая.

Чтò тебѣ, крысѣ, Беркутовъ-то говорилъ?

Чугуновъ.

Все шито да крыто, и Клашку, чтобъ онъ не болталъ тутъ, въ Вологду услалъ Василій Иванычъ.

Мурзавецкая.

Вотъ золотой-то человѣкъ! Я его въ поминанье запишу. Запиши его ко мнѣ въ поминанье, да и къ себѣ запиши!

Чугуновъ.

Золотой-то онъ, точно золотой; а я вамъ вотъ чтò скажу! За что нась Лыняевъ волками-то называлъ? Какие мы съ вами волки? Мы куры, голуби... по зернышку клюемъ, да никогда сыты не бываемъ. Вотъ они волки-то! Вотъ эти сразу по-многу глотаютъ.

(За сценой слышенъ крикъ: „Тамерланъ, Тамерланъ!“ Вѣтаетъ Мурзавецкій въ отчаяніи.)

Мурзавецкій.

Нѣть, ма тантъ, нѣть, я не переживу.

Мурзавецкая.

Успокойся, Аполлоша, успокойся!

Мурзавецкій (опускаясь на стулъ).

Нѣть, ма тантъ, лучшаго друга моего ...

Мурзавецкая.

Ну, чтò-жь дѣлать-то?

Мурзавецкий.

Лучшаго друга, ма тантъ ... Гдѣ пистолеты?

Мурзавецкая.

Чтѣ ты, грѣхъ какой!

Мурзавецкий.

Нѣть, застрѣлюсь, застрѣлюсь ... Ужь заряженъ, ма тантъ, заряженъ ...

Мурзавецкая.

Ахъ, бѣдный! Какъ тебѣ это ...

Мурзавецкий.

Да, ма тантъ, лучшаго друга ... Близъ города, среди бѣлаго дня, лучшаго друга ... Тамерлана волки сѣли.

Мурзавецкая.

Тьфу ты! А я думала ...

Чугуновъ.

Близъ города, среди бѣлаго дня. Есть чему удивляться! ... Нѣть ... Тутъ не то, что Тамерлана, а вотъ сейчасъ, передъ нашими глазами, и невѣсту вашу и съ приданымъ, и Михайла Борисыча съ его имѣніемъ волки сѣли, да и мы съ вашей тетенькой чуть живы остались. Вотъ это подиковиннѣй будеть!

**Правда — хорошо, а счастье
лучше.**

Комедія въ четырехъ дѣйствiяхъ.

Лица:

Амосъ Панфилычъ Барабошевъ, купецъ, лѣтъ за 40,
вдовий.

Мавра Тарасовна, его мать, полная и еще довольно свѣ-
жая старуха, лѣтъ за 60; одѣвается по старинному, но
богато, въ рѣчахъ и поступкахъ важность и строгость.

Поликсена, дочь Барабошева, молодая дѣвушка.

Филицата, старая нянька Поликсены.

Никандръ Мухояровъ, приказчикъ Барабошева, лѣтъ 30.

Глѣбъ Меркулычъ, садовникъ.

Пелагея Григорьевна Зыбкина, бѣдная женщина, вдова.

Платонъ, ея сынъ, молодой человѣкъ.

Сила Ерофеичъ Грозновъ, отставной унтеръ-офицеръ,
лѣтъ 70-ти, въ новомъ очень широкомъ мундирѣ ста-
рой формы, вся грудь увѣшана медалями, на рукавахъ
нашивки, фуражка теплая.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Дѣйствіе первое.

Садъ при домѣ Барабошевыхъ; прямо противъ зрителей большая каменная бесѣдка съ колоннами; на площадкѣ, передъ бесѣдкой, садовая мебель: скамейки съ задками на чугунныхъ ножкахъ и круглый столикъ; по сторонамъ кусты и фруктовыя деревья; за бесѣдкой видна рѣшетка сада.

Явленіе первое.

Входятъ Филицата и Зыбкина.

Зыбкина.

Ахъ, ахъ, ахъ! Чѣмъ ты мнѣ сказала! Чѣмъ ты мнѣ сказала! То-то, я смотрю, дѣвушка изъ лица измѣнилась, на себя не похожа.

Филицата.

Все отъ любви, сердце ноеть. И всегда такъ бываетъ, когда дѣвушекъ запираютъ. Сидить, какъ въ тюрьмѣ, — выходу нѣтъ, а вѣдь ужь въ годахъ, ужь давно замужъ пора ... Такъ чѣму дивиться-то?

Зыбкина.

Да, да. Чѣмъ вы ее замужъ-то не отдаете? Неужели жениховъ нѣтъ?

Филицата.

Какъ жениховъ не быть? Четвертый годъ сватаются; и хорошіе женихи были; да бабушка у насъ больно характерна. Коли не очень богатъ, такъ и

слышать не хочетъ; а были и съ деньгами, такъ, виши, развязности много, ученые рѣчи говорить, ногами шаркаеть, одѣть пестро; чтѣ-нибудь да не по ней. Боится, что уваженія ей отъ такого не будетъ. Ей, видишъ ты, хочется зятя и богатаго, и чтобъ тихаго, не изъ бойкихъ, чтобъ съ затрудненіемъ да не про все разговаривать-то умѣль; потому она сама изъ очень простого званія взята.

Зыбкина.

Скоро-ль ты его найдешь такого!

Филицата.

И я то-же говорю. Гдѣ ты нынче найдешь богатаго да неразвязнаго? Кто его заставить длинный сертукъ надѣть, аль виски гладко примазать? Вяжетъ-то человѣка чтѣ? Нужда. А богатый весь развязанъ и ужь, обыкновенно, въ цвѣтныхъ брюкахъ ... Ничего не подѣлаешь.

Зыбкина.

Ужь само собой, что въ цвѣтныхъ; потому какая-жь ему неволя! ..

Филицата.

Мудритъ старуха надъ женихами, а внучка, между тѣмъ временемъ, влюбилась да и сохнетъ сердцемъ. Кабы у насъ знакомство было, да вывозили Поликсену почаше въ люди, такъ она-бы не была такъ влюблчива; а изъ тюрьмы-то первому встрѣчному радъ: понравится и сатана лучше яснаго сокола.

Зыбкина.

Одного я понять не могу: въ этакой крѣпости сидючи, за пятью замками, за семью сторожами, только и свѣту, чтѣ въ окнѣ,—какъ тутъ влюбиться? Мечтай, сколько хочешь; а живого-то нѣть ничего. Вѣдь, чтобъ влюбиться очень-то, все-таки и видѣться нужно, и поговорить хоть немножко.

Филицата.

Охъ, все это было и не немножко. Разумѣется, завсегда въ этомъ мы, няньки, виноваты, мы баловницы-то. Да вѣдь какъ и не побаловать! Вижу, въ тоскѣ томится,—пусть, моль, поболтаетъ съ парнемъ для времяпровожденія. А случай какъ не найти? Хоть сюда въ садъ проведу, никому и въ лобъ не влетитъ. А вотъ оно что вышло-то.

Зыбкина.

Очень развѣ ужь полюбила-то?

Филицата.

До страсти полюбила. Сама суди, характеръ огневый, упорная, вся въ бабушку. Вдругъ ей придется фантазія: хочу, говоритъ, его видѣть безпремѣнно! А въ другой разъ никакъ нельзя, а ей вынѣда положъ,—вотъ и вертись, нянька, какъ знаешь. И день, и ночь ноги трясутся, такъ вотъ и жду, такъ вотъ и жду, что до бабушки дойдетъ; куда мнѣ тогда дѣваться-то? А моя-ль вина? Я давно твержу: „пора, пора, что вы ее переращиваете, куда бережете?“.. Такъ бабушка-то у насъ совсѣмъ состарилась, дѣвичье-то положеніе понимать перестала. Я, говоритъ, живу-же, ни обѣ чѣмъ помышленія не имѣю. На-ко! Въ семьдесятъ-то лѣтъ! А ты свою молодость вспомни!

Зыбкина.

Диковинное дѣло, что у такого богатаго, знаменитаго купца дочь засидѣлась.

Филицата.

Какой онъ богатый, какой знаменитый? Бабушка характерна, а онъ балалайка безструнная,—никакого толку и не жди отъ нихъ. Старуха-то богата, а у него своего ничего нѣтъ; онъ торгууетъ отъ нея по довѣренности,—дана ему небольшая; во сколько

тысячъ ужъ не знаю. Да и то старуха за него каждый годъ приплачиваетъ.

Зыбкина.

Чтобъ имъ за радость въ убытокъ торговать?

Филицата.

Бабушка такъ разсуждаетъ: хоть и въ убытокъ, все-таки ему занятіе; наруши торговлю, при чемъ-же онъ останется. Да ужъ морщится сама-то, видно, тяжело становится; а онъ, чтобъ дальше, то больше понятіе терять начинаетъ. Приказчикъ есть у насъ, Никандра, такой-то химикъ, такъ волкомъ и смотрить; путаетъ хозяина-то еще пуще, отъ дѣла отводить,— гдѣ хозяину убытокъ, а ему барышъ. Слышимъ мы, на сторонѣ-то такъ деньгами и пошвыриваетъ, а пришель въ одномъ сертучишкѣ.

Зыбкина.

Знаю я все это: сынъ мнѣ сказывалъ.

Филицата.

Ты за какимъ дѣломъ къ хозяину-то пришла?

Зыбкина.

Все обѣ сынѣ. Да занятъ, говорятъ, хозяинъ-то, подождать велѣли. Взять я сына-то хочу, да опять бѣда: долгъ меня путаетъ.—Какъ поставила я его къ вамъ на мѣсто, такъ хозяинъ мнѣ впередъ двѣсти рублей денегъ далъ,—нужда была у меня крайняя. И взяль хозяинъ-то съ меня вексель, чтобъ сынъ заживалъ. Да вотъ горе-то мое: нигдѣ Платоша, ужиться не можетъ.

Филицата.

Отъ чего-бы такъ? Кажется, онъ парень смиренный.

Зыбкина.

Такой ужъ отъ рожденія. Ты помнишь, когда онъ родился-то? Въ этотъ годъ дѣла наши раз-

строились: изъ богатства мы пришли въ бѣдность, мужъ долго содержался за долги, а потомъ и померъ; сколько горя-то было у меня! Вотъ, должно-быть, на ребенка-то и подѣйствовало, и вышелъ онъ съ поврежденіемъ въ умѣ.

Филицата.

Какого-же роду поврежденіе у него?

Зыбкина.

Все онъ, какъ младенецъ, всѣмъ правду въ глаза говорить.

Филицата.

Въ совершенный-то смыслъ не входить?

Зыбкина.

Говорить очень прямо, ну, значитъ, ничего себѣ въ жизни составить и не можетъ. Учился онъ, хоть на мѣдныя деньги, а хорошо, и канторскую науку онъ всю понялъ; учителя всѣ его любили и похвальные листы ему давали,—и теперь у меня въ рамкахъ на стѣнкѣ висятъ. Ну, конечно, всякому мило въ ребенкѣ откровенность видѣть, а онъ и выросъ да такой-же остался. Учатся бѣдные люди для того, чтобъ званіе имѣть да мѣсто получить; а онъ чему учился-то, все это за правду принялъ, всему этому повѣрилъ. А по-нашему, матушка, по-купечески: учись, какъ знаешь, хоть съ неба звѣзды хватай; а живи не по книгамъ, а по нашему обыкновенію, какъ изстари заведено.

Филицата.

Чтѣ-же ему у насть-то не живется?

Зыбкина.

Да нельзя, матушка. Поступилъ онъ къ вамъ въ кантору булгахтеромъ, сталъ въ дѣла вникать и видѣть, что хозяина обманываютъ; ему-бы ужъ молчать, а онъ разговаривать сталъ. Ну, и что-же съ нимъ

сдѣлали? Начали всѣ надъ нимъ смѣяться, шутки до озорства дѣлать, особенно Никандра: хозяину сказали, что онъ дѣла не смыслить, книги путаетъ,— оттерли его отъ должности и поставили шутомъ. (Оглядываясь.) Какой у васъ садъ распекрасный!

Филицата.

Сама старуха за всѣмъ наблюдаетъ; и сохрани Богъ, коли кто хоть одно яблоко тронетъ. А куда бережетъ? Вѣдь не торговать ими. Ужо, къ вечеру, я пойду со двора, такъ занесу тебѣ десяточекъ, либо два.

Зыбкина.

Спасибо.

Филицата.

Надо мнѣ сходить по нашему-то дѣлу; колдуна я нашла.

Зыбкина.

Ужели колдуна?

Филицата.

Колдунъ не колдунъ, а слово знаетъ. Не поможетъ-ли онъ моей Поликсенѣ? Все его въ Москвѣ не было, увидала я его третьяго-дня, какъ обрадовалась! (Входитъ Глѣбъ, крутя въ зубахъ веревку изъ мочалы.)

Явленіе второе.

Филицата, Зыбкина, Глѣбъ.

Филицата.

Меркулычъ, ты мѣшокъ-то съ яблоками убралъ-бы куда подальше; а то въ кустахъ-то его видно. Сама пойдетъ да замѣтить, сохрани Господи!

Глѣбъ.

Прибрано.

Филицата.

То-то-же.

Глѣбъ.

А ты почемъ знаешь, что онъ съ яблоками?
Можеть, тамъ у меня жемчугъ насыпанъ?

Филицата.

Не жемчугъ; видѣла я.

Глѣбъ.

Понюхала. Эко у васъ любопытство! Ну ужъ!

Филицата.

Тебя-же берегу, Меркулычъ.

Глѣбъ.

Не надо, я самъ себя берегу. Кабы въ садъ,
окромя меня да хозяевъ, никому ходу не было, ну,
былъ-бы я виноватъ; а то всякий ходить,—значить,
съ меня взыскивать нечего.

Филицата.

Толкуй съ тобой! Кому нужны ваши яблоки?
Хоть и сшалить кто, ну, десятокъ, много два во все
лѣто, а ты мѣшками таскаешь.

Глѣбъ.

Я виноватъ не останусь, ты не сумлѣвайся!

Филицата.

Да мнѣ чтѣ.

Зыбкина.

Заходи ко мнѣ, какъ пойдешь къ колдуну-то!

Филицата.

Да, ужъ пойду; тамъ чтѣ ни выдетъ, а попробую
я эту ворожбу. Вонъ никакъ сама идетъ, пойдемъ
за ворота, постоимъ, потолкуемъ. (Уходятъ.)

Глѣбъ.

Я себѣ оправданіе найду. (Входятъ: Мавра Тарасовна и
Поликсена, Глѣбъ отходить къ сторонѣ и подвязываетъ сукъ у дерева.)

Явленіе третє.

Мавра Тарасовна, Поликсена, Глѣбъ.

Мавра Тарасовна.

Нѣть ужь, миленькая моя, что я захочу, такъ и будетъ,— никто, кромѣ меня, не властенъ въ домѣ приказывать.

Поликсена.

Ну, и приказывайте, кто-жъ вамъ мѣшаетъ?

Мавра Тарасовна.

И приказываю, миленькая, и все дѣлается по-моему, какъ я хочу.

Поликсена.

Ну, вотъ прикажите, чтобы солнце не свѣтило, чтобы ночь была.

Мавра Тарасовна.

Къ чему ты эти глупости? Нешто я могу, коли Божья воля? ..

Поликсена.

И многаго вы, бабушка, не можете; такъ только ужь очень вы обѣ себѣ высоко думаете.

Мавра Тарасовна.

Чтобы я ни думала, а ужь знаю я, миленькая, навѣрно, что ты-то вся въ моей власти: что только задумаю, то надѣ тобой и сдѣлаю.

Поликсена.

Вы полагаете?

Мавра Тарасовна.

Да что мнѣ полагать? Я безъ положенія знаю. Полагайте ужь вы, какъ хотите; а мое дѣло вамъ приказы давать,— вотъ что.

Поликсена.

Стало-быть, вы воображаете, что мое сердце въасъ послушаетъ: кого прикажете, того и будетъ любить?

Мавра Тарасовна.

Да чѣмъ такое за любовь? Никакой любви нѣтъ, пустое слово выдумали. Гдѣ много воли даютъ, тамъ и любовь проявляется, и вся эта любовь—баловство одно. Покоряйся волѣ родительской,—вотъ это твое должное; а любовь не есть қакая необходимая, и безъ нея, миленькая, прожить можно. Я жила, не знала этой любви, и тебѣ не зачѣмъ.

Поликсена.

Знали, да забыли.

Мавра Тарасовна.

Вотъ какъ не знала, что я старуха старая, а мнѣ и теперь твои слова слушать стыдно.

Поликсена.

Прежде такъ разсуждали, а теперь ужъ совсѣмъ другія понятія.

Мавра Тарасовна.

Ничего не другія, и теперь все одно; потому женская природа все та-же осталась, какая была, такая и есть, никакой въ ней перемѣны нѣтъ, ну, и порядокъ все тотъ-же: прежде вамъ воли не давали,—стерегли да берегли,—и теперь умные родители стерегутъ да берегутъ.

Поликсена (смѣясь).

Ну, и берегите, да только хорошенъко! .. (Отходи къ сторонѣ.)

Мавра Тарасовна (Глѣбу).

Вижу я, Меркулычъ, что тебѣ у насъ жить надоѣло,—больно хорошо мѣсто, не по тебѣ. Такъ

ищи себѣ такого, гдѣ отъ васъ дѣла не спрашиваютъ, за пропажу не взыскиваютъ! Оглядись хорошенъко, чтѣ у насъ въ саду-то? Гдѣ-жъ яблоки-то? Точно Мамай съ своей силой прошелъ; много-ль ихъ осталось?

Глѣбъ.

Убыль есть, Мавра Тарасовна, это я вижу, это правда ваша; у васъ глазъ на это вѣрный, золотой глазъ,—убыль есть, это такъ точно.

Поликсена (смѣясь).

Яблоковъ уберечь не можете, а хотите ...

Мавра Тарасовна.

Погоди, Глѣбъ, постой! До тебя очередь послѣ дойдетъ. (Медленно подходить къ Поликсенѣ.) Это ты что-же, миленькая, съ кѣмъ такъ разговариваешь?

Поликсена.

Сама про себя. Да я ужъ и забыла, что сказала.

Мавра Тарасовна.

Ты не огорчайся, что ты позабыла; я запомню. Будешь ты сидѣть дома подъ замкомъ вплоть до свадьбы.

Поликсена.

До какой свадьбы?

Мавра Тарасовна.

А вотъ когда я найду тебѣ, миленькая, жениха по своей мысли.

Поликсена.

А коли найдете по своей мысли, такъ сами за него и выходите, а мнѣ какая надобность.

Мавра Тарасовна.

Ужъ извини, надобностей твоихъ мы разбирать не станемъ, а отдадимъ, за кого намъ нужно.

Поликсена.

Утѣшайтесь въ мысляхъ-то, утѣшайтесь!

Мавра Тарасовна.

Да не то, чтѣ въ мысляхъ, а и на дѣлѣ будеть то самое. Знаю я это твердо и такъ-то покойна, какъ нельзя быть лучше.

Поликсена.

Бываетъ, что и бѣгаютъ изъ дому-то.

Мавра Тарасовна.

Бѣгаютъ, у кого привязки нѣтъ.

Поликсена.

А меня чтѣ удержитъ?

Мавра Тарасовна.

Приданое богатое. Пожалѣешь его, миленькая, не бросишь. Да вотъ чтѣ: ужъ очень ты разговорилась,—а птица ты еще не велика, и не пристало мнѣ съ тобой много разговорныхъ словъ говорить. Есть у тебя охота, такъ болтай съ нянькой. На то она въ домѣ, чтобы твои глупости слушать, за то ей и жалованье платятъ. Ты грезишь, словно къ зубамъ, а она поддакиваетъ,—вотъ вамъ и занятіе,—будто дѣло дѣлаете. Мнѣ распорядокъ въ домѣ вести, а не балясы съ вами точить. А ты мнѣ убѣгомъ не грози! Коли замки у насъ старые плохи, такъ слесаря намъ, по знакомству, новые сдѣлаютъ, покрѣпче.

Поликсена.

И вы мнѣ, бабушка, замками не грозите! Кому неволя опротивѣеть, кто захочетъ изъ нея вырваться, тотъ себѣ дорогу найдетъ.

Мавра Тарасовна.

Куда это, не слыхать-ли?

Островскій IX.

Поликсена (на ухо бабушкѣ).

Въ могилу. (Уходитъ).

Мавра Тарасовна (вслѣдъ ей).

Ну, миленькая, не вдругъ-то туда сберешься, подумаешь прежде.

Явленіе четвертое.

Мавра Тарасовна, Глѣбъ.

Мавра Тарасовна.

Гдѣ-же, Меркулычъ, яблоки-то?

Глѣбъ.

Яблоки? Это точно, какъ я теперь замѣчаю, ихъ-бы надо больше быть,—умаленіе есть.

Мавра Тарасовна.

Да отъ чего умаленіе-то?

Глѣбъ.

Вотъ что, сударыня, Мавра Тарасовна: я ихъ стеречь приставленъ ...

Мавра Тарасовна.

Ну да, ты; я съ тебя и спрашиваю.

Глѣбъ.

Позвольте! Я ихъ стеречь приставленъ, такъ вы себя успокойте: я вамъ вора предоставлю.

Мавра Тарасовна.

Давно-бъ тебѣ догадаться! Да ты, пожалуй, далеко искать станешь, такъ не скоро найдешь; не поискать-ли намъ самимъ поближе?

Глѣбъ.

Я вамъ вора предоставлю; потому мнѣ тоже слушать такія слова отъ васъ ой-ой!

Мавра Тарасовна.

Напраслину терпишь, миленький, задаромъ оби-
дѣли?

Глѣбъ.

Чтѣ угодно говорите, на все ваша воля ... А
только я вамъ вотъ что скажу: намъ безъ унцера
никакъ нельзя.

Мавра Тарасовна.

Какого, миленький, унцера, на что онъ намъ?

Глѣбъ.

У воротъ поставить. Сторожка у насъ новая
построена; вотъ онъ тутъ и долженъ существовать.

Мавра Тарасовна.

У насъ дворники есть.

Глѣбъ.

Ну, чтѣ дворники! Мужики,—одно слово.

Мавра Тарасовна.

Ундеръ ундеромъ, это наше дѣло; а я съ тобой
объ яблокахъ толкую.

Глѣбъ.

Да ундеръ для всего лучше, особливо если съ
кавалеріей. Кто идетъ, онъ опрашивается: къ кому,
за чѣмъ; кто выходитъ, онъ осмотритъ, не несетъ-
ли чего изъ дома. Какъ можно! Первое дѣло,—
порядокъ, — второе дѣло — видъ. Купеческій домъ,
богатый, да нѣтъ ундера у воротъ, — это чтѣ-жъ
такое?

Мавра Тарасовна.

Ундера, это правда, для всякой осторожности ...
Я прикажу поискать.

Глѣбъ.

А вора, вы не беспокойтесь, я вамъ найду, я его

устерегу. Не для васъ, а для себя постараюсь, потому этотъ воръ долженъ меня оправдать передъ вами. Вамъ обидно, я вижу, вижу; но однако и мнѣ ... такое огорченіе ... это хоть кому ...

Мавра Тарасовна.

Ты съ огорченія-то, пожалуй ...

Глѣбъ.

Ну, ужь не знаю, перенесу-ли. Я вамъ напередъ докладываю. Вонъ хозяинъ въ садъ вышелъ.
(Уходитъ. Входятъ Барабошевъ и Мухояровъ.)

Явленіе пятое.

Мавра Тарасовна, Барабошевъ, Мухояровъ.

Мухояровъ (Барабошеву).

Давно я васъ приглашаю: пожалуйте въ контору; потому хозяйствій глазъ ... безъ него невозможно ...

Барабошевъ.

Не въ расположениі. (Матери.) Маменька, я разстроенъ. (Мухоярову.) Мнѣ теперь нуженъ покой ... Понимай! Одно слово и довольно. (Матери.) Маменька, я сегодня разстроенъ.

Мавра Тарасовна.

Ужь слышала, миленький; что дальше-то будетъ?

Барабошевъ.

Все такъ и будетъ, въ этомъ направленіи. Я не въ себѣ.

Мавра Тарасовна.

Ну, мнѣ до этихъ твоихъ меланхоліевъ нужды мало; потому вѣдь не Божеское какое попущеніе, а за свои деньги, въ погребкѣ, или въ трактирѣ разстройство-то себѣ покупаете.

Барабошевъ.

Вѣрно ... Но при всемъ томъ и обида.

Мавра Тарасовна.

Такъ вотъ ты слушай, Амосъ Панфилычъ, чтѣ
тебѣ мать говорить!

Барабошевъ.

Могу.

Мавра Тарасовна.

Нельзя-же, миленький, ужь весь-то разумъ пропи-
вать; надо чтѣ-нибудь, хоть немножко, и для дому
поберечь.

Барабошевъ.

Я такъ себя чувствую, что разуму у меня для
дому достаточно.

Мавра Тарасовна.

Нѣть, миленький, мало. У тебя и въ помышленіи
нѣть, что дочь невѣста, что я къ тебѣ третій годъ
объ женихахъ пристаю.

Барабошевъ.

Аккуратъ напротивъ того, какъ вы разсуждаете,
потому какъ я постоянно содержу это на умѣ.

Мавра Тарасовна.

Да чтѣ ихъ на умѣ-то содержать, ты намѣ-то
ихъ давай.

Барабошевъ.

Черезъ этихъ-то самыхъ жениховъ я себѣ раз-
стройство и получилъ. Вы непремѣнно желаете для
своей внучки негоціанта?

Мавра Тарасовна.

Какого негоціанта? Такъ, купца попроще.

Барабошевъ.

Все одно,—negoціанты разные бываютъ: полиро-

ванные и не полированные. Вамъ нужно черновой отдѣлки, безъ палитуры и безъ шику, физіономія опойковая, борода клиномъ, старого пошибу, сузальскаго письма? Точно такого негоціанта я въ предметѣ имѣль; но на дѣлѣ вышель конфузъ.

Мавра Тарасовна.

Почему-же такъ, миленький?

Барабошевъ.

Извольте, маменька, понимать: я сейчасъ вамъ буду докладывать. Сосѣдъ, Пустоплесовъ, тоже дочери жениха ищетъ.

Мавра Тарасовна.

Знаю, миленький.

Барабошевъ.

Стало-быть, намъ нужно ту осторожность имѣть, чтобы себя противъ него не уронить. Спрашиваю я его: „кого имѣете въ предметѣ?“ Фабриканта, говорить. Я думаю: „значить, дѣло въ ровень, ушибить ему насъ нечѣмъ“. Только по времени слышу отъ него совсѣмъ другой тонъ. Намедни сидимъ съ нимъ въ трактирѣ, пьемъ мадеру, потомъ пьемъ лафитъ „Шато ля розъ“, новый сортъ, мягчить грудь и пріятныя мысли производить. Только опять зашла рѣчь объ этихъ женихахъ—мануфактурристахъ: „вы, говорить, отдавайте, дѣло хорошее, вамъ такого и надо; а я раздумалъ“. Почему? спрашиваю. „А вотъ увидишь, говорить“. Только вчера встрѣчаю его, Ѣдетъ въ коляскѣ самъ-другъ,— кланяется довольно гордо и показываетъ мнѣ глазомъ на своего компаніона. Гляжу,—полковникъ въ лучшемъ видѣ и при всемъ парадѣ.

Мухояровъ.

Однако плоха.

Мавра Тарасовна.

Ай, ай, миленький!

Барабошевъ.

Какъ я на ногахъ устоялъ, не знаю. Чѣдъ я вина выпилъ съ огорченія! „Шато ля розъ“ не дѣйствуетъ, а отъ мадеры еще пуще въ жаръ кидаетъ ... Велите-ко, маменька, дать холодненькаго.

Мавра Тарасовна.

Прохладиться-то, миленький, еще успѣешь ... Видѣла я, сама видѣла, что къ нимъ военный подъѣзжалъ. Какъ-же намъ думать съ Поликсеной-то?

Барабошевъ.

Ты скажи, маменька, обида это или нѣтъ?

Мавра Тарасовна.

Ну, какъ не обида? Само собой, обида.

Барабошевъ.

Поклонился да глазами-то такъ и скосиль на полковника,—на-ко, моль, Барабошевъ, почувствуй!

Мавра Тарасовна.

Вѣдь зарѣзалъ, миленький, зарѣзалъ онъ нась.

Мухояровъ.

Онъ теперь въ мысляхъ-то подобно какъ на колокольнѣ, а вы съ грязью вровень-сь.

Мавра Тарасовна.

Но до этого случая ему возноситься надъ нами было нечѣмъ. Амосъ Панфилычъ ни въ чемъ переду не давалъ.

Барабошевъ.

И теперь не дадимъ. Раскошеливайся, маменька, камуфлетъ изготовимъ.

Мавра Тарасовна.

Да какой такой камуфлеть?

Барабошевъ.

Къ нимъ въ семь часовъ господинъ полковникъ наѣзжаетъ, и всѣ они за полчаса ждутъ у оконъ, во всѣ глаза смотрятъ,—и сейчась,—безъ четверти семь,—подъѣзжаетъ къ нашему крыльцу генералъ. Вотъ мы имъ глазами-то и покажемъ.

Мухояровъ.

Закуска важная! Сто твоихъ помириль, да пятьсотъ въ гору.

Мавра Тарасовна.

Да гдѣ-жъ ты, миленький, генерала возьмешь?

Барабошевъ.

Въ образованныхъ столицахъ, гдѣ живутъ люди просвѣщенные, тамъ на всякое дѣло можно мастера найти. Ежели вамъ нужно гуся, вы ёдете въ Охотный рядъ, а ежели нужно жениха ...

Мавра Тарасовна.

Ну, само собой, къ свахамъ.

Барабошевъ.

Къ этому самому сословію мы и обращались, и нашли настоящую своему дѣлу художнику. Никандра, какъ она себя рекомендовала?

Мухояровъ.

„Только птичьяго молока отъ меня не спрашивайте; потому негдѣ взять его; а то нѣть того на свѣтѣ, чего-бы я за деньги не сдѣлала“.

Барабошевъ.

Одно слово — баба орель, изъ себя королева,

одѣвается въ бархатъ, ходить отважно, говоритъ съ жаромъ, такъ даже, что крылья у чепчика трясутся, точно онъ куда летѣть хочетъ.

Мавра Тарасовна.

И тебѣ не страшно будетъ, миленький, съ генераломъ-то разговаривать?

Барабошевъ.

У меня разговоръ свободный, точно чтѣ льется, безъ всякой задержки и противъ кого угодно. Такое мнѣ дарованіе дано отъ Бога разговаривать, что даже всѣ удивляются. По разговору мнѣ бы давно надо въ Думѣ гласнымъ быть, или головой; только у меня въ умѣ сужденія нѣтъ и что къ чему,—этого мнѣ не дано. А обыкновенный разговоръ, окромя сурьезнаго, у меня все равно, что бисеръ.

Мавра Тарасовна.

У тебя есть дарованіе, а мнѣ-то какъ, миленький?

Барабошевъ.

И вы такъ точно, подъ меня подражайте!

Мавра Тарасовна.

А денегъ-то сколько нужно, какъ это генералу полагается?

Барабошевъ.

Деньги все тѣ-же; но лучше отдать ихъ вельможъ, чѣмъ суконному рылу.

Мавра Тарасовна.

Да шутишь ты, миленький, или вправду?

Барабошевъ.

Завтрешиаго числа развязка всему будетъ: придется сваха съ отвѣтомъ; и тогда у насъ разсужденіе будетъ, какой генералу пріемъ сдѣлать.

Мавра Тарасовна.

Намъ хотъ кого принять не стыдно: домъ какъ стеклышко.

Барабошевъ.

Объ винахъ надо будетъ заняться основательно, сдѣлать выборку изъ прейсъ-курантовъ.

Мавра Тарасовна.

Да, вотъ еще не забыть-бы: нужно намъ ун더라 къ воротамъ для всякаго порядку; а теперь, при такомъ случаѣ, оно и кстати.

Барабошевъ.

Это дѣло самое настоящее; я объ ундерѣ давно воображалъ.

Мавра Тарасовна.

Такъ я велю поискать; нѣтъ-ли у кого изъ прислуги знакомаго. (Уходитъ. Входить Зыбкина.)

Явленіе шестое.

Барабошевъ, Мухояровъ, Зыбкина.

Зыбкина (кланяясь).

Я къ вамъ, Амосъ Панфилычъ.

Барабошевъ.

Оченно вижу-сь. Чѣмъ могу служить? Приказывайте!

Зыбкина.

Наше дѣло — кланяться, а не приказывать. На- счетъ сынка.

Барабошевъ.

Чтѣ-же будетъ вамъ угодно?

Зыбкина.

Коли онъ къ вашему дѣлу не нуженъ, такъ вы его лучше отпустите!

Барабошевъ.

Въ хорошемъ хозяйствѣ ничего не бросаютъ; потому всякая дрянь пригодиться можетъ.

Зыбкина.

Да чтò-жь ему у васъ болтаться; онъ въ другомъ мѣстѣ при дѣлѣ можетъ быть.

Барабошевъ.

И сейчасъ при должности находится: онъ у насъ замѣсто Балакирева.

Зыбкина.

Онъ долженъ свое дѣло дѣлать, чему обученъ; ему стыдно въ такой должности быть.

Барабошевъ.

А коли это званіе для него низко, мы его можемъ уволить. Самъ плакать обѣ немъ не буду и другимъ не прикажу.

Зыбкина.

Такъ ужь сдѣлайте одолженіе, отпустите его!

Барабошевъ.

Я, противъ закона, удерживать его не могу, потому всякий человѣкъ свою волю имѣть. Но изъ вашаго разговора я заключаю такъ, что вы деньги привнесли по вашему документу.

Зыбкина.

Ужь деньги-то я васъ покорно прошу подождать.

Барабошевъ.

Да-сь, это, по-нашему, пустой разговоръ называется. Разговаривать нужно тогда, когда въ рукахъ есть что-нибудь; а у васъ нѣтъ ничего, начитъ, всѣ ваши слова только одно мечтаніе. Но мечтать вы можете сами съ собой, и я васъ прошу своими мечтами меня не беспокоить. У насъ, коммерсантовъ,

время даже дороже денегъ считается. Затѣмъ до пріятнаго свиданія (кланяется), и потрудитесь быть здоровы! (Мухоярову). Никандра, какія у насъ дѣла въ конторѣ спѣшиныя?

Мухояровъ.

Задержка въ корреспонденціи: побудительные письма нужно подписать; потому платежи въ большомъ застоѣ.

Барабошевъ.

Скажи Платону Иванову Зыбкину, чтобы онъ все, что экстренное, сюда принесъ. (Мухояровъ уходитъ.)

Зыбкина.

Я одного боюсь, Амосъ Панфилычъ, какъ-бы онъ на ваши шутки вамъ не согрубиль, пожалуй, что обидное скажетъ.

Барабошевъ.

Никакъ не можетъ; потому обида только отъ равнаго считается. Мы надъ кѣмъ шутимъ, такъ даже и ругаться дозволяемъ; — это для насъ одно удовольствіе.

Зыбкина.

Нечего дѣлать, надо будетъ денегъ искать.

Барабошевъ.

Сдѣлайте одолженіе! И ежели гдѣ очень много найдете, такъ покажите и намъ, и мы въ ономъ мѣстѣ искать будемъ. Честь имъю кланяться. (Зыбкина уходитъ: Мухояровъ и Платонъ Зыбкинъ, въ рукахъ у него письма и чернильница съ перомъ.)

Явленіе седьмое.

Барабошевъ, Мухояровъ, Платонъ.

Барабошевъ.

Корреспонденція?

Платонъ.

Совершенно справедливо-съ. (Кладетъ письма на столикъ и ставить чернильницу.)

Барабошевъ.

А сколько писемъ? Чтобъ не было мнѣ утомленія ...

Платонъ.

Подпишете безъ утомленія; потому только пять.

Барабошевъ (шутя).

Почему, братецъ, нечѣтка? Какъ ты не аккуратенъ.

Мухояровъ.

Сколько чего—вы его не спрашивайте; онъ въ счетъ сбивчивость имѣеть.

Платонъ.

Нѣть, я счетъ твердо знаю, и тебя поучу.

Мухояровъ.

Извольте подписывать, послѣ сосчитаю. (Подкладываетъ еще письмо и дѣлаетъ знакъ Барабошеву.)

Барабошевъ (подписывая).

Я пять подпісалъ, а вотъ еще. (Беретъ письмо, которое положилъ Мухояровъ.)

Мухояровъ.

Я говорю, что счету не знаетъ-съ.

Платонъ.

Моихъ пять, а шестого я не знаю-съ.

Барабошевъ.

Кто-же изъ насть кого обманываетъ? Чья это рука?

Мухояровъ.

Его-съ. А ты, Платонъ, не отпирайся, не хорошо.

Платонъ (подходя).

Позвольте! Я свою руку знаю. (Смотрить на письмо, потомъ съ испугомъ хватается за карманъ.) Это письмо у меня украли ... Оно сюда не принадлежитъ ... Пожалуйте! Это я самъ про себя... Это мое сочиненіе. (Хочеть взять письмо.)

Барабошевъ.

Осади назаль, осади назадъ! Ты мнѣ самъ его подалъ; значитъ, я въ правѣ дѣлать съ нимъ, что хочу.

Платонъ.

* Позвольте, позвольте! Чѣд я вамъ скажу ... вы, можетъ, не знаете ... Да вѣдь это неблагородно, это довольно даже низко, Амосъ Панфилычъ, чужія письма читать.

Барабошевъ.

Чѣд для меня благородно, чѣд низко, я самъ знаю: ни въ учителя, ни въ гувернери я тебя не напиналь. Не пристань ты ко мнѣ, я-бъ твою литературу бросиль, потому, окромя глупости, ты ничего не напишешь; а теперь ты меня заинтересовалъ, пойми!

Платонъ.

Амосъ Панфилычъ, ну, имѣйте сколько-нибудь снисхожденія къ людямъ!

Барабошевъ.

Стало-быть, это тебѣ будетъ непріятно?

Платонъ.

Да не то, что непріятно, а для чувствительного человѣка это подобно казни, когда надъ его чувствами смыются.

Барабошевъ.

А ты развѣ чувствительный человѣкъ? Мы, бра-

тесь, этого до сихъ поръ не знали. Сейчасъ мы вставимъ двойныя стекла (Надѣваетъ пенснѣ) и будемъ разбирать твои чувствія.

Платонъ (отходя).

Въ пустой чердакъ двойныхъ стеколъ не вставляютъ.

Барабошевъ.

Вы полагаете, что въ пустой?

Платонъ.

Да ужь это такъ точно. (Хватаясь за голову.) Но за чтѣ-же, Боже мой, такое надругательство?

Барабошевъ.

А вотъ за эти ваши каламбуры.

Мухояровъ.

И за два года впередъ зачи!

Барабошевъ.

По вашимъ заслугамъ надо-бы вамъ еще по затылку награжденіе сдѣлать ...

Платонъ.

Чтѣ-же, деритесь! Все это вы можете, и драться, и чужія письма читать; но при всемъ томъ мнѣ вѣдь жалко, очень мнѣ вѣдь жалко, да-сь.

Барабошевъ.

Отчего-жь это такая подобная скорбь у вѣдь?

Платонъ.

Оттого, что вы купецъ богатый, известный, а такие ваши поступки, и даже хотите драться ...

Барабошевъ.

Такъ чтѣ-же-сь?

Платонъ.

А то, что это есть верхъ необразованія и подлость въ высшей степени. (Входитъ Мавра Тарасовна, за ней Филициата и Поликсена, которые останавливаются въ кустахъ.)

Явленіе восьмое.

Барабошевъ, Мухояровъ, Платонъ, Мавра Тарасовна, Филициата, Поликсена.

Барабошевъ.

Пожалуйте, маменька! Очень вы кстати, сейчас мы вамъ развлеченье доставимъ, будемъ читать сочиненіе господина Зыбкина. (Мавра Тарасовна садится. Поликсена прислушивается изъ кустовъ.)

Платонъ.

Вотъ ужь благодарю, вотъ ужь покорно васъ благодарю! Куда какъ благородно!

Барабошевъ (читаетъ).

„Красота несравненная и душа души моей“. Важно! Ай да Зыбкинъ!

Платонъ.

Эхъ! Какъ это довольно подло, чтѣ вы дѣлаете!

Барабошевъ (читаетъ).

„Любить и страдать, вотъ чтѣ мнѣ судьба велѣла. Нельзя открыть душу, нельзя показать чувства, — невѣжество осмѣяеть тебя и растерзаетъ твое сердце. Люди необразованные имѣютъ о себѣ высокое мнѣніе только для того, чтобы имѣть высокое давленіе надъ нами бѣдными. Итакъ, я долженъ молчать и въ молчаніи томиться“.

Мавра Тарасовна (сыну).

Чтѣ-жь это, миленький, такое написано?

Барабошевъ.

Любовное письмо отъ кавалера къ барышнѣ.

Мавра Тарасовна.

Какой-же это кавалеръ?

Барабошевъ.

А вотъ рекомендую: чувствительный человѣкъ и несостоятельный должникъ! Онъ долженъ мнѣ по векселю двѣсти рублей, на платежъ денегъ не имѣть, и отъ этого самаго впаль въ нѣжныя чувства.

Мавра Тарасовна.

Къ кому-же это онъ, любопытно-бы ...

Барабошевъ.

И даже очень любопытно. (Платону.) Слышишь, Зыбкинъ, намъ съ маменькой любопытно знать твой предметъ, такъ потрудись объяснить, братецъ.

Платонъ.

Мало-ли кому что любопытно! Нѣтъ ужъ, будеть съ вაсть. Я такъ, про себя писалъ!

Мухояровъ.

Да ты тѣнь-то не наводи, говори прямо!

Мавра Тарасовна.

Скажи, миленький! Вотъ и посмѣемся всѣ вмѣстѣ, все-таки забава.

Платонъ.

Умру, не скажу.

Барабошевъ.

Онъ сейчасъ, маменька, скажетъ; у меня есть на него талисманъ. (Вынимаетъ вексель.) Видишь свой документъ? Коли скажешь, годъ буду деньги ждать.

Платонъ.

Да невозможно. Смѣйтесь: надо мной однимъ, чего вамъ еще нужно?

Мухояровъ.

Какъ есть храбрый лыцарь, но, при всемъ томъ, безъ понятія въ жизни.

Барабошевъ.

Мало тебѣ этого? Ну, изорву, коли скажешь.

Платонъ.

Жилы изъ меня тяните, не скажу.

Барабошевъ.

Ну, такъ пеняй на себя! Сейчасъ пишу уплату, двадцать-пять рублей тебѣ за мѣсяцъ. — Ставлю бланкъ, безъ обороту на меня. (Пишетъ на вексель.) Передаю вексель довѣренному моему. (Отдаетъ вексель Мухоярову.) Видишь?

Платонъ.

Чтѣ-жь, ваша воля, отдавайте, кому хотите.

Барабошевъ (Мухоярову).

Завтра-же представь вексель, получи исполнитель-
тельный листъ и (показывая на Зыбкина) опусти его въ яму.

Платонъ (съ испугомъ).

Какъ въ яму, зачѣмъ? Я молодой человѣкъ; по-
милуйте, мнѣ надо работать, маменьку кормить.

Барабошевъ.

Ничего, братецъ, посиди, тамъ не скучно; мы
тебя посѣщать будемъ.

Мавра Тарасовна.

Да, миленький, въ богатствѣ-то живя, мы Бога
совсѣмъ забыли, нищей братіи мало помогаемъ, а
тутъ будетъ въ заключеніи свой человѣкъ, все-таки
вспомнишь къ празднику, завезешь калачика, то, дру-
гое,—на душѣ-то и легче.

Барабошевъ.

Покорись, братецъ!

Платонъ (опустивъ голову).

Ну, въ яму, такъ въ яму! Но только я теперь
ожесточился.

Мавра Тарасовна.

Какой ты, миленький, глупый! Двѣсти рублей для
васъ велики деньги, хоть-бы мать-то пожалѣлъ.

Платонъ.

Ахъ, ужь не мучьте меня.

Мавра Тарасовна.

Вѣдь такъ, чай, какая-нибудь полоумная, либо мѣ-
щенка забвенная. Хорошая дѣвушка, изъ богатаго
семейства, тебя не полюбитъ; ну, что ты за чело-
вѣкъ на бѣломъ свѣтѣ?

Платонъ.

Ничѣмъ я не хуже васъ, вотъ что! Я молодой
человѣкъ, наружность мою одобряютъ, за свое обра-
зованіе, я личный почетный гражданинъ.

Мухояровъ.

Нѣть, не личный, — а ты лишній почетный гра-
жданинъ.

Барабошевъ.

Вотъ это вѣрно, что ты лишній.

Платонъ.

Нѣть, вы лишніе-то, а я нужный, я ученый чело-
вѣкъ, могу быть полезенъ обществу. Я патріотъ въ
душѣ и на дѣлѣ могу доказать.

Барабошевъ.

Какой ты можешь быть патріотъ? Ты не смѣешь
и произносить ... потому это высоко, и не тебѣ
понимать.

Платонъ.

Понимаю, очень хорошо понимаю. Всякій чело-

вѣкъ, чтоѣ большой, чтоѣ маленький,—это все одно,—если онъ живеть по правдѣ, какъ слѣдуетъ, хорошо, честно, благородно, дѣлаеть свое дѣло себѣ и другимъ на пользу, — вотъ онъ и патріотъ своего отечества. А кто проживаетъ только готовое, ума и образованія не понимаетъ, дѣйствуетъ только по своему невѣжеству, съ обидой и съ насмѣшкой надъ человѣчествомъ и только себѣ на потѣху, тотъ мерзавецъ своей жизни.

Барабошевъ.

А какъ ты обо мнѣ понимаешь? Ежели я ни то, ни другое, и, промежду всего этого, хочу быть самъ по себѣ?

Платонъ.

Да ужь нельзя, только два сорта и есть, податься некуда: либо патріотъ своего отечества, либо мерзавецъ своей жизни.

Барабошевъ.

Въ такомъ случаѣ поди вонъ и ожидай себѣ по заслугамъ.

Мухояровъ.

А вотъ онъ у меня другую пѣсню запоетъ.

Платонъ.

Всю жизнь буду эту пѣсню пѣть: другой никто меня не заставитъ.

Барабошевъ.

Однако, у меня отъ этихъ глупыхъ преніевъ въ горлѣ пересохло. Маменька, попотчуйте холодникимъ, не заставьте умереть отъ жажды!

Мавра Тарасовна.

Пойдемъ, миленький, и я съ тобою выпью. Какое это вино расчудесное, ежели его пить съ разумомъ.

Платонъ.

Прощайте, бабушка.

Мавра Тарасовна.

Прощай, внучекъ! Бабушка я, да только не тебѣ.

Барабошевъ.

Господинъ Зыбкинъ, до свиданія у Воскресенскихъ воротъ! (Мухоярову.) Проводи его честь честью!

Платонъ.

Чему вы рады? Кого вы гоните? Развѣ вы меня гоните? Вы правду отъ себя гоните, вотъ что! (Уходить, за нимъ Мухояровъ, Мавра Тарасовна и Барабошевъ. Изъ кустовъ выходятъ: Поликсена и Филицата.)

Явленіе девятое.

Поликсена, Филицата.

Поликсена.

Няня, няня, Филицата!

Филицата (не слушая).

Ай, что онъ тутъ надѣлалъ-то, что натворилъ! На-ко, хозяевамъ въ глаза такъ прямо.

Поликсена.

Филицата, да слушай ты меня!

Филицата.

Ну, что, что тебѣ?

Поликсена.

Чтобы ночью, когда всѣ уснутъ, онъ былъ здѣсь въ саду! Слышишь ты, слышишь? Непремѣнно.

Филицата.

Что ты, что ты, опомнись! Тебя хотятъ за енадала отдавать, а ты ишь, что придумываешь? ...

Поликсена.

Я тебѣ говорю, чтобы онъ былъ здѣсь ночью! И ничего слышать не хочу, — ты меня знаешь.

Филицата.

Чтò ты объ своей головѣ думаешь? На что онъ тебѣ? Онъ тебѣ совсѣмъ не подъ кадрель. Ну, хоть будь онъ какой совѣтникъ, а то люди говорятъ, что онъ какой-то лишній на бѣломъ свѣтѣ.

Поликсена.

Такъ ты не хочешь? Говори прямо: не хочешь?

Филицата.

Да съ какой стати, и съ чѣмъ это сообразно, коли тебя за енарала ...

Поликсена (доставая деньги).

Такъ вотъ чтò: поди, купи мнѣ мышьяку!

Филицата.

Ай, батюшки! Ай, чтò ты, грѣховодница!

Поликсена (отдавая деньги).

Купи мнѣ мышьяку! А если не купишь, я сама пойду. (Уходить.)

Филицата.

Ай, погибаю, погибаю. Вотъ когда моей голо-
вушкѣ матъ пришелъ.

Занавѣсь.

Дѣйствіе второе.

Бѣдная, маленькая комната въ квартирѣ Зыбкиной. Въ глубинѣ дверь въ кухню, у задней стѣны диванъ, надъ нимъ повѣшены въ рамкахъ школьніе похвальные листы нальво окно, направо шкафчикъ, подлѣ него обѣденный столъ; стулья простой, топорной работы. На столѣ тарелка съ яблоками.

Явленіе первое.

Зыбкина (сидить у окна), входитъ Платонъ.

Платонъ (садится утомленный).

Готово. Теперь чистъ молодецъ; все заложилъ, чтъ только можно было. Семи рублей не хватаетъ, такъ еще часишкі остались.

Зыбкина.

А какъ жить-то будемъ?

Платонъ.

А какъ птицы живутъ? У нихъ денегъ нѣтъ. Только-бы долгъ-то отдать, а то руки развязаны. Вотъ деньги-то. (Подаетъ Зыбкиной деньги.) Приберите! Завтра снесемъ.

Зыбкина.

А какъ жалко-то; столько денегъ въ рукахъ, и вдругъ ихъ нѣтъ.

Платонъ.

Да вѣдь нечего дѣлать: и плачешь, да отдаешь.

Зыбкина.

Ужъ это первое дѣло, — долгъ отдать, петлю съ шеи скинуть, — послѣдняго не пожалѣешь. Бѣдно, голо, да за то совѣсть покойна, сердце на мѣстѣ.

Платонъ.

Какъ это, маменька, пріятно, что у насъ съ вами мысли одинакія.

Зыбкина.

А ты думаешь, ты одинъ честныи-то человѣкъ? Нѣтъ, и я понимаю, что коли браль, такъ отдать надо. Просто ужъ это очень.

Платонъ.

А какъ я давеча этой ямы испугался!

Зыбкина.

Ну, вотъ! Да развѣ я допущу? Я послѣднее платье продамъ. Мухояровъ за тобой изъ трактира присыпалъ: дѣло какое-то есть.

Платонъ.

Надо идти, у него знакомства много, работы не достану-ли черезъ него.

Зыбкина.

Поди. Убытку не будетъ, дома-то дѣлать нечего. (Платонъ уходитъ.) Перечесть деньги-то, да въ комодъ запереть. (Считаетъ деньги и запираетъ въ шкафчикъ. Входитъ Филицата.)

Явленіе второе.

Зыбкина, Филицата.

Филицата.

Снова здорово, сосѣдушка!

Зыбкина.

Здравствуй, Филицатушка! Садись! Какъ дѣла-то: по-прежнему, аль что новое есть?

Филицата.

Охъ, ужь и не говори! Голова кругомъ идетъ

Зыбкина.

Была у колдуна-то?

Филицата.

Была. До утра ворожбу-то отложили; ужь завтра, натощакъ, что Богъ дастъ; а теперь другая забота у меня. Вотъ видишь-ли: хозяева наши хотятъ ун더라 на дворѣ имѣть, у воротъ поставить.

Зыбкина.

Чтѣ-жь, дѣло хорошее, при большомъ домѣ не лишнее.

Филицата.

Вотъ я и ъездила за нимъ, у меня знакомый есть; да куда ъездила-то! Въ Преображенское. Привезла было его съ собой, да не вѣ-время: видишь, дѣло-то къ ночи, теперь хозяевамъ доложить нельзя, забранятся, что безо времени беспокоять ихъ; а до утра чужого человѣка въ домѣ оставить не смѣемъ.

Зыбкина.

Такъ вели ему завтра пораньше явиться, а теперь пусть домой идетъ.

Филицата.

Чтѣ ты, чтѣ ты! Ужь куда ему назадъ плестись, да завтра онѣтъ такую даль колесить! Я его и сюдато, въ одинъ конецъ, насилиу довезла, боялась, что дорогой-то развалится.

Зыбкина.

Старенькій?

Филицата.

Ветхій старичекъ.

Зыбкина.

Такъ на чтѣ-жь вамъ такого?

Филицата.

Да чтò-жь у насъ, работа, чтò-ль, какая? У воротъ-то сидѣть трудность невелика. У насъ два дворника, а его только для порядку; онъ кандидатъ, на линіи офицера, весь въ медаляхъ, — вахмистръ, какъ слѣ-дуетъ. Состарѣлся, такъ ужь это не его вина: лѣта подошли преклонныя, ну и ослабъ; а все-жь таки своего геройства не теряетъ.

Зыбкина.

Гдѣ-жь онъ у тебя?

Филицата.

У калитки на лавочкѣ сидить, отдыхаетъ: рас-тряслось, никакъ раздышаться не можетъ. Такъ вотъ я тебя и хочу просить: пріюти ты его до утра; онъ человѣкъ смиренный, солидный.

Зыбкина.

Чтò-жь, ничего, пусть ночуетъ; за постой не возьму.

Филицата.

Смиренный онъ, смиренный, ты не беспокойся! А ужь я тебѣ за это сама послужу. Дай ему поглодать чего-нибудь, а уснетъ, гдѣ пришлось, — солдатская кость, къ перинамъ не привыченъ. (Подходить къ окну.) Сила Ерофеичъ, войдите въ комнату! (Зыбкиной.) Сила Ерофеичъ его зовутъ-то. Сынъ-то у тебя гдѣ?

Зыбкина.

По дѣлу побѣжалъ недалеко.

Филицата.

А и мнѣ его нужно-бы. Ну, да я къ тебѣ еще зайду; долеко-ль тутъ, всего черезъ улицу перебѣ-жать. Кстати тебѣ яблочки кулечекъ принесу.

Зыбкина.

Да у меня и прежнія твои еще ведутся. Вотъ на столѣ-то.

Филицата.

Ну, все-таки не лишнее, — когда отъ скуки по-
жуешь; у меня вѣдь не купленныя. (Входитъ Грозновъ.)

Явленіе третье.

Тѣ же и Грозновъ.

Грозновъ (вытягиваясь во фронтъ).

Здравія желаю!

Зыбкина.

Здравствуйте, Сила Ерофеичъ!

Филицата.

Это моя знакомая—Палагея Григорьевна ... Вотъ
вы, Сила Ерофеичъ, здѣсь и очутились.

Грозновъ.

Благодарю покорно.

Зыбкина.

Садитесь, Сила Ерофеичъ! (Грозновъ садится къ столу.)
Яблочка не угодно-ли?

Грозновъ (береть яблоко съ тарелки).

Наливъ?

Зыбкина.

Бѣлый наливъ, мягкія яблоки.

Грозновъ.

Въ Курскѣ яблоки-то хороши ... Бывало, набѣешь
цѣлый ранецъ.

Зыбкина.

А дешевы тамъ яблоки?

Грозновъ.

Дешевы; очень дешевы.

Зыбкина.

Почемъ десятокъ?

Грозновъ.

Ежели въ саду, такъ солдату за даромъ, а съ прочихъ не знаю; а на рынкѣ тоже не покупалъ.

Зыбкина.

Да, ужь это на что дешевле!

Филицата.

Ну, мнѣ пора домой бѣжать. (Подходитъ къ Грознову.) Вотъ чтѣ, Сила Ерофеичъ: чтобы васъ завтра скорѣй въ домъ-то къ намъ допустили, вы, отдохнувши, сегодня - же понавѣдайтесь къ воротамъ. У насъ всегда либо дворникъ, либо кучеръ, либо садовникъ у воротъ сидятъ; поговорите съ ними, позовите ихъ въ трактиръ, поподчуйте хорошенъко. Своихъ-то денегъ вамъ тратить не къ чему, да вы и не любите, я знаю; такъ вотъ вамъ на угощеніе! (Даетъ рублевую бумажку.)

Грозновъ.

Это хорошо, хорошо. Я такъ и сдѣлаю, я люблю въ компаніи-то,—особенно ежели на чужія-то ...

Филицата.

А завтра, когда придете, скажите, что мой родственникъ; васъ прямо ко мнѣ наверхъ и проводятъ заднимъ крыльцомъ.

Грозновъ.

Я скажу: кумъ. Я все, бывало, такъ-то и съ молоду; когда нужно повидать, либо вызвать кого, такъ кумомъ сказывался, хе, хе, хе.

Филицата.

Значитъ, васъ учить нечего.

Грозновъ.

Чтѣ ученаго учить! Тоже вѣдь ходокъ былъ.

Зыбкина.

Да вы и сейчасъ на видъ-то не очень, чтобы . . .
еще мужчина бравый.

Грозновъ.

Чтѣ-жь, я еще хоть куда, еще молодецъ: ну, а
ужь кумовство все ушло, — прежняго нѣтъ, тю-тю!

Филицата.

Вотъ вы и потолкуйте. Вы, Сила Ерофеичъ, раз-
скажите, въ какихъ вы сраженіяхъ стражались, ка-
кія страсти-ужасти произошли, какихъ королей, прин-
цевъ видѣли; вотъ у васъ время-то и пройдетъ. А
я черезъ часъ забѣгу, сына твоего мнѣ нужно видѣть
непремѣнно. (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Зыбкина, Грозновъ.

Зыбкина.

И рада-бы я васъ послушать, — очень я люблю,
когда страшное что рассказываютъ, ну, и про коро-
лей, про принцевъ тоже интересно; да на умъ-то у
меня не то, свое горе одолѣло.

Грозновъ.

Я про сраженія-то ужь плохо и помню; давно,
вѣдь, это было. Прежде хорошо разсказывалъ, какъ
Браиловъ брали, а теперь забылъ. Я больше двад-
цати лѣтъ въ чистой отставкѣ; послѣ-то все въ вах-
мистрахъ да въ присяжныхъ служилъ, гербовую бу-
магу продавалъ.

Зыбкина.

Все у денегъ, значитъ, были?

Грозновъ.

Много ихъ черезъ мои руки перешло.

Зыбкина.

А мы вотъ бьемся, такъ бьемся деньгами-то ..
Ужъ какъ нужны, какъ нужны!

Грозновъ.

Кому онѣ не нужны! Жить трудно стало: за все
деньги плати.

Зыбкина.

Жить-то бы можно; а вотъ долгъ платить тяжело.

Грозновъ.

Да, платить тяжело; занимать гораздо легче.

Зыбкина.

Ну, не скажите! Вотъ я понабрала деньжонокъ
долгъ-то отдать, а все еще не хватаетъ, да на про-
житіе нужно, — рублей тридцать бы призанять те-
перь; а гдѣ ихъ возьмешь? У того нѣтъ ...

Грозновъ.

А у другого и есть, да не даетъ. Вотъ у меня и
много, а я не дамъ.

Зыбкина.

Чтò вы говорите?

Грозновъ.

Говорю: денегъ много, а не дамъ.

Зыбкина.

Да почему-же?

Грозновъ.

Жалко.

Зыбкина.

Денегъ-то?

Грозновъ.

Нѣтъ, васъ.

Зыбкина.

Какъ-же это?

Грозновъ.

Я проценты очень большіе беру.

Зыбкина.

Скажите! Да на чѣмъ: вы, кажется, человѣкъ одинокій?

Грозновъ.

Привычка такая. А вы кому должны?

Зыбкина.

Купцу.

Грозновъ.

Богатому?

Зыбкина.

Богатому.

Грозновъ.

Такъ и не платите. Объ чемъ горевать-то? Вотъ еще! Нужно очень себя разорять.

Зыбкина.

Да вѣдь по векселю.

Грозновъ.

Такъ что-жъ за бѣда, что по векселю? Нѣтъ, что вы, помилуйте! И думать нечего! Не платите, да и все тутъ. А много-ли должны-то?

Зыбкина.

Да безъ малаго двѣсти рублей.

Грозновъ.

Двѣсти? Ни, ни, ни! Чтѣ вы, вѣ умѣли? ... Столько денегъ отдать? Да ни подъ какимъ видомъ не платите!

Зыбкина.

Да, вѣдь, онъ документъ взялъ, говорю я вамъ.

Грозновъ.

Ну, а взялъ, такъ чтò-жь ему еще? И пусть его смотрить на документъ-то.

Зыбкина.

Да вѣдь посадить сына-то.

Грозновъ.

Куда?

Зыбкина.

Въ яму, къ Воскресенскимъ воротамъ.

Грозновъ.

Чтò-жь, это ничего, пущай посидитъ, тамъ хорошо ... пишу очень хвалять.

Зыбкина.

Да вѣдь срамъ, помилуйте.

Грозновъ.

Нѣтъ, ничего, тамъ и хорошие люди сидять, значительные, компания хорошая. А бѣдному человѣку, такъ и на чтò лучше: покойно, квартира теплая, готовая, хлѣбъ все больше пшеничный.

Зыбкина.

Это, дѣйствительно, правда ваша; только жалко, сынъ вѣдь.

Грозновъ.

Чтò его жалѣть-то? Посидитъ, да опять домой придетъ. Деньги-то жальче, онъ ужь не воротятся, запреть ихъ купецъ въ сундукъ, вотъ и идите домой ни съ чѣмъ. А спрятать ихъ подальше, да вынимать понемножку на нужду, такъ на сколько ихъ хватить! Ну, пропади у васъ столько денегъ, чтò бы вы сказали?

Зыбкина.

Сохрани Богъ! Съ ума можно сойти.

Грозновъ.

Украдутъ—жалко; а своими руками отдать не жалко? Смѣшино. Руки-то по локоть отрубить надо, которая свое добро отдаются.

Зыбкина.

Справедливы ваши рѣчи, очень справедливы; а все-таки у меня-то сомнѣніе: чужія деньги, взятые, какъ ихъ не отдать?

Грозновъ.

Да вы развѣ на сбереженье брали? Коли на сбереженье брали, да онѣ у васъ цѣлы, — такъ отдавайте. А я думалъ, это трудовыя. Трудовыя-то люди жалѣютъ, берегутъ.

Зыбкина.

Такъ вы не совѣтуете отдавать?

Грозновъ.

Купецъ отъ вашихъ денегъ не разбогатѣетъ; а себя разорите.

Зыбкина.

Ужь какъ я вамъ благодарна! Женскій умъ, что дѣлать-то, всего не сообразишь. А ежели сынъ требовать будеть?

Грозновъ.

А что сынъ! Сиди, моль, вотъ и все! Надоѣсть купцу кормовыя платить, ну, и выпустить, либо къ празднику кто выпуститъ.

Зыбкина.

Какъ это все вѣрно, что вы говорите! (Входятъ: Платонъ и Мухояровъ. Грозновъ садится сзади стола у шкафа и жуетъ яблоко.)

Явленіе пятое.

Зыбкина, Грозновъ, Платонъ, Мухояровъ.

Мухояровъ (садится, разваливается и надѣваетъ пенснѣ).

Скажите, пожалуйста, я въасъ спрашиваю: вашъ сынъ имѣеть въ себѣ какой-нибудь разсудокъ?

Зыбкина.

Не знаю, какъ вамъ сказать. Кажется, Богъ не обидѣлъ; ну, и учили мы его.

Мухояровъ.

Однако, и образованія настоящаго по бухгалтерской части я не вижу.

Платонъ.

Фальшивые балансы-то тебѣ писать? Нѣтъ, ужъ это на чтѣ-же!

Мухояровъ.

Не съ вами говорять, а съ вашей маменькой. Но я даю ему работу и очень интересную, — балансъ стдитъ сто рублей, я предлагаю полтораста; но онъ не беретъ.

Платонъ.

Совѣсти не продамъ, сказано тебѣ, и не торгуйся лучше.

Мухояровъ.

Какой-же ты бухгалтеръ? Отъ тебя твоей науки сейчасъ требуютъ, а не совѣсти; значитъ, ты не своимъ товаромъ торгуешь.

Платонъ.

Да ужъ будетъ разговаривать-то! Тысячи рублей не возьму, вотъ тебѣ и скажу!

Мухояровъ.

Твоя глупость при тебѣ, — я спорить не стану.

Мы людей найдемъ. (Зыбкиной.) У насъ дѣло вотъ какого рода: много денегъ въ кассѣ не хватаетъ; хозяинъ издержалъ на свои развлечения; такъ намъ требуется балансъ такъ оттушевать, чтобы старуха разобрать ничего не могла. (Показывая на Грознова.) Чѣмъ это у васъ за орангутантъ?

Зыбкина.

Какой орангутантъ, помилуйте! Это кавалеръ. Ваша нянька хочетъ его къ вамъ въ ундера поставить. (Грознову, указывая на Платона). Вотъ, Сила Ерофеичъ, сыночъ-то мой, про котораго говорили.

Грозновъ.

Парень знатный! (Манить рукой Платона.) Поди-ка сюда поближе. (Платонъ подходитъ.) Кто это? (Указывая на Мухоярова.)

Платонъ.

Приказчикъ отъ Барабошева.

Грозновъ.

О! ... А я думаль ... (Отворачивается и жуетъ яблоко.)

Мухояровъ (вставая).

Хорошъ мужчина.

Грозновъ.

Не дуренъ. А ты какъ думаешьъ?

Зыбкина.

Онъ въ разныхъ сраженіяхъ бывалъ, королей, императоровъ и всякихъ принцевъ видѣлъ.

Мухояровъ.

Вреть все, ничего онъ не видѣлъ; за пушкой лежалъ гдѣ-нибудь.

Грозновъ.

Нѣтъ, видѣлъ.

Мухояровъ.

На картинкѣ?

Грозновъ (сердится).

Въ натурѣ.

Мухояровъ.

Котораго?

Грозновъ.

Австрицкаго прежняго.

Мухояровъ.

А какой онъ изъ себя? Маль, великъ, толстъ, тоночкъ? Вотъ и не скажешь.

Грозновъ.

Нѣтъ, скажу.

Мухояровъ.

А скажешь, такъ и говори! Вотъ мы твою правду и узнаемъ. Ну, какой?

Грозновъ (передразнивая).

Какой, какой! Солидный человѣкъ, не тебѣ чета.
(Встаетъ.) Ну, я пойду.

Зыбкина.

Идите, Сила Ерофеичъ.

Мухояровъ.

Куда намъ такую ветошь? У насъ не Матросская
богадѣльня. Развѣ для потѣхи?

Грозновъ.

Поживи-ко съ мое, такъ самъ въ богадѣльню за-
просишься, а я еще на своихъ харчахъ живу. А у
Барабашевыхъ тебя держать станутъ-ли, нѣтъ-ли, не
знаю; а я жить буду. А коли будемъ жить вмѣстѣ,
не прогонятъ тебя, такъ ты мнѣ вотъ какъ будешъ
кланяться. Не больно ты важенъ, видали почище.
(Уходитъ.)

Мухояровъ.

Я прихожу къ вамъ, въ родѣ какъ благодѣтель, интересую васъ работой; но вы сами не хотите, значитъ, прощайте! Между прочимъ сказать, — я вамъ не опекунъ. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.**Зыбкина, Платонъ.****Платонъ.**

Поняли, маменька?

Зыбкина.

Нечего мнѣ понимать, да и нѣ-зачѣмъ.

Платонъ.

Какую штуку-то гнеть! Сами обманывать не умѣють, такъ людей нанимаютъ.

Зыбкина.

Кого обманывать-то?

Платонъ.

Старуху, Барабошеву старуху. Какую работу нашель, скажите!

Зыбкина.

Да ты эту работу умѣешь сдѣлать?

Платонъ.

Какъ не умѣть, коли я этому учился.

Зыбкина.

Деньги дадутъ за нее?

Платонъ.

Полтораста посуилъ.

Зыбкина.

Милліонщики мы?

Платонъ.

Мы не милліонщики; но я, маменька, патріотъ.

Зыбкина.

Извергъ ты, вотъ что! (Утираетъ платкомъ глаза.)

Платонъ.

Объ чемъ вы плачете? Вы должны хвалить меня; и вотъ послѣдніе часики продаль.

Зыбкина.

Зачѣмъ это?

Платонъ.

Чтобы долгъ заплатить. (Достаетъ деньги.) Вотъ, приложите къ тѣмъ.

Зыбкина.

Нѣть, оставь у себя, пригодятся. Безъ денегъ-то вездѣ плохо.

Платонъ.

Да вѣдь тамъ не хватаетъ.

Зыбкина.

Чего не хватаетъ?

Платонъ.

Долгъ-то отдать; не всѣ вѣдь.

Зыбкина.

Да ужь я раздумала платить-то. Совсѣмъ-было ты меня съ толку сбилъ; какую глупость сдѣлать хотѣла! Какъ это разорить себя ...

Платонъ.

Маменька, что вы! что вы!

Зыбкина.

Хорошо еще, что нашлись умные люди, отсо-
вѣтовали. Руки по локоть отрубить, кто трудовыхъ-
то отдаетъ.

Платонъ.

Маменька, маменька, да вѣдь меня въ яму, въ яму.

Зыбкина.

Да, мой другъ. Ужь поплачу надъ тобой, да, нечего дѣлать, благословлю тебя да и отпушу. Съ благословеніемъ моимъ тебя отпушу, ты не беспокойся!

Платонъ.

Маменька, да вѣдь съ тріумфомъ меня повезутъ, провожать въ десяти экипажахъ будутъ, извошиковъ наймуть, процессію устроять, издѣваться станутъ; только вѣдь имъ того и нужно.

Зыбкина.

Чтѣ-жь дѣлать-то? Ужь потерпи, пострадай!

Платонъ.

Маменька, да вѣдь навѣщать будутъ, калачи возить, — все съ насмѣшкой.

Зыбкина.

Мяконькій калачикъ съ чаемъ развѣ дурно?

Платонъ.

Ну, а послѣ чаю-то, чтѣ мнѣ тамъ дѣлать цѣлый день? Батюшки мои! Въ преферансъ я играть не умѣю. Чулки вязать только и остается.

Зыбкина.

И то дѣло, другъ мой, все-таки не сложа руки сидѣть.

Платонъ (съ жаромъ).

Такъ готовьте мнѣ нитокъ и иголокъ, больше готовьте, больше!

Зыбкина.

Приготовлю, мой другъ, много приготовлю.

Платонъ (садится, опуская голову).

Отъ васъ-то я, маменька, не ожидалъ, — признаться сказать, никакъ не ожидалъ.

Зыбкина.

За то деньги будутъ цѣлѣ, милый другъ мой.

Платонъ.

Всю жизнь я, маменька, сражаюсь съ невѣжествомъ, только дома утѣшеніе и вижу, и вдругъ какой ударъ, въ родной матери я то-же самое нахожу.

Зыбкина

Чтѣ же самое? Невѣжество-то? Брани мать-то, брани!

Платонъ.

Какъ я, маменька, смѣю вать бранить! Я не такой сынъ. А только вѣдь оно самое и есть.

Зыбкина.

Обижай, обижай! Вотъ посидишь въ ямѣ-то, такъ авось поумнѣ будешь.

Платонъ.

Чтѣ-жь мнѣ дѣлать-то? Кругомъ меня необразованіе, обошло оно меня со всѣхъ сторонъ, одолѣваетъ меня, одолѣваетъ. Ахъ! Пойду брошуся, утоплюся.

Зыбкина.

Не бросишься.

Платонъ.

Конечно, не брошуся, потому это глупо. А я вотъ чтѣ, вотъ чтѣ. (Садится къ столу, вынимаетъ бумагу и карандашъ.)

Зыбкина.

Это чтѣ еще?

Платонъ.

Стихи буду писать. Въ такомъ огорченіи всегда такъ дѣлаютъ образованные люди.

Зыбкина.

Что ты выдумываешь?

Платонъ.

Чувствъ моихъ не понимаютъ, души моей оцѣнить не могутъ и не хотятъ; — вотъ все это тутъ и будетъ обозначено.

Зыбкина.

Какіе-жь это будуть стихи?

Платонъ.

„На гробъ юноши“. — А вамъ читать, да слёзы проливать. Будетъ, маменька, слезъ тутъ вашихъ много, много будетъ. (Задумывается, пишетъ и опять задумывается. Входитъ Филицата съ узломъ.)

Явленіе седьмое.

Зыбкина, Платонъ, Филицата.

Филицата.

Вотъ я тебѣ яблочковъ принесла! Нѣ-ко! (Отдаётъ узель.) Салфеточку-то не забудь, хозяйская.

Зыбкина.

Спасибо, Филицатушка, обѣ салфеткѣ попомню.

Филицата.

Освободи-ко насъ на минутку: нужно мнѣ Платону два слова сказать.

Зыбкина.

Обѣ чемъ-же это?

Филицата.

Наше дѣло, мы съ нимъ только двое и знаемъ.

Зыбкина.

Я уйду, говорите. Говори что хочешь, только бы намъ на пользу шло. (Уходитъ.)

Явление восьмое.

Платонъ, Филицата.

Филицата.

Послушай-ка ты, побѣдитель!

Платонъ.

Погоди, не мѣшай! Фантазія разыгрывается.

Филицата.

Брось, говорю! Не важное какое дѣло-то пишешь, не государственное. Я посломъ къ тебѣ.

Платонъ (пишетъ).

Ничего хорошаго отъ тебя не ожидаю.

Филицата.

Въ гости зовутъ.

Платонъ.

Когда?

Филицата.

Сейчасъ пойдемъ со мной! Провожу я тебя въ сторожку, посидишь тамъ до ночи, а потомъ въ садъ, когда все уснутъ. По обыкновенію, какъ и прежде бывало, ту-же канитель будемъ тянуть.

Платонъ.

Не до того, я очень душой разстроенъ.

Филицата.

А ты выручи меня! Приказала, чтобы ты былъ безпремѣнно.

Платонъ.

Да вѣдь это мѣка моя; вѣдь тиранство она надо мной дѣлаетъ.

Филицата.

Чтѣ-жь дѣлать-то? Не ровная она тебѣ ... а ты бы ужь радъ ... Мало-ль чтѣ! Чинъ твой не позволяетъ.

Платонъ.

Скоро чтѣ-то; давно-ль видѣлись! Прежде, было, дней черезъ пять, черезъ шесть.

Филицата.

Значитъ, нужно. Оказія такая случилась.

Платонъ.

Чтѣ еще? Говори, не скрывай!

Филицата.

Слушай меня! Надежды вѣдь ты никакой на нее не имѣешь?

Платонъ.

Какая надежда! На чтѣ тутъ надѣяться?

Филицата.

Значить, и жалѣть о ней тебѣ много нечего.

Платонъ.

Не знаю. Какъ сердце приметъ. Тоже вѣдь оно у меня не каменное.

Филицата.

Ну, авось, не умрешь. Ее за енерала отдаютъ.

Платонъ.

За генерала?

Филицата.

Да. Такъ ужь ты тутъ при чемъ? Чтѣ ты противъ енерала можешь значить?

Платонъ.

Гдѣ ужь! Такая-то мелочь, такая-то мелочь, что самому на себя глядѣть жалко. (Качая головой.) Но кто-жъ этого ожидалъ!

Филицата.

Такъ пойдемъ. Должно-быть, проститься съ тобой хочетъ.

Платонъ.

Приказываетъ, такъ надо идти. Вотъ она, жизнью моя: одно горе не оплакалъ, — другое на плечи валится. (Махнувъ рукою.) Одни стихи не кончилъ, другие начинай! (Въ задумчивости.) Вотъ и повезутъ ... и повезутъ насъ врозь, — ее въ каретѣ вѣнчаться съ генераломъ, а меня судебный приставъ за воротъ въ яму. (За сценой голосъ Грознова: „Если-бъ завтра да ненастье то-то-бъ рада я была“). Это что-жъ такое?

Филицата.

Должно-быть, Сила Ерофеичъ вернулся; въ трактирѣ былъ съ нашими: съ дворникомъ да съ садовникомъ. (Голосъ за сценой; „Если-бъ дождикъ — мое счастье“.) Ну онъ и есть. (Входятъ: Зыбкина и Грозновъ.)

Явленіе девятое.

Платонъ, Филицата, Зыбкина и Грозновъ.

Грозновъ (поетъ).

„За малинкой-бъ въ лѣсъ пошла“. (Садится на стулъ).

Филицата (Зыбкиной).

Угомони ты его! Онъ теперь уснетъ, какъ умреть. А сына твоего я съ собой уведу.

Зыбкина.

Пущай идетъ. Своя воля, не маленький. (Филицата и Платонъ уходятъ.)

Грозновъ (поетъ).

„За малинкой-бѣ въ лѣсъ пошла“. Гдѣ онъ тутъ?

Зыбкина.

Кто, онъ-то?

Грозновъ.

Приказчикъ этотъ. Вотъ онъ теперь поговори со мной! Я его. (Топаетъ ногами.)

Зыбкина.

Онъ давно ушелъ, Сила Ерофеичъ.

Грозновъ.

Подайте его сюда! Смѣяться надъ Грозновымъ!...
Вотъ я ему задамъ!

Зыбкина.

Да гдѣ-жъ его взять-то?

Грозновъ.

Ты смѣяться надо мной? Ахъ, ты молокосось! Чѣмъ ты, чѣмъ ты? Ты знаешь-ли, чѣмъ такое Грозновъ... Сила Грозновъ? ... Грозновъ герой ... одно слово... пришелъ, увидѣлъ, ну, и кончено. Это только уму... у ... у ... непостижимо.

Зыбкина.

Ахъ, скажите, пожалуйста!

Грозновъ.

Молодой Грозновъ ... ну, да, не теперь, а молодой.

Зыбкина.

Ахъ, какъ это интересно!

Грозновъ.

Была женщина красавица, и были у нея стани ткацкіе, на Разгуляѣ ... тамъ далеко ... въ Гав ... въ Гав ... въ Гавриковомъ переулкѣ, и того дальше.

Только давно это было ... передъ турецкой войной. Тогда этот Турка взбунтовался, а мы его били ... за это ... Вотъ каковъ Грозновъ! А ты шутить!.. Мальчишка!

Зыбкина.

Ну, и чтѣ-же эта женщина, Сила Ерофеичъ?

Грозновъ.

Вотъ и полюбила она Грознова ... и имѣль Грозновъ отъ нея всякие продукты и деньги ... И услали Грознова подъ Турку ... И чуть она тогда съ горя не померла ... такъ малость самую ... въ чёмъ душа осталась. А Грозновъ сталъ воевать ... Вотъ каковъ Грозновъ, а ты, мальчишка! У ... у ... у ... (Топаетъ ногами.)

Зыбкина.

Дальше-то, дальше-то чтѣ, Сила Ерофеичъ?

Грозновъ.

Только умереть она не умерла, а вышла замужъ за бѣгатаго купца ... очень влюбился; такая была красавица ... по всей Москвѣ одна. Первая красавица въ Москвѣ, и та любила Грознова ... Вотъ онъ какой, вотъ онъ какой!

Зыбкина.

И ужъ вы послѣ эту женщину не видали?

Грозновъ.

Какъ не видать, видѣлъ. (Поетъ.) „За малинкой-бѣ въ лѣсь пошла“.

Зыбкина.

Чай, не узнала васъ, отвернулась, будто и не знакомы?

Грозновъ.

Ну, нѣтъ. Тутъ такая исторія была, такая исторія, что и думать, такъ не придумаешь.

Зыбкина.

Ужъ вы будьте столь добры, доскажите до конца.

Грозновъ.

Вотъ пришелъ я въ Москву въ побывку, узналъ, что она замужемъ ... разспросилъ, какъ живеть и гдѣ живеть. Иду къ ней, домъ—княжескія палаты; мужа на ту пору нѣтъ ... Какъ увидала она меня, и взметалась, и взметалась ... ужъ очень испугалась ... Мужъ-то ее въ большой строгости держаль ... И деньги-то мнѣ тычетъ ... и перстни-то снимаетъ съ рукъ, отдаеть, я все это беру ... Дрожитъ, вся трясется, такъ по стѣнамъ и кидается; а мнѣ весело. „Возьми, чтò хочешь, только мужу не показывайся!“ Раза три я такъ-то приходилъ ... тиранилъ ее ... Ну, и сталъ прощаться, надо въ полкъ идти, — а она-то себя не помнить отъ радости, что покойна-то будетъ ... И чтò-же я съ ней тогда сдѣлалъ ... по наученію умныхъ людей?.. Мудрить-то мнѣ надѣй ней все хотѣлось ... Взялъ я съ нея такую самую страшную клятву, что, ежели эту клятву не исполнить, такъ разнесеть всего человѣка ... Съ часъ она у меня молилась, все себя проклинала, потомъ сняла образъ со стѣны ... А клятва эта была въ томъ, что, ежели я ворочусь благополучно, и чтò не истребую у нея, чтобы все было ... А на чтò мнѣ? Такъ пугаль ... И клятва эта вся пустая, такъ слова дурацкія: на морѣ на океанѣ, на островѣ на буянѣ ... Въ шею бы меня тогда ... а она въ сурьевъ ... Такъ вотъ каковъ Грозновъ!

Зыбкина.

А чтò-жь дальше-то?

Грозновъ.

Ничего. Чему быть-то?... Я всего пять дней и въ Москвѣ-то ... Умирать на родину прѣхалъ...

а то все въ Питерѣ жиль ... Такъ чего мнѣ?...
 Деньги есть ... Покой мнѣ нуженъ, вотъ и все ...
 А чтобы меня обидѣть, такъ это нѣтъ, шалишь ...
 Гдѣ онъ тутъ? Давайте его сюда! (Топаетъ ногами, по-
 томъ дремлетъ.) „За малинкой-бѣ въ лѣсъ пошла“.

Зыбкина.

Ложились-бы вы, храбрый воинъ, почивать.

Грозновъ (стягивая дремоту).

Зорю били?

Зыбкина.

Били.

Грозновъ.

Ну, теперь одно дѣло — спать.

Зыбкина.

Вотъ сюда, на диванчикъ, пожалуйте!

Грозновъ (садясь на диванъ, отвали-

вается назадъ и поднимаетъ руки).

Царю мой и Боже мой!

Зыбкина.

Дѣйствіе третье.

Декорация 1-го дѣйствія. Лунная ночь.

Явленіе первое.

Глѣбъ (одинъ).

Какая все, годъ отъ году, перемѣна въ Москвѣ; совсѣмъ другая жизнь пошла. Бывало, въ купеческомъ домѣ въ девять часовъ хозяева-то ужъ второй сонъ видятъ, такъ для людей-то какой просторъ! А теперь вотъ десять часовъ скоро, а еще у насъ не ужинали, еще проклажаются, по саду гуляютъ. А что хорошаго? Только прислугѣ стѣсненіе! Вотъ мѣшки-то съ яблоками съ которыхъ порѣ валяются: никакъ ихъ со двора не сволочешь, не улучишь минуты за ворота вынести; то самъ тутъ путается, то сама толчется. Тоже вѣдь и намъ покой нуженъ; вотъ снесѣ-бы яблоки и спаль, а то жди, когда они угомонятся. * (Входятъ: Мавра Тарасовна и Филицата.)

Явленіе второе.

Глѣбъ, Мавра Тарасовна, Филицата.

Глѣбъ.

Я вотъ, Мавра Тарасовна, разсуждаю, стою, что пора-бы намъ яблоки-то обирать. Чѣмъ они мотаются?

Островскій. IX.

16

Только одно сумлѣніе съ ними да грѣхъ; стереги ихъ, броди по ночамъ, чѣмъ-бы спать, какъ это предоставлено человѣку.

Мавра Тарасовна.

Я свое время знаю, когда обирать ихъ.

Глѣбъ.

То-то, моль. Отобрать-бы: которая въ мочку, которая въ лѣжку, опять ежели варенье ..

Мавра Тарасовна.

Ужь это, миленький, не твое дѣло.

Глѣбъ.

Да мнѣ чтѣ! Я со всѣмъ расположениемъ ...
ужь я теперь неусыпно ... Нѣтъ, я за умъ взялся:
стеречь надо, вотъ что!

Мавра Тарасовна.

Стереги, миленький, стереги.

Глѣбъ.

А вора я вамъ предоставлю ... Что я виновать,
ужь это, нѣтъ, едва-ли! (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Мавра Тарасовна, Филицата.

Мавра Тарасовна.

Амось Панфилычъ давно уѣхалъ?

Филицата.

Да онъ, матушка, дома.

Мавра Тарасовна.

Чтѣ такъ замѣштался?

Филицата.

Да, видно, не поѣдетъ: и лошадей не закладываютъ, да и кучеръ со двора отпросился.

Мавра Тарасовна.

По буднямъ всѣ ночи напролеть гуляетъ, а въ праздникъ дома; чему приписать, не знаю.

Филицата.

Чтѣ человѣка изъ дому-то гонитъ? Отвага. А ежели отваги нѣть, ну, и сидить дома.—Вотъ какое дѣло; а то чѣму-жь другому быть-то?

Мавра Тарасовна.

Куда-жь эта его отвага дѣвалась?

Филицата.

Первая отвага въ человѣкѣ, коли денегъ много; а деньги подъ исходъ, такъ человѣкъ скромнѣе бываетъ и чувствительнѣе, и обѣ домъ вспомнить, и обѣ семейство.

Мавра Тарасовна.

Такъ отъ безденежья, ты думаешь?

Филицата.

Одно дѣло, чтѣ прохарчился, матушка.

Мавра Тарасовна.

Ты сѣ приказчиками-то, миленькая, дружбу во-дишь, такъ чтѣ говорятъ-то? Ты мнѣ, какъ на духу!

Филицата.

Да чтѣ-жь! Тонки дѣла, тонки.

Мавра Тарасовна.

Торговля плоха, стало-быть?

Филицата.

Да чтѣ торговля! Какая она ни будь, а если

нынче изъ выручки тысячу, завтра двѣ, да такъ постепенно выгребать, много-ли барыша останется? А тутъ самимъ платить приходится; а денегъ нѣть, вотъ отъ чего и тоска, и ужь такого легкаго духу нѣть, чтобъ тебя погулять манило.

Мавра Тарасовна.

А много-ль Амосъ Панфилычъ на себя забраль изъ выручки-то?

Филицата.

Говорять, тысяча двадцать пять въ короткое время.

Мавра Тарасовна.

Ну, чтѣ-жь, миленькая, пущай, мы люди богатые, только одинъ сынъ у меня; въ кого-жь и жить-то?

Филицата.

Да чтѣ ужь! Только-бѣ быть здоровыми.

Мавра Тарасовна.

Еще чего не знаешь-ли? Такъ ужь говори кстати, благо начала.

Филицата.

Платона даромъ обидѣли, вотъ чтѣ! Онъ хозяйствскую пользу соблюдалъ и такія книги писалъ, что въ нихъ все одно, чтѣ въ зеркалѣ, сейчасъ видно, кто и какъ сплутовалъ. За то и возненавидѣли.

Мавра Тарасовна.

Конечно, такие люди дороги; а коли грубить такъ вѣдь одного дня терпѣть нельзя.

Филицата.

Ваше дѣло, мы судить не смѣемъ. (Проходятъ съ другой стороны входятъ: Барабашевъ и Мухояровъ.)

Явленіе четвертое.

Барабошевъ, Мухояровъ.

Барабошевъ.

Почему такое, Никандра, у насть въ кассѣ деньги не въ должномъ количествѣ?

Мухояровъ.

Такая выручка, Амосъ Панфилычъ, ничего не подѣлаешь.

Барабошевъ.

Мнѣ нужно тысячи двѣ на мои удовольствія, и вдругъ сюрпризъ.

Мухояровъ.

Уплаты были, сроки подошли.

Барабошевъ.

А какъ, братецъ, нашъ портфель?

Мухояровъ.

Портфель полнеконекъ, гербовой бумаги очень достаточно.

Барабошевъ.

Въ такомъ разѣ дисконтируй!

Мухояровъ.

Гдѣ прикажете?

Барабошевъ.

Никандра, ты меня удивляешь! Ступай, братецъ, по Ильинкѣ, нальво одинъ банкъ, направо другой.

Мухояровъ.

Да-съ, это точно-съ. Вотъ если-бъ вы сказали: ступай по Ильинкѣ, нальво одинъ трактиръ, дальше другой, въ одномъ спроси полуторный, въ другомъ порцію солянки закажи; такъ это осуществить можно-съ. А ежели заходить въ банки, такъ это одинъ

моционъ, больше ничего-съ; хоть нальво заходи, хоть направо, ни копейки за наши векселя не дадутъ.

Барабошевъ.

Но мой бланкъ чего-нибудь стойть?

Мухояровъ.

Еще хуже-съ.

Барабошевъ.

Значить, я тебя буду учить, коли ты настоящаго не понимаешь. Нужны деньги, процентовъ не жалѣй, дисконтируй въ частныхъ рукахъ, у ...

Мухояровъ.

Все это мнѣ давно известно-съ! Но въ частныхъ рукахъ полторы копейки въ мѣсяцъ за хорошие-съ.

Барабошевъ.

А за наши?

Мухояровъ.

Ни копейки-съ.

Барабошевъ.

Полученіе предвидится?

Мухояровъ.

Полученія много, только получить ничего нельзя-съ.

Барабошевъ.

А платежи?

Мухояровъ.

А платежи завтрашняго числа, и послѣ завтра, и еще черезъ недѣлю.

Барабошевъ.

Какая сумма?

Мухояровъ.

Тысячъ болѣе тридцати-съ.

Барабошевъ.

Постой, постой! Ты, братецъ, долженъ осторожнѣе. Ты меня убилъ. (Садится на скамейку.)

Мухояровъ.

У Мавры Тарасовны деньги свободныя-сь.

Барабошевъ.

Но у нея у сундука замокъ очень тугъ.

Мухояровъ.

Пріидите поклонимся.

Барабошевъ.

Она любить, чтобы ей въ присядку кланялись, до сырой земли.

Мухояровъ.

И ничего не зазорно-сь, потому родительница..

Барабошевъ

Хрящи-то у меня срослись; гибкости, братецъ, прежней въ себѣ не нахожу.

Мухояровъ.

Оно точно-сь, выдѣлывать эти самыя па довольно затруднительно, -- но, при всемъ томъ, обойтись безъ нихъ никакъ невозможно-сь.

Барабошевъ.

Поклоны-то поклонами, эту эпитетію мы выдержимъ; но, для убѣжденія, нужна и словесность.

Мухояровъ.

За словесностью остановки не будетъ, потому какъ у васъ на это даръ свыше. Пущайте противъ маменьки аллегорію, а я въ вашъ тонъ потрафлю,— противъ вашей ноты фальши не будетъ.

Барабошевъ.

Значитъ, спѣлись. (Входитъ Мавра Тарасовна.)

Явление пятое.

Барабошевъ, Мухояровъ, Мавра Тарасовна.

Мавра Тарасовна.

Ты дома, миленький? На чём это записать? Какъ это ты сплоховалъ, что тебя ночь дома застала, соловьиное время пропустилъ?

Барабошевъ.

Соловьиное время только до Петрова дни-сь.

Мавра Тарасовна.

Для тебя, миленький, видно, круглый годъ поють; вечерния заря тебя изъ дому гонить, а утренняя за-гоняетъ. Дурно я объ сынѣ думать не могу, такъ все полагала, что ты соловья слушаешь! Ужь здоровъ-ли ты?

Барабошевъ.

Болѣзни во мнѣ никакой, только воздыханіе въ груди частое и отъ того стѣсненіе.

Мавра Тарасовна.

Не отъ вина-ли? Ты-бы ему немножко отдохнуть далъ.

Барабошевъ.

Вино на меня дѣйствія не имѣтъ. А ежели какой отъ него вредъ случится, только недѣльку перегодить и на нутръ цапцапарель принимать,—все испареніемъ выдетъ, и опять сызнова можно, сколько угодно. Скорѣй-же я могу разстроиться отъ беспокойства.

Мавра Тарасовна.

Чтѣ-же тебя, миленький, беспокоитъ?

Барабошевъ.

Курсы слабы. Никандра, какъ на Лондонъ?

Мухояровъ.

Двадцать-девять пять осьмыхъ-съ.

Барабошевъ.

А дисконтъ?

Мухояровъ.

Приступу нѣтъ-съ.

Мавра Тарасовна.

Да на что тебѣ Лондонъ, миленький?

Барабошевъ.

Лондонъ, конечно, будетъ въ сторонѣ, но мнѣ отъ дисконту большой убытокъ. Денегъ въ кассѣ наличныхъ нѣтъ.

Мавра Тарасовна.

Куда-жъ онѣ дѣлись?

Барабошевъ.

Я на нихъ спекуляцію сдѣлалъ въ компаніи съ однимъ негоціантомъ.—Открыли натуральный сахарный песокъ, такъ мы купили.

Мавра Тарасовна.

Какъ такъ натуральный?

Барабошевъ.

По берегамъ рѣкъ.

Мавра Тарасовна.

Какъ-же онъ не растаетъ?

Барабошевъ.

Въ нашей водѣ точно растаять долженъ, а это въ чужихъ земляхъ . . . Гдѣ, Никандра, нашли его?

Мухояровъ.

Въ Бухарѣ-съ. Тамъ такія рѣки, что въ нихъ никогда воды не бываетъ-съ.

Мавра Тарасовна.

Такъ ты съ барышомъ будешь, миленький?

Барабошевъ.

Интересы будуть значительные; но въ настоящее время есть платежи и нужны наличные деньги, а ихъ въ кассѣ нѣтъ.

Мавра Тарасовна.

Такъ-бы ты и говорилъ, что нужны, молъ, деньги, а сахаромъ-то не подслащалъ.

Барабошевъ.

Я вамъ въ обезлеченіе вашихъ денегъ представлю векселей на двойную сумму.

Мавра Тарасовна.

Пойдемъ, миленький, въ комнатахъ потолкуемъ, да векселя и всѣ счеты мнѣ принесите. Я хоть мало грамотна, а разберу кой-что.

Барабошевъ,

Захвати, Никандра, всѣ нужные документы!
(Уходятъ: Мавра Тарасовна, Барабошевъ и Мухояровъ. Входитъ Глѣбъ.)

Явленіе шестое.

Глѣбъ, потомъ Филицата и Поликсена.

Глѣбъ.

Насилу-то ихъ унесло. Теперь мѣшки на плечи, одинъ по одному, да по заборчику, по холодку-то оно любо. Хоть и тяжеленьки, мѣры по двѣ будетъ въ каждомъ, да своя ноша не тянетъ. Гдѣ они тутъ? (Уходятъ: Поликсена и Филицата.) Вотъ еще принесло! Эхъ, наказанье! (Филицата подходитъ, Поликсена остается вдали.) Чѣд на вѣсть угомону нѣтъ? Полуночники, право полуночники.

Филицата.

Да тебѣ чтѣ за печаль?

Глѣбъ.

Ну, ужь домъ! Попалъ я на мѣстечко!

Филицата.

Не грѣши! Чего тебѣ мало? Завсегда сытъ, пьянъ хоть не сплошь, такъ ужь черезъ день аккуратно; съ хорошаго человѣка и довольно-бы.

Глѣбъ.

Вы долго прогуляете?

Филицата.

Ты сторожемъ, чтѣль, при насть приставленъ?

Глѣбъ.

Я при яблокахъ.

Филицата.

Говорить-то тебѣ нечего. Шель-бы спать, расчудесное дѣло.

Глѣбъ.

Стало-быть, я вамъ мѣшаю?

Филицата.

Да чтѣ торчишь тутъ, какая пріятность смотрѣть на тебя?

Глѣбъ.

А, можетъ, ты мнѣ мѣшаешь-то, знаешь-ли ты это?

Филицата.

Какъ не знать! Премудрость-то не велика: бери мѣшокъ-то, тащи, куда тебѣ надобно; мы и видѣли, да не видали.

Глѣбъ.

Да у меня ихъ два.

Филицата.

За другимъ послѣ придешь.

Глѣбъ.

Это вотъ дѣло другого рода, такъ-бы ты и говорила. (Беретъ изъ куста мѣшокъ на плечи и уходитъ. Поликсена подходитъ ближе.)

Явленіе седьмое.

Поликсена, Филицата.

Поликсена.

Гдѣ-же онъ?

Филицата.

Погоди, не вдругъ; дай садовнику пройти. Онъ у меня въ сторожкѣ сидить, дожидается своего срока.

Поликсена.

Какая ты милая, добрая! Ужь какъ тебя благодарить не знаю.

Филицата.

Вотъ будешь енеральшѣй-то, такъ не оставь своими милостями: ты мнѣ на лобъ-то галунъ нашей!

Поликсена.

Полно глупости-то! Поди, поди!

Филицата.

Куда идти, зачѣмъ? Мы ему сигналъ подадимъ. (Отходить къ кустамъ и достаетъ что-то изъ-подъ платка.)

Поликсена.

Чтѣ тамъ у тебя? Покажи, чтѣ?

Филицата.

Чтѣ да чтѣ! Тебѣ чтѣ за дѣло? Ну, телеграфъ.

Поликсена.

Какъ телеграфъ? Какой телеграфъ?

Филицата.

Какой телеграфъ, да какой телеграфъ! Отстань ты! Ну, котенокъ. Вотъ я ему хвостъ подавлю, онъ замяукаетъ, а Платонъ услышитъ и придетъ; такъ ему приказано. (Котенокъ мяукаетъ.)

Поликсена.

Да будеть тебѣ его мучить-то!

Филицата.

А онъ служи хорошенько; я его завтра за это молокомъ накормлю. Ну, ступай! Теперь ты свою службу кончилъ. (Пускаетъ котенка за кусты.)

Поликсена.

Какъ это тебѣ въ голову приходитъ?

Филицата.

Твои причуды - то исполнять, такъ всему на-учишься. На все другое подозрѣніе есть: стукъ-ли, собака-ли, — могутъ выдти изъ дома, подумаютъ, чужой. А на кошку какое подозрѣніе, хоть она разорвись, — мало-ль ихъ по деревьямъ да по кры-шамъ мяучать. (Входитъ Платонъ.)

Явленіе восьмое

Поликсена, Филицата, Платонъ, потомъ Глѣбъ.

Филицата.

Вотъ побесѣдуйте! На-те вамъ по яблочку, чтобъ не скучно было. (Уходитъ въ бесѣдку, садится у окна, потомъ постепенно склоняетъ голову и засыпаетъ.)

Поликсена (потупясь).

Здравствуй, Платоша!

Платонъ.

Здравствуйте-съ!

Поликсена.

Ты идти не хотѣль, я слышала.

Платонъ.

Да что мнѣ здѣсь дѣлать? Я въ послѣдній разъ вамъ удовольствіе, а себѣ муку дѣлаю, такъ имѣйте сколько-нибудь снисхожденія. Я и такъ судьбой своей обиженъ.

Поликсена.

Какъ ты можешь жаловаться на свою судьбу, коли я тебя люблю? Ты долженъ за счастіе считать.

Платонъ.

Да гдѣ-жь она, ваша любовь-то?

Поликсена.

А вотъ я тебѣ сейчасъ ее докажу. Садись! Только ты подальше отъ меня. (Садятся на скамейку.) Ну, вотъ слушай.

Платонъ.

Слушаю-съ.

Поликсена.

Я тебя полюбила.

Платонъ.

Покорно васъ благодарю.

Поликсена.

Можетъ-быть, ты и не стояишь; да и конечно не стояишь.

Платонъ.

Лучше-бы ужь вы не любили, мнѣ-бы покойнѣй было!

Поликсена.

Нѣтъ, это я такъ къ слову, чтобы ты больше

чувствовалъ. А я тебя люблю, люблю и хочу доказать.

Платонъ.

Доказывайте.

Поликсена.

Миленъкій мой, хорошенъкій! Такъ-бы вотъ и съѣла тебя! (Платонъ подвигается.) Только ты не подвигайся, а сиди смироно!

Платонъ.

При такихъ вашихъ словахъ смироно сидѣть невозможно-съ.

Поликсена.

Нѣтъ, нѣтъ, отодвинься. (Платонъ отодвигается.) Вотъ такъ! Какъ-бы я расцаловала тебя, мой миленъкій!

Платонъ.

Кто-же вамъ мѣшаетъ-съ? Сдѣлайте ваше одоленіе!

Поликсена.

Нѣтъ, этого нельзя. Вотъ видишь, что я тебя люблю, вотъ я и доказала.

Платонъ.

Только на словахъ-съ.

Поликсена.

Да, на словахъ. А то какъ-же еще? Ну, теперь ты мнѣ говори такія-же слова!

Платонъ.

Нѣтъ, ужъ я другія-съ.

Поликсена.

Ну, какія хочешь, только хорошія, пріятныя; я и глаза зажмурю.

Платонъ.

Ужъ не знаю, пріятны-ли они будутъ, — только отъ всей души.

Поликсена.

Ну, говори, говори, я дожидаюсь.

Платонъ.

Не только любви, а никакого чувства настоящаго и никакой жалости въ васъ нѣтъ-съ.

Поликсена.

Такъ развѣ это у меня не любовь, чтô-же это такое?

Платонъ.

Баловство одно, только свой капризъ тѣшите. Одна у васъ природа съ Амосомъ Панфиличемъ, вотъ что я замѣчаю.

Поликсена.

Конечно, одна, коли онъ мой отецъ.

Платонъ.

И одно у васъ удовольствіе: издѣваться надъ людьми и тиранить. Вы воображаете, что въ васъ существуетъ любовь, а совсѣмъ напротивъ. Года подошли, пришло такое время, что ужъ пора вамъ любовныя слова говорить, вотъ вы и избираете кого посмирнѣе, чтобы онъ сидѣлъ да слушалъ ваши изъясненія. А прикажеть вамъ бабушка замужъ идти, и всей этой любви конецъ, и обрадуетесь вы первому встрѣчному. А мучаете вы человѣка, такъ, отъ скучи, чтобы покуда, до жениха, у васъ даромъ время не шло. И сиди-то онъ смирно, и не подвигайся близко, и никакой ему ласки; все это вы бережете суженому-ряженому, какому-то неизвѣстно. Обрящетъ вамъ тятенька гдѣ-нибудь въ трактирѣ, шутъ его знаетъ, какого оглащенного, и вы сейчасъ ему на шею, благо дождались своего настоящаго.

Поликсена.

Какъ ты смѣешь?

Платонъ.

Позвольте! Такъ ужь вы посадите куклу такую, да и выражайте ей свою любовь! Ни чувствовать она не можетъ, ни казниться не будетъ, а для васъ все одно.

Поликсена.

Какъ ты смѣешь такія слова говорить?

Платонъ.

Отчего-же и не говорить, коли правда?

Поликсена.

Да ты и правду мнѣ не смѣй говорить!

Платонъ.

Нѣть, ужь правду никому не побоюсь говорить. Самому лютому звѣрю — льву и тому въ глаза правду скажу.

Поликсена.

А онъ тебя растерзаетъ.

Платонъ.

Пущай терзаетъ. А я ему скажу: терзай меня, ну, терзай, а правда все-таки на моей сторонѣ.

Поликсена.

Не затѣмъ я тебя звала.

Платонъ.

Не затѣмъ вы звали, да затѣмъ я шелъ. Кабы я вѣсъ не любилъ, таکъ-бы не говорилъ. А го я вѣсъ люблю, и за эту самую глупость погибаю. Всѣ надо мной смѣются, издѣваются, хозяинъ изъ меня шута сдѣлалъ; мнѣ-бы давно бѣжать надо было, а я все на васъ, на вашу красоту любовался. (Поликсена подвигается.) Куда-жь вы подвигаетесь?

Поликсена.

Не твое дѣло.

Островскій. IX.

Платонъ.

А теперь вотъ изъ дому выгнали, а я человѣкъ честный, благородный. Да въ яму еще сажають, завтра повезутъ, должно-быть. Прощайтѣ! (Поликсена подвигается.) Вотъ ужъ вы и совсѣмъ близко.

Поликсена.

Ахъ, оставь ты меня! Я такъ желаю, это мое дѣло.

Платонъ.

Да вѣдь я живой человѣкъ, не истуканъ каменный.

Поликсена (подвигаясь очень близко).

И очень хорошо, что живой. Я вѣдь ничего тебѣ не говорю, ничего не запрещаю.

Платонъ.

Да, вотъ такъ-то лучше, гораздо благороднѣе. (Обнимаетъ Поликсену одной рукой.) Вотъ какъ я люблю-то тебя, слышала ты? А отъ тебя что вижу?

Поликсена.

Такъ какъ-же мнѣ любить-то тебя? Научи!

Платонъ.

А вотъ ты почувствуй любовь-то хорошенъко, такъ ужъ сама догадаешься, что тебѣ дѣлать слѣдуетъ. (Поликсена ложится къ нему на плечо.) Чѣмъ это ты со мной дѣлаешь, скажи на милость?

Поликсена.

Постой, погоди, не трогай, не мѣшай мнѣ: Я думаю. (Входитъ Глѣбъ.)

Глѣбъ (издали).

Вотъ они дѣла-то! Чужой человѣкъ въ саду. Ну, теперь я виноватъ не останусь. (Уходитъ.)

Поликсена.

Я теперь знаю, что мнѣ дѣлать, я выдумала: я

скажу завтра бабушкѣ, что люблю тебя, и кромѣ тебя ни за кого замужъ не пойду.

Платонъ.

Вотъ это съ твоей стороны благородно; только отъ бабушки никакого благородства ждать нельзя,— она безпремѣнно подлость какую-нибудь выдумаетъ.

Поликсена.

Скажу, коли не хотите обидѣть меня, такъ дайте приданое, а то и не надо ... я и безъ приданаго пойду за него.

Платонъ.

Вотъ это по душѣ ...

Поликсена (печально).

Да, по душѣ. Только ты не очень-то, видно, радъ? А говорилъ, что живой человѣкъ.

Платонъ.

Чтѣ-жь? Да какъ? Я, право, не знаю.

Поликсена.

Ты хоть-бы мнѣ спасибо сказалъ — за мою любовь ... ну ... поцаловалъ-бы, чтѣ-ли?

Платонъ.

Вотъ ужъ это я дуракъ! (Цалуетъ ее.) Извини! Не суди строго! Всѣ чувства убиты.

Поликсена (обнимая Платона).

Какъ я тебя люблю! Вотъ когда ты сидѣлъ да-леко, я такъ тебя не любила, а теперь, когда ты близко, я, кажется, все для тебя на свѣтѣ, ну, все, чтѣ ты хочешь.

Платонъ.

Вотъ теперь мнѣ и въ яму не такъ горько идти.

Поликсена.

Да забудь ты про все, забудь! Знай ты во всемъ мірѣ только меня одну, твою Поликсену! Милый ты мой, хороший! (Входитъ Глѣбъ.)

Явленіе девятое.

Платонъ, Поликсена, Глѣбъ.

Глѣбъ (Поликсентъ).

Ахъ, Поликсена Амосовна! Дурно, очень дурно, ничего нѣтъ хорошаго! Вонъ тятенька съ бабушкой идуть.

Поликсена.

Ахъ! Ну, спасибо, Глѣбъ. (Платону.) Бѣги скорѣй, прощай. (Уходитъ въ бесѣдку. Платонъ идетъ въ кусты.)

Глѣбъ.

Ты куда? Нѣтъ, ты погоди!

Платонъ.

Да что ты, въ умѣли? Зачѣмъ ты меня держишь?

Глѣбъ.

Пустить нельзя, шалишь, братъ.

Платонъ.

Ну, сдѣлай милость! Ну, не губи ты меня и Поликсену Амосовну!

Глѣбъ.

Ея дѣло сторона, — она хозяйская дочь, можетъ въ саду во всякое время; а ты какъ сюда попалъ, какой дорогой?

Платонъ.

Да тебѣ что за дѣло?

Глѣбъ.

Какъ, что за дѣло? Да кому-жь дѣло-то, какъ не мнѣ? Мнѣ за васъ напраслину терпѣть, мѣсто терять?

Платонъ.

Да обѣ чѣмъ ты?

Глѣбъ.

Обѣ чѣмъ? Обѣ яблокахъ. (Громко.) Карауль! (Входитъ: Мавра Тарасовна, Барабошевъ, Мухояровъ.)

Явленіе десятое.

Платонъ, Глѣбъ, Мавра Тарасовна, Барабошевъ, Мухояровъ. (Въ бесѣдкѣ) Поликсена, Филициата.

Барабошевъ (Глѣбу).

Чтоб, братецъ, за дебошъ? Коль скоро ты поймалъ вора, сейчасъ крути ему назадъ лопатки и представь на распоряженіе полицейской администраціи.

Мухояровъ (Глѣбу).

Какъ ты хозяевъ до беспокойства доводишь, карауль кричишь. Нынче ужъ эта пѣсня изъ моды выходитъ, приглашаютъ полицію, составляютъ актъ безъ этого невѣжества.

Глѣбъ.

Я вамъ докладывалъ, что вора предоставлю; вотъ извольте и съ поличнымъ. (Беретъ у Платона изъ рукъ яблоко.)

Барабошевъ.

Да это Платонъ Зыбкины! На словахъ ты, братецъ, патріотъ, а на дѣлѣ фрукты воруешь.

Платонъ.

Я не воръ.

Барабошевъ.

Въ такомъ случаѣ зачѣмъ твои променажи въ чужомъ саду?

Платонъ.

Я не воръ.

Мавра Тарасовна.

Такъ ты, миленький, не воровать приходилъ?

Платонъ.

Да нѣтъ-же, говорю я вамъ; на что мнѣ ваши яблоки?

Мавра Тарасовна.

Чтѣ-жь вы на парня напали? За что обижаете? Онъ не воръ: онъ гулять въ нашъ садъ приходилъ, время провести. Съ кѣмъ-же ты, миленький, здѣсь въ саду время проводилъ?

Барабошевъ.

Отъ такихъ твоихъ променажей можетъ быть уронъ нашей чести. У насъ каменные заборы и желѣзныя вороты затѣмъ и поставлены, что въ нашей фамиліи существуетъ влюблчивость.

Мавра Тарасовна.

Ужь ты не утаивай отъ меня, я хозяйка; коли есть въ домѣ такія гулёны, такъ ихъ унять можно.

Платонъ (рѣшительно).

Вяжите меня скорѣй! Я воръ, я за яблоками, я хотѣль весь садъ обворовать.

Поликсена (выходя изъ бесѣдки).

Не вѣрьте ему: онъ ко мнѣ приходилъ.

Барабошевъ.

Маменька, ударъ! Я даже разговору лишился и не имѣю словъ. Обязанъ я убить его сейчасъ на мѣстѣ, или эту казнь правосудію предоставить? Я въ недоумѣніи.

Мавра Тарасовна.

Погоди, миленький! Ничего я тутъ особеннаго не вижу: это часто бываетъ. Сейчашь я все дѣло разсужу. Кто виноватъ, съ того мы взыщемъ, а для чего мы дѣвушку здѣсь держимъ? И не пристало ей пустые разговоры слушать, и почивать ей пора... Ну-ко ты, стражка неусыпная!

Филицата.

Кому чѣдь, а ужь мнѣ будеть.

Мавра Тарасовна.

Веди ты ее, укладывай почивать! Коли безсонница одолѣетъ, сказочку скажи.

Поликсена (обнимая Платона).

Бабушка, поздно вы хватились: насъ разлучить невозможно.

Мавра Тарасовна.

Да зачѣмъ васъ разлучать, кому нужно? Только не сейчашь-же васъ вѣнчать; вотъ ужь завтра, чтѣ Богъ дастъ. Утро вечера мудренѣе. А спать-то тебѣ надо, да и ему пора домой идти. Ишь, онъ какъ долго загостился. Иди-ко, иди съ Богомъ!

Поликсена (цалуя Платона).

Прощай, мой милый! Я слово сдержу. Мое слово крѣпко, — вотъ такъ крѣпко, какъ я тебя цалую теперь.

Мавра Тарасовна.

Ну, вотъ такъ-то, честь честью, чего лучше. Ужь еще поцалуйтесь. При людяхъ-то оно не такъ зазорно. (Поликсена цалуетъ Платона и уходитъ). Небось хорошо, сладко?

Платонъ.

Чудесно-съ! Но ежели вы меня убивать, — такъ, сдѣлайте ваше одолженіе, поскорѣй!

Мавра Тарасовна.

Погоди, твоя рѣчъ впереди! Чтобъ не было пустыхъ разговоровъ, я вамъ расскажу, чтѣ и какъ тутъ случилось. Вышла Поликсеночка погулять вечеромъ да простудилась, и должна теперь, бѣдная, мѣсяца два-три въ комнатѣ сидѣть безвыходно, — а тамъ увидимъ, что съ ней дѣлать. Парень этотъ ни въ чёмъ не виноватъ; на него напрасно сказали; яблочковъ онъ не воровалъ—взялъ, бѣдный, одно яблочко, да и то отняли, попробовать не дали. И отпустите его съ міромъ домой. Вотъ только и всего, больше ничего не было, такъ вы и знайте!

Платонъ.

Очень, очень премного вами благодаренъ.

Мавра Тарасовна.

Не за чтѣ, миленький.

Платонъ.

Есть за чтѣ: рукъ не вязали, оглоблей не били. Только душу вынули, а членовредительства никакого.

Барабошевъ.

Краснорѣчіе оставь! Тебѣ оно нейдетъ.

Мавра Тарасовна.

Не тронь его, пусть поговорить. Проводить успѣемъ.

Платонъ.

Вы разговору моему не препятствуете? И за это я васъ благодарить долженъ. Все вы у меня отняли и убили меня совсѣмъ, но только изъ подъ политики, учтиво ... и за то спасибо, что хоть не дубиной. Ужь на чтѣ еще учтивѣ и политичнѣе: дочь-дѣвушку, богатую невѣсту, при себѣ целовать позволяете! И кому-же? Ничтожному человѣку, про-

гнанному приказчику! Ахъ, благодѣтели, благодѣтели мои! Замучить-то вы и ее, и меня замучите, высушите, въ гробъ вгоните, да все-таки учтиво, а не по-прежнему. Значить, наше взяло! Ура!! Вотъ оно — правду-то вамъ говорить почаше, вотъ! Какъ вы много противъ прежняго образованіе стали! А коли учить васъ хорошенько, такъ вы, по-жалуй, скоро и совсѣмъ на людей похожи будете.

Занавѣсь

Дѣйствіе четвертое.

Большая столовая: прямо стеклянная дверь въ буфетную, черезъ которую ходъ въ сѣни и на заднее крыльцо; направо двѣ двери, — одна къ авансценѣ, въ комнату Мавры Тараковны, другая въ комнату Поликсены; напротивъ двѣ двери, — одна въ гостиную, другая въ коридоръ, — между дверями орѣховый буфетъ; посерединѣ обѣденный столъ, покрытый цвѣтной скатертью. Мебель дорогая, тяжелая.

Явленіе первое.

Изъ средней двери выходятъ: Филицата и Грозновъ.

Филицата.

Вотъ это у насъ столовая, Сила Ерофеичъ! Вотъ буфетъ; тутъ посуда, столовое бѣлье, серебро.

Грозновъ.

Много серебра-то?

Филицата.

Пуды лежатъ, шкатулка ломится: и старого, и нового есть довольно.

Грозновъ.

Хорошо, у кого серебра-то много.

Филицата (у двери гостиной).

Ужь на что лучше. А вотъ это у насъ комнаты не живущія: гостиная, да еще другая гостиная, а тамъ зала.

Грозновъ.

Какъ полы-то лоснятся.

Филицата.

Въ годъ два раза гости бываютъ, а каждую не-дѣлю натираютъ; вотъ они и лоснятся. А вотъ комната Мавры Тарасовны! ... (Отворяетъ дверь.)

Грозновъ.

Ишь ты, какой покой себѣ, какую нѣгу нажила!

Филицата.

И деньги свои, и воля своя, такъ кто-жъ ей за-претить?

Грозновъ.

А сундукъ-то желѣзный — съ деньгами, чай?

Филицата.

Съ деньгами.

Грозновъ.

Чай, много ихъ тамъ?

Филицата.

Большія тысячи лежать. А внизу у насть двѣ половины: въ одной Амосъ Панфилычъ живеть, а въ другой приказчики да контора. Вотъ, Сила Ерофеичъ, я вамъ всѣ наши покой показала; а теперь подождите въ моей каморкѣ! Теперь скоро сама-то пріѣдетъ. Когда нужно будетъ, я васъ кликну. Только ужь вы ничего не забудьте, все скажите!

Грозновъ.

Ну, вотъ еще! Меня учить не надо.

Филицата.

А я вамъ поднесу для храбрости. (Провожаетъ Грознова въ среднюю дверь.)

Явленіе второе.

Филицата (одна).

Эка тишина, точно въ гробу! Съ ума сойдешь отъ такой жизни! Только - что проснутся, да всѣ какъ и умрутъ опять. Разъ пять домъ-то обойдешь, пыль сотрешь, лампадки оправишь, только и занятія. Бродишь одна по пустымъ комнатамъ, — одурь возьметъ. Муха пролетитъ, и то слышно. (Поликсена показывается изъ своей двери.)

Явленіе третье.

Филицата, Поликсена.

Поликсена.

Тоска меня загрызла, мѣста не найду.

Филицата.

Ужь нечего дѣлать, потерпи; можетъ, моя ворожба и на пользу будетъ. Утопающій за соломенку хватается. Сама видишь, я рада для тебя въ ниточку вытянуться.

Поликсена.

Ты гдѣ-же была все утро?

Филицата.

Все въ хлопотахъ. Снарядивши бабушку къ обѣднѣ, къ сосѣдямъ сбѣгала, провела сюда, пока самой-то дома нѣтъ ...

Поликсена.

И Платоша здѣсь?

Филицата.

Здѣсь, у меня въ каморкѣ. Вѣдь мало-ль что, я куражу не теряю.

Поликсена (съ нетерпѣніемъ).

Чтѣ-жь это бабушка-то такъ долго?

Филицата.

Должно быть, зашла къ Кирилушки.

Поликсена.

Къ какому Кирилушки?

Филицата.

Блаженненъкій тутъ есть, просто сказать, дурачекъ.

Поликсена.

Такъ зачѣмъ она къ нему?

Филицата.

За совѣтомъ. Вѣдь твоя бабушка умная считается; за то и умной зовутъ, что все съ совѣту дѣлаеть. Какая-жь бы умная была, кабы съ дуракомъ не совѣтовалась?

Поликсена.

Да обѣ чемъ ей совѣтоваться?

Филицата.

А какъ тебя тиранить лучше. Ты думаешь, своимъ-то умомъ до этого скоро дойдешь? Нѣтъ, мачушка, на все на это своя премудрость есть. Вотъ позвонилъ кто-то. Ты поди къ себѣ, посиди пока, да погоди сокрушаться-то! Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья. (Поликсена уходитъ. Входитъ Мавра Тарасовна и садится къ столу.)

Явленіе четвертое.

Мавра Тарасовна, Филицата.

Филицата (подобострастно).

Утрудились?

Мавра Тарасовна.

Никто меня не спрашивалъ?

Филицата.

Амось Панфилычъ раза два навѣдывались, въ го-
родъ ъхать сбираются.

Мавра Тарасовна.

Подождеть, не къ спѣху дѣло-то. Вели сказать
ему, чтобы зашелъ черезъ полчаса. Пошли ко мнѣ
Поликсену!

Филицата (въ дверь Поликсена).

Поди, бабушка тебя кличетъ. (Уходитъ. Входитъ По-
ликсена.)

Явленіе пятое.

Мавра Тарасовна, Поликсена.

Мавра Тарасовна.

Ты, миленькая, помимо нашей воли, своимъ умомъ
объ своей головѣ разсудила? Нѣшто такъ можно?

Поликсена.

Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна.

Да, пойдешь, если позволять.

Поликсена.

Вы меня приданымъ попрекали; я пойду за него
безъ приданаго, — возьмите себѣ мое приданое!

Мавра Тарасовна.

Ты меня, миленькая, подкупить не хочешь-ли?
Нѣть, я твоимъ приданымъ не покорыстуюсь; мнѣ
чужого не надо; оно тебѣ отложено и твое всегда
будетъ. Куда-бы ты ни пошла изъ нашего дому,

оно за тобой пойдетъ. Только выходовъ-то тебѣ не много: либо замужъ по нашей волѣ, либо въ монастырь. Пойдешь замужъ, отдадимъ приданое тебѣ въ руки, пойдешь въ монастырь, — въ монастырь положимъ. Хоть и умрешь, Боже сохрани, за тобой-же пойдетъ, — отдадимъ въ церковь на поминъ души.

Поликсена.

Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна.

Коли тебѣ такія слова въ удовольствіе, такъ, сдѣлай милость, говори. Мы тебя, миленькая, не обидимъ, говорить не закажемъ.

Поликсена.

Зачѣмъ вы меня звали?

Мавра Тарасовна.

Поговорить съ тобой. Сдѣлаемъ-то мы по-своему, а поговорить съ тобой все-таки надо.

Поликсена.

Ну, вотъ, вы слышали мой разговоръ?

Мавра Тарасовна.

Слышала.

Поликсена.

Можетъ-быть, вы не хорошо разслушали, такъ я вамъ еще повторю: я пойду за того, кого люблю. Нынче всякий долженъ жить по своей волѣ.

Мавра Тарасовна.

Твои „нынче и завтра“ для меня все равно, что ничего; для меня резоновъ нѣтъ. Меня не то что уговорить, въ ступѣ утолочь невозможно. Не знаю, какъ другіе, а я своимъ характеромъ даже очень довольна.

Поликсена.

А у меня характеръ: дѣлать все вамъ напротивъ; и я своимъ тоже очень довольна.

Мавра Тарасовна.

Такъ, миленькая, мы и запишемъ. (Поликсена уходитъ. Входитъ Филицата.)

Явленіе шестое.

Мавра Тарасовна, Филицата.

Мавра Тарасовна.

Поди-ко ты сюда поближе!

Филицата.

Охъ, иду, иду. (Подходитъ.) Виновата! (Кланяется, касаясь рукой полу.)

Мавра Тарасовна.

Мнѣ изъ твоей вины не шубу шить. Какъ-же это ты не доглядѣла? Аль, можетъ, и сама подвела?

Филицата.

Ея дѣло молодое, а все одна да одна, — жалость меня взяла ... Ну, думаешь: поговорять съ парнемъ, да и разойдутся. А кто-жъ ихъ зналъ? Видно, сердце-то не камень.

Мавра Тарасовна.

Ужь очень ты жалостлива. Ну, сбирайся!

Филицата.

Куда сбираться?

Мавра Тарасовна.

Со двора долой. Въ хорошемъ домѣ такихъ нельзя держать.

Филицата.

Вотъ выдумала! А еще умной называешься. Кто.

тебя умной-то назвалъ, и тотъ дуракъ. Сорокъ лѣтъ я въ домѣ живу, отца ея маленьkimъ застала, все хороша была, а теперь вдругъ и не гожусь.

Мавра Тарасовна.

Съ лѣтами ты, значитъ, глупѣть стала.

Филицата.

Да и ты не поумнѣла, коли такъ нескладно говоришь. Виновата я, ну, побей меня, коли ты хозяйка; это, по крайности, будетъ съ умомъ сообразно; а то, на-ко, съ двора ступай! Кто-жъ за Поликсеной ходить-то будетъ? Да вы ее тутъ совсѣмъ уморите.

Мавра Тарасовна.

Чтѣзъ ней ходить, она не маленькая.

Филицата.

И велика, да хуже маленькой. Я вчера, какъ мы изъ саду вернулись, у ней изо рту коробку со спичками выдернула. Вотъ вѣдь какая она глупая! Нешто этимъ шутятъ?

Мавра Тарасовна.

Кто захочеть чтѣзъ сдѣлать надъ собой, такъ не остановишь. А надо всѣми надъ нами Богъ, — это лучше нянекъ-то. А тебя держать нельзя, ты больно жалостлива.

Филицата.

Такая ужъ я съ молоду. Не къ одной я къ ней жалостлива, и къ тебѣ, когда ты была помоложе, тоже была жалостлива. Вспомни молодость-то, такъ сама внучку-то пожалѣешь.

Мавра Тарасовна.

Нечего мнѣ помнить: чиста моя душенька.

Филицата.

А ты забыла, вѣрно, какъ дружокъ-то твой
Островскій. IX.

вдругъ налетѣлъ? Кто на часахъ-то стоялъ? Я отъ страху-то не меньше тебя тряслась всѣми суставами, чтобы мужъ его тутъ не захватилъ. Такъ меня послѣ цѣлую недѣлю лихорадка била.

Мавра Тарасовна.

Было да быльемъ поросло; я ужъ въ этомъ грѣхѣ и каяться перестала. И солдатикъ этотъ бѣдненький давно померъ на чужой сторонѣ.

Филицата.

Охъ, не живъ-ли?

Мавра Тарасовна.

Никакъ нельзя ему живымъ быть, потому я ужъ лѣтъ двадцать за упокой его души подаю; такъ не-што можетъ это человѣкъ выдержать.

Филицата.

Бываетъ, что и выдерживаютъ.

Мавра Тарасовна.

Чтѣ я прежде и чтѣ теперь, большая разница: я теперь очень далека отъ всего этого и очень вы-сока стала для вѣсть, маленькихъ людей.

Филицата.

Ну, твое при тебѣ.

Мавра Тарасовна.

Такъ ты пустыхъ рѣчей не говори, а сбирайся-ко, по-добру по-здравому! Вотъ тебѣ три дня сроку!

Филицата.

Я хоть сейчасъ. Поликсену только и жалко, а тебя-то, признаться, не очень. (Отворивъ стеклянную дверь.) Матушка, да вотъ онъ!

Мавра Тарасовна.

Кто онъ-то?

Филицата.

Сила Ерофеичъ твой! (Уходитъ. Входитъ Грозновъ.)

Явленіе седьмое.

Мавра Тарасовна, Грозновъ, потомъ Филицата.

Грозновъ.

Здравія желаю!

Мавра Тарасовна.

Батюшки! Какъ ты? Кто тебя пустилъ?

Грозновъ.

Меня-то не пустить, Грознова-то? Да кто-жъ меня удержитъ? Я Браиловъ бралъ, на батареи ходилъ.

Мавра Тарасовна.

Да ужь не окаянный-ли ты, не за душой-ли моей пришелъ?

Грозновъ.

Нѣтъ, на что мнѣ душа твоя? Давай жить да другъ на друга любоваться.

Мавра Тарасовна.

Да какъ-же ты живъ-то? Я давно, какъ ты въ походъ ушель, тебя за упокой поминаю. Видно, не дошла моя грѣшная молитва?

Грозновъ.

Я добрѣй тебя: я молился, чтобы тебѣ Богъ здравья далъ, чтобы намъ опять свидѣться. Да вотъ и дожилъ до радости.

Мавра Тарасовна.

Ну, сказывай, не томи, зачѣмъ ты теперь комнѣ-то?

Грозновъ.

Да ты помнишь клятву, свою клятву страшную?

Мавра Тарасовна.

Охъ, помню, помню. Какъ ее забудешь? Ну, чего-жъ тебѣ отъ меня надобно?

Грозновъ.

Хочу стать къ тебѣ на квартиру. Выберу у тебя гостиную, которая получше, — да и оснуюсь тутъ; гвоздей по стѣнамъ набью, амуницію развѣшаю.

Мавра Тарасовна.

Ахъ, бѣда моей головушкѣ!

Грозновъ.

А вы каждое утро ко мнѣ всей семьей здороваться приходите, въ ноги кланяться, и вечеромъ опять тоже, прощаться, покойной ночи желать. И сундукъ ты тотъ, желѣзный, ко мнѣ въ комнату подъ кровать поставь.

Мавра Тарасовна.

Да какъ ты, погубитель мой, про сундукъ-то знаешь?

Грозновъ.

Грозновъ все знаетъ, все.

Мавра Тарасовна.

Варваръ ты былъ для меня, варваръ и остался.

Грозновъ.

Нѣтъ, не бранись, я шучу съ тобой.

Мавра Тарасовна.

Такъ денегъ, чтѣль, тебѣ нужно?

Грозновъ.

И денегъ мнѣ твоихъ не надо; у меня свои есть.

На чѣ мнѣ? Я одной ногой въ могилѣ стою; съ собой не возмѣшь.

Мавра Тарасовна.

Мнѣ ужъ и не понять, чего-жъ тебѣ?

Грозновъ (утирая слезы).

Уголь мнѣ нуженъ — вѣкъ доживать, уголь, — гдѣ-нибудь въ сторожкѣ, подлѣ конуры собачьей.

Мавра Тарасовна (утирая слезы).

Ахъ ты, миленький, миленький!

Грозновъ.

Да покой мнѣ нуженъ, чтобы ходилъ кто-нибудь за мной: тѣпленькимъ когда напоить, — знобить меня къ погодѣ. У тебя есть старушка Филицата, — вотъ-бы мнѣ *и нянка.

Мавра Тарасовна.

А я только что ее прогнать разсудила.

Грозновъ.

Ну, ужъ для меня сдѣлай милость! Не приказываю, а прошу.

Мавра Тарасовна.

Чего я для тебя не сдѣлаю! Все на свѣтѣ обязана.

Грозновъ (оглядывая комнату).

А то, нѣть, гдѣ ужъ мнѣ въ такіе хоромы! Ты пшеничная, ты въ нихъ и живи; а я оржаной, — я на дворѣ.

Мавра Тарасовна (съ чувствомъ).

А еще-то чего ты, сирота горькая, отъ меня потребуешь?

Грозновъ.

Еще потребую, за тѣмъ пришелъ, только ужъ не много и никакого тебѣ убытку.

Мавра Тарасовна.

Только-бъ не деньги, да чести моей посрамленія не было; а то все съ великимъ удовольствіемъ. Вижу я, не грабитель ты ... а, какъ есть, степенный человѣкъ сталъ; такъ ужъ мнѣ и горя нѣть, и не задумаюсь, а всякую твою волю исполню.

Грозновъ.

Ну, и ладно, ну, и ладно.

Мавра Тарасовна.

И въ ножки я тебѣ поклонюсь, только сними ты съ меня ту прежнюю клятву, страшную.

Грозновъ.

А! Чѣдѣ! Вотъ ты и знай, какой Грозновъ!

Мавра Тарасовна.

Каково жить всю жизнь съ такой петлей на шеѣ! Душить она меня.

Грозновъ.

Сниму, сниму, — другую возьму, полегче.

Мавра Тарасовна.

Да я и безъ клятвы для тебя все ...

Грозновъ.

А сдѣлаешь, такъ и шабашъ: въ ничью разойдемся. Вотъ и надо-бы мнѣ поговорить съ тобой по душѣ, хорошенъко!

Мавра Тарасовна.

Такъ пойдемъ ко мнѣ въ комнату! Филицата! (Входитъ Филицата.) Чай-то готовъ у меня?

Филицата.

Готовъ, матушка, давно готовъ.

Мавра Тарасовна.

Подай рому бутылку, водочки поставь, пирожка вчерашняго, — ну, тамъ, что слѣдуетъ.

Филицата.

Слушаю, матушка. (Уходитъ.)

Грозновъ.

Говорятъ, тебѣ ундеръ нуженъ?

Мавра Тарасовна.

Да, миленький, ищемъ мы ундера-то, ищемъ.

Грозновъ.

Такъ чего-жъ тебѣ лучше, — вотъ я!

Мавра Тарасовна.

Значить, и жалованье тебѣ положить.

Грозновъ.

Такъ неужто задаромъ? Я вездѣ хорошее жалованье получалъ; я кавалерію имѣю.

Мавра Тарасовна.

А много-ль съ нась-то запросишь?

Грозновъ.

Четырнадцать рублей двадцать восемь копеекъ съ денежкой — я на старый счетъ.

Мавра Тарасовна.

Ну, ужъ съ нась-то возьми, по знакомству, двѣнадцать.

Грозновъ.

Ахъ, ты! (Топнувъ ногой.) Полтораста.

Мавра Тарасовна.

Ну, четырнадцать, такъ четырнадцать ... Четырнадцать, четырнадцать, я пошутила.

Грозновъ.

Не четырнадцать, а четырнадцать двадцать восемь копеекъ съ денежкой. И денежки не уступлю. А какъ харчи?

Мавра Тарасовна.

Харчи у насъ людскіе — хорошие, по праздникамъ водки подносимъ; ну, а тебя-то когда Филицата и съ нашего стола покормить.

Грозновъ.

Я разносоловъ вашихъ не люблю, мнѣ что по-мягче.

Мавра Тарасовна.

Да, да, состарѣлся ты, ахъ какъ состарѣлся!

Грозновъ.

Кто? Я-то? Нѣть, я еще молодецъ, я куда хочешь. А вотъ ты такъ ужъ плоха стала, больно плоха.

Мавра Тарасовна.

Чтѣ ты, чтѣ ты! Я еще совсѣмъ свѣжая женщина.

Грозновъ.

А какъ жили-то мы съ тобой, помнишь, тамъ, въ Гавриковомъ, у Богоявленья?

Мавра Тарасовна.

Давно ужъ время-то, много воды утекло.

Грозновъ.

Теперь только мнѣ и поговорить-то съ тобой; а какъ поселюсь въ сторожкѣ, такъ ты барыня, ваше степенство, а я просто Ерофеичъ. (Входитъ Филицата.)

Филицата.

Пожалуйте! Готово!

Мавра Тарасовна.

Ну, пойдемъ. Закуси, чѣмъ Богъ послалъ. (Филицата.) Коли кто спросить, такъ вели здѣсь подождать! (Уходитъ; Грозновъ за ней.)

Явленіе восьмое.

Филицата (одна).

Ну, какъ мнѣ себя не хвалить! Добрая-то я всегда была, а ума-то я въ себѣ что-то прежде не замѣчала: все казалось, что мало его, не въ настоящую мѣру; а теперь выходитъ, что въ домѣ-то я умнѣй всѣхъ. Вотъ чудо-то: до старости дожила, не знала, что я умна. Нѣтъ, ужь я теперь про себя совсѣмъ иначе понимать буду. Какую силу сломили! Ее и пушкой-то не прошибешь, а я вотъ нашла на нее угрозу. (Входятъ: Барабошевъ и Мухояровъ.)

Явленіе девятое.

Филицата, Барабошевъ, Мухояровъ.

Барабошевъ.

Но гдѣ-же маменька?

Филицата.

Подождать приказано.

Барабошевъ.

У насъ серьезное финансовое дѣло, никакого замедленія не терпитъ.

Филицата.

У тебя серьёзное, у насъ еще серьёзнѣе. Тамъ у нея ундеръ.

Барабошевъ.

Ундеръ чинъ незначительный.

Филицата.

Незначительный, а беспокоить не велѣли. Да авось надѣемъ наими не каплетъ, подождать-то можно. (Голосъ Мавры Тарацовой: „Филицата“) Вонъ, зовутъ. (Уходитъ.)

Барабошевъ.

Никандра, наши обстоятельства въ упадкѣ; въ такомъ кризисѣ будь въ струнѣ!

Мухояровъ.

Гервый голосъ вы, а я вамъ акомпаниманъ. (Выходитъ Филицата.)

Филицата (говорить въ дверь).

Хорошо, матушка. А Платонъ сейчасъ будетъ здѣсь, онъ тутъ недалеко.

Барабошевъ.

Какой Платонъ, и какая въ немъ въ настоящую минуту можетъ быть надобность?

Филицата.

Дѣло хозяйствское, не наше. (У двери Поликсены.) Красавица, утри слезки-то да выползай! (Отворяя стеклянную дверь.) Платоша, требуютъ!

Барабошевъ.

Для чего этотъ весь конгресъ, это даже трудно понять.

Мухояровъ.

Я такъ по всему заключаю, что тутъ будетъ для насъ съ вами неожиданный оборотъ. (Входятъ: Мавра Тарасовна, Поликсена, Платонъ и Грозновъ.)

Явленіе десятое.

Барабошевъ, Мухояровъ, Мавра Тарасовна, Поликсена, Платонъ, Грозновъ, Филицата.

Мавра Тарасовна.

Здравствуйте! Садитесь всѣ! (Всѣ садятся, кроме Филицаты и Грознова, который стоитъ бодро, руки по швамъ.) Вотъ, миленькие мои, вздумала я порядокъ въ домѣ завести, вздумала да и сдѣлала. Первое дѣло, чтобы

порядокъ былъ на дворѣ, наняла я ундера. Амось Панфилычъ, вотъ онъ!

Грозновъ.

Здравія желаю, ваше степенство!

Барабошевъ.

Какъ прозываешься, кавалеръ?

Грозновъ.

Сила Ерофеичъ Грозновъ.

Барабошевъ.

Ундеръ въ порядкѣ: и нашивки имѣеть, и кавалерію; я его одобряю.

Грозновъ.

Рады стараться, ваше степенство!

Мавра Тарасовна.

Я тебѣ, Ерофеичъ, весь нашъ домъ подъ присмотръ отдаю: смотри ты за чистотой на дворѣ, за всей прислугой, ну, и за приказчиками не мѣшаешьъ, чтобы раньше домой приходили, чтобы по ночамъ не шлялись. (Мухоярову.) А вы его уважайте! Ну, теперь на дворѣ хорошо будетъ, я покойна; надо въ домѣ порядокъ заводить. Слышала я, Платонъ, что заставляли тебя меня обманывать, фальшивые отчеты писать?

Платонъ.

Про хозяина сказать не смѣю, а Мухояровъ заставлять, это точно.

Мавра Тарасовна.

И деньги тебѣ, миленький, обѣщалъ, да ты скажешь, что тысячи рублей не возьмешь?

Платонъ.

Да напрасно меня и просить: это смѣшно даже.

Мавра Тарасовна.

Вотъ, для порядку, и назначаю я Платона главнымъ приказчикомъ и всю торговлю, и капиталъ ему довѣряю.

Барабошевъ.

Но онъ несостоятельный должникъ, у меня его вексель.

Мавра Тарасовна.

Дай-ко вексель-то сюда! (Барабошевъ подаетъ.) Вотъ тебѣ и вексель. (Разрываетъ и бросаетъ на полъ.)

Барабошевъ.

Маменька, у меня къ вамъ финансовый вопросъ.

Мавра Тарасовна.

Погоди, и до тебя очередь дойдетъ.

Мухояровъ.

Значить, я своей должности рѣшенъ?

Мавра Тарасовна.

Нѣтъ, зачѣмъ-же! Ты умѣль надъ Платономъ шутить, такъ послужи теперь у него подъ началомъ! А вотъ тебѣ работа на первый разъ! Поди напиши билетецъ: „Мавра Тарасовна и Амосъ Панфилычъ Барабошевы, по случаю помолвки Поликсены Амосовны Барабошевой съ почетнымъ гражданиномъ Платономъ Иванычемъ Зыбкинымъ, приглашаютъ на баль и вечерній столъ“. А число мы сами поставимъ.

Поликсена.

Бабушка, такъ Платоша мой? Ну, вотъ я говорила.

Мавра Тарасовна.

Никто не отнимаетъ, не бойся!

Поликсена (Платону).

Пойдемъ въ гостиную къ роялю; я тебѣ спою: „Вотъ на пути село большое“.

Мавра Тарасовна.

Сиди, сиди, чтò заюлила!

Барабошевъ.

Но какъ-же, маменька, генераль?

Мавра Тарасовна.

. Куда ужь намъ; высоко очень.

Барабошевъ.

Значить, Пустоплесовъ надъ нами преферансъ возвьметъ?

Филицата.

Ты у меня про Пустоплесова-то спроси! У нихъ вчера такая баталія была, что чудо. Самъ-то пьяный согрубиль чтò-то жениху, такъ тотъ за нимъ по всему дому не то съ саблей, не то съ палкой бѣгалъ, ужь не знаю хорошенъко. Такъ все дѣло и вроэзь.

Барабошевъ.

Въ такомъ случаѣ, я на этотъ бракъ согласенъ. Но, маменька, финансовый вопросъ ... Мнѣ надо въ городъ ѻхать, по векселямъ платить.

Мавра Тарасовна.

Ты хотѣль Платона-то въ яму сажать, такъ не сѣсть-ли тебѣ, миленький, самому на его мѣсто? На досугѣ тамъ свой цапцапарель попьешь, ликъ-то у тебя прояснится.

Барабошевъ.

Если со мной такое кораблекрушеніе послѣдуетъ, такъ на все семейство мараль; а мы затѣваемъ бракосочетаніе и должны имѣть свой кругъ почетныхъ гостей.

Мавра Тарасовна.

А не хочешь въ яму, такъ Платону кланяйся, чтобы онъ заплатилъ за тебя, и ужь больше тебѣ довѣрности отъ меня не будетъ.

Платонъ.

Вотъ она правда-то, бабушка! Она свое возьметъ.

Мавра Тарасовна.

Ну, миленький, не очень ужь ты на правду-то надѣйся! Кабы не случай тутъ одинъ, такъ плакался бы ты съ своей правдой всю жизнь. А ты вотъ какъ говори: не родись уменъ, а родись счастливъ... Вотъ это, миленький, вѣрнѣе. Правда — хорошо, а счастье лучше!

Филицата (Грознову).

Ну-ко, служивый, поздравь насъ.

Грозновъ.

Честь имѣю поздравить Платона Иваныча и Попиксену Амосовну! Тысячу лѣтъ жизни и казны несмѣтное число! Ура!

Послѣдняя жертва.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Лица:

Юлія Павловна Тугина, молодая вдова. *Маленькая Александра*
Глафира Фирсовна, тетка Юліи, пожилая, небогатая женщина.
Флоръ Федулычъ Прибытковъ, очень богатый купецъ, румяный стариkъ лѣтъ 60-ти, гладко выбритъ, тщательно причесанъ и одѣтъ очень чисто.

Лавръ Миронычъ Прибытковъ, племянникъ Флора Федулыча, полный, красивый брюнетъ, съ внушительной физиономіей, большие бакенбарды, тщательно разчесанные, одѣтъ богато и съ претензіями. Держитъ себя прямо, важно закидываетъ голову назадъ, но съ дядей очень почтителенъ.

Ирина Лавровна, его дочь, дѣвица 25 лѣтъ, съ запоздалой и слишкомъ смѣлой наивностью.

Вадимъ Григорьевичъ Дульчинъ, молодой человѣкъ. *Лука Герасимычъ Дергачевъ*, пріятель Дульчина, довольно невзрачный господинъ и по фигурѣ и по костюму.

Салай Салтанычъ, очень приличный мужчина, неопределенные лѣтъ, физиономія азіатская.

Пивокурова, богатая, очень полная, и очень румяная вдова, лѣтъ за сорокъ.

Иногородный, купецъ средней руки, костюмъ и манеры провинціальные.

Москвичъ, скромный посѣтитель клуба, ничѣмъ не выдающаяся личность.

Наблюдатель, шершавый господинъ, лицо умное, оригинальное, но съ достоинствомъ.

Разносчикъ вѣстей, бойкій господинъ, имѣющій видъ чего-то полинявшаго; глаза бѣгаютъ и весь постоянно въ движениі.

Три пріятеля — постоянные посѣтители клуба, играющие очень счастливо во всѣ игры:

Первый — безукоризненно красивый и изящный юноша. Второй — человѣкъ среднихъ лѣтъ, мясистая, блѣдная гемороидальная физиономія.

Третій — стариkъ, лысый, въ порыжѣвшемъ пальто, грязноватый.

Сакердонъ } клубскіе лакеи.
Сергѣй

Мардарій, человѣкъ Дульчина.

Михевна, старая ключница Юліи.

Василій, лакей Прибыткова.

Пестрая толпа кавалеровъ и дамъ, въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ, отъ полумѣщанскихъ провинціальныхъ, до парижскихъ послѣдней моды. Клубная прислука.

Дѣйствіе первое.

Небольшая гостиная въ домѣ Тугиной. Въ глубинѣ дверь входная, направо (отъ актеровъ) дверь во внутреннія комнаты, налево окно. Драпировка и мебель довольно скромныя, но приличныя.

Явленіе первое.

Михевна (у входной двери) потомъ Глафира Фирсовна.

Михевна.

Дѣвушки, кто тамъ позвонилъ? Вадимъ Григорьевъ, чѣмъ, чтѣли?

Глафира Фирсовна (входя).

Какой Вадимъ Григорьевъ, это я! Вадимъ-то Григорьевъ, чай, позже придется.

Михевна.

Ахъ, матушка, Глафира Фирсовна! Да никакого и нѣть Вадима Григоревича; это я такъ обмолвила... Извините!

Глафира Фирсовна.

Сорвалось съ языка, такъ ужъ нечего дѣлать: наездъ не спрячешь. Эка досада, не застала я самой-то! Не близко мѣсто къ вамъ даромъ-то путешествовать; а на извощиковъ у меня денегъ еще не нажито. Да и разбойники-же они! За твои-же деньги тебѣ всю душеньку вытрясетъ, да еще, того гляди, возжами глаза выхлестнетъ.

Михевна.

Чтѣ говорить! То-ли дѣло свои ...

Глафира Фирсовна.

Чтѣ, свои? Ноги-то, чтѣ-ли?

Михевна.

Нѣтъ, лошади-то, я говорю.

Глафира Фирсовна.

Ужь чего лучше! Да только у меня свои-то еще на Хрѣновскомъ заводѣ; все купить не сберусь: боюсь, какъ-бы не ошибиться.

Михевна.

Такъ вы пѣшечкомъ?

Глафира Фирсовна.

Да, по обѣщанію, семь верстъ киселя єсть. Да вотъ не въ разъ: видно, придется обратно на тѣхъ же, не кормя.

Михевна.

Посидите, матушка; она, надо-быть, скоро воротится.

Глафира Фирсовна.

А куда ее Богъ понесъ?

Михевна.

Къ вечеренкѣ пошла.

Глафира Фирсовна.

За богомолье принялась. Аль много нагрѣшила?

Михевна.

Да она, матушка, всегда такая; какъ покойника не стало, все молится.

Глафира Фирсовна.

Знаемъ мы, какъ она молится-то.

Михевна.

Ну, а знаете, такъ и знайте! А я знаю, что правду говорю; мнѣ лгать не изъ чего. Чайку не прикажете-ли? У насъ это мигомъ.

Глафира Фирсовна.

Нѣтъ, ужъ я самоѣ подожду. (садится.)

Михевна.

Какъ угодно.

Глафира Фирсовна.

Ну, что вашъ плезиръ-то?

Михевна.

Какъ, матушка, изволили сказать? Не дослышиала я ...

Глафира Фирсовна.

Ну, какъ его поучтивѣй-то назвать? Побѣдитель-то, другъ-то милый?

Михевна.

Не понять мнѣ разговору вашего: слова-то больно мудреныя.

Глафира Фирсовна.

Ты дуру разыгрываешь, аль стыдишься меня? Такъ я не барышня. Поживешь съ мое-то, да въ бѣдности, такъ стыдочекъ-то всякий забудешь, ты ужъ въ этомъ не сомнѣвайся. Я про Вадима Григорьевича тебя спрашиваю ...

Михевна (приложивъ руку къ щекѣ).

Охъ, матушка, охъ!

Глафира Фирсовна.

Чтѣ заохала?

Михевна.

Да стыдно очень. Да какъ-же вы узнали? А я думала, что про это никому неизвѣстно ...

Глафира Фирсовна.

Какъ узнала? Имя его ты сама сейчасъ сказала мнѣ: Вадимомъ Григорьевичемъ окликнула

Михевна.

Эка я глупая!

Глафира Фирсовна.

Да, кромѣ того, я и отъ людей слышала, что она въ пріятеля своего много денегъ проживаетъ . . . Правда, чтѣли?

Михевна.

Вѣрнаго я не знаю; а какъ, чай, не проживать; чего она для него пожалѣетъ!

Глафира Фирсовна.

То-то мужъ-то ея, покойникъ, догадливъ быль; чувствовало его сердце, что вдовѣ деньги понадобятся, и оставилъ вамъ миллионъ.

Михевна.

Ну, какой, матушка, миллионъ! Много меньше.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужь это у меня счетъ такой; я все на миллионы считаю: у меня, чтѣ больше тысячи, то и миллионъ. Сколько въ миллионъ денегъ, я и сама не знаю, а говорю такъ, потому что это слово въ моду пошло. Прежде, Михевна, богачей-то тысячниками звали, а теперь ужь все сплошь миллионщики пошли. Нынче скажи-ка про хорошаго купца, что онъ обанкротился тысячъ на пятьдесятъ, такъ онъ обидится, пожалуй, а говори прямо на миллионъ, либо два, — вотъ это вѣрно будетъ . . . Прежде и пропажи-то были маленькия, а нынче вонъ въ банкѣ одномъ семи миллионовъ не досчитались. Конечно, у себя-то въ рукахъ и приходу, и расходу больше полтины рѣдко видишь; а ужь я такую смѣлость на себя взяла, что

чужія деньги все на миллионы считаю и такъ-то свободно объ нихъ разговариваю ... Милліонъ—и шабашъ! Какъ-же она, вещами, чтò-ль, дарить ему, аль деньгами?

Михевна.

Про деньги не знаю, а подарки ему идутъ по-минутно и все дорогie. Ни въ чемъ у него недостатка не бываетъ, — и въ квартирѣ-то все наше: то она ему чернильницу новую на столъ купить со всѣмъ приборомъ ...

Глафира Фирсовна.

Чернильница-то дорогая, а писать нечего.

Михевна.

Какое писанье, когда ему? Онъ и дома-то не живеть ... И занавѣски ему на окна перемѣнить, и мебель всю заново. А ужь это посуда, бѣлье и чтò прочее, такъ онъ и не знаетъ, какъ у него все новое является,—ему-то все кажется, что все то-же ... До чего ужь, до самой малости: чай съ сахаромъ, и то отъ насъ туда идетъ ...

Глафира Фирсовна.

Все еще это не бѣда, стерпѣть можно. Разныя бабы-то бываютъ: которая любовнику вещами, — та еще, пожалуй, капиталъ и сбережетъ; а которая деньгами, ну, ужь тутъ разоренѣе вѣрное ...

Михевна.

Сахару больно жалко; много его у нихъ выходитъ .. Куда имъ пропасть этакая?

Глафира Фирсовна.

Какъ-же это у васъ случилось, какъ ее угораздило такой хомутикъ на шею надѣть? ...

Михевна.

Да все эта дача проклятая. Какъ жили мы тогда,

вскрѣ послѣ покойника, на дачѣ, — жили скромно людей обѣгали, рѣдко когда и на прогулку ходили и то куда подальше ... Тутъ его и нанесло, какъ на грѣхъ. Куда ни выдемъ изъ дома, все встрѣтится, да встрѣтится. Да молодой, красивый, одѣтъ, какъ картинка; лошади, коляски какія! А сердце-то вѣдь не камень ... Ну, и стала присватываться; она не прочь; чего еще, — женихъ хоть куда и богатый. Только положили такъ, чтобы отсрочить свадьбу до зимы: еще мужу годъ не вышелъ, еще трауръ носила. А онъ, между тѣмъ временемъ, каждый день єздить къ намъ, какъ женихъ, и подарки, и букеты возить. И такъ она въ него ввѣрилась, и такъ расположилась, что стала совсѣмъ какъ за мужа считать. Да и онъ-то ужъ безъ церемоніи сталъ ея добромъ, какъ своимъ, распоряжаться. Чѣмъ твое, чѣмъ мое, говоритъ, это все одно. А ей это за радость: „значитъ, говорить, онъ мой, коли такъ поступаетъ; теперь у насъ, говоритъ, за малымъ дѣло стало: только повѣнчаться“.

Глафира Фирсовна.

Да, за малымъ! Ну, нѣтъ, не скажи! Чѣмъ-же дальше-то? ... Трауръ кончился ... зима пришла ...

Михевна.

Зима-то пришла, да и прошла, да вотъ и другая скоро придетъ.

Глафира Фирсовна.

А онъ все еще въ женихахъ числится?

Михевна.

Все еще въ женихахъ.

Глафира Фирсовна.

Долго-то. Пора-бы порѣшить чѣмъ-нибудь, а то чѣмъ людѣй-то срамить!

Михевна.

Да чѣмъ, матушка? Какъ мы живемъ? Такая-то

тишина, такая-то скромность, прямо надо сказать, какъ есть, монастырь: мужского духу и въ заводѣ нѣтъ. Бѣдить одинъ Вадимъ Григорьевичъ, чтѣ грѣха таить, да и тотъ больше въ сумеречкахъ. Даже которые его пріятели и тѣмъ къ намъ ходу нѣтъ . . . Есть у него одинъ такой, Дергачевъ прозывается, тотъ раза два, было, сунулся . . .

Глафира Фирсовна.

Не попотчують-ли, моль, чѣмъ?

Михевна.

Ну, конечно, человѣкъ бѣдный, живеть впроголодь, — думаетъ и закусить, и винца выпить. Я такъ ихъ и понимаю. Да я, матушка, пугнула его. Намъ не жаль, да бережемся; мужчины чтобъ ни-ни, ни подъ какимъ видомъ. Вотъ какъ мы живемъ . . . И все-то она молится, да постится, Богъ съ ней!

Глафира Фирсовна.

Какая-жь тому причина, съ чего ей? . . .

Михевна.

Что-бѣ женился. Ужь это всегда такъ.

Глафира Фирсовна.

А я такъ думаю, что не дастъ ей Богъ счастья. Родню забываетъ . . . Ужь коли задумала она капиталъ размотать, такъ лучше-бы съ родными, чѣмъ съ чужими. Взяла-бы хоть меня; по крайности, и я бы пожила въ удовольствіе на старости лѣтъ . . .

Михевна.

Это ужь ея дѣло; а я знаю, что у ней къ роднымъ расположеніе есть.

Глафира Фирсовна.

Незамѣтно чтѣ-то. Сама прочь отъ родныхъ, такъ и отъ насть ничего хорошаго не жди, особенно отъ меня. Женщина я не злая, а ноготокъ есть;

удружить могу. Ну, вотъ и спасибо, только мнѣ и нужно: все я отъ тебя вызнала. Чѣдѣ это, Михевна, какъ двѣ бабы сойдутся, такъ онѣ наболтаютъ столько, что въ большую книгу не упишешь, и наговорять того, чѣдѣ, можетъ-быть, и не надо?

Михевна.

Наша слабость такая женская. Разумѣется, по надеждѣ говоришь, что ничего изъ этого дурного не выдетъ. А кто-же васъ знаетъ: въ чужую душу не влѣзешь, можетъ, вы съ какимъ умысломъ выспрашиваете? Да вотъ она и сама, а я ужъ по хозяйству пойду. (Уходитъ. Входитъ Юлія Павловна.)

Явленіе второе.

Глафира Фирсовна, Юлія.

Юлія (снимая платокъ).

Ахъ, тетенька, какими судьбами? Вотъ обрадовали!

Глафира Фирсовна.

Полно, полно, ужъ будто и рада?

Юлія.

Да еще-бы? Конечно рада. (Цалуются.)

Глафира Фирсовна.

Бросила родню-то, да и знать не хочешь! Ну, я не спѣсива, сама пришла; ужъ рада не рада-ль, а не выгонишь, вѣдь тоже родная.

Юлія.

Да чѣдѣ вы! Я роднымъ всегда рада; только жизнь моя такая уединенная, никуда не выѣзжаю. Чѣдѣ латать-то, ужъ такая я отъ природы! А ко мнѣ всегда милости просимъ.

Глафира Фирсовна.

Чтò это ты, какъ мѣщанка; платкомъ покрываешься? Точно сирота какая.

Юлія.

Да и то сирота.

Глафира Фирсовна.

Съ такимъ сиротствомъ еще можно жить. Охъ, сиротами-то зовутъ тѣхъ, кого пожалѣть некому, а у богатыхъ вдовъ печальники найдутся! Да я-бы, на твоемъ мѣстѣ, не то что въ платочкѣ, а въ аршинъ-бы шляпку-то соорудила, развалилась въ коляскѣ, да и покатывай! На, моль, смотри!

Юлія.

Не удивиши нынче никого, чтò ни надѣнь. Да и мнѣ рядиться-то не къ чему и не къ мѣсту было,— я къ вечернѣ ходила.

Глафира Фирсовна.

Да, ужь тутъ попугаемъ-то вырядиться не для кого, особенно въ будни. Да чтò ты долго? Вечерни-то давненько отошли.

Юлія.

Да послѣ вечерни-то свадьба была простенъкая, такъ я осталась посмотретьъ.

Глафира Фирсовна.

Чего это ты, милая, не видала? Свадьба, какъ свадьба. Чай, обвели да и повезли, не рѣдкость какая!

Юлія.

Все-таки, тетенька, интересно на чужую радость посмотретьъ.

Глафира Фирсовна.

Ну, посмотрѣла, позавидовала чужому счастью и довольно! Аль ты свадьбы-то смотришь, какъ мы,

грѣшныя? Мы такъ глаза-то вытаращимъ, что не то, чтѣ брилліанты, а всѣ булавки-то пересчитаемъ. Да еще глазамъ-то не вѣримъ, такъ у всѣхъ провожатыхъ и платья, и блонды перещупаемъ, настоящія-ли?

Юлія.

Нѣть, тетенька, я въ народѣ не люблю: я издали смотрѣла; въ другомъ придѣлѣ стояла. И какой случай! Вижу я, входить дѣвушка, становится поодаль, въ лицѣ ни кровинки, глаза горятъ, уставилась на жениха-то, вся дрожитъ, точно помѣшанная. Потомъ, гляжу, стала она креститься, а слезы въ три ручья такъ и полились. Жалко мнѣ ее стало, подошла я къ ней, чтобы разговорить, да увести поскорѣе. И сама-то плачу.

Глафира Фирсовна.

Ты-то обѣ чемъ, не слыхать-ли?

Юлія.

Заговорили мы: „Пойдемте, говорю я, дорѣгой потолкуемъ! Мы тутъ со слезами-то не лишнія-ли?“ — „Вы-то, не знаю, говорить, а я лишняя“. Посмотрѣла съ минуточку на жениха, кивнула головой; прошептала „прощай“, и пошли мы со слезами.

Глафира Фирсовна.

Дешевы слезы-то у васъ.

Юлія.

Ужь очень тяжело это слово-то „прощай“. Вспомнила я мужа-покойника: очень я плакала, какъ онъ умеръ, а какъ пришлось сказать „прощай“, — въ послѣдній разъ, — такъ вѣдь я было сама умерла. А каково сказать: „прощай на вѣкъ“ живому человѣку? Вѣдь это хуже, чѣмъ похоронить.

Глафира Фирсовна.

Эка у васъ печаль по этимъ заблужденнымъ!

Да Богъ съ ней! Всякая должна знать, что только Божье крѣпко.

Юлія.

Такъ-то такъ, тетенька, да коли любишь человѣка, коль всю душу въ него положила?

Глафира Фирсовна.

И откуда это въ вась такая горячая любовь проявляется?

Юлія.

Чтѣ-жь дѣлать-то? Вѣдь ужь это кому какъ дано. Конечно, кто любви не знаетъ, тѣмъ легче жить на свѣтѣ.

Глафира Фирсовна.

Э, да чтѣ намъ о чужихъ! Поговори о себѣ. Какъ твой-то соколь?

Юлія.

Какой мой соколь?

Глафира Фирсовна.

Ну, какъ величать-то прикажешь? Женихъ тамъ, чтѣ-ли? Вадимъ Григорьевъ.

Юлія.

Да какъ-же?.. Да откуда-жь вы?...

Глафира Фирсовна.

Откуда узнала-то? Слухомъ земля полнится: хоть въ трубы еще не трубятъ, а разговоръ идетъ.

Юлія (конфузясь).

Да теперь скоро, тетенька, свадьба у насъ.

Глафира Фирсовна.

Полно, такъ-ли? Не надеженъ онъ, говорятъ, да и мотоватъ очень.

Юлія.

Ужь каковъ есть, такого и люблю.

Глафира Фирсовна.

Удерживать-бы немножко.

Юлія.

Какъ можно, чтò вы говорите! Вѣдь не жена еще; какъ я смѣю чтò-нибудь сказать? Вотъ Богъ благословитъ, тогда другое дѣло; а теперь я могу только лаской, да угощенiemъ. Кажется, рада-бы всѣ отдать, только-бѣ не разлюбилъ.

Глафира Фирсовна.

Чтò ты, стыдись! Молодая, красивая женщина, да на мужчину разоряться, не старуха вѣдь.

Юлія.

Да я и не разоряюсь, и не думала разоряться: онъ самъ богатъ. А всѣ-жь таки, чѣмъ-нибудь привязать нужно. Живу я, тетенька, въ глухи, веду жизнь скромную, слѣдить за нимъ не могу: гдѣ онъ бываетъ, чтò дѣлаетъ ... Иной разъ дня три, четыре не єдетъ, чего не передумаешь; рада Богъ знаетъ чтò отдать, только бы увидать-то.

Глафира Фирсовна.

Чѣмъ привязать, не знаешь? А ворожба-то на чтò? Чего другого, а этого добра въ Москвѣ не занимать стать. Такія снадобья знаютъ, испробованыя! Я дамы четыре знаю, которыя этимъ мастерствомъ занимаются. Вонъ Манефа говоритъ: „я своимъ словомъ на краю свѣта, въ Америкѣ, достану и тамъ на человѣка тоску да сухоту нагоню. Давай двадцать-пять рублей въ руки, изъ Америки ворочу“. Вотъ ты-бы съѣздила.

Юлія.

Нѣтъ, чтò вы, какъ это можно!

Глафира Фирсовна.

Ничего. А то есть одинъ отставной секретарь,

горбатый; такъ онъ и ворожитъ, и на фортепіанахъ играеть, и жестокіе романсы поетъ, — такъ оно для влюбленныхъ-то какъ чувствительно.

Юлія.

Нѣтъ, ворожить я не стану.

Глафира Фирсовна.

А ворожить не хочешь, такъ вотъ тебѣ еще средство: коли чуть долго не ъедеть къ тебѣ, сей-часъ его, раба Божьяго, въ поминанье за упокой!.. Какую тоску-то нагонишь, мигомъ прилетить...

Юлія.

Ничего этого не нужно.

Глафира Фирсовна.

Грѣха боишься? Оно, точно, чтѣ грѣхъ.

Юлія.

Да и не хорошо.

Глафира Фирсовна.

Такъ вотъ тебѣ средство безгрѣшное: можно и за здравье, только свѣчку вверхъ ногами поставить съ другого конца зажечь. Какъ дѣйствуетъ!

Юлія.

Нѣть, ужъ вы оставьте! Зачѣмъ-же!

Глафира Фирсовна.

А лучше-то всего, вотъ нашъ тебѣ совѣтъ: брось-ко ты его сама, пока онъ тебя не бросилъ.

Юлія.

Ахъ, какъ можно, чтѣ вы! Всю жизнь-то поло-живши, да я жива не останусь.

Глафира Фирсовна.

Потому какъ намъ, родственнымъ людямъ, сраму

отъ тебя переносить не хочется. Послушай-ко, чтò всъ родные и знакомые говорятъ.

Юлія.

Да чтò имъ до меня? Я никого не трогаю, я совершеннолѣтняя.

Глафира Фирсовна.

А то, чтò нигдѣ показаться нельзя, вездѣ спро-
сы, да насмѣшки: „чтò ваша Юлинька? Какъ ваша
Юлинька?“ Вотъ посмотри, какъ Флоръ Федулычъ
разстроенъ черезъ тебя.

Юлія.

И Флоръ Федулычъ?

Глафира Фирсовна.

Я его недавно видѣла; онъ самъ хотѣль быть у
тебя сегодня.

Юлія.

Ай, стыдъ какой! Зачѣмъ это онъ? Такой по-
ченный старикъ.

Глафира Фирсовна.

Сама себя довела.

Юлія.

Я его не приму. Какъ я стану съ нимъ разго-
варивать? Со стыда сгоришь.

Глафира Фирсовна.

Да ты не очень бойся-то. Онъ хоть строгъ, а
до васъ, молодыхъ бабъ, довольно-таки снисходителенъ.
Человѣкъ одинокій, дѣтей нѣть, денегъ двѣ-
надцать миллионовъ.

Юлія.

Чтò это, тетенька ужь больно много.

Глафира Фирсовна.

Я такъ, на счастье говорю, не пугайся: мои мил-

ліоны маленькіе. А только много, очень много, страсть сколько деньжищевъ! Чужая душа-потемки: кто знаетъ, кому онъ деньги-то оставить. Вотъ всѣ родные-то передъ нимъ и работаютъ. И тебѣ тоже его огорчать-то бы не надо.

Юлія.

Какая я ему родня! Седьмая вода на киселѣ, да и то по мужу.

Глафира Фирсовна.

Захочешь, такъ роднѣй родни будешь.

Юлія.

Я этого не понимаю, тетенька, и не желаю понимать.

Глафира Фирсовна.

Очень просто: исполняй всякое желаніе его, всякий капризъ, такъ онъ еще при жизни тебя озолотить.

Юлія.

Надо знать, какіе у него капризы-то! Другіе капризы и за ваши двѣнадцать миллионовъ исполнить не согласишься.

Глафира Фирсовна.

Капризные старики кому милы, конечно. Да стариѣ-то онъ у насть чудной: самъ старъ, а капризы у него молодые. А ты развѣ забыла, что онъ твоему мужу былъ первый другъ и благодѣтель? Твой мужъ предъ смертью приказывалъ ему, чтобы онъ тебя не забывалъ, чтобы помогалъ тебѣ и со-вѣтомъ, и дѣломъ, и былъ тебѣ вмѣсто отца.

Юлія.

Такъ не я забыла-то, а онъ. Послѣ смерти мужа я его только одинъ разъ и видѣла.

Глафира Фирсовна.

Можно-ль съ него требовать? Мало-ль у него

дѣловъ-то безъ тебѣ! У него все это время мысли были заняты другимъ. Сирота у него была на попеченіи, красавица, получше тебя гораздо; а вотъ теперь онъ отдалъ ее замужъ, мысли-то у него и освободились, и обѣ тебѣ вспомнилъ, и до тебя очередь дошла.

Юлія.

Очень я благодарна Флору Федулычу, только я никакихъ себѣ попечителей не желаю, и напрасно онъ себя беспокоитъ.

Глафира Фирсовна.

Не отталкивай родню, не отталкивай! Проживешься до нитки, куда дѣнешься? Къ намъ-же пріѣжишь.

Юлія.

Ни къ кому я не пойду; гордость моя не позволяетъ, да мнѣ и не зачѣмъ. Чѣдѣ вы мнѣ бѣдность пророчите? Я не маленькая: и сама собою, и своими деньгами я распорядиться сумѣю.

Глафира Фирсовна.

А я другіе разговоры слышала.

Юлія.

Нечего про меня слышать. Конечно, отъ сплетенъ не убережешься, про всѣхъ говорять, особенно прислуга; такъ хорошему человѣку, солидному, стыдно такимъ вздоромъ заниматься.

Глафира Фирсовна.

Вотъ такъ! Сказала, какъ отрѣзала. Такъ и знать будемъ. (Входитъ Михевна.)

Явленіе третье.

Юлія, Глафира Фирсовна и Михевна.

Михевна.

Чай готовъ, не прикажете-ли?

Глафира Фирсовна.

Нѣтъ, чай, Богъ съ нимъ! Воть чудо-то со мной, воть послушай! Какъ воть эта часть настанетъ, и начинаетъ меня на съѣстное позывать. И съ чего этосталось?

Юлія.

Такъ можно подать.

Глафира Фирсовна.

Зачѣмъ подавать? У тебя, вѣдь, я чай, есть такой шкапчикъ, гдѣ все это соблюдаются — и пропустить можно маленькую, и закусить! Я не спѣсива: мнѣ огурецъ—такъ огурецъ, пирогъ — такъ пирогъ.

Юлія.

Есть, тетенька, какъ не быть!

Глафира Фирсовна.

Воть мы къ нему и пристроимся. Перекушу я малымъ дѣломъ, да ужь и пора мнѣ. Засидѣлась я у тебя, а мнѣ еще черезъ всю Москву шествовать.

Юлія.

Неужели такую даль пѣшкомъ? Тетенька, если вы не обидитесь, я бы предложила вамъ на извоница. (Вынимаетъ рублевую бумажку.) А то лошадь заложить?

Глафира Фирсовна.

Не обижусь. Отъ другого обижусь, а отъ тебя нѣтъ, не обижусь, отъ тебя возьму. (Береть бумажку.) Когда тутъ лошадь закладывать! (Юлія и Глафира Фирсовна уходятъ въ дверь направо, Михеина идетъ за ними. Звонокъ.)

Явленіе четвертое.

Михеина, потомъ Дергачевъ.

Михеина.

Ну, ужь это Вадимъ Григорьевичъ, по звонку слышу. (Идеть къ двери, на встрѣчу ей Дергачевъ.) Охъ, чтобъ тебя!

Островскій. IX.

Дергачевъ (важко).

Я желаю видѣть Юлію Павловну.

Михевна.

Ну, да мало-ль чего вы желаете. Къ намъ, батюшка, въ домъ мужчины не ходятъ. И кто это васъ пустилъ? Сколько разъ говорила дѣвкамъ, чтобы не пускали.

Дергачевъ (пожимая плечами).

Вотъ нравы!

Михевна.

Ну да, нравы! Пускать васъ, такъ вы повадитесь.

Дергачевъ.

Я не за тѣмъ пришелъ, чтобы твои глупости слушать. Доложи, милая, Юлію Павловнѣ.

Михевна.

Да, милый, нельзя.

Дергачевъ.

Чтѣ за вздоръ! Мнѣ нужно видѣть Юлію Павловну.

Михевна.

Ну, да вѣдь не особенная какая надобность.

Дергачевъ.

У меня есть письмо къ ней.

Михевна.

А письмо, такъ давай его сюда и ступай съ Богомъ.

Дергачевъ.

Я долженъ отдать въ собственныея руки.

Михевна.

И у меня свои собственныея руки, не чужія. Чего боишся? Не съѣмъ его. (Входитъ Юлія Павловна.)

Явленіе пятое.

Дергачевъ, Михевна, Юлія Павловна.

Юлія.

Чтò у васъ тутъ за разговоръ? А, Лука Герасимычъ, здравствуйте!

Дергачевъ.

Честь им'ю кланяться! Письмо вотъ отъ Вадима. (Подаетъ письмо.)

Юлія.

Покорно васъ благодарю. Отвѣта не нужно?

Дергачевъ.

Отвѣта не нужно-сь; онъ самъ заѣдетъ.

Юлія.

Чтò, здоровъ онъ.

Дергачевъ.

Слава Богу-сь.

Михевна.

Не держи ты его, отпусти поскорѣе, чтò хорошаго?

Дергачевъ.

Могу я его здѣсь подождать-сь?

Юлія.

Лука Герасимычъ, извините! Я жду одного родственника, старика, понимаете?

Михевна.

Да, Герасимычъ, ступай, ступай!

Дергачевъ.

Герасимычъ! Какое невѣжество!

Михевна.

Не взыщи!

Юлія.

Не сердитесь на нее, она женщина простая. До свиданія, Лука Герасимычъ!

Дергачевъ.

До свиданія, Юлія Павловна! Какъ ни велика моя дружба къ Вадиму, но уже подобныхъ порученій я отъ него принимать не буду, извините-сь! Я самъ ему предложилъ-сь! Я думаль провести время...

Михевна.

Ну, что еще за разговоры развелъ?

Юлія.

Чтò дѣлать, у насъ это не принято. (Кланиется.)

Михевна (Юліи.)

Глафира Фирсовна ушла?

Юлія.

Ушла.

Михевна (Дергачеву).

Пойдемъ, пойдемъ, я провожу.

(Дергачевъ раскланивается и уходитъ, Михевна за нимъ.)

Явленіе шестое.

Юлія, потомъ Михевна.

Юлія.

(Раскрываетъ письмо и читаетъ).

„Милая Юлія, я сегодня буду у тебя непремѣнно, хоть поздно, а все-таки заѣду“. Вотъ это мило съ его стороны. (Читаетъ.) „Не сердись, моя голубка“... (Повторяетъ:) „Моя голубка!“ Какъ хорошо пишетъ. Какъ на такого голубя сердиться? (Читаетъ.) „Я всѣ эти дни не имѣль минуты свободной: все дѣла и дѣла и, надо признаться, не очень удачныя. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что мнѣ безъ тво-

ей любви жить нельзя.. И хотя я подвергаю ее довольно тяжкимъ испытаніямъ и сегодня-же требую отъ тебя нѣкоторой жертвы, но ты сама меня избавила, и я увѣренъ заранѣе, что ты простишь все твоему безумному и безумно-любящему тебя Вадиму“.
 (Входитъ Михевна.)

Михевна.

Кто-то подъѣхалъ, никакъ Флоръ Федулычъ?

Юлія (прячетъ письмо въ карманъ).

Такъ ты поди, сядь въ передней, да посматривай хорошенъко! Если пріѣдетъ Вадимъ Григорьевичъ, проводи его кругомъ, да попроси подождать въ угольной комнатѣ. Скажи, молъ, дяденька у нихъ.
 (Михевна уходитъ. Входитъ Флоръ Федулычъ.)

Явленіе седьмое.

Юлія, Флоръ Федулычъ.

Флоръ Федулычъ
 (кланяется и подаетъ руку).

Честь имъю ... Прошу извинить!

Юлія.

Забыли, Флоръ Федулычъ, забыли. Прошу садиться.

Флоръ Федулычъ.

Да-съ, давненько! (Садится.)

Юлія (садясь).

Я вѣдь никуда, Флоръ Федулычъ, я все дома — а ежели ко мнѣ кто, я очень рада.

Флоръ Федулычъ.

Здоровыице ваше?

Юлія.

Да ничего, я—слава Богу ...

Флоръ Федулычъ.

Дюшессы нынче не дороги-сь ...

Юлія.

Чтò вы такъ смотрите на меня, Флоръ Федулычъ;
Перемѣнилась я?

Флоръ Федулычъ.

Къ лучшему-сь.

Юлія.

Ну, что вы, не можетъ быть.

Флоръ Федулычъ.

Позвольте, позвольте-сь! Въ этомъ мы не ошибаемся, на томъ стоимъ: очаровательность женскую понимаемъ. (Осматривая комнату.) Домикъ-то такъ, послѣ смерти супруга, и не отдѣльвали?

Юлія.

Кто у меня бываетъ, кто его видитъ? Зачѣмъ-же лишній расходъ?

Флоръ Федулычъ.

Что касается приличія, то никогда не лишнее, а даже необходимое-сь. А домъ этотъ точно отдѣльвать не стѣть. Онъ почти за чертой города, доходу не приносить, состоитъ при фабрикѣ, которая давно нарушена; ну, и значитъ, вамъ надо это имѣніе продать.

Юлія.

А гдѣ-же мнѣ жить, Флоръ Федулычъ?

Флоръ Федулычъ.

Зачѣмъ-же вамъ жить въ захолустыи и скрывать себя? Вы должны жить на виду и дозволить намъ любоваться на васъ. Патти не пріѣдетъ-сь.

Юлія.

Очень жаль, такъ я ее и не услышу.

Флоръ Федулычъ.

Не услышите-съ. Да вѣдь у васъ есть другой домъ, въ городѣ-съ. Отдѣлать тамъ небольшую квартиру, комнатъ шесть-семь, хорошихъ: двѣ-три гостиныя-съ, будуаръ. Мебель а ла Помпадуръ-съ.

Юлія.

Сколько хлопотъ, да и не привычна я къ такой жизни.

Флоръ Федулычъ.

Хлопоты-съ эти не ваше дѣло-съ: это я беру на себя; вамъ только и труда будетъ переѣхать-съ. А если вы не привычны къ такой жизни, такъ мы васъ постепенно пріучимъ.

Юлія.

Покорно васъ благодарю.

Флоръ Федулычъ.

А лошадокъ держите?

Юлія.

Пару продала, а то все тѣ-же, старые.

Флоръ Федулычъ.

Пора перемѣнить-съ; да это дѣло минутное, не стойть и говорить-съ. Экипажи тоже надо новенькие, нынче другой вкусъ. Нынче полегче дѣлаются и для лошадей, и для кармана; какъ за коляску рублей тысячу слишкомъ отдашь, такъ въ карманѣ гораздо легче сдѣлается. Хоть и грѣхъ такія деньги за экипажъ платить, а нельзя-съ, платимъ, — наша служба такая. Я къ вамъ на дняхъ каретника пришлю, можно будетъ старые обмѣнять съ придачею.

Юлія.

Все это напрасно, Флоръ Федулычъ, мнѣ ничего не нужно.

Флоръ Федулычъ.

Не то, что напрасно, а обойтись нельзя безъ этого. Ужь если у насъ бабы, пудовъ въ семь вѣсомъ, въ такихъ экипажахъ разъѣзжаютъ; такъ ужь вамъ-то, при вашей красотѣ, въ забвениіи-сь быть невозможно-сь. Абонементъ на настоящій сезонъ не имѣете?

Юлія.

Нѣть, я еще обѣ этомъ не подумала.

Флоръ Федулычъ.

Чтѣ прикажете: кресло, бель-этажъ-съ?

Юлія.

Не беспокойтесь, если вздумаю, такъ еще успѣю достать.

Флоръ Федулычъ.

Теперь позвольте объяснить, въ чёмъ состоить цѣль моего визита.

Юлія.

Сдѣлайте одолженіе.

Флоръ Федулычъ.

Денегъ пріѣхалъ занять у васъ, Юлія Павловна.

Юлія.

Денегъ? Да на что вамъ? У васъ своихъ дѣвать некуда.

Флоръ Федулычъ.

Мы найдемъ мѣсто, употребимъ съ пользой. Я вамъ хорошіе проценты дамъ.

Юлія.

А много-ли-же вамъ нужно?

Флоръ Федулычъ.

Да всѣ пожалуйте, всѣ, что у васъ есть.

Юлія.

А у меня-то чтò-жъ останется?

Флоръ Федулычъ.

Да вамъ и не слѣдъ имѣть деньги, это не женское дѣло-съ. Женское дѣло—проживать, тратить; а сберегать капиталы, въ настоящее время, и для мужчины довольно хитро, а для женщины невозмож-но-съ.

Юлія.

Вы такъ думаете, Флоръ Федулычъ?

Флоръ Федулычъ.

Не думаю, а навѣрно знаю. У женщины деньги удержаться не могутъ, ихъ сейчасъ отберутъ. До прочихъ намъ дѣла нѣть; а васъ мы беречь должны. Коли мы за вашими деньгами не усмотримъ, намъ будетъ грѣхъ и стыдно. Вѣдь если васъ оберутъ, мы заплачимъ. А вы мнѣ пожалуйте ваши деньги и всѣ бумаги, я вамъ сохранную расписку дамъ и буду вашимъ кассиромъ. Капиталъ вашъ останется неприкосновеннымъ, а сколько вамъ потребуется на проживаніе, сколько бы ни потребовалось, вы всегда можете получить отъ меня.

Юлія.

Но я могу прожить болѣе того, сколько мнѣ слѣдуетъ процентовъ.

Флоръ Федулычъ.

Это не ваши расчеты; и барышъ мой, и убытокъ мой, на то мы и купцы. Ваше дѣло — жить въ удовольствіи, а наше дѣло — васъ беречь и ле-лѣять.

Юлія.

Даромъ я ни чьихъ услугъ принимать не желаю: чѣмъ-же я заплачу вамъ за ваши заботы?

Флоръ Федулычъ.

Развѣ дѣти платятъ чѣ-нибудь своимъ родителямъ?

Юлія.

Платятъ, Флоръ Федулычъ, и очень дорого: платятъ любовью.

Флоръ Федулычъ.

Такъ вѣдь и мнѣ, кромѣ этого, ничего не нужно-съ.

Юлія.

Я вамъ очень благодарна за вашу доброту; но принять вашего предложенія рѣшительно не могу.

Флоръ Федулычъ.

Почему же-съ?

Юлія.

Я выхожу замужъ.

Флоръ Федулычъ.

Это дѣло другого рода-съ. Позвольте полюбопытствовать имя, отчество и званіе вашего будущаго супруга.

Юлія.

Я теперь не могу сказать: еще дѣло не решено.

Флоръ Федулычъ.

Хоть и не решено, но зачѣмъ-же скрывать-съ? Тутъ дурного ничего нѣть-съ. Я могу быть вамъ полезенъ, могу лучше васъ разузнать о человѣкѣ и вѣ-время предупредить, если дѣло не подходящее. Не шутка-съ: счастье и несчастье всей жизни зависить.

Юлія.

Нѣть, Флоръ Федулычъ, въ такомъ дѣлѣ я на людей полагаться не хочу, я сама желаю устроить свою жизнь.

Флоръ Федулычъ (встаетъ).

Какъ вамъ будетъ угодно-съ. Значитъ, мои услуги вамъ не нужны-съ?

Юлія.

Очень жалѣю, Флоръ Федулычъ, что не могу принять ихъ.

Флоръ Федулычъ.

Значитъ, вы всѣмъ довольны и счастливы? Это очень пріятно видѣть-съ. Ну, хоть какой-нибудь нужды, хоть какой-нибудь надобности нѣтъ-ли у васъ? Доставьте мнѣ удовольствіе исполнить вашу просьбу!

Юлія.

Мнѣ рѣшительно ничего не нужно.

Флоръ Федулычъ.

И дай Богъ, и дай Богъ, чтобы всегда такъ было-съ. А ежели, чего сохрани Богъ. . . .

Юлія.

Какая-бъ у меня ни была нужда, я къ роднымъ не пойду за милостыней.

Флоръ Федулычъ.

Не о милостынѣ рѣчь-съ.

Юлія.

Ничего у родныхъ и знакомыхъ, Флоръ Федулычъ, ничего, это мое правило.

Флоръ Федулычъ.

Но, во всякомъ случаѣ, прошу не забывать-съ! Милости прошу откушать какъ-нибудь. Я всякий день дома-съ, отъ пяти до семи часовъ-съ, больше времени свободнаго не имѣю-съ.

Юлія.

Благодарю васъ. Постараюсь, Флоръ Федулычъ.

Флоръ Федулычъ.

Честь имѣю кланяться. (Идетъ къ двери.) Rossi изволили видѣть?

Юлія.

Нѣтъ, я вѣдь совершенно никуда.

Флоръ Федулычъ.

Хорошій актеръ-съ. Оно довольно для настъ не- понятно, а интересно посмотреть-съ. До свиданія-съ. (Уходитъ, изъ боковой двери выходитъ Дульчинъ.)

Явленіе восьмое.

Юлія, Дульчинъ.

Юлія (бросаясь къ Дульчину).

Ахъ, милый, ты ужь · здѣсь?

Дульчинъ.

Здравствуй, Юлія, здравствуй!

Юлія (вглядываясь)

Ты чѣмъ-то разстроенъ?

Дульчинъ.

Отвратительное положеніе.

Юлія.

Чтѣ такое? Говори скорѣй!

Дульчинъ.

Охъ, ужь мнѣ совѣстно и говорить-то тебѣ.

Юлія.

Да чтѣ, скажи, не мучь меня!

Дульчинъ.

Денегъ нужно.

Юлія.

Много?

Дульчинъ.

Много.

Юлія.

Ахъ, милый мой, да давно-ли. . . .

Дульчинъ (хватаясь за голову).

А, чортъ возьми! Ужъ я не знаю, давно-ли, —
теперь нужно, платить по векселю нужно, — завтра
срокъ.

Юлія.

Чтѣ ты прежде не подумалъ, отчего не преду-
предиль меня?

Дульчинъ.

Совсѣмъ изъ головы вонъ. Да я надѣялся, что
онъ отсрочитъ; онъ столько пользовался отъ меня.
А вчера вдругъ, ни съ того, ни съ сего, „нѣть, го-
ворить, тебѣ больше кредиту, плати“.

Юлія.

Да кто онъ-то?

Дульчинъ.

Салай Салтанычъ. А кто онъ такой, кто-же его
знаетъ. Обалдуй-Оглы Таракановъ, турецкій жидъ,
армянскій грекъ, туркменъ, бухарецъ, восточный че-
ловѣкъ . . . Развѣ въ нихъ жалость есть, онъ зарѣ-
жетъ равнодушно.

Юлія.

Какъ-же быть-то?

Дульчинъ.

Какъ быть? Надо платить.

Юлія.

Гдѣ-же взять-то?

Дульчинъ.

Гдѣ-нибудь надо. Мнѣ не дадутъ, конечно, и толковать нечего.

Юлія.

Отчего-же, мой другъ?

Дульчинъ.

Въ Москвѣ и всегда было мало кредиту, потому онъ и дорогъ; а теперь и совсѣмъ нѣтъ. Капиталисты — какіе-то скептики. Далеко еще намъ до Европы; развѣ у насть понимаютъ, что кредитъ — великий двигатель? Ну, чтѣ мы, крупные землевладѣльцы безъ кредиту? Все равно, чтѣ безъ рукъ. Подумай хорошенько, Юлія, поищи, попроси у кого-нибудь!

Юлія.

Гдѣ-же мнѣ искать, у кого просить? Рѣшительно не у кого.

Дульчинъ.

Ахъ, отчаяніе! Вотъ урокъ, вотъ урокъ! Вѣдь меня арестуютъ!

Юлія (испугавшись).

Какъ арестуютъ?

Дульчинъ.

Такъ; посадятъ въ знаменитую московскую яму. Вѣдь это конецъ всякой репутаціи, всякаго кредита.

Юлія.

Ахъ, мой милый, такъ надо искать денегъ, непремѣнно надо.

Дульчинъ.

„Надо, надо!“ Разумѣется, надо. А какъ найдешь? (Махнувъ рукой.) Э, да чтѣ тутъ! Лучше не искать.

Юлія.

Чтѣ-же? Какъ-же?

Дульчинъ.

Такъ. Сѣть въ яму попробовать.

Юлія.

Ахъ, срамъ! Чѣдъ ты, чѣдъ ты?

Дульчинъ.

Можеть-быть, это образумить меня нѣсколько, исправить. Вѣдь ты, все-таки, меня будешь любить, не разлюбишь за то?

Юлія.

Какія глупости!

Дульчинъ.

Одного только боюсь: потеряешь уваженіе къ себѣ, потеряешь самолюбіе. А безъ самолюбія легко сдѣлаться грязнымъ трактирнымъ героемъ, или шутомъ у богатыхъ людей. Нѣть, ужъ лучше пулю въ лобъ.

Юлія.

Ахъ, перестань! Какія страшныя вещи ты говоришь!

Дульчинъ.

Нисколько не страшно. А коли, на твой взглядъ, это ужъ очень страшно кажется, такъ ищи денегъ.

Юлія.

Погоди, дай подумать. Вотъ сейчасъ у меня былъ богатый человѣкъ; онъ обѣщалъ и предлагалъ мнѣ все, чѣдъ я пожелаю.

Дульчинъ.

Вотъ и прекрасно! Чѣдъ-же ты ему сказала?

Юлія.

Я ему сказала, чѣдъ ни въ чемъ не нуждаюсь, что у меня свой капиталъ; да если-бы и нуждалась, такъ отъ него ничего и никогда не приму.

Дульчинъ.

Зачѣмъ-же это, Юлія, зачѣмъ? — Это просто возмутительно! Эхъ вы, женщины! Человѣкъ набивается съ деньгами, а ты его гонишь прочь. Такіе люди нужны въ жизни, очень нужны, пойми ты это!

Юлія.

Да вѣдь эти люди даромъ ничего не даютъ. Онъ дѣйствительно осыпляетъ деньгами, только надо идти къ нему на содержаніе.

Дульчинъ.

Да ... вотъ что ... Ну, конечно ... а впрочемъ ...

Юлія.

Какъ: „впрочемъ?“ Ты съ ума сошелъ?

Дульчинъ.

Нѣтъ, я не то ... Все-таки съ нимъ нужно поласковатъ. А такъ, по знакомству, онъ не дастъ тебѣ? Въ займы не дастъ?

Юлія.

Не знаю, едва-ли. Но какъ просить у него? Сказать ему, что я солгала, что у меня капиталу ужъ нѣть? Такъ вѣдь надо объяснить, куда онъ дѣлся. Придется выслушивать разные упреки и сожалѣнія, а, можетъ-быть, и неучтивый презрительный отказъ. Сколько стыда, униженія перенесешь! Вѣдь это пытка!

Дульчинъ

(затянула руки Юліи).

Юлія, голубушка, попроси, спаси меня!

Юлія.

Надо спасать, нечего дѣлать. Тяжело будетъ и стыдно, охъ, какъ стыдно!

Дульчинъ.

Это ужь послѣдняя твоя жертва, клянусь тебѣ!

Юлія (задумавшись).

Я думаю, что выпрошу. У женщинъ есть средство хорошее: слезы. Да коли онѣ отъ души, такъ должны подѣйствовать.

Дульчинъ.

Нѣть, зачѣмъ, нѣть, зачѣмъ? Юлинъка, ангель мой, онъ тебѣ и такъ не откажеть. Ты пококетничай съ нимъ, я позволяю.

Юлія.

Ты позволяешь, да я-то себѣ не позволю. (Со слезами.) А лгу, вѣдь, можетъ - быть, и позволю. Чѣмъ не сдѣлаетъ женщина для любимаго человѣка? (Подумавъ.) Много-ли тебѣ нужно?

Дульчинъ.

Я долженъ около пяти тысячъ, а ты проси ужь больше, проси шесть. Нужно заплатить за квартиру.

Юлія.

За квартиру заплачено.

Дульчинъ.

Я и не зналь. Надо расчеститься съ извозчикомъ за коляску за два мѣсяца.

Юлія.

Я заплатила.

Дульчинъ.

Ахъ, какая я дрянь! Зачѣмъ ты платишь за меня, зачѣмъ?

Юлія.

Э, мой другъ, я не жалѣю денегъ, былъ-бы только ты счастливъ.

Дульчинъ.

Да вѣдь я жгу деньги, просто жгу, бросаю ихъ безъ толку, безъ смысла.

Юлія.

И жги, коли это доставляетъ тебѣ удовольствіе.

Дульчинъ.

Въ томъ-то и дѣло, что не доставляетъ никакого; а, напротивъ, остается послѣ только одно раскаяніе, отчаянное, каторжное, которое грызетъ мнѣ душу. Одно еще только утѣшаетъ, спасаетъ меня...

Юлія.

Чтѣ, скажи?

Дульчинъ.

То, что я могу еще исправиться; потому что я не злой, не совсѣмъ испорченный человѣкъ. Другіе губятъ и свое, и чужое состояніе хладнокровно, а я сокрушаюсь, на меня нападаютъ минуты страшной тоски. А какъ-бы мы могли жить съ тобой, если бы не мое безуміе, если-бы не моя преступная распущенность!

Юлія.

Мы и теперь можемъ жить хорошо. Нѣтъ чистыхъ денегъ, такъ у меня еще два дома, заложенныхъ, правда, да вѣдь они чего-нибудь стоять; у тебя большое имѣніе. Ты займешься хозяйствомъ, будешь служить, я буду экономничать.

Дульчинъ.

Да, Юлинъка, пора мнѣ перемѣнить жизнь. Это я могу, я себя пробовалъ, стоять только отказаться отъ излишней роскоши. Я могу работать: я учился всему, я на все способенъ. Меня только баловать не нужно, баловать не нужно, Юлія ... Ужъ это будетъ твоя послѣдняя жертва для меня, послѣдняя.

Юлія.

Я на всякия жертвы готова для тебя, мой милый, только я должна признаться, мое положеніе становится очень тяжело для меня. Мои родные и знакомые откуда-то провѣдали о тебѣ и начинаютъ меня мучить своимъ участіемъ и совѣтами.

Дульчинъ.

Чтѣ твои родные! Стойть обращать на нихъ вниманіе. Ихъ успокоить легко. Только-бы мнѣ расплатиться съ этимъ долгомъ, я перемѣняю жизнь и кончено. А то, повѣришишь-ли, у меня руки и ноги трясутся: я такъ боюсь позора.

Юлія.

Да расплатимся, расплатимся, не беспокойся!

Дульчинъ.

Вѣрно, Юлія?

Юлія.

Вѣрно, мой милый, вѣрно: чего-бы мнѣ ни стѣло, я черезъ часъ достану тебѣ денегъ.

Дульчинъ.

Только ты помни, что это твоя послѣдняя жертва. Теперь для меня настанетъ трудовая жизнь; трудъ, и трудъ постоянный, безпрерывный: я обязана примириить тебя съ родными и знакомыми, обязана поправить твое состояніе, это мой долгъ, моя святая обязанность. Успокой своихъ родныхъ, пригласи ихъ всѣхъ какъ-нибудь на-дняхъ, хоть въ воскресенье. Я не только ихъ не видывалъ, я даже по именамъ ихъ не знаю, а надо-же мнѣ съ ними познакомиться.

Юлія.

Да, да, конечно, надо.

Дульчинъ.

Вотъ мы ихъ и удивимъ: явимся съ тобой пе-

редъ ними и объявимъ, что мы женихъ и невѣста, и пригласимъ ихъ черезъ недѣлю на свадьбу.

Юлія.

Чтѣ-же значать всѣ мои жертвы? Ты мнѣ да-ришь счастіе, ты мнѣ даришь жизнь. Какое блаженство! Я никогда въ жизни не была такъ счастлива. Я не нахожу словъ благодарить тебя, милый, милый мой!

Дульчинъ.

Юлія, ты мало себя цѣнишь: ты рѣдкая женщина, я отдаю тебѣ только должное.

Юлія

(положивъ руки на плечи Дульчина).

Нѣть, я тебя не стою. Ты моя радость, моя гордость! Нѣть и не будетъ женщины счастливѣе меня.

(Прилегаетъ къ нему на грудь.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Богатая гостиная, изящно меблированная; на стѣнахъ картины въ массивныхъ рамкахъ, тяжелыя драпировки и портьеры.
Въ глубинѣ дверь въ залу, нальво въ кабинетъ.

Явленіе первое.

Флоръ Федулычъ (сидить въ креслахъ съ газетою въ рукахъ. Входитъ Василій, потомъ Глафира Фирсовна).

Василій.

Когда прикажете кушать подавать?

Флоръ Федулычъ.

Еще рано, погоди; можетъ-быть, подѣлеть кто-нибудь. (Входитъ Глафира Фирсовна.) Видишь, вотъ и гости. Черезъ четверть часа закуску, черезъ десять минутъ послѣ закуски — обѣдъ.

Василій.

Слушаю-сь. (Уходитъ.)

Глафира Фирсовна.

Здравствуйте, Флоръ Федулычъ, вѣ-время-ль я пришла-то?

Флоръ Федулычъ.

Моментъ самый благопріятный, — къ обѣду-сь.

Глафира Фирсовна.

Я ужъ и позавтракала, и обѣдала раза два, и полдничала.

Флорь Федулычъ.

Это ничего-сь. У насъ простые люди говорятъ: палка на палку нехорошо, а обѣдъ на обѣдъ нужды нѣтъ.

Глафира Фирсовна.

Да я и не откажусь лишній разъ пообѣдать; бѣда не большая, стерпѣть можно. Совсѣмъ не обѣдать не здорово, а по-два да по-три раза хоть-бы каждый день Богъ далъ.

Флорь Федулычъ.

Покорнѣйше прошу садиться.

Глафира Фирсовна.

Присяду, присяду; окружила - таки я нынче Москву-то.

Флорь Федулычъ.

Я самъ только сейчасъ вернулся.

Глафира Фирсовна.

Видѣла я, батюшка, вѣсть, видѣла, я только отъ Юліи Павловны, а вы къ ней.

Флорь Федулычъ.

Да-сь, сегодня я ей визитъ сдѣлалъ.

Глафира Фирсовна.

И поговорили-таки съ ней?

Флорь Федулычъ.

Говорилъ-сь; но разговоръ нашъ былъ безъ результата.

Глафира Фирсовна.

А я таки допыталась кой до чего, тайности ея вывѣдала.

Флорь Федулычъ.

Надѣюсь, что вы отъ меня вашихъ свѣдѣній не скроете?

Глафира Фирсовна.

Батюшка, да чтò мнѣ скрывать-то, съ какой статі? Вотъ еще, была оказія! Чтò я ей, мать, чтò-ли? Все доиста выложу, какъ есть. Съ чего начинать-то?

Флоръ Федулычъ.

Съ чего угодно-сь.

Глафира Фирсовна.

Такъ вотъ-сь: пріятель у ней есть и очень близкій.

Флоръ Федулычъ.

Такъ и ожидать надо было.

Глафира Фирсовна.

Дульчинъ онъ, Вадимъ Григорьевичъ..

Флоръ Федулычъ.

Дульчинъ-сь? Я его знаю-сь, въ клубѣ встрѣчаюсь; съ виду баринъ хорошій.

Глафира Фирсовна.

И я его знаю, года три назадъ онъ въ одномъ знакомомъ домѣ сватался, такъ я у него даже на квартирѣ бывала. А теперь захотѣла узнать покороче; есть у меня одна дама знакомая, она сваха, такъ у нея вѣтъ эти женихи на счету. Я съ ней въ ссорѣ немножко, семь лѣтъ не кланяемся, да ужъ такъ и быть, покорилась, — сейчасъ была у нея. Вотъ вѣсти какія: женихъ хорошій, живеть богато, шику много, на большого барина хватить. Только, говорить, если съ этимъ женихомъ въ хорошій, степенный домъ сунешься, такъ, пожалуй, прическу попортить; за это, говоритъ, ручаться нельзя, на какого отца нападешь. Другой разговаривать не любить, а прямо за шиньюнъ.

Флоръ Федулычъ.

Атtestатъ не очень одобрителный-сь.

Глафира Фирсовна.

Надо, говорить, узнать, на какія онъ деньги живеть, на свои, или на чужія, и чтò у него есть; а это, говорить, я вамъ скорехонько узнаю.

Флоръ Федулычъ.

Значить, надо подождать-сь.

Глафира Фирсовна.

Чего ждать-то? Пока онъ ее ограбить совсѣмъ? А жениться-то онъ и не думаетъ, чай; такъ водить изо-дня въ день, пока у нея деньги есть.

Флоръ Федулычъ.

Чтѣ-же мы можемъ предпринять?

• **Глафира Фирсовна.**

Вы не мѣшайте только мнѣ, а ужь я похлопочу разобью я эту парочку.

Флоръ Федулычъ.

Въ такомъ случаѣ большую благодарность получите.

Глафира Фирсовна.

Да развѣ я изъ благодарности? Жалѣючи ее дѣлается. Конечно, я — человѣкъ бѣдный; вотъ, Богъ дастъ, зима настанетъ, въ люди показаться не въ чемъ.

Флоръ Федулычъ.

Шуба за мной-сь, хорошая шуба.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужь куда мнѣ хорошую! Хоть-бы какую-нибудь, только, отецъ родной, чтобъ бархатомъ крыта, хоть не самымъ настоящимъ. Какъ его, манчестеръ, чтѣ-ли, называется. Чтобъ хоть издали-то на бархатъ похоже было.

Флоръ Федулычъ.

Для вашего удовольствія все будетъ исполнено.

Глафира Фирсовна.

Чтò это, я смотрю на васъ, вы какъ-будто не въ духѣ?

Флоръ Федулычъ.

Непріятности есть-сь отъ племянниковъ.

Глафира Фирсовна.

Отъ кого-же и ждать непріятности, какъ не отъ своихъ. Который-же васъ огорчаетъ?

Флоръ Федулычъ.

Да всѣ-сь. Мотаютъ, пьянятвуютъ, только фамилію срамятъ. Жена умерла, дѣтей не нажилъ; какъ подумаешь, кому состояніе достанется, вотъ и горько станетъ.

Глафира Фирсовна.

Женились-бы, Флоръ Федулычъ.

Флоръ Федулычъ.

Поздно, людей совсѣстно-съ.

Глафира Фирсовна.

Чтò за совсѣсть! Были-бы свои наслѣдники.

Флоръ Федулычъ.

Это дѣло такое, что разговоръ о немъ я считаю лишнимъ.

Глафира Фирсовна.

Какъ угодно, батюшка Флоръ Федулычъ, къ слову пришлось. Ну, а Лавръ Миронычъ какъ живаетъ?

Флоръ Федулычъ.

Лавръ Миронычъ больше другихъ беспокоить, потому жизнь неосновательную ведеть.

Глафира Фирсовна.

Ему-то - бы грѣшно: онъ всѣмъ вамъ обязанъ сколько разъ вы его изъ ямы-то выкупали.

Флоръ Федулычъ.

На яму онъ мало обращаетъ вниманія-съ. Пристроиша его къ должности, онъ человѣкъ способный-съ, живеть годъ, другой хорошо и вдругъ въ одну минуту задолжаетъ; когда успѣетъ, только дивишься. И ничего его долги не беспокоятъ, платить онъ ихъ и въ помышленіи не имѣетъ. Хотьбы глазомъ моргнулъ-съ. Наберетъ гдѣ-то съ полсотни переводныхъ французскихъ романовъ и отправляется въ яму равнодушно, точно въ гости куда. Примется читать свои романы, читаетъ ихъ дни и ночи, хоть десять лѣтъ просидитъ—ему все равно. Ну, и выкупаешь изъ жалости. А выкупишь, сейчасъ расчешетъ бакенбарды, надѣнетъ шляпу на бокъ и пошелъ щеголять по Москвѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Глафира Фирсовна.

Ужъ какой изъ себя видный, точно иностранецъ.

Флоръ Федулычъ.

Настоящій милордъ-съ! Ему-бы только съ графомъ Биконс菲尔домъ разговаривать-съ. Отличныя мѣста занималь-съ, поведеть дѣло—любо дорого смотрѣть, за полгода вѣрно можно ручаться, а тамъ западетъ рысаковъ съ пристяжными, — году не пройдетъ, глядишь и въ яму съ романами-съ. И сейчасъ имѣеть мѣсто приличное — около десяти тысячъ жалованья; кажется, чего-жъ еще, можно концы съ концами сводить?

Глафира Фирсовна.

Развѣ нуждается, денегъ просить?

Флоръ Федулычъ.

Это-бы ничего-съ. Широко зажилъ; слухъ идетъ, что деньги бросаетъ. Значитъ, какіе-нибудь источники находить: либо должаетъ, либо... ужъ кто его знаетъ. Дѣло не красивое-съ.

Глафира Фирсовна.

По надеждѣ на вѣсъ дѣйствуетъ. Дочку его, внучку свою, вы облагодѣтельствовали, ну, думаетъ, и отцу чѣ-нибудь перепадеть.

Флоръ Федулычъ.

Да чѣмъ-же я ее облагодѣтельствовалъ-сь?

Глафира Фирсовна.

Еще-бы! Триста тысячъ за ней денегъ даете.

Флоръ Федулычъ.

И все это его сочиненіе-сь.

Глафира Фирсовна.

Чѣ-нибудь-то дадите, ну, а прилгнуль, такъ ему простительно: всякому отцу хочется свое дѣтище устроить.

Флоръ Федулычъ.

Да все-таки чужими-то деньгами распоряжаться не спросясь, не слѣдуетъ.

Глафира Фирсовна.

Ужь по всей Москвѣ гремитъ ваша внучка. Кто говоритъ, дѣдушка дастъ за ней двѣсти тысячъ, кто триста, а кто миллионъ. Миллионъ ужь лучше, круглѣе.

Флоръ Федулычъ.

Вотъ изволите видѣть, я-то послѣдній про свое благодѣяніе узналъ-сь.

Глафира Фирсовна.

Ну, да вѣдь не всѣ и вѣрятъ.

Флоръ Федулычъ.

Все-таки, значитъ, есть люди, которые обмануты-сь.

(Входитъ Лавръ Миронычъ подъ руку съ Ириной.)

Явленіе второе.

Флоръ Федулычъ, Глафира Фирсовна, Лавръ Миронычъ и Ирина

Лавръ Миронычъ (почтительно кланяясь).

Честь имъю кланяться, дяденька! Мое почтеніе, Глафира Фирсовна! (Киваєть головой и садится. Ирина страстно цаулетъ Флора Федулыча, присѣдаєтъ Глафири Фирсовнѣ, садится въ кресло и погружается въ глубокую задумчивость.)

Флоръ Федулычъ.

Откуда вы теперь, Лавръ Миронычъ?

Лавръ Миронычъ.

Изъ городу домой заѣхалъ, пробѣжалъ газеты, захватилъ Иренъ и къ вамъ. Биржевую хронику изволили смотрѣть-съ?

Флоръ Федулычъ.

Все то же, перемѣны нѣтъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Немножко потверже стало. Изъ политическихъ новостей только одна: здоровье папы внушаетъ опасенія.

Глафира Фирсовка.

Кому-же это? Ужь не тебѣ-ли?

Лавръ Миронычъ.

Въ Европѣ живемъ, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Да Богъ съ нимъ, намъ-то чтѣ за дѣло? Живѣли онъ, нѣтъ-ли, авось за Москвой-то рѣкой ничего особеннаго отъ того не случится.

Лавръ Миронычъ.

У насъ дѣла не за одной Москвой-рѣкой, а и за Рейномъ, и за Темзой.

Флоръ Федулычъ (Иринѣ).

Въ унынїи находитесь, Ирина Лавровна?

Глафира Фирсовна.

Да ужь и я тоже смотрю.

Ирина.

Ахъ!.. я — несчастная... я — самая несчастная... Если есть на свѣтѣ несчастная дѣвушка, такъ это я.

Глафира Фирсовна.

Что такъ это ужь очень?

Лавръ Миронычъ.

Моя бѣдная Ирень влюблена.

Флоръ Федулычъ.

Я полагаю, что это больше отъ чтенія происходит.

Лавръ Миронычъ.

Да, дяденька; мы съ ней постоянно слѣдимъ за европейской литературой; всѣ, рѣшительно всѣ, сколько ихъ есть, переводные романы выписываемъ.

Ирина.

Только одно это утѣшеніе для меня въ жизни и есть. Еще папа меньше меня читаетъ, онъ дѣломъ занятъ, а я просто погружаюсь, погружаюсь...

Лавръ Миронычъ.

Прежніе романы лучше были; нынче ужь не такъ интересно пишутъ. Вотъ я теперь четвертый разъ Монте-Кристо читаю; какъ все это вѣрно, какъ похоже!..

Флоръ Федулычъ.

Что тамъ похожаго-сь? Я считаю такъ, что это только одна игра воображенія.

Лавръ Миронычъ.

Да на меня, дяденька, похоже, точно съ меня писано.

Ирина.

Нѣтъ, папа, на вѣсъ это еще не такъ похоже.

Лавръ Миронычъ.

Это потому тебѣ кажется, что у меня денегъ нѣтъ; а чувства и поступки всѣ мои, и если-бъ мнѣ досталось такое состояніе...

Ирина.

Нѣтъ, ужь кто похожъ на Монте-Кристо, кто похожъ... такъ это... это одинъ человѣкъ.

Глафира Фирсовна.

Не въ него-ли ты и влюблена-то?

Ирина.

Ахъ, да развѣ есть средства, есть какая-нибудь возможность для дѣвушки не полюбить его? Это выше силь. Развѣ ужь которая ледъ совершенный.

Глафира Фирсовна (всплеснувъ руками)

Ахъ, батюшки! Вотъ такъ побѣдитель! Откуда такой проявился?

Флоръ Федулычъ.

Намъ-бы, кажется, Ирина Лавровна, про всякия такія диковинки знать надо; а мы чтѣ-то не слыхали.

Ирина.

Онъ, дѣдушка, не торговый человѣкъ.

Лавръ Миронычъ.

Въ своемъ родѣ, дяденька, это феноменъ-сь.

Глафира Фирсовна.

Чтѣ такої зѣ феноменъ? Я про такихъ людей съ роду не слыхивала.

Лавръ Миронычъ.

Это значитъ, Глафира Фирсовна, необыкновенное явленіе природы.

Глафира Фирсовна.

Чтѣ-же въ немъ необыкновеннаго?

Ирина.

Все, все необыкновенное! Красавецъ собой, уменъ, ловокъ, какъ одѣть, какъ деньги проигрываетъ! Онъ совсѣмъ ихъ не жалѣеть, бросаетъ тысячу, двѣ на столъ, а самъ шутить. Сядеть ужинать, кругомъ него толпа, и онъ за всѣхъ платить; людямъ меныше пяти рублей на водку не даетъ.

Флоръ Федулычъ.

Такихъ-то феноменовъ мы достаточно видали.

Ирина.

Ахъ, дѣдушка, надо его знать, чтобы понять все это очарованіе, а на словахъ не разскажешь.

Флоръ Федулычъ.

А гдѣ-же вы его узнали-сь?

Ирина.

Въ саду, въ клубѣ, тамъ семейные вечера бываютъ. Я съ нимъ очень хорошо знакома.

Флоръ Федулычъ.

Вотъ какъ-сь! Интересно узнать этотъ феноменъ-сь.

Лавръ Миронычъ.

Какая цѣль скрывать тебѣ, Иренъ? Чего тебѣ бояться? Соперницъ у тебя нѣть; онъ только на тебя одну и обращаетъ вниманіе.

Ирина.

И какъ богатъ! Какія имѣнія, и все въ самыхъ лучшихъ губерніяхъ.

Глафира Фирсовна.

Чтѣ-же ты на красоту свою, чтѣ-ли, очень надѣешься, что такого жениха подцѣпить задумала?

Ирина.

У всякаго свой вкусь: для васъ вѣдь одна красота существуетъ, чтобъ женщина была толста да румяна; а мужчины, особенно образованные, въ этомъ дѣлѣ гораздо больше и лучше васъ понимаютъ. Повашему, мадамъ Пивокурова,—вотъ это красавица.

Глафира Фирсовна.

У нея красота-то въ карманѣ, да въ сундукахъ; эту красоту образованные мужчины тоже хорошо понимаютъ. Смотри, какъ-бы она у тебя жениха-то не отбила.

Ирина.

Невозможно. При такомъ его богатствѣ, ему ничего не надо, ему надо только любящее сердце. А деньги онъ за ничто считаетъ, онъ даже презираетъ ихъ.

Лавръ Миронычъ.

Ну, нѣть, Ирень, не скажи! (Флору Федулычу.) Дяденька, прошель слухъ, что, въ случаѣ выхода въ замужество Ирень, вы ее не оставите своею милостью; суммы не назначаютъ, говорятъ различно,— такъ я слышалъ стороной, что онъ этимъ интересуется. Ужъ я, дяденька, не знаю, откуда этотъ слухъ.

Флоръ Федулычъ.

А я знаю, Лавръ Миронычъ.

Глафира Фирсовна.

Да погодите, мы этотъ слухъ послѣ разберемъ. (Дѣлаетъ знакъ Флору Федулычу, чтобъ онъ молчалъ.) Коли что Флоръ Федулычъ обѣщалъ, такъ онъ отъ своихъ словъ не отопрется; я его характеръ знаю, портить дѣла вашего онъ не станетъ. Ты мнѣ скажи, кто у васъ этотъ богачъ-то?

Ирина.

Ахъ, какъ вы этого не знаете, странно Вѣды!

онъ одинъ въ Москвѣ-то, больше нѣту; Вадимъ Григорьевичъ Дульчинъ.

Глафира Фирсовна.

Да-да; такъ воть кто! Ну, чего ужъ еще? Воть вѣсъ теперь пара: ты богатая невѣста, онъ богатый женихъ.

Ирина.

Ахъ, не женихъ еще! Это еще только моя надежда, моя мечта.

Лавръ Миронычъ.

Одно предположеніе съ нашей стороны. Мы съ Ирень между страхомъ и надеждой.

Глафира Фирсовна.

Да чтѣ-жь ему не жениться на Аринушкѣ

Ирина.

Вы думаете?

Глафира Фирсовна.

Какой еще невѣсты? Онъ одинъ въ Москвѣ и ты тоже одна въ Москвѣ, — чего еще?

Ирина.

Ахъ, благодарю вѣсъ. Дѣдушка, это у вѣсъ новая картина въ залѣ?

Флоръ Федулычъ.

Недавно купилъ на выставкѣ-сь.

Лавръ Миронычъ.

Оригиналъ?

Флоръ Федулычъ.

Я копій не покупаю-сь.

Ирина.

Пойдемте, папа, надо ее посмотретьъ хорошенько.
(Ирина и Лавръ Миронычъ уходятъ въ залу.)

Явленіе третье.

Флоръ Федулычъ, Глафира Фирсовна.

Флоръ Федулычъ.

Слышали? Чѣ-же это такое-сь? Это фантасмагорія какая-то!

Глафира Фирсовна.

Да пущай ихъ обманываютъ другъ друга. Вамъ-бы, Флоръ Федулычъ, еще поддакнуть: точно, моль; я за внучкой ничего не пожалѣю. А послѣ дали-бы тысячъ пять-шесть, вотъ и квиты!

Флоръ Федулычъ.

Да оно больше и не стѣdueтъ-сь. Дать деньги можно, но обѣщаній никакихъ-сь; я въ ихъ спекуляцію не войду. Я въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ капиталѣ, что свои слова на вѣтеръ бросать не могу-сь.

Глафира Фирсовна.

Позвольте, позвольте! Вы будете совсѣмъ въ сторонѣ; лгать буду я. А съ меня чѣ взять-то? Солгала, такъ солгала.

Флоръ Федулычъ.

Это ужь какъ угодно-сь; я вамъ лгать запретить не могу.

Глафира Фирсовна.

Вѣдь тутъ дѣло-то хорошее, Флоръ Федулычъ, выходитъ, смѣшное.

Флоръ Федулычъ.

Да-сь; но я въ это дѣло не войду.

Глафира Фирсовна.

Подите-ко на минутку, а я съ Лавромъ Мироны-чемъ потолкую.

Флоръ Федулычъ.

Только вы сдѣлайте одолженіе, пуще всего-съ, чтобы моей репутаціи ущербу не было. Я ничего не знаю, и ни во что не вхожу.

Глафира Фирсовна.

Сама людей учу, чего меня учить-то?

Флоръ Федулычъ.

Я, во всякомъ случаѣ, въ сторонѣ-съ. (Уходитъ въ залу.)

Глафира Фирсовна (у двери въ залѣ).

Лавръ Миронычъ! Лавръ Миронычъ! Да ну-ко ты, финоменъ, поди сюда!

Явленіе четвертое.

Глафира Фирсовна, Лавръ Миронычъ.

Лавръ Миронычъ.

Чтѣмъ угодно-съ?

Глафира Фирсовна.

Какъ-же тебѣ не стыдно такъ огорчать Флора Федулыча?

Лавръ Миронычъ.

Про какое огорченіе изволите говорить?

Глафира Фирсовна.

Да какъ-же! Распустили молву, а у него въ помышлениі не было.

Лавръ Миронычъ.

И въ помышлениі не было! Невозможно-съ. Мысли у дяденьки благородныя, при томъ-же единственная родная внучка.

Глафира Фирсовна.

Я, говорить, и не думалъ; съ чего они взяли? Развѣ можно, говорить, моимъ такимъ знаменитымъ именемъ людей обманывать?

Лавръ Миронычъ.

Да-съ; значитъ, съ нашей стороны роковая ошибка. Но, разсудите, безъ денегъ жениховъ не найдешь, приманка нужна.

Глафира Фирсовна.

Вотъ тебѣ и приманка! Чѣмъ призадумался?

Лавръ Миронычъ.

Задумаешься-съ. Если это правда, такъ дѣло плохо, очень плохо, — я на снисхожденіе дяденьки очень разсчитывалъ: мнѣ оно нужно, а то бѣда-съ.

Глафира Фирсовна.

Знаешь, за чѣмъ онъ больше сердится? Только это секретъ.

Лавръ Миронычъ.

Ужь сдѣляйте одолженіе, довѣрьте! мнѣ необходимо знать дяденькины мысли.

Глафира Фирсовна.

Гу, вотъ слушай! У него на умѣ было Аринушкѣ супризъ сдѣлать.

Лавръ Миронычъ.

Сюрпризъ-съ?

Глафира Фирсовна.

Да; пріѣхалъ-бы въ дѣвишникъ, да выложилъ-бы передъ женихомъ бумажникъ, — вотъ, дескать, вамъ.

Лавръ Миронычъ (съ любопытствомъ).
А неизвѣстно, сколько-съ?

Глафира Фирсовна.

Милліонъ.

Лавръ Миронычъ (отшатнувшись).

Невообразимо-съ! Хоть-бы половину, да и то не вѣроятно.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужь я не знаю; а только по его чувствамъ видно было, что около того. Какова штука? Красиво?

Лавръ Миронычъ (со вздохомъ).

Эффектъ удивительный!.

Глафира Фирсовна.

Заговорили-бъ въ Москвѣ-то!

Лавръ Миронычъ (ударивъ себя въ лобъ).

Поразительный эффектъ, Глафира Фирсовна!

Глафира Фирсовна.

А теперь дѣло испорчено: разгласили, супризъ-то и не выйдетъ. Вотъ старику-то и обидно, что ему Москву-то удивить помѣшили.

Лавръ Миронычъ.

Какъ это дѣло поправить-съ?

Глафира Фирсовна.

Да вѣдь ты важень больно. Покорись мнѣ, поправлю.

Лавръ Миронычъ.

При всей важности въ ноги поклониться готовъ. Вѣдь это романъ, помилуйте! Въ жизни вдругъ романъ!

Глафира Фирсовна.

Ну, такъ ладно, выручу. Пойдемъ, за вакуской потолкуемъ. Вонъ Флоръ Федулычъ-то сюда идетъ. (Глафира Фирсовна и Лавръ Миронычъ уходятъ; входятъ: Флоръ Федулычъ и Василій.)

Явленіе пятое.

Флоръ Федулычъ, Василій, потомъ Юлія Павловна.

Василій.

Онъ желають васть однихъ видѣть.

Флоръ Федулычъ.

Прости, прости сюда. (Василій уходитъ.) Скоренько вѣду-
мала визитъ отдать, скоренько. (Входятъ: Юлія Павловна и
Василій.)

Василій.

Сюда пожалуйте-сь!

Флоръ Федулычъ.

Милости просимъ! И прямо къ обѣду-сь.

Юлія.

Я обѣдала. Я вамъ не помѣшаю, я на нѣсколько
минутъ, а впрочемъ я могу и подождать.

Флоръ Федулычъ.

Какъ можно, помилуйте-сь! Пообѣдать мы еще
успѣемъ, не къ спѣху дѣло. (Василію.) Ступай! Затвори
двери! (Василій уходитъ.) Къ вашимъ услугамъ. По-
корнѣйше прошу. (Указываетъ на кресло.)

Юлія.

Скажите, скоро можно продать домъ?

Флоръ Федулычъ.

Коли есть покупатель, да документы въ порядкѣ,
такъ недѣли въ двѣ, въ три, а то и мѣсяцъ прой-
детъ.

Юлія.

Какъ это долго, а мнѣ-бы поскорѣй хотѣлось
отдѣлаться отъ этого имѣнія.

Флоръ Федулычъ.

Извольте, я займусь этимъ дѣломъ, послѣшу.

Юлія.

А не купите-ли вы сами у меня, сейчасъ, въ два слова? Я съ васъ недорого возьму.

Флоръ Федулычъ.

Нѣтъ, я не куплю-сь, мнѣ разсчету нѣтъ-сь. Я вамъ покупателя за настоящую цѣну найду.

Юлія.

Я вамъ дешево, очень дешево продамъ.

Флоръ Федулычъ.

Ни себѣ дешево купить у васъ, ни вамъ дешево продать я не дозволю-сь. Зачѣмъ дешево продавать то, что дорого стоять? Это плохая коммерція-сь.

Юлія.

Но если я желаю дешево продать? Это мое имѣніе, мнѣ запретить нельзя.

Флоръ Федулычъ.

Совершенно справедливо-сь. Только вы извольте обращаться къ другому покупателю, а не ко мнѣ-сь. Кушать не угодно-ли? Пожалуйте! Хоть посидите съ нами для компаний.

Юлія.

Благодарю васъ. (Помолчавъ) Флоръ Федулычъ!

Флоръ Федулычъ.

Чтѣ прикажете?

Юлія.

Вы давеча прїѣзжали занять денегъ у меня?

Флоръ Федулычъ.

Такъ точно-сь.

Юлія.

Теперь я прїѣхала къ вамъ занять денегъ.

Флоръ Федулычъ.

Напрасно беспокоитесь; я взаймы не даю-сь.

Юлія.

Но я вамъ большіе проценты заплачу.

Флоръ Федулычъ.

Обидно слышать-сь. Если вы желаете большие проценты платить, такъ извольте обратиться къ ростовщикамъ.

Юлія.

Я ихъ не знаю. Гдѣ они? Кто они?

Флоръ Федулычъ.

И не дай Богъ знать-сь. И я не знаю-сь.

Юлія.

Флоръ Федулычъ, мнѣ нужны деньги.

Флоръ Федулычъ.

Не вѣрю, извините, не можетъ быть-сь. На что вамъ деньги? Вы не торгуете. Чѣмъ вамъ нужно-сь? Богатый гардеробъ, экипажи, ну, птичьяго молокасъ? Извольте, я все достану, а денегъ не дамъ-сь.

Юлія.

Флоръ Федулычъ, вы меня обижаете. Я не мильости пришла просить у васъ. Я сама имѣю большія средства; я прошу васъ только одолжить меня на короткое время. Черезъ мѣсяцъ или два я вамъ возвращу съ благодарностью. Это пустяки, это такое одолженіе, въ которомъ никогда не отказываются знакомымъ людямъ. И если вы, хоть сколько-нибудь, расположены ко мнѣ ...

Флоръ Федулычъ (холодно).

Душевно-бы радъ-сь; денегъ нѣть, нуждаюсь занимаю самъ. Смѣю васъ завѣрить!

Дѣйствіе второе. Явленіе пятое.

Юлія.

Я въасъ не узнаю. Молодая, хорошенькая, юношина просить у въасъ денегъ, а вы отказываете! Да вы съ ума сошли! Дайте мнѣ денегъ, я замѣтила приказываю.

Флоръ Федулычъ.

Ха, ха, ха! Шутите! Не строго приказываете. Ужь коли приказывать, такъ надо построже, а коли просить, такъ надо поучтивѣе.

Юлія.

Флоръ Федулычъ, милый, вѣдь я ни къ кому другому не обратилась, а прямо къ вамъ. Цѣните это!

Флоръ Федулычъ.

Цѣнью-сь, очень цѣнью.

Юлія.

Вѣдь расположеніе женщины только услугами можно пріобрѣсть.

Флоръ Федулычъ

Да-сь, это правда.

Юлія.

Женщины капризны; чтобы исполнить свой капризъ, онѣ готовы на все.

Флоръ Федулычъ.

Да-сь, это точно-сь.

Юлія

(подходить къ Флору Федулычу).

Женщины перемѣнчивы, Флоръ Федулычъ; я давеча отказалась отъ вашихъ услугъ, а теперь, видите, на нихъ напрашиваюсь. Я обдумалась, милый Флоръ Федулычъ, я замѣтила въ васъ такую нѣжность ко мнѣ ... Вѣдь вы меня любите и желаете мнѣ добра?

Флоръ Федулычъ.

Всей душой желаю добра-съ, оттого и денегъ не даю.

Юлія

(садится на ручку кресла, на которомъ сидить Флоръ Федулычъ).

Ну, голубчикъ, Флоръ Федулычъ! (Обнимаетъ его.)
Ну, милый мой!

Флоръ Федулычъ (освободясь).

Извините-съ. Извольте садиться на мѣсто, Юлія Павловна! Мы и въ этакихъ позиціяхъ дамъ видали, только ужь это другой сортъ-съ; а вамъ не хорошо. Извольте садиться на кресло: я желаю быть къ вамъ со всѣмъ уваженіемъ.

Юлія (садясь въ кресло).

Вы даже въ мою искренность не вѣрите.

Флоръ Федулычъ.

Не вѣрю и въ дуракахъ быть не хочу-съ. Вѣдь послѣ вы посмѣетесь надо мной, скажете: на какую пустую штуку поддѣла старика! Да посмѣетесь-то не однѣ.

Юлія.

Богъ съ вами!

Флоръ Федулычъ.

Скажите, зачѣмъ вамъ деньги, скажите всю правду?

Юлія.

Обманывать я вѣсть не хочу, а и правды сказать не могу.

Флоръ Федулычъ.

Въ такомъ случаѣ кончимте этотъ разговоръ. Если кушать вамъ не угодно, такъ кофею не угодно-ли или фруктовъ? Я прикажу сейчасть подать.

Юлія.

Ахъ, ничего мнѣ не надо. Но поймите вы, что я безъ этихъ денегъ не могу возвратиться домой.

Флоръ Федулычъ.

Деньги эти не вамъ и не на дѣло-сь: онъ будуть брошены.

Юлія.

Чтѣмъ до того, кому онъ нужны? Прошу я, ужъ мое дѣло, куда я ихъ дѣну.

Флоръ Федулычъ.

Нѣть, не такъ разсуждать изволите. Прежде чѣмъ просить, вы мнѣ дайте отчетъ-сь,—куда вы дѣли тѣ деньги, которыя вамъ мужъ оставилъ?

Юлія.

Какъ! Вы требуете отъ меня отчета?

Флоръ Федулычъ.

Да-сь. Да не нужно, я и безъ вѣсъ знаю, куда деньги дѣлись, это исторія простая. Любовникъ долго нѣдетъ, день, другой не кажется, ну, сейчасъ посла за нимъ: „возьми, чтѣмъ хочешь, только приходи! Мало тысячи, возьми двѣ!“ Отчего-же ему и не взять-сь? Потомъ двухъ мало, бери пять, либо десять. Вотъ куда идутъ наши деньги-сь!

Юлія (закрываясь руками).

Ахъ, Флоръ Федулычъ!

Флоръ Федулычъ.

А развѣ за тѣмъ мужья женамъ капиталы-то оставляютъ? Нѣть-сь, они знаютъ, что женщины добыть негдѣ, а жить ей барыней, сложа руки, нужно. Мужъ копить, да бережетъ для жены; его-то скучны да скаредомъ прозовутъ, а любовника послѣ добрымъ бариномъ величать будутъ. На наши деньги они себѣ добрую славу и заслуживаютъ. Положимъ, слава не важная, — больше промежду извощиками, да трактирными служителями, такъ имъ и то дорого, и то въ честь. Мужъ-то почему бережетъ деньги? Потому что онъ исторію каждого рубля

знаеть, какъ онъ ему достался; а любовнику-то чтѣ-жь не бросать деньги? Онъ, не считая, полной горстю ихъ въ карманъ кладеть, не считая и бросаетъ. Такъ чтѣ-жь за напасть? Ужь лучше прокутить самому, пусть меня добрымъ бариномъ зовутъ, а не любовника моей жены.

Юлія.

Можетъ-быть, все это правда, но ...

Флоръ Федулычъ.

Но оставимъ этотъ разговоръ; онъ ни къ чему не поведеть. Вамъ сегодня куда за городъ не угодно-ли-сь?

Юлія.

Могу-ли я?

Флоръ Федулычъ.

Нѣтъ, отчего же-сь? Погода благопріятная ...
Кадуджу послушать.

Юлія.

До того-ли мнѣ, Флоръ Федулычъ?

Флоръ Федулычъ.

Любопытно-сь. Она креолка-сь; эти женщины совсѣмъ особенные-сь. Тоже была вотъ какъ-то не надолго здѣсь одна итальянка въ этомъ родѣ, не мало удивленія производила-сь фигурой своей. И больше всѣхъ брилліантовъ имѣла отъ разныхъ высокихъ особы за границей.

Юлія.

Не мучьте вы меня. Спасите, Флоръ Федулычъ
умоляю васъ!

Флоръ Федулычъ.

Не могу-сь; у меня деньги дѣльные и на дѣло должны идти. Тутъ, можетъ-быть, каждая копейка оплакана прежде, чѣмъ она попала въ мой сун-

дукъ, такъ я ихъ цѣню-сь. А вашъ любовникъ бросить ихъ въ трактиръ со свистомъ, съ хохотомъ, съ хвастовствомъ. У меня всѣ деньги разсчитаны, всякому рублю свое мѣсто; излишекъ я бѣднымъ отдаю; а на мотовство, да на пьянство разнымъ аферистамъ у меня такой статьи расхода въ моихъ кни-гахъ нѣть-сь.

Юлія.

Отъ этихъ денегъ зависить все мое счастье.

Флоръ Федулычъ.

Не вѣрю-сь.

Юлія.

Это ужь послѣдняя жертва, послѣдняя, которую я для него дѣлаю.

Флоръ Федулычъ.

Не вѣрю-сь. Эти деньги завтра-же, или даже нынче будутъ проиграны и другія понадобятся.

Юлія.

Черезъ недѣлю наша свадьба, а если я этихъ денегъ не достану ...

Флоръ Федулычъ.

Никакой свадьбы ... Ничему я не вѣрю-сь ...

Юлія (сложивъ руки).

Флоръ Федулычъ, Флоръ Федулычъ, умоляю васъ!

Флоръ Федулычъ.

Не могу-сь.

Юлія (падая на колѣни).

Флоръ Федулычъ, отъ васъ зависитъ счастіе всей моей жизни. Не погубите меня!..

Флоръ Федулычъ (хочетъ поднять ее).

Чтѣ вы, чтѣ вы, помилуйте!

Юлія.

Нѣтъ, я не встану. Если вы дадите денегъ, я буду благословлять васъ, какъ благодѣтеля, какъ отца. Если вы откажете, вы будете причиной моей погибели, я прокляну васъ ... вы будете моимъ злодѣемъ!..

Флоръ Федулычъ.

Нѣтъ, нѣтъ-сь!.. Замолчите, прошу васъ!.. Я не допущу, чтобъ вы считали меня злодѣемъ-сь.
(Поднимаетъ Юлю.) Много-ли вамъ нужно-съ?

Юлія.

Шесть тысячъ ...

Флоръ Федулычъ.

Шесть тысячъ-сь? И изъ такой малости вы себя унижаете?.. Вы, богатая, добрая, милая дама, Боже мой!

Юлія.

Для мужа можно на все рѣшиться.

Флоръ Федулычъ.

Все-таки дамѣ-то, которая въ уваженіи... Нѣтъ, это грустно-съ!

Юлія.

Моего стыда никто, кромѣ васъ, не знаетъ и. надѣюсь, не узнаетъ; вы меня пощадите.

Флоръ Федулычъ.

Это будьте безъ сомнѣнія, только все-таки-сь... Теперь у меня къ вамъ просьба; я вамъ повѣрю эти деньги на слово; но вы возьмите документъ непремѣнно-съ, такъ не отдавайте!.. Это мое условіе!

Юлія.

Хорошо, я возьму!.. (Флоръ Федулычъ уходитъ въ кабинетъ.)

Явленіе шестое.

Юлія (одна).

Думала я, что это будетъ скверно, а такого стыда не ожидала. Въ другой разъ просить денегъ не пойдешь, хоть кому отобьетъ охоту. Гадко, стыдно ... Какъ неловко, когда чувствуешь, что на лицѣ пятна отъ стыда выступаютъ ... (Прикладываетъ руки къ лицу.) Стараешься сдержаться, а они еще больше разгораются ... Ужъ вынесъ бы онъ деньги поскорѣй, взять ихъ да домой.

(Входитъ Флоръ Федулычъ.)

Явленіе седьмое.

Юлія Павловна, Флоръ Федулычъ.

Юлія

(береть дрожащими руками деньги и торопливо прячетъ).

Ахъ, благодарю васъ, благодарю!... (Крѣпко обнимаетъ и целуетъ Флора Федулыча.)

Флоръ Федулычъ.

Этотъ поцалуй, Юлія Павловна, дорогое стоитъ. Да-сь, это отъ души ... дорогое стоитъ.

Юлія.

Вы мнѣ возвратили жизнь, вы мнѣ подарили счастье!...

Флоръ Федулычъ.

Дорогого стоитъ вашъ поцалуй-сь.

Юлія.

При первой возможности, я вамъ съ благодарностью, съ величайшей благодарностью... и еще такой-же поцалуй ... Прощайте, мой милый, добрый Флоръ Федулычъ!

Флоръ Федулычъ.

Я до сихъ поръ опомниться не могу. Я къ вамъ завтра-съ.

Юлія (отворя дверь въ залу).

Милости просимъ... Ахъ, не провожайте меня... Вонъ идутъ ваши гости! Прощайте. (Идетъ въ залу и уходитъ.)

Флоръ Федулычъ (слѣдуя за ней).

Дорогого стойти-съ.

(Входятъ Глафира Фирсовна, Лавръ Миронычъ и Ирина).

Явленіе восьмое.

Флоръ Федулычъ, Лавръ Миронычъ, Глафира Фирсовна, Ирина,
потомъ **Василій.**

Глафира Фирсовна.

Ужъ улетѣла пава-то?

Флоръ Федулычъ.

Уѣхали-съ... Побесѣдовали и уѣхали; просить обѣдать,—отказались, онѣ ужъ кушали. Ирина Лавровна, вы имѣете желаніе понравиться господину Дульчину?

Ирина.

Какъ не желать, когда я имъ брежу и во снѣ, и на яву. Это мой идолъ, я ему поклоняюсь.

Флоръ Федулычъ.

Я одобряю вашъ выборъ-съ.

Ирина.

Но, дѣдушка, одного желанія мало...

Флоръ Федулычъ.

Справедливо-съ... Для такихъ кавалеровъ—первое дѣло: нужно одѣваться по самой послѣдней

модѣ, чтобы противъ журнала никакой отлички не было ...

Ирина.

Я стараюсь, но ...

Флоръ Федулычъ.

Но не имѣете средствъ?.. Мы это препятствіе устранимъ; моя обязанность, какъ близкаго родственника, помочь вамъ. (Достаетъ деньги.) Позвольте предложить вамъ на этотъ предметъ пятьсотъ рублей. Понадобится еще, скажите только -- отказу не будетъ.

Ирина.

Дѣдушка, вы такъ добры, что даже сверхъ ожиданій!.. (Бросается Флору Федулычу на шею.)

Глафира Фирсовна

(толкаетъ локтемъ Лавра Мироныча).

Понялъ?

Лавръ Миронычъ.

Да-съ, теперь я свою роль понимаю и разыграть ее сумѣю ...

Василій (входитъ).

Кушать готово-съ.

Флоръ Федулычъ

(освободясь отъ Ирины. Про себя).

Не то, разница большая... тотъ... тотъ дорогого стоять.

Ирина.

Чтѣ вы, дѣдушка, изволите говорить?

Флоръ Федулычъ.

Ничего-съ. Это у меня свои мысли. Кушать пожалуйте-съ! (Глафира Фирсовна, Лавръ Миронычъ и Ирина идутъ къ дверямъ.) Разница большая ... тотъ поцалуй дорогого стоять!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Августовская ясная ночь. Площадка клубного сада; по обѣ стороны деревья, подлѣ нихъ рядъ столбовъ, на верху которыхъ группы изъ освѣщенныхъ фонарей; между столбами протянута проволока съ висящими шарообразными бѣлыми фонарями; подлѣ столбовъ, по обѣ стороны, садовыя скамейки и стулья; въ глубинѣ эстрада для музыки; въ лѣвомъ углу сцены видны изъ-за деревьевъ нѣсколько ступеней съ перилами, что должно означать входъ въ зданіе клуба. Полное освѣщеніе.

Явленіе первое.

При поднятіи занавѣса, издали слышень тушь кадрили; разнообразная толпа поднимается по лѣстницѣ въ зданіе клуба. На авансценѣ съ правой стороны сидить, развались на скамье, Наблюдатель, противъ него на лѣвой сторонѣ сидитъ Москвичъ. Иносторонний стоитъ посреди сцены въ недоумѣніи. Нѣсколько публики, въ небольшихъ группахъ остается на сценѣ, между ними бѣгаетъ Разносчикъ вѣстей.

Разносчикъ вѣстей
(подходя къ первой группѣ).

Слышали новость?

Одинъ изъ группы.

Какую?

Разносчикъ вѣстей.

Богатая невѣста проявилась.

Одинъ изъ группы.

Слышали, слышали. (Все группа уходитъ въ зданіе клуба.)

Разносчикъ вѣстей

(подходя ко второй группѣ).

Богатая невѣста проявилась, господа ...

Голосъ изъ второй группы.

И слышали, и видѣли счастіе. (Вторая группа уходитъ въ клубъ.)

Разносчикъ вѣстей

(подходя къ третьей группѣ).

Слышали?

Голосъ изъ третьей группы.

Слышали, слышали.

Разносчикъ вѣстей.

Да вѣдь 500 тысячъ, господа.

Голосъ изъ третьей группы.

Знаемъ, знаемъ. (Третья группа уходитъ въ клубъ.)

Разносчикъ вѣстей

(подходя къ Наблюдателю).

Слышали, Флоръ Федулычъ даетъ за внучкой 500 тысячъ?

Наблюдатель.

То есть обѣщаетъ, да и то едва-ли правда.

Разносчикъ вѣстей.

Нѣтъ, даетъ.

Наблюдатель.

Не вѣрю.

Разносчикъ вѣстей.

Почему-же?

Наблюдатель.

Время не такое.

Разносчикъ вѣстей.

Какое-же время?

Наблюдатель.

А такое, въ которое обѣщать 500 тысячъ еще можно, а ужь давать нельзя.

Разносчикъ вѣстей.

Вы ничему не вѣрите и всегда спорите. А я вѣрно знаю.

Иногородный.

(осматривается, потомъ подходитъ къ Москвичу)
Музыка въ саду отошла-съ?

Москвичъ.

Отошла-съ.

Иногородный.

Чтѣ-же теперь . . . куда мнѣ-съ?

Москвичъ.

Да куда хотите: танцевать, въ карты играть, ужинать.

Иногородный.

Нѣть, извините, это я такъ только хотѣлъ спроситься; здѣшнихъ обыкновеніевъ не знаемъ, потому— мы прѣзжіе. А я такъ полагаю: теперь, по-нашему, самое настоящее время выпить.

Москвичъ.

Это какъ вамъ угодно; коли жажду чувствуете, такъ выпейте.

Иногородный.

Все это справедливо; но позвольте-съ! Жажда жаждой, а еще вотъ какой резонъ: мы зачѣмъ въ Москву єздимъ-съ? Затѣмъ собственно, чтобы деньги прожить-съ. Такъ я боюсь, что мало доходу клубу доставлю. Вотъ почему пьешь, собственно изъ боязни. Только безъ компаний не повадно-съ.

Москвичъ.

Такъ поищите компаний.

Иногородный.

А ежели вы-сь?

Москвичъ.

Не знаю, какъ вамъ сказать.

Иногородный.

Подумайте, дѣло серьезное-съ.

Москвичъ (вставая).

Пожалуй! Меня уговорить не трудно.

Иногородный.

Въ буфетъ направимся, прямо къ источнику-съ?

Москвичъ.

Да, на половинныхъ издержкахъ.

Иногородный.

Чтѣ за складчина-съ! Раскучусь не раскучусь, а и платить вамъ не позволю, за стыдъ себѣ поставлю. (Обращаясь къ Наблюдателю.) Не угодно-ли за компанію?

Наблюдатель.

Я не пью.

Иногородный.

Можетъ, въ карты любите?

Наблюдатель.

И въ карты не люблю.

Иногородный.

Такъ вѣдь это одурь возьметъ такъ-то сидѣть?

Наблюдатель.

На людей смотрю.

Иногородный.

На нась, провинціаловъ, а послѣ нась въ газетѣ опубликуете?

Наблюдатель.

Богъ миловалъ, я этимъ не занимаюсь.

Иногородный.

Все-таки съ вами опасно. (Москвичу.) Побѣжимте поскорѣе отъ грѣха въ буфетъ-съ. (Москвичъ съ Иногороднымъ уходятъ въ клубъ. Съ лѣстницы сходитъ Дульчинъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, останавливается въ раздумья; изъ-за деревьевъ выходитъ Дергачевъ.)

Явленіе второе.

Наблюдатель, Дульчинъ Дергачевъ.

Дергачевъ (издали).

А, вотъ ты, наконецъ.

Дульчинъ

(скавъ кулаки съ дрожью въ голосѣ).

Этакое идіотское счастье!

Дергачевъ.

Я давно тебя дожидаюсь. (Тихо.) Нѣтъ-ли у тебя рубля серебромъ?

Дульчинъ (не слушая).

Это ужасно!..

Дергачевъ.

Да чтѣ такое?

Дульчинъ.

Сейчасъ въ пикетъ игралъ съ однимъ уродомъ. Вотъ тутъ и разсчитывай на умѣнье! Нѣтъ, ужь какъ не везеть ...

Дергачевъ.

Чтѣ такое еще съ тобой случилось?..

Дульчинъ.

А то-же, что получилъ я нынче шесть тысячъ рублей ...

Дергачевъ.

Шесть тысячъ?..

Дульчинъ.

Чтѣ тутъ удивительнаго? Что ты ротъ-то рази-
нулъ? Велики для меня деньги шесть тысячъ!

Дергачевъ.

Нѣть, я такъ... Конечно, чтѣ за деньги!.. (Тихо.)
Нѣть-ли у тебя рубля серебромъ?

Дульчинъ (не слушая).

И повезъ я ихъ къ Салаю Салтанычу, долженъ я
ему и, какъ на грѣхъ, не засталъ его дома. Воро-
тился домой, а тутъ у меня пріятели сидѣть, банкъ
мечутъ, золото по столу разсыпано ... „Пристань,
да пристань!“ И не хотѣль, клянусь тебѣ, не хотѣль.
Дернуло какъ-то поставить карточку, одну,
другую ... и просадилъ около трехъ тысячъ ...
А надо долгъ платить. завтра срокъ; хоть въ петлю
полѣзай! Достань мнѣ ченегъ!

Дергачевъ.

Гдѣ-же я тебѣ достану? Я-бы радъ радостью, да
негдѣ. Вонъ Салай Салтанычъ идетъ. Послушай, дай
мнѣ, пожалуйста, рубль серебромъ.

Дульчинъ (достаетъ портмоне).

Хорошо, дамъ.

Дергачевъ.

Я тебя здѣсь подожду. Коли чтѣ нужно, ты
такъ и знай: я буду здѣсь. Только не играй въ
карты, сдѣлай милость! Когда ты играешь, у меня
всегда волненіе.

Дульчинъ.

Нѣ! Убирайся ты съ своимъ волненіемъ! Надоѣль!
(Дергачевъ уходитъ въ глубь. Изъ-за деревьевъ выходитъ Салай Сал-
танычъ.)

Явленіе третье.

Наблюдатель, Дульчинъ, Салай Салтанычъ.

Дульчинъ.

Гдѣ тебя чортъ носить?

Салай (съ неудовольствіемъ).

Чтѣ я тебѣ? Здѣсь я!

Дульчинъ.

Вижу, что здѣсь. Давеча гдѣ былъ? Я заѣзжалъ къ тебѣ.

Салай.

Чтѣ тебѣ? Зачѣмъ я тебѣ?

Дульчинъ.

Я тебѣ деньги привозилъ, заплатить хотѣль.

Салай.

Зачѣмъ торопиться?... Не надо торопиться!
Завтра получу.

Дульчинъ.

Да, получишь, какъ-же! Держи карманъ-то!..
Было-бы чтѣ получить-то ...

Салай.

А мнѣ чтѣ? У меня документъ ... Не заплатишь,
заставлять заплатить.

Дульчинъ.

Послушай, Салай Салтанычъ, да неужели подо-
ждать не можешь?

Салай.

Чего ждать? Себѣ деньги нужно. Вамъ давай,
вамъ жди, а самъ занимай! Теперь всѣмъ нужно; хо-
рошіе люди, вѣрные просить.

Дульчинъ.

Подожди хоть мѣсяцъ!

Салай.

Зачѣмъ пустяки говорить?... Теперь нѣть, а черезъ мѣсяцъ гдѣ возьмешь?

Дульчинъ.

Юлія Павловна заплатитъ.

Салай.

Шути, шути! Былъ ей кредитъ: послѣдній домъ заложила, какой кредитъ?

Дульчинъ.

Да у нея еще многого осталось.

Салай.

Осталось ... Заплати сейчасъ; а ждать мѣсяцъ, ничего не будеть, все промотаешь.

Дульчинъ.

Ну, дѣлай, какъ знаешь ... Провались ты! Ты меня ограбилъ, а не хочешь никакого одолженія сдѣлать.

Салай.

Люди берутъ деньги, спасибо скажутъ; а тебѣ давай, — ты бранишь. А чѣмъ ты былъ? Я тебѣ жизнь давалъ, человѣкомъ сдѣлалъ. Кабы уменъ былъ, бариномъ жилъ, — и тебѣ хорошо, и мнѣ хорошо. Кто виноватъ? Сама себя бьетъ, кто не чисто жнетъ.

Дульчинъ.

А вотъ я застрѣлюсь завтра, вотъ ты и знай.

Салай.

А мнѣ чѣмъ? — Стрѣляй! Была, не была, — все одно. Мнѣ чѣмъ жалѣть? Ты не будешь, другой будешь, все равно!

Дульчинъ.

Вотъ я лучше тебя: ты меня не жалѣешь, а я тебя жалѣю и люблю, и докажу это.

Салай.

Чтò говоришь, чёмъ докажешь?

Дульчинъ.

А вотъ, Богъ дасть, ты будешь въ острогъ сидѣть, я тебя навѣщу и калачикъ подамъ.

Салай.

Спасибо, спасибо! Я тебя прежде навѣщу, пять копеекъ калаchъ принесу.

Дульчинъ.

А ты слышалъ, говорятъ, Прибытковъ за внучкой 500 тысячъ даетъ?

Салай.

Слышалъ, говорить ... Кто говоритъ? Какой народъ? Кому вѣрить?... Дѣдушка здѣсь, я спрошу. Онъ скажетъ—вѣритъ можно, купецъ обстоятельный. Я пойду его искать, ужинать съ нимъ надо. (Дульчинъ отходитъ въ глубину, къ лѣстницѣ.)

Наблюдатель.

Салай Салтанычъ!

Салай.

А, здравствуй! Чтò тебъ?

Наблюдатель.

Ты не беспокойся, ты съ Дульчина деньги получишь.

Салай.

Почемъ знаешь?

Наблюдатель.

Получишь. Только не оттуда, откуда думаешь.

Салай.

Тебъ повѣрю, ты все знаешь.

Наблюдатель.

Навѣрно получишь, будь покоенъ.

Салай.

Хорошо, будемъ ждать. (Уходитъ. Изъ глубины выходитъ: Глафира Фирсовна и Пивокурова).

Явленіе четвертое.

Наблюдатель, Дульчинъ, Глафира Фирсовна и Пивокурова.

Глафира Фирсовна (Дульчину).

А, соколь ясный! Сто лѣтъ не видались.

Дульчинъ.

Меньше, Глафира Фирсовна.

Пивокурова.

Ахъ, какой мужчина! (Закрывается вѣромъ и смеется.)

Дульчинъ.

Чтò это за дама съ вами?

Глафира Фирсовна.

А это Пивокурова, богатая вдова, добрѣйшей души женщина.

Дульчинъ.

Чему-же она смеется?

Глафира Фирсовна.

Какъ тебѣ сказать, чтобы не солгать? Она, видиши ли, къ вечеру въ куражѣ бываетъ; вотъ ей и весело. А осуждать ее за это нельзя! Самъ посуди: вдова, скучаетъ; да и кто-же безъ грѣха? ... Жениха теперь ищетъ, больно соскучилась ... Вотъ невѣста золотая.

Пивокурова.

Ахъ, какой мужчина! (Закрывается вѣромъ.)

Дульчинъ.

Золотая-то здѣсь другая, а не эта.

Глафира Фирсовна.

Какая-же?

Дульчинъ.

Прибыткова.

Глафира Фирсовна.

Та-та-та! Высоко, братъ, высоко, не достанешь. Ты руби дерево-то, чтобъ подъ силу было. Та княжеская невѣста.

Дульчинъ.

Да я обѣ ней и не думаю.

Глафира Фирсовна.

Какъ, чай, не думать! Вѣдь за ней Флоръ Федулычъ милліонъ даетъ.

Дульчинъ.

Много меныше, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Кому ты говоришь? Она мнѣ племянница, такъ мнѣ вѣрнѣе знать. Не хочешь-ли съ нами?

Дульчинъ.

Да вы куда?

Глафира Фирсовна.

Ужинать хотимъ, давно позываетъ, такъ всѣ въ одно мѣсто слетаемся, подъ березками. Насъ кампания будетъ большая.

Дульчинъ.

Пожалуй, я провожу васъ.

Глафира Фирсовна (Пивокуровой).

Пава, пойдемъ.

Пивокурова (взглянувъ на Дульчина).

Ахъ, красота! (Закрываются вѣромъ. Дульчинъ, Глафира Фирсовна, Пивокурова уходятъ подъ деревья нальво. Изъ клуба выходитъ публика и остается въ глубинѣ площадки. На сцену выходятъ: Разносчикъ вѣстей, Иногородный и Москвичъ).

Явленіе пятое.

Наблюдатель, Разносчикъ вѣстей, Иногородный, публика, прислуга, Москвичъ.

Разносчикъ вѣстей (Наблюдателю).

Еще невѣста, слышали?

Наблюдатель.

Мало-ль ихъ здѣсь!

Разносчикъ вѣстей.

Я знаю, что много, да о тѣхъ не стоять говорить; а эта съ большими достоинствами.

Наблюдатель.

Пивокурова, чтѣли?

Разносчикъ вѣстей.

Да, вдова Пивокурова, съ большимъ капиталомъ.

Наблюдатель.

Повадилась по клубамъ, да по гуляньямъ, такъ отберутъ капиталы-то.

Иногородный.

Какъ отберутъ-сь?

Наблюдатель.

Такъ и отберутъ, какъ отбираютъ: руками. Вы науку „Политическую экономію“ знаете?

Иногородный.

Домашнюю экономію знаемъ и понимаемъ-сь, а о политической у насть въ провинціи не слыхать-сь.

Наблюдатель.

Эта наука требуетъ, чтобы залежи не было, чтобы капиталы не залеживались безъ обращенія. Значитъ, нельзя допустить, чтобы вдова какая-нибудь, получивши послѣ мужа деньги, сѣла на нихъ, какъ на сѣдка на яйцахъ. Надо ихъ на волю пустить, въ обращеніе.

Иногородный.

Наука хорошая-съ.

Наблюдатель.

Хорошая; у насъ въ Москвѣ ее твердо знаютъ.

Москвичъ.

Смирнѣй надо сидѣть съ деньгами-то, такъ цѣлѣй будутъ.

Наблюдатель.

И смиренство не поможетъ.

Разносчикъ вѣстей.

Недавно и смиренницу одну обобрали.

Иногородный.

Это какъ-же?

Наблюдатель.

Подпускомъ, какъ на Волгѣ рыбу ловятъ.

Разносчикъ вѣстей.

Сыскали молодого человѣка, красивенькаго, экипировали его, дали тысячи три-четыре; а онъ за это, въ благодарность, выдалъ векселей на пятьдесятъ тысячъ. Посадили его въ коляску и подпустили въ видѣ жениха, богатаго помѣщика.

Иногородный.

И что-же-съ?

Наблюдатель.

Мѣсяца черезъ два она и заплатила за него всѣ деньги по векселямъ-то.

Иногородный.

Разсчетъ тонкій, безъ ума такого дѣла не сдѣлаешь.

Разносчикъ вѣстей.

Вѣдь это только догадки, а я слышалъ, что у него у самого большое состояніе.

Наблюдатель.

Надо у Салая Салтаныча спросить, какое у него состояніе.

Разносчикъ вѣстей.

Да Салай-то и говорить.

Наблюдатель.

Ну, значитъ, кого-нибудь еще ограбить собираются.

Иногородный.

Я вотъ здѣсь только въ первый разъ, и только какое это заведеніе безподобное-съ.

Москвичъ.

Чего лучше!

Иногородный (съ чувствомъ).

Водка, возьмите!

Москвичъ.

Гдѣ-жъ ей и быть?

Иногородный (съ павосомъ).

Въ мірѣ нѣть-съ!

Москвичъ.

Да, на то Москва.

Иногородный.

Опять моды, Боже мой!

Москвичъ.

Моды парижскія.

Иногородный.

Извольте видѣть, — шутка! Теперь, пожалуйте, скажите, дамы, барышни какія!

Москвичъ.

Ну, это вамъ такъ съ дороги показалось. Развѣ чѣмъ другимъ, а этимъ похвастаться не можемъ.

Иногородный.

Нѣтъ, напрасно. Сейчасъ вотъ эта самая вдова Пивокурова, — страсть! Вся, какъ жаръ, горить; одно слово — пышность! Можетъ, по московскому вкусу оно не придется?

Москвичъ.

Ничего, ничего, у насъ не побрезгуютъ.

Наблюдатель.

А знаете, кто женится на Пивокуровой?

Разносчикъ вѣстей.

Какъ узнаешь? Она и сама-то не знаетъ. Мечтается, какъ угорѣлая.

Наблюдатель.

Дульчинъ.

Разносчикъ вѣстей.

Ничего нѣть похожаго; невозможно, у него совсѣмъ другіе планы.

Наблюдатель.

А вотъ посмотримъ!

Разносчикъ вѣстей.

Ни подъ какимъ видомъ. (За сценой тушь, публика и Разносчикъ вѣстей уходятъ въ клубъ.)

Иногородный (Москвичу).

Не пройтись-ли и намъ?

Москвичъ.

Опять къ источнику?

Иногородный.

Ужь чтò-жь отъ него уклоняться? Тепло, покойно, учтивость необыкновенная. Потому и тянетъ, что я учтивость люблю. Какъ-бы не было учтивости, меня туда калачомъ не заманишь.

Москвичъ.

Пожалуй, пойдемте.

Иногородный (Наблюдателю).

Вамъ не угодно-сь?

Наблюдатель.

Не угодно.

Иногородный.

А мы пойдемъ-сь.

Наблюдатель.

Сдѣлайте одолженіе.

Иногородный.

Нѣтъ, позвольте! Вы не подумайте. Время къ ночи, надо противъ сырости какія-нибудь мѣры принять, аль нѣтъ-сь? Вотъ какое дѣло, а не то чтò-сь!... (Иногородный и Москвичъ уходятъ въ клубъ. Съ лѣвой стороны выходятъ Лавръ Миронычъ, Дульчинъ, Глафира Фирсовна, Ирина).

Явленіе шестое.

Наблюдатель, Лавръ Миронычъ, Глафира Фирсовна, Дульчинъ, Ирина и прислуга: Сакердонъ и Сергѣй, потомъ Салай Салтанычъ.

Лавръ Миронычъ (манитъ лакея).

Эй, ты, фрачекъ! Фалдошки! Какую прислугу держать: факельщики какіе-то, вмѣсто офиціантовъ.

Островскій. IX.

Эй, любезный, оглянись! (Дульчинъ подъ руку съ Ириной гуляютъ въ глубинѣ сцены, Глафира Фирсовна поодаль.) Шевелись, братецъ!

Сакердонъ (подходя).

Чтѣ угодно-сь?

Лавръ Миронычъ.

Звѣзды считаешь, любезный? Не трудись, со-считаны. Какъ зовутъ тебя?

Сакердонъ.

Сакердонъ-сь.

Лавръ Миронычъ.

Какъ, какъ?

Сакердонъ.

Сакердонъ-сь.

Лавръ Миронычъ.

Ну, ступай съ Богомъ!

Сакердонъ.

Помилуйте, за чтѣ-же? Я могу-сь ...

Лавръ Миронычъ.

Коли я теперь, трезвый, твоё имя не скоро вы-говорю, какъ-же я съ тобой послѣ ужина буду раз-говаривать?.. Мы съ дамами ужинаемъ, любезный. Чтѣ мнѣ за неволя языкъ-то коверкать, да конфузиться? Я пріѣхалъ сюда, чтобъ въ удовольствіи времія прожить. Ступай, ступай! (Машетъ другому служителю.) Эй, милый!...

Сергѣй (подходить).

Чтѣ прикажете?

Лавръ Миронычъ.

Какъ дразнятъ-то тебя?

Сергѣй.

Сергѣемъ-сь.

Лавръ Миронычъ.

Ну, такъ вотъ чтò, Сережа, служи!

Сергѣй.

Будемъ стараться-сь.

Лавръ Миронычъ.

Ты прежде пойми насть!

Сергѣй.

Кажется, могу-сь ... Не въ первый разъ, слу-
жили господамъ-сь.

Лавръ Миронычъ.

Вонъ тамъ подъ березками закуску сформируй!

Сергѣй.

Слушаю-сь. (Вынимаетъ книжку и карандашъ.)

Лавръ Миронычъ.

Пиши! Водка всѣхъ сортовъ, высшихъ только,
зернистая икра.

Сергѣй.

На сколько персонъ прикажете?

Лавръ Миронычъ.

Не перебивай! Твое дѣло слушать. А еще по-
хвалился, что господамъ служилъ.

Сергѣй.

Виноватъ-сь.

Лавръ Миронычъ.

Честеръ. Селедокъ не надо, сардинокъ тоже.
Анчоусы есть?

Сергѣй.

Спрошу-сь.

Лавръ Миронычъ.

Оливки фаршированныя, омаръ въ соку ... Ну.

ты понялъ теперь, что намъ нужно? Такъ ужь самъ подумай, не все тебѣ сказывать.

Сергѣй.

Слушаю-съ.

Лавръ Миронычъ.

Да, вотъ еще: головку подай поросячью! Мы мозжечекъ вынемъ, язычка покрошимъ помельче, тронемъ перцемъ, да маленькия тартинки и намажемъ.

Сергѣй.

Закуска высокая-съ.

Лавръ Миронычъ.

Въ разсужденія не вступай! Господамъ служилы!... Либо господа у тебя плохи были, либо господа-то хорошіе, да ты-то плохъ былъ.

Сергѣй.

Виноватъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Да закажи ужинъ заранѣе, чтобы не дожидаться, чтобы шло, какъ по маслу, безъ антрактовъ. Дай карту! (Сергѣй подаетъ. Лавръ Миронычъ рассматриваетъ карту.)

Ирина.

Папа занимается ужиномъ, какъ серьезнымъ дѣломъ. Какъ это смѣшно!

Дульчинъ.

А для васъ ужинъ не серьезное дѣло?

Ирина.

Нѣтъ, я живу только поэзіей, самой высокой поэзіей. Что такое ужинъ? Проза. Вотъ луна, звѣзды!

Дульчинъ.

Да что въ нихъ хорошаго? Газъ лучше, свѣтлѣе.

Ирина.

Ахъ, нѣтъ! Особенno, когда подлѣ тебя человѣкъ, который ...

Дульчинъ.

Который что?

Ирина.

Не хочу отвѣтить. Чѣмъ вы меня экзаменуете?...
(Отходя въ глубь.)

Лавръ Миронычъ (Сергѣю).

Пиши! Бефъ а ля модъ съ трюфелями, стерляди паровыя, вальдшнепы жареные въ кастрюляхъ ... да чтобъ ворчали, когда подаешь ...

Сергѣй.

Понимаю-сь.

Лавръ Миронычъ.

Все это персонъ на двѣнадцать. Скажи поварамъ, что кушать будетъ Флоръ Федулычъ, а платить Лавръ Миронычъ; насы знаютъ. Да чтобъ послѣ ужина приходили получать пять рублей на водку.

Сергѣй.

Слушаю-сь.

Лавръ Миронычъ.

Вмѣсто пирожнаго виноградъ и фрукты въ захъ; персики чтобъ спѣлые были. Зеленый персикъ та же рѣпа. Да поставь два ананаса ... съ зеленью, для декораций!

Сергѣй.

Слушаю-сь.

Лавръ Миронычъ.

Теперь вина: къ говядинѣ лафитъ, самый высшій, дамамъ особенно подать послаще чего-нибудь ... Икемъ, тоже высшій. Да смотри, какъ у дамъ вино доходить, сейчасъ чтобъ другая, да перемѣняй такъ, чтобъ глазомъ нельзя замѣтить.

Глафира Фирсовна.

Какъ обѣ нась-то, голубчикъ, старается.

Лавръ Миронычъ.

Ты Германа фокусника видѣлъ? Бутылка одна, но чтобы безконечная, чтобы двухъ бутылокъ передъ дамами не стояло. Боже тебя сохрани!

Сергѣй.

Понимаемъ, помилуйте-съ.

Лавръ Миронычъ.

Послѣ лафиту прямо шампанское. (Дульчину.) Вѣдь такъ, я думаю? (Дульчинъ киваетъ головой.) И чтобы это безпрерывно. (Салай Салтанычъ выходитъ изъ-за деревьевъ и станавливается сзади Лавра Мироныча, который его не замѣчаетъ.) Какъ по стакану разольешь, пустыя бутылки прочь и чтобы пара свѣжихъ стояла, такъ постепенно и подставляй! Какъ ты ставишь, какъ откупориваешь, этого чтобы я не видаль, а чтобы двѣ свѣжихъ на столѣ постоянно были, а пустой посуды ни подъ какимъ видомъ, чтобы она исчезала. Слышишь? — Двѣ, ни больше, ни меныше! Мы пріѣхали поужинать и выпить, а не хвастаться! Къ намъ будутъ подходить разные господа, такъ чтобы видѣли, что ужинъ богатый, а скромный: фруктовъ много, а вина мало.

Сергѣй.

Слушаю-съ.

Салай (Лавру Миронычу).

Кутишь?

Лавръ Миронычъ (пожимая плечами).

Вотъ народъ! Нельзя поужинать порядочно: сей-часъ кутишь. Когда я дождусь, что вы образованнѣе будете?

Салай

Чего тебѣ ждать? Кути, кути!

Лавръ Миронычъ.

Не могу-же я копеечничать по-твоему, у меня другія привычки. (Тихо.) Дочь невѣста, пойми! И не радъ, да тратишься. Намъ надо жениха не какого-нибудь, дѣдушка принимаетъ большое участіе.

Салай.

Женихъ есть?

Лавръ Миронычъ.

Нѣть еще. Куда торопиться? Не намъ съ Флоромъ Федулычемъ за женихами бѣгать; пусть за нами побѣгаютъ.

Салай (Сергѣю).

Кажи, что написаль? (Сергѣй подаетъ книжку.)

Лавръ Миронычъ.

Да, посмотримъ еще! Ты всю жизнь на счетъ должниковъ и обѣдаешь, и ужинаешь, такъ навострился, вкусъ знаешь. (Разматриваются книжки. Дульчинъ и Ирина выходятъ на авансцену, Глафира Фирсовна за ними.)

Ирина.

Пойдемте танцевать!

Дульчинъ.

Нѣть, ужь увольте. Это занятіе для меня никакого интереса не представляется. Мало-ли кавалеровъ?

Ирина.

Я знаю, что много, да какіе! Ахъ если-бы женщины ангажировали!

Дульчинъ.

Чтѣ-жь бы было?

Ирина.

Я-бы вѣсть ангажировала.

Дульчинъ.
Польку танцовать?

Ирина (со вздохомъ).
Нѣтъ.

Дульчинъ.
Чтѣ-же? На звѣзды смотрѣть?

Ирина.
Нѣтъ, на всю жизнь.

Глафира Фирсовна (Дульчину).
А ты слушай, да на усь мотай.

Ирина.
Наша участь очень печальна: не мы ангажируемъ, а нась ангажируютъ. Наше дѣло сидѣть у косящата окна, мечтать, вздыхать и ждать счастья.

Глафира Фирсовна.
А ты слушай, да себѣ на усь мотай! (Проходя въ глубину.)

Салай (отдаетъ книжку Сергѣю).
Хорошо, чего еще! Закуску прибавь балыкъ. Хорошій есть, съ Дону пришелъ.

Лавръ Миронычъ.
Благодарю, забыль, изъ ума вонъ. Ты съ нами ужинаешь, Салай?

Салай.
Куда еще пойду? Конечно.

Лавръ Миронычъ (Дульчину).
Вадимъ Григорычъ, вы сдѣлаете намъ честь откушать съ нами? Позвольте просить.

Дульчинъ (издали).
Благодарю васъ, съ удовольствіемъ.

Лавръ Миронычъ (Сергѣю).

Пойдемъ, я тебѣ покажу мѣсто. (Лавръ Миронычъ и Сергѣй уходятъ. Входятъ Дергачевъ и три пріятеля: молодой, средний и старый).

Явленіе седьмое.

Наблюдатель, Дульчинъ, Ирина, Глафира Фирсовна, Дергачевъ, три пріятеля: молодой, среднихъ лѣтъ и старый и прислуга.

Молодой (Дульчину).

Мы идемъ въ макао играть; недостаетъ четвертаго, не угодно-ли вамъ?

Дульчинъ.

Хорошо, господа, я приду.

Салай (тихо Дульчину).

Не равна игра, не играй.

Молодой.

Такъ мы сядемъ. Подождать, что-ли?

Дульчинъ.

Садитесь! Ужь я сказалъ, что приду.

Салай.

Проиграть можно, выиграть нельзя. Какая игра!

(Пожимаетъ плечами и уходитъ.)

Средній.

Да что-жь, не въ ноги ему кланяться. Пойдемте, четвертаго найдемъ.

Старый (Дульчину).

Мы васъ подождемъ. Мнѣ-то вотъ ужь и не надо-бы играть, не надо-бы. Проиграю навѣрное, ужь я это знаю: быть бычку на веревочкѣ.

Дульчинъ.

Почему-же?

Старый.

Примѣта есть, сонъ нехорошій видѣлъ. Приходите.
(Три пріятеля уходятъ въ клубъ.)

Дульчинъ (Иринѣ).

Извините, я долженъ буду васъ оставить.

Ирина (пожимая плечами).

Играть! Неужели игра можетъ занимать васъ?

Дульчинъ.

Жизнь наша такая скучная, такая пошлая, а карты производятъ нѣкоторое волненіе; я эти ощущенія люблю.

Ирина.

Какія это ощущенія! .. (Потупясь.) Развѣ нѣть ощущеній, которыя гораздо пріятнѣе? (Быстро.) Такъ вотъ проиграете-же за это.

Дульчинъ.

За что-же, за это?

Ирина.

Что меня оставляете. А, во-вторыхъ, кто въ любви счастливъ, тотъ въ картахъ несчастливъ. (Отходитъ.)

Глафира Фирсовна.

А ты слушай, да на усь мотай. (Глафира Фирсовна и Ирина уходятъ нальво.)

Дергачевъ.

Ты опять играть? Охъ, не совѣтую, Вадимъ, не совѣтую!

Дульчинъ.

Поди ты прочь! Я люблю игру вотъ и все. Мнѣ теперь нужно играть и рисковать ... можетъ быть, я и выиграю. Гдѣ-же я возьму денегъ? Ты, чтѣ-ли, мнѣ дашь?

Дергачевъ.

Ну, какъ знаешь, какъ знаешь. Конечно, нужно

рисковагъ: ты правъ. Вадимъ, нѣтъ-ли у тебя двухъ рублей серебромъ?

Дульчинъ.

Ты вотъ только съ совѣтами лѣзешь да денегъ просиши! И нашелъ время просить. Я иду играть, а онъ денегъ проситъ.

Дергачевъ.

Здѣсь нельзя безъ издержекъ, а вѣдь я ъзжу только для тебя.

Дульчинъ.

Да зачѣмъ ты мнѣ?

Дергачевъ.

Ну, все-таки ... Я хоть посижу подлѣ тебя для счастья ... это иногда много значить. (Дульчинъ и Дергачевъ уходятъ въ клубъ. Приливъ публики изъ клуба. Разносчикъ вѣстей, Москвичъ и Иногородный).

Явленіе восьмое.

Наблюдатель, Разносчикъ вѣстей, Иногородный, Москвичъ, публика.

Разносчикъ вѣстей.

Слышали? Здѣсь двѣ компаніи кутить собираются?

Наблюдатель.

На здоровье.

Разносчикъ вѣстей.

Послѣ въ Стрѣльну поѣдутъ, вотъ-бы примазаться.

Наблюдатель.

Надо знать, на какія деньги кутятъ.

Разносчикъ вѣстей.

Да развѣ не все равно?

Наблюдатель.

Нѣтъ, не все равно, деньги разныя бывають. Прежде покутить любо было. Прежде деньги были веселыя, хорошія такія, барскія. Гдѣ, бывало, кутять, гдѣ бросаютъ деньги, туда иди смѣло. Такъ и знаешь, что компанія хорошая, люди честные, довѣрчивые, великодушные, безхитростные, какъ птицы небесныя, которыя ни съютъ, ни жнутъ, ни въ житницы не собираютъ.

Иногородный.

А если ни съютъ, ни жнутъ, откуда-же у нихъ деньги были?

Наблюдатель.

Деньги имъ обязаны были доставлять тѣ, которые и съютъ, и жнутъ, и въ житницы собираются.

Иногородный.

Все это вы вѣрно говорите, вотъ какъ есть.

Наблюдатель.

А теперь, гдѣ кутять, тамъ по болѣшей части дѣло не совсѣмъ чисто; а иногда и прокурорскій надзоръ, того гляди, себѣ занятіе найдеть.

Разносчикъ вѣстей.

Да вѣдь такую компанію сразу замѣтишь.

Наблюдатель.

Не замѣтите, мы плохіе физіономисты. Читаютъ въ газетахъ: какой-то уличенъ въ поддѣлкѣ векселей, какой-то скрылся, а въ кассѣ недочету тысячу двѣсти; какой-то застрѣлился. Знакомые, помилуйте, говорятъ, я вчера съ нимъ ужиналь, а я игралъ въ преферансъ по двѣ копѣйки. А я ъѣздила съ нимъ за городъ и ничего не было замѣтно. Нѣтъ, пока физіономика не сдѣлалась точной наукой, отъ такихъ компаний лучше подальше.

Разносчикъ вѣстей.

Вы скептикъ, вы мизантропъ, съ вами разговаривать нельзя, вамъ лечиться нужно. (За сценой тушь. Публика и Разносчикъ вѣстей уходятъ въ клубъ.)

Иногородный (Наблюдателю).

Наша компания не опасная-сь, не угодно-ли?

Наблюдатель.

Не угодно.

Иногородный.

Опять таки не угодно-сь?

Наблюдатель.

Опять таки.

Москвичъ (Иногородному).

Нѣтъ, ужь теперь, позовльте и мнѣ. Пора и честь знать.

Иногородный.

На все ваша воля! Слова не услышите. Я и угощать люблю, и отъ угощенья никогда не бѣгаю.

Москвичъ.

Опять туда-же? Къ источнику, въ буфетъ?

Иногородный.

Да помилуйте, мѣсто какое! Кажется, кабы не жена, да не торговля, жить-бы туда перѣхалъ.

(Москвичъ и Иногородный уходятъ. Слѣва входятъ Флоръ Федулычъ и Салай Салтанычъ.)

Явленіе девятое.

Наблюдатель, Флоръ Федулычъ, Салай Салтанычъ.

Салай.

Рѣдко ъздишь, Флоръ Федулычъ. Зачѣмъ прѣхалъ?

Флоръ Θедулычъ.

Погулять, Салай Салтанычъ, погулять.

Салай.

Гуляй, гуляй. Съ внучкой вмѣстѣ пріѣхалъ?

Флоръ Θедулылъ.

Нѣтъ, одинъ-съ, она съ отцомъ. Я, Салай Салтанычъ, вольная птица, какъ и вы-съ, то есть какъ ты. Кто-же вамъ „вы“ говорить.

Салай.

Все равно, и мы такъ говоримъ. Хорошая дѣвушка.

Флоръ Θедулычъ.

Не дурна-съ.

Салай.

Надо женихъ искать, надо замужъ отдать, сїмой пора.

Флоръ Θедулычъ.

Отдадимъ, Салай Салтанычъ, не беспокойся.

Салай.

Хорошій женихъ много деньги надо.

Флоръ Θедулычъ.

Наше дѣло; у тебя занимать не станемъ.

Салай.

Зачѣмъ тебѣ занимать? Свои деньги есть.

Флоръ Θедулычъ.

Хочу подумать объ этомъ; дѣло не чужое-съ.

Салай.

Много дашь?

Флоръ Θедулычъ.

Не обижу.

Салай.

И сто тысячъ дашь—не обидишь, и пять тысячъ дашь—не обидишь. Деньги какая обида!

Флоръ Федулычъ.

Глядя по жениху, и деньги будуть.

Салай.

Чтѣ скрываешь? Зачѣмъ скрывать?

Флоръ Федулычъ.

Вѣдь не ты женишься? Да за тебя и не отдадимъ, очень намъ нужно азіатцевъ-то разводить. Ничего не даю, ничего-съ.

Салай.

Шутишь, шутишь. Есть благородные женихи.

Флоръ Федулычъ.

А съ благородными благородный и разговоръ будетъ; а съ тобой, Салай Салтанычъ, мы этотъ разговоръ кончимъ.

Салай.

Водка пиль?

Флоръ Федулычъ.

Нѣть еще, своего часу ожидаюсь.

Салай.

Пойдемъ, балыкъ есть, съ Дону пришелъ. (Флоръ Федулычъ и Салай Салтанычъ уходятъ. Изъ клуба выходятъ Дульчинъ и Дергачевъ.)

Явленіе десятое.

Наблюдатель, Дульчинъ и Дергачевъ.

Дульчинъ.

Вотъ такъ ловко! Въ десять минутъ! .. Не томили долго.

Дергачевъ.

Я тебѣ говорилъ!

Дульчинъ.

Убирайся! Ну, музыка, нечего сказать! И какой разговоръ невинный: у того зубы болять, охаетъ, на свѣтъ не глядить ... тотъ примѣтамъ вѣрить, дурной сонъ видѣлъ; третій на свиданіе торопится, „мнѣ, говорить, некогда; пожалуйста, господа, не задерживайте! ..“ Чиста работа!

Дергачевъ.

Каково было мнѣ смотрѣть, какъ ты деньги отдавалъ!

Дульчинъ.

Ну, конечно дѣло! Обѣ себѣ я не тужу, я пустой человѣкъ, и жалѣть меня нечего. Мнѣ жаль Юлю ... Ты ее успокой.

Дергачевъ.

Зачѣмъ ее успокоивать?

Дульчинъ.

Вотъ что: ты начуешь, конечно, у меня?

Дергачевъ.

Пожалуй.

Дульчинъ.

Напьемся завтра кофейку, потомъ заряжу я револьверъ ...

Дергачевъ.

Полно, чтѣ ты!

Дульчинъ.

Чтѣ-жь, въ яму садиться? А послѣ ямы чтѣ? Вѣдь я жилъ, жилъ барски, ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, каждая прихоть моя исполнялась. Вѣдь мнѣ ходить по Москвѣ пѣшкомъ въ узенькихъ, коротенькихъ брючкахъ, да въ твиновомъ пальто съ

разноцвѣтными рукавами,—это хуже смерти. Я—не ты, пойми! Я рубли-то выпрашивать не умѣю.

Дергачевъ.

За чѣ-жь ты меня обижаешь? Я тебѣ преданный человѣкъ.

Дульчинъ.

Чѣ мнѣ въ твоей преданности? Гроша она не стоять мѣднаго, а мнѣ нужны тысячи: гдѣ я ихъ возьму? Сего дній послѣдній день моей веселой жизни. Прокутимъ остальныя деньги, поѣдемъ отсюда куданибудь, мнѣ здѣсь все надоѣло, все противно. (Входитъ Салай Салтанычъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Наблюдатель, Дульчинъ, Дергачевъ, Салай Салтанычъ.

Салай Салтанычъ (Дульчину).

Проигралъ?

Дульчинъ.

Проигралъ.

Салай.

Пустой ты человѣкъ, пустой ты человѣкъ.

Дульчинъ.

Ну, пожалуйста, ты не очень, я не люблю.

Салай.

Пустой ты человѣкъ, дрянь.

Дульчинъ (грозно).

Салай!

Салай.

Чѣ пугаешь? Нажилъ деньги — человѣкъ, прожилъ деньги—дрянь.

Дульчинъ.

Да какъ я наживу, ефіопъ ты этакой? Деньги наживаются либо честнымъ трудомъ, либо мошенничествомъ; ни того и ни другого я не умею и не могу.

Салай.

Честно—нечестно, кому нужно? Нажилъ деньги, хороший человѣкъ сталъ, всѣ кланяются; дѣтямъ оставилъ, спасибо скажутъ.

Дульчинъ.

Знаю я вашу азіатскую философию-то.

Салай.

Я твой папенька зналъ, хороший былъ человѣкъ, деньги нажилъ, тебѣ оставилъ, а ты чтѣ?

Дульчинъ.

Толкуй! Тогда можно было наживать.

Салай.

Всегда можно, надо умъ.

Дульчинъ.

Умъ-то хорошо, да и совѣсть имѣть не мѣшаетъ.

Салай.

Какая совѣсть? Гдѣ твоя совѣсть? Чужія деньги бросаль—это совѣсть? Тому долженъ—не заплатиль, другому долженъ — не заплатиль, это совѣсть? Укралъ, ограбилъ,—не хорошо; а бросаль деньги—хуже. Укралъ, ограбилъ — молись Богу, бѣднымъ давай, Богъ проститъ. Я зналъ одинъ грекъ, молодой былъ, разбойникъ былъ, по морю ходиль, пушки палилъ, людей билъ, грабиль; состарился, монастырь пошелъ, монахъ сталъ, человѣкъ нравоучительный.

Дульчинъ.

Ну, чтѣ ты съ баснями-то? Очень мнѣ нужно!

Салай.

Кто бросалъ деньги, убить его скорѣй; такой законъ надо. Слушай: были три брата, тамъ на Кавказѣ ...

Дульчинъ.

Мнѣ и безъ тебя скучно, а ты съ глупостями.

Салай.

Родитель деньги оставилъ: одинъ торговалъ, другой торговалъ — наживалъ; третій моталъ. Братья подумалъ, подумалъ, поговорилъ промежду себя, посовѣтовалъ, зарядилъ ружье, убиль его, какъ собака. Больше не стойтъ.

Дульчинъ.

Ну, прощай! Твоихъ разсказовъ не переслушаешь.

Салай.

Куда—прощай? Пойдемъ, ужинать будемъ. Слушай меня! Будешь слушать меня, человѣкъ будешь; не будешь слушать — пропадешь! (Входитъ Глафира Фирсовна.)

Явленіе двѣнадцатое.

Наблюдатель, Дульчинъ, Дергачевъ, Салай Салтанычъ, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Иль нейдетъ, упрямится? Поди, Салай Салтанычъ; я его приведу,—у меня не вырвется.

Салай (Дульчину).

Приходи, будемъ ждать. (Уходитъ налево.)

Глафира Фирсовна.

Экъ тебѣ счастье привалило! Не ожидала,— признаюсь. Съ ума вѣдь ты дѣвку-то свелъ.

Дульчинъ.

Будто?

Глафира Фирсовна.

Ужь върно. Только ты теперь не зѣвай, лови,
а то улетить. Закружи ее хорошенко и шабашь!
Аль не умѣешь?

Дульчинъ.

Положимъ, что умѣю; увлечь дѣвшку не трудно,
особенно такую чувствительную, да чтѣ толку?

Глафира Фирсовна.

Какъ, чтѣ толку? Милліонъ,—шутишь ты этими?

Дульчинъ.

Это не про нась; чтѣ себя обманывать? Тутъ,
кромѣ нея, отецъ да дѣдушка, имъ жениха вѣдь
надо посолиднѣй; нашему брату такихъ денегъ не
дастъ. Развѣ это люди? Это бульдоги.

Глафира Фирсовна.

Ошибаешься: они ее неволитъ не станутъ; кто
милъ, за того и ступай! Съ такими-то деньгами, да
за немилаго идти — была оказія! Не принцесса, не
высокаго рода, только что деньги, такъ съ деньгами
и идти за милаго человѣка, это прямой разсчетъ.
Чѣмъ ты не кавалеръ, чѣмъ ты не пара? Вонъ она
сама идетъ; не утерпѣла. Ты смѣлѣй съ ней, безъ
канители; она не очень, чтобъ изъ стыдливыхъ.

Дульчинъ (съ ироніей).

Благодарю за науку. Я въ свое счастье, Гла-
фира Фирсовна, плохо върю. (Глафира Фирсовна уходитъ.
Дергачеву.) Отойди подальше! Отойди прочь! (Дергачевъ
уходитъ въ глубину. Входитъ Ирина.)

Явленіе тринадцатое.

Наблюдатель, Дульчинъ, Дергачевъ, Ирина.

Ирина.

Чтѣ вы нѣдете ужинать съ нами, Вадимъ Гри-
горьевичъ? Мы сейчасъ садимся.

Дульчинъ.

Не хочется, не расположень.

Ирина (заглядывая Дульчину въ лицо).

Чтò вы такой мрачный?

Дульчинъ.

Жизнь надоѣла, Ирина Лавровна.

Ирина (съ испугомъ).

Да вы серьезно?

Дульчинъ.

Очень серьезно.

Ирина.

Вамъ все надоѣло; вы такъ много испытали всего.

Дульчинъ.

Да, я все испыталъ и все надоѣло; одного только я не испыталъ и, вѣроятно, никогда не испытаю.

Ирина.

Чего-же это?

Дульчинъ.

Не скажу я вамъ, съ чего вы взяли? Не обо всемъ можно говорить съ барышней.

Ирина.

Со мною можно говорить обо всемъ.

Дульчинъ.

Вы не знаете жизни, не видали, не испытали ничего; вы меня не поймете и не должны понимать.

Ирина.

Я не испытала жизни, но я читала много романовъ и я понимаю все, все.

Дульчинъ.

А начни я говорить, вы застыдитесь и убѣжите.

Ирина.

О, нѣтъ, вы меня не знаете.

Дульчинъ.

Ну, извольте, я не испыталъ страстной любви.

Ирина.

Страстной?

Дульчинъ.

Да, любовь нашихъ женщинъ какая-то вялая сонная. Мнѣ надо жгучей страсти, бѣшеной, съ кинжаломъ и ядомъ.

Ирина.

Быть можетъ, вы ея не замѣчали?

Дульчинъ.

Хороша бѣшеная страсть, коли ее даже замѣтить нельзя.

Ирина (тихо).

Вадимъ!

Дульчинъ.

Чтѣ угодно?

Ирина.

Она здѣсь, она давно кипитъ въ груди моей.

Дульчинъ.

Неужели?

Ирина.

Да, бѣшеная, африканская страсть, повѣрь мнѣ.

Дульчинъ.

Вѣрю, и очень можетъ быть, что я близокъ къ счастью, но . . .

Ирина.

Зачѣмъ „но?“

Дульчинъ.

Но ты не должна идти противъ родныхъ; ты не

должна терять ихъ расположенія, терять богатство, которое они тебѣ обѣщаютъ. Не увлекайся своими африканскими страстями, Ирена! Я отъ тебя такой жертвы не приму.

Ирина.

Да никакой жертвы, никакихъ даже препятствій! Зачѣмъ-же мнѣ сдерживать свою страсть, милый Вадимъ? Ты, вѣдь, мой?

Дульчинъ.

Невѣроятно; это ужъ слишкомъ много счастья.

Ирина.

Ахъ, повѣрь, повѣрь! Погоди, я пришлю сейчасъ къ тебѣ папашу, поговори съ нимъ. (Отходитъ.) Милый, милый! (Посыпаетъ поцелуй и уходитъ.)

Дульчинъ (Дергачеву).

Лука (Дергачевъ подходитъ), будемъ жить, братецъ; судьба начинаетъ мнѣ улыбаться. Я сейчасъ дѣлаю предложеніе.

Дергачевъ.

А какъ-же Юлія Павловна?

Дульчинъ.

А чтѣ-жь Юлія Павловна? Чѣмъ я могу для нея сдѣлать? Жениться на ней, о чѣмъ она мечтаетъ и дни и ночи; а чѣмъ жить будемъ? У ней ничего, у меня тоже. Чѣмъ, намъ мелочную лавочку открыть, да баранками торговать? А я женюсь и, по крайней мѣрѣ, расплачусь съ ней, это честнѣе будетъ. Конечно, я ее огорчу очень, очень; ну, поплачетъ, да тѣмъ и дѣло кончится! А пока надо ей солгать что-нибудь.

Дергачевъ.

Ахъ, лгать! А лгать не хорошо, Вадимъ, очень не хорошо.

Дульчинъ.

Ты опять съ нравоученьями! Такъ вотъ я тебя лгать-то и заставлю, и ты будешь лгать. Ты пойдешь завтра къ Юліи Павловнѣ и скажешь, что я въ Петербургъ уѣхалъ.

Дергачевъ.

Чтѣ-жь, я пожалуй, я пойду; только вѣдь меня гоняютъ оттуда.

Дульчинъ.

Претерпи, бѣдный другъ, все претерпи, ради дружбы.

Дергачевъ.

Претерплю. Вадимъ, я у тебя шаферомъ, я платье новое сошью. Нѣтъ-ли у тебя трехъ рублей серебромъ?

Дульчинъ.

Опять денегъ просить? Какая привычка у тебя!

Дергачевъ.

Ты ужинать пойдешь, сядешь за столъ съ компаніей, а мнѣ на васъ глазами хлопать? Вѣдь я тзжу сюда только для тебя, а ты знаешь, какъ здѣсь все дорого.

Дульчинъ (достаетъ деньги).

Ну, на рубль, отвяжись! (Входитъ Лавръ Миронычъ.)
Отойди, исchezни! (Дергачевъ уходитъ.)

Явленіе четырнадцатое.

Наблюдатель, Дульчинъ, Лавръ Миронычъ.

Лавръ Миронычъ.

Вадимъ Григорьевичъ, пожалуйте, милости просимъ.

Дульчинъ.

Лавръ Миронычъ, два слова.

Лавръ Миронычъ.

Къ вашимъ услугамъ. Весь—вниманіе.

Дульчинъ.

Межу благородными людьми разговоръ долженъ быть короткій.

Лавръ Миронычъ.

Совершенно справедливо-съ.

Дульчинъ.

Мнѣ нравится ваша дочь.

Лавръ Миронычъ.

Дѣвушка хорошая, образованная и съ большимъ приданымъ.

Дульчинъ.

Она и такъ хороша, а съ приданымъ, конечно, еще лучше. Но не о приданомъ рѣчь. Теперь вотъ въ чёмъ вопросъ: нравлюсь-ли я вамъ?

Лавръ Миронычъ.

Вы? Какъ-же, помилуйте, мы ваше знакомство за честь себѣ считаемъ.

Дульчинъ.

Да погодите, не распространяйтесь! Я хочу жёниться на вашей дочери; вы отецъ, вѣсть обойти нельзя; такъ согласны вы или нѣтъ, какъ говорится, осчастливить насъ?

Лавръ Миронычъ.

Съ полнымъ удовольствіемъ. За честь почту.

Дульчинъ.

Ну, и прекрасно! Только съ однимъ условіемъ: погодите разглашать, мнѣ надо устроить кой-какія дѣлишки.

Лавръ Миронычъ.

Какъ вамъ угодно. Не извольте себя стѣснять

ни въ чемъ. Пожалуйте кушать; а послѣ-завтра прошу на вечеръ ко мнѣ, познакомитесь съ нами покороче, посмотрите какъ живемъ.

Дульчинъ.

А вы мастеръ ужины заказывать.

Лавръ Миронычъ.

Какой это ужинъ! Здѣсь клубъ, тотъ-же трактиръ, вотъ дома—другое дѣло! Отчего-жь себѣ и не позволить, коли есть средства? Пожалуйте, пожалуйте, ждуть-сы!

(Лавръ Миронычъ и Дульчинъ уходятъ. Приливъ публики. На авансцену выходятъ: Разносчикъ вѣстей, Иогородный, Москвичъ, Иностранецъ).

Явленіе пятнадцатое.

Разносчикъ вѣстей, Наблюдатель, Иогородный, Москвичъ, Публика.

Разносчикъ вѣстей (Наблюдателю).

Вотъ вы и не угадали: Дульчинъ женится на Прибытковой.

Наблюдатель.

Погодите, не торопитесь.

Разносчикъ вѣстей.

Да чего годить? Я сейчасъ былъ у ихъ стола и разговоръ слышалъ между дамами и невѣстой. Вотъ посмотрите: ихъ посадили вмѣстѣ, за ихъ здоровье пьють.

Наблюдатель.

Погодите, цыплять осенью считаются.

Иогородный.

За чье здоровье пьють-сы?

Разносчикъ вѣстей.

За здоровье жениха и невѣсты.

Иногородный.

Какая оказалася! Помилуйте, какъ такой случай пропустить? И мы, за ихъ здоровье, по бокальчику, по другому опрокинемъ. (Москвичу.) Пожалуйте въ буфетъ-сь.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Комната первого дѣйствія.

Явленіе первое.

Юлія Павловна (у двери направо), потомъ Михевна.

Юлія.

Михевна, дай-ко тамъ изъ шифоньерки картонъ! (Михевна за сценой: „синенький“) Да, синенький. (Михевна: „запереть шифоньерку-то?) Не надо, послѣ запрешь, отъ кого намъ запираться-то?

Михевна.

Чтò это какой онъ легкій, ровно пустой?

Юлія.

А вотъ посмотримъ, чтò въ немъ. (Садится у стола, открываетъ картонъ и вынимаетъ подвѣнчальный газовый вуаль съ флеръ д'оранжемъ.)

Михевна.

Ай, прелести какія!

Юлія.

Я вѣнчалась въ этомъ, Михевна.

Михевна.

Помню, помню. Ужь больно хорошо было смотрѣть на тебя; всѣ, какъ есть, любовались. Вотъ опять Богъ привелъ, опять скоро надѣнешь.

Юлія.

Нѣтъ, надо новенькой купить, да и цвѣты не годятся: я не дѣвшка.

Михевна.

Вотъ еще разбирать, надѣла, да и все тутъ. Стойти на одинъ разъ покупать.

Юлія.

И, мать моя, неловко, не годится. Да что на такое дѣло жалѣть! Я и платье новое закажу. Я, знаешь, что думаю? Сдѣлать себѣ уборъ изъ незабудокъ.

Михевна.

Изъ незабудокъ? Да, молъ, не забудь меня.

Юлія.

Ужь теперь мнѣ чего бояться? Всѣ мои страхи кончились: связаны будемъ на всю жизнь. И какой человѣкъ, Михевна, превосходный! Прямо можно сказать, что благородный человѣкъ.

Михевна.

Чего лучше! Бравый кавалеръ, ловкій, смѣлый, разительный. Кажется, ни передъ кѣмъ на свѣтѣ не сробѣтъ.

Юлія.

А что Глафира Фирсовна говорила: „брось ты его сама, пока онъ тебя не бросилъ“. За что такъ обижать человѣка, что онъ ей сдѣлалъ?

Михевна.

Зависть: ненавистно чужое счастье.

Юлія.

Я такъ и подумала. Конечно, я ему всѣ свои деньги отдала; такъ вѣдь я не безъ разсудка, не безъ расчета это сдѣлала. Я таки довольно скуча и на деньги жалостлива.

Михевна.

Охъ, жалостлива! Къ мужчинамъ-то вы больно жалостливы!

Юлія.

Чтобъ дѣлать-то? А все-таки денегъ даромъ не брошу.

Михевна.

Какъ можно бросить? Впередъ-то не угадаешь: Богъ знаетъ, какъ придется вѣкъ-то доживать.

Юлія.

Да, да; первое дѣло себя обезпечить... Я нужды нѣть, что женщина, а очень хорошо жизнь понимаю. И до чего онъ благороденъ! Онъ, вѣдь, ни одной копейки у меня такъ не взялъ, на все документы выдалъ. А развѣ не все равно, что деньги, что документы? Значитъ, всѣ мои деньги при мнѣ. Разумѣется, съ другого взять нечего, а у него имѣніе большое. Онъ мнѣ всѣ планы показывалъ и все рассказывалъ: гдѣ лѣса, гдѣ луга. Только оно еще не раздѣлено съ сестрицей: нужно часть какую-то ей выдѣлить. Какъ раздѣлятся, онъ все имѣніе на мое имя запишетъ, а я ему документы отдамъ, вотъ и—квитъ. А имѣніе-то гораздо дороже. Вотъ какъ благородно съ его стороны. Лѣтомъ будемъ въ деревнѣ жить, ты у меня будешь хозяйствомъ заниматься. То-то всякой птицы разведешь.

Михевна.

Ахъ, страсть моя! Вотъ ужъ душеньку-то отведу! Я вчера у сосѣдей бѣлыхъ индюшечекъ видѣла, такъ на чужихъ больше часу любовалась. Пѣтуха кохинхинского мы отсюда своего возьмемъ; этакой красоты за сто рублей не сыщешь.

Юлія.

Какое чувство въ человѣкѣ! Вчера по его дѣ-

ламъ ему вдругъ деньги понадобились; ну, я выручила его; такъ вѣришь-ли: на колѣняхъ стояль, руки целовалъ, плакалъ, какъ ребенокъ.

Михевна.

Когда свадьбу-то думаете?

Юлія.

Да мы рѣшили, что въ будущую середу. Сегодня пріѣдетъ, поговоримъ, когда вечеръ сдѣлать, родныхъ позвать. (Разбирая въ картонѣ.) Ахъ, чтѣ-это, какъ попало сюда?

Михевна.

Чтѣ- такое, матушка?

Юлія.

Иммортель, цвѣты съ гроба. Это я на похоронахъ мужа въ сумасшествіи-то ухватила ... Какъ они очутились здѣсь?

Михевна.

Да чтѣ- мудренаго! Сунула сама какъ-нибудь; а то кому-же?

Юлія.

Къ добру-ли?

Михевна.

Ничего. Чтѣ-жъ тутъ дурного? Память. Сѣѣзди на могилку!

Юлія.

Ахъ, сердце упало! Какая я глупая, суевѣрная; теперь все будетъ думаться. А вѣдьѣхать надо платье заказывать, а то послѣ некогда будетъ съ хлопотами.

Михевна.

А чтѣ-жъ, поѣзжай! Убрать картонъ-то?

Юлія.

Оставь до меня, я скоро пріѣду. (Уходитъ. Михевна за ней и скоро возвращается.)

Михевна.

Чего испугалась? Сама не знаетъ, чего. Ну, вотъ и мы скоро заживемъ по-людски ... А то всѣхъ стыдимся, отъ людей прячемся, только и свѣту въ глазахъ, что Вадимъ Григорьевичъ ... Чѣмъ хорошаго, а насчетъ индѣекъ я секретъ знаю: я цыплять выхожу, всѣхъ выхожу. Главная причина, когда они будутъ оперяться ... (Звонокъ.) Кого Богъ даетъ? Гости за гостями! Чѣмъ разѣздились! А, бывало, по мѣсяцу человѣка не увидишь. (Входитъ Глафира Фирсовна.)

Явленіе второе.

Михевна и Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Никакъ опять не застала?

Михевна.

Не застала, матушка.

Глафира Фирсовна.

То-то я вижу, прокатила какъ будто она. Я, было, крикнула, не оглядывается, не бѣжать-же мнѣ за ней, я не скороходъ. Все-таки, думаю, зайду, хоть отдохну. (Садится у стола.) Чѣмъ новенькаго, съ чѣмъ поздравить?

Михевна.

Свадьба у нась.

Глафира Фирсовна.

Чѣмъ ты говоришь? Когда?

Михевна.

Въ середу.

Глафира Фирсовна.

Ну чѣмъ-жь, давай Богъ! (Взглянувъ въ картонъ.) Ужъ и вуаль подвѣнечный вынула, вотъ какъ торопится.

Михевна.

Платье заказывать поѣхала.

Глафира Фирсовна.

Подвѣнчное?

Михевна.

Подвѣнчное.

Глафира Фирсовна.

Какая заботливая!

Михевна.

Ужь поскорѣй-бы, да изъ головы вонъ. Легко-ли дѣло, полтора года маемся.

Глафира Фирсовна.

Бываетъ, что и наканунѣ свадьбы дѣло расходитъся.

Михевна.

Ну, ужь не дай Богъ и вѣдумать-то. Да она кажется, не переживетъ.

Глафира Фирсовна.

Все на свѣтѣ бываетъ! Вольный человѣкъ, чтѣ вѣтеръ, какъ его удержишь? Какъ-бы на цѣпь ихъ приковывать, другое дѣло. Да я такъ болтаю. Пи-руйте, пируйте, да и насть зовите. Чтой-то, мать, стала я замѣчать за собой: меня около этого часу все, какъ будто, на пищу позываетъ.

Михевна.

Нѣчто дурное дѣло? Значитъ, весь здоровъ человѣкъ. Тамъ пирожокъ есть.

Глафира Фирсовна.

Въ шкапчикѣ?

Михевна.

Въ шкапчикѣ. (Звонокъ.)

Островскій. IX.

Глафира Фирсовна.

Вонъ звонитъ кто-то. Ты не беспокойся, я до-
рогу знаю. (Уходитъ. Входитъ Лавръ Миронычъ.)

Явленіе третью.

Михевна, Лавръ Миронычъ.

Лавръ Миронычъ.

Юлія Павловна у себя?

Михевна.

Нѣту, батюшка, нѣту; сейчасъ только выѣхала.

Лавръ Миронычъ.

Скоро будутъ, можетъ-быть?

Михевна.

Не знаю, батюшка, къ портнихъ поѣхала.

Лавръ Миронычъ.

Ужь я дожидаться ни въ какомъ случаѣ не могу.
Потрудитесь сказать, милая, что я самъ забѣжалъ.

Михевна.

Хорошо, батюшка, хорошо.

Лавръ Миронычъ.

Такъ и скажи: Лавръ Миронычъ сами, моль,
были.

Михевна.

Ужь знаю, знаю.

Лавръ Миронычъ.

Просять пожаловать завтра на вечеръ.

Михевна.

Хорошо, скажу.

Лавръ Миронычъ.

Усерднѣйше, моль, просять.

Михевна.

Да, да, такъ, такъ.

Лавръ Миронычъ.

Убѣдительнѣйше, молъ, просятъ.

Михевна.

„Побѣдительно просятъ“. Такъ и скажу, отчего-жъ не сказать?

Лавръ Миронычъ.

Нѣтъ, ужь не надо; ты меныше говори, а лучше отдай вотъ это. (Подаетъ пригласительный билетъ.)

Михевна.

Записочку?

Лавръ Миронычъ.

Да, записочку. Да скажи, что Лавръ Миронычъ сами заѣзжали.

Михевна.

Хорошо, скажу.

Лавръ Миронычъ.

Только не забудь, пожалуйста.

Михевна.

Кто-жъ его знаетъ? Долго-ль забыть-то! Какая память-то у меня плохая стала. Надо-быть, что забуду.

Лавръ Миронычъ.

Сдѣлай милость, попомни!

Михевна.

Рада-бы радостью. Погоди, батюшка, я вотъ чтѣ: я вотъ сюда положу. (Кладеть билетъ на столъ.) Коли я на грѣхъ забуду, такъ она сама увидитъ. (Звонокъ.) Еще гости, ну! А можетъ и сама. (Входитъ Флоръ Федуловичъ. Глафира Фирсовна входитъ изъ боковыхъ дверей.)

Явление четвертое.

Лавръ Миронычъ, Михевна, Флоръ Федулычъ, Глафира Фирсовна.

Михевна (Флору Федулычу).

Нѣту самой-то. Подождете развѣ? (Уходитъ.)

Глафира Фирсовна.

Ну, всѣ вмѣстѣ сѣхались.

Лавръ Миронычъ.

Дяденька, честь имѣю кланяться. Заѣхаль пригласить Юлію Павловну.

Флоръ Федулычъ.

Для чего-же это вамъ Юлія Павловна понадобилась?

Глафира Фирсовна.

Да онъ всю Москву приглашаетъ, такъ ужь кстати.

Лавръ Миронычъ.

Всю Москву мнѣ и помѣстить негдѣ, а что касается до Юліи Павловны, то у нась многія дамы лансье не танцуютъ, а онѣ въ этомъ танцѣ всегда отличались.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужь ей, чай, не до танцевъ будетъ!

Флоръ Федулычъ.

Нѣть, ужь вы, Лавръ Миронычъ, Юлію Павловну оставьте въ покоѣ-сь.

Лавръ Миронычъ.

Какъ имъ будетъ угодно: я имъ билетъ оставилъ, вотъ здѣсь на столѣ.

Флоръ Федулычъ.

Совсѣмъ напрасно, совсѣмъ напрасно-сь.

Лавръ Миронычъ.

Моя обязанность, дяденька, была учтивость соплеменности противъ нихъ.

Флоръ Федулычъ.

Я вамъ объяснять теперь не стану, послѣ сами узнаете, только напрасно, Лавръ Миронычъ, напрасно-съ.

Глафира Фирсовна.

Да убрать его, вотъ и вся не долгъ.

Флоръ Федулычъ.

Приберите-съ.

Глафира Фирсовна (береть билетъ).

Я его себѣ возьму, на знакъ памяти. (Про себя.) Вотъ на подвѣнечный его вуаль и положить. (Кладеть въ картонъ.) Онъ и мнѣ билетъ завезъ. Гдѣ это ты такой бумаги взялъ? Ужъ такая деликатность, такая деликатность.

Лавръ Миронычъ.

Заѣзжалъ, карточки для меню покупалъ, такъ понравилась бумага, я и взялъ.

Флоръ Федулычъ.

И меню напишете?

Лавръ Миронычъ.

Да-съ, разложить по кувертамъ.

Флоръ Федулычъ.

Значитъ, у васъ будетъ ужинъ во всей формѣ?

Лавръ Миронычъ.

Гдѣ-же, дяденька, во всей формѣ? На это капиталу моего не хватить. Я думалъ сначала а-ля фуршетъ, да послѣ раздумалъ, что ужинъ будетъ солиднѣе.

Глафира Фирсовна.

Мороженое будеть?

Лавръ Миронычъ.

Безъ мороженаго невозмѣнно. Будеть всѣхъ сортовъ.

Глафира Фирсовна.

А мое-то, которое я-то люблю?

Лавръ Миронычъ.

Это какое-же-сь?

Глафира Фирсовна.

Чтò въ стаканчикахъ-то подають?

Лавръ Миронычъ.

Пуншъ гласё! Собствено для васъ особенное будеть.

Глафира Фирсовна.

Вотъ спасибо. Только вели почаще подавать. Ты отсюда домой, чтò-ли? Такъ подвезъ-бы меня.

Лавръ Миронычъ.

Я нынче дома ближе ночи не буду-сь. Вотъ теперь занимаюсь цвѣтами. Къ бесѣдкѣ на площадку нужно померанцевыхъ деревьевъ въ кадкахъ. Ужинать будемъ на террасѣ; она парусиной покрыта; такъ, чтобы замаскировать потолокъ, хотимъ расплатнировать гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ. При всемъ томъ букеты нужны: при входѣ будемъ каждой дамѣ предлагать.

Глафира Фирсовна.

Чудесно, братъ.

Лавръ Миронычъ.

Опять-же обѣ музыкѣ беспокоюсь. Пріятно дя-денька, полный оркестръ имѣть, и чтобы настоящіе артисты были. За ужиномъ увертюру изъ „Аиды“;

потому веъщь новая. А ежели „Морскрй разбойникъ Цампа“, такъ это довольно обыкновенно.

Флоръ Федулычъ.

Я еще помню, когда изъ „Лодоиски“ играли и изъ „Калифа Багдадскаго“.

Лавръ Миронычъ.

А въ заключеніе „Барыню“, и человѣкъ двѣнадцать въ присядку пускались. Прошли, дяденька, тѣ времена. Европа-то-бы отъ насъ недалеко ушла, кабы у насъ, у людей со вкусомъ, побольше капиталу было.

Глафира Фирсовна.

Ты отсюда куда-же?

Лавръ Миронычъ.

Къ Бутырской заставѣ въ оранжерею.

Глафира Фирсовна.

Ну, мнѣ не по дорогѣ.

Флоръ Федулычъ.

Не беспокойтесь, я васъ доставлю.

Лавръ Миронычъ.

Дяденька, честь имѣю кланяться; Глафира Фирсовна, равномѣрно и вамъ. (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Флоръ Федулычъ, Глафира Фирсовна, потомъ Михеина.

Глафира Фирсовна.

Люблю молодца за обычай! Удивить Москву
Лавръ Миронычъ.

Флоръ Федулычъ.

Да ужъ онъ давно удивляеть: задаетъ пиры,
точно концессію получилъ.

Глафира Фирсовна.

Съ деньгами-то не мудрено; а попробуй-ка безъ денегъ шику задать! Тутъ очень много ума нужно.

Флоръ Федулычъ.

Да-съ, ужь либо очень много ума имѣть, либо совсѣмъ не имѣть ни ума, ни совѣсти. Вы зачѣмъ-же собственно къ Юліи Павловнѣ пожаловали?

Глафира Фирсовна.

Разсказать ей про друга-то хотѣла.

Флоръ Федулычъ.

Какую-же въ этомъ надобность вы находите?

Глафира Фирсовна.

Ахъ, Боже мой, какую надобность!.. Вы, Флоръ Федулычъ, стало-быть, женской натуры не знаете. Поди-ка, утерпи! Такъ тебя и подмываетъ, да чтобъ первой, чтобы кто другой не перебиль.

Флоръ Федулычъ.

Нѣтъ, ужь эту непріятную обязанность я на себя возьму-сь.

Глафира Фирсовна.

Опять-же и то любопытно посмотрѣть, какъ она тутъ будетъ руками разводы разводить, да приговоры приговаривать. Вѣдь, ишь ты, подвѣнчное платье поѣхала заказывать, а тутъ вдругъ ударъ. Этакого представлениѧ развѣ скоро дождешься?

Флоръ Федулычъ.

Нѣтъ, ужь вы не извольте беспокоиться—изъ чужого горя для себя спектакль дѣлать. Ежели не взять осторожности, такъ можетъ быть вредъ для здоровья Юліи Павловны. Поѣдемте, я васъ подвезу немногого, а черезъ четверть часа я заѣду сюда опять, чтобы, сколько возможно, успокоить ихъ.

Глафира Фирсовна.

А я къ ней вечеркомъ заѣду понавѣдаться. (Изъ передней входитъ Михевна.)

Михевна.

Уѣзжаете? Какъ-же сказать-то, Флоръ Федулычъ?

Флоръ Федулычъ.

Ничего не говорите. Я заѣду-сь. (Флоръ Федулычъ и Глафира Фирсовна уходятъ.)

Михевна.

Разъѣхались и слава Богу. Того и гляди, пріѣдетъ Вадимъ Григорьевичъ; чтò хорошаго при чужихъ-то? Стыдъ головушкъ. (Звонокъ.) Вотъ онъ должно быть, и есть, либо сама. (Входитъ Дергачевъ.)

Явленіе шестое.

Михевна, Дергачевъ.

Дергачевъ.

Дома Юлія Павловна?

Михевна (махаетъ рукой).

Нѣту дома, нѣту, нѣту.

Дергачевъ.

Ну, я подожду, хорошо, я подожду.

Михевна.

Да чего ждать? Шли-бы.

Дергачевъ.

Какъ: шли-бы? Это странно! Мнѣ нужно.

Михевна.

Да вы пріятель Вадима Григорьича или сродственникъ ему доводитесь?

Дергачевъ.

Ну, пріятель, другъ, какъ хочешь.

Михеина.

Такъ мы его самого ждемъ; а ужь вы-то туть при чёмъ-же? Еще кабы сродственникъ, такъ не выгонишь, потому свой; а коли посторонній, такъ Богъ съ тобой! Шелъ-бы въ самомъ дѣлѣ домой, чтò ужь!

Дергачевъ.

Да коли я говорю, что у меня дѣло есть.

Михеина.

Ну, какое дѣло! Обыкновенно, съѣсть чтѣ-нибудь послаше, винца выпить хорошенъкаго, коли дома-то тонко. Какъ погляжу я на тебя, ты, должно быть, бѣдствуешь; все больше, чай, по людямъ кормишься?

Дергачевъ.

Чтò говорить, чтò говорить! Ахъ!

Михеина.

Такъ, милый человѣкъ, на все есть время. Вотъ будетъ свадьба, такъ милости просимъ: кушайте и пейте на здоровье, сколько душа потребуетъ, никто тебя не оговоритъ! А теперь ужь освободи! Намъ не жалко, да не ко времени.

Дергачевъ.

Ахъ, чортъ возьми! Вотъ положеніе! Вотъ она дружба-то! Кто тебѣ говорить о съѣстномъ? Ничего мнѣ съѣстного не нужно, пойми ты! Мнѣ надо говорить съ Юлией Павловной!

Михеина.

Объ чёмъ говорить? Все переговорено, все покончено. Не твоего это ума дѣло. Заходи въ другой разъ, я тебя попотчую, а теперь не прогнѣвайся.

Дергачевъ.

Ничего мнѣ отъ тебя не надо, никакого потчivanья.

Михевна.

Ну, какъ можно! Шелъ далѣко и усталъ, и проголодался. По всему видно, что человѣкъ тощій. Да, милый, не въ разъ ты попалъ.

Дергачевъ.

Какъ съ такой бабой говорить! Вотъ тутъ и сохраняй свое достоинство.

Михевна.

Коли вправду что нужно, такъ подожди у воротъ, а то лѣзешь прямо въ комнаты,

Дергачевъ.

А! У воротъ! Ума можно сойти.

Михевна.

Поди, поди, Богъ съ тобой! Честью тебя просятъ.

Дергачевъ.

Не пойду я, отойди отъ меня.

Михевна.

Такъ неужто за квартальнymъ послать? (Звонокъ.) Эхъ, срамникъ! Во всемъ домѣ только бабы однѣ, а онъ лѣзеть насильно. (Входитъ Юлія Павловна.)

Явленіе седьмое.

Дергачевъ, Юлія Павловна, Михевна.

Юлія (быстро).

Вадимъ Григорьевичъ еще не прїѣжалъ?

Михевна.

Нѣту, матушка, много гостей было, а онъ не прїѣжалъ. Да вотъ тутъ пріятель его толчется, не вѣсть, чего ему нужно, не выживу никакъ.

Юлія (увидавъ Дергачева).

Ахъ, Лука Герасимычъ, я васть и не вижу! Вы отъ Вадима Григорьича?

Дергачевъ.

По его порученію-сь.

Михевна.

Такъ-бы и говориль, а то лепечетъ безъ толку.

Юлія.

Оставь насть, Михевна. (Михевна уходитъ.) Чтò, здоровъ? Онъ прїдетъ сегодня? Конечно, прїдетъ. Скоро онъ прїдетъ?

Дергачевъ.

Нѣтъ, вы не ждите; онъ никакъ не можетъ.

Юлія (съ испугомъ).

Какъ? Почему? Боленъ онъ? Захвораль вдругъ? Да говорите-же!

Дергачевъ.

Совершенно здоровъ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Юлія.

Не можетъ быть, вы лжете. Онъ-бы долженъ сказать, предупредить меня. (Потерявшиесь.) Какъ-же это?

Дергачевъ.

Онъ теперь долженъ быть ... позвольте ... на какой станціи?.. Я думаю, въ Клину-сь.

Юлія.

Почему-же онъ не предупредилъ меня? Чтò все это значить? Да скажите-же ради Бога!

Дергачевъ.

Почему не предупредилъ? Я это не знаю-сь. Это, вѣдоятно, впослѣдствіи объяснится.

Юлія.

Когда впослѣдствіи? Зачѣмъ впослѣдствіи, отчего не теперь? Да чтѣ-же это такое значитъ?

Дергачевъ.

Онъ, вѣроятно, скоро напишетъ мнѣ изъ Петербурга.

Юлія.

Вамъ? Да онъ мнѣ долженъ писать, а не вамъ. Чѣто это, что это? (Плачетъ)...

Дергачевъ.

Конечно, и вамъ напишетъ; вы не беспокойтесь!..

Юлія.

Вѣдь у насть день свадьбы назначенъ. Вы знаете, вы слышали, что въ среду наша свадьба?

Дергачевъ.

Нужно отложить-съ.

Юлія.

Да на долго-ли? Когда этому конецъ будетъ? На долго-ли еще откладывать?

Дергачевъ.

На неопределенное время-съ.

Юлія.

Нѣть у него жалости ко мнѣ. Истерзала я, истерзала. Лука Герасимычъ, ну, будьте судьей! Назначить черезъ пять дней свадьбу и вдругъ уѣхать, не сказавшись. Ну, развѣ это дѣлаютъ? Честно это? Ну развѣ это не мученіе для женщины? За чтѣ-же, ну, скажите, за чтѣ-же? Отчего же не показался? Говорите, отчего онъ не показался?

Дергачевъ.

Можетъ-быть, ему совѣстно.

Юлія (съ испугомъ).

Совѣстно? Чѣмъ онъ сдѣлалъ? Чѣмъ сдѣлалъ?

Дергачевъ.

Онъ ничего не сдѣлалъ-съ. Денегъ нѣтъ у него, а сегодня по векселю платить нужно.

Юлія.

Какъ нѣтъ денегъ? У него были деньги, я знаю, что были. Это вздоръ!

Дергачевъ.

Да, онъ получилъ вчера какихъ-то шесть тысячъ. Такъ велики-ли деньги, надолго-ль ему? Онъ имѣлъ несчастіе или, лучше сказать, неосторожность—програть ихъ тутъ-же въ полчаса. Развѣ вы его не знаете?

Юлія.

Чтобъ вы говорите? Ужъ и не вѣрится. Да нѣтъ, не можетъ быть, нельзя ему проиграть этихъ денегъ: онъ слишкомъ дороги для него и для меня. Слышишь вы, — слишкомъ дороги!

Дергачевъ.

А вотъ проигралъ-съ. Я останавливалъ; да чѣмъ дѣлать? Слабость.

Юлія.

Ахъ, нѣтъ! Безсовѣстно, безбожно! Не оправдывайте его! Грѣхъ проиграть эти деньги, обида кровная! Чему вѣрить послѣ этого? Всего можно ждать отъ такого человѣка. (Задумывается.)

Дергачевъ.

Я Вадима не оправдываю; оправданій ему нѣтъ.

Юлія.

Скажите, еще-то чѣмъ, чтобъ еще-то?

Дергачевъ.

Ахъ, не спрашивайте! Вы разстроены . . . Уѣхали

въ Петербургъ за деньгами, вотъ и все. Чѣдъ я вамъ могу еще сказать?

Юлія.

(съ трудомъ выговаривая слова).

Очень-то дурнаго ничего нѣтъ?

Дергачевъ.

Не знаю, не знаю-сь. Я все сказалъ, чѣдъ мнѣ приказано.

Юлія.

А!! Вы говорили, чѣдъ вамъ приказано? Вы говорили не то, чѣдъ было, чѣдъ знаете, а то, чѣдъ вамъ приказано; значитъ, вы говорите неправду, вы меня обманываете? (Покачавъ головой.) Видно, всѣ вы одинаковы! Вамъ ничего не стоять обмануть женщину. Безсовѣстные, безсовѣстные!

Дергачевъ.

Я лучше уйду-сь; чѣдъ мнѣ въ чужомъ пиру похмѣлье принимать!

Юлія.

Да ступайте, кто васть держить ... Погодите ... Надо-же мнѣ знать ... Совсѣмъ, чѣдъ-ли, онъ хочетъ меня бросить? Такъ вы-бы и говорили! Да и какъ еще онъ смееть это сдѣлать? Какъ смееть?

Дергачевъ.

Помилуйте, какъ я могу отвѣтить вамъ на такие вопросы?

Юлія.

А не можете, такъ зачѣмъ пришли? Зачѣмъ вы пришли, я васть спрашиваю?.. Только разстроивать, только мучить меня.

Дергачевъ.

Меня послали къ вамъ, я и пришелъ, и сказалъ все, чѣдъ велѣно.

Юлія.

Да, вѣдь, не вѣрю я вамъ; ни вамъ, ни ему не вѣрю я ни въ одномъ словѣ. Какой-же тутъ разговоръ?

Дергачевъ.

Не вѣрите, а сами спрашиваете. Я ухожу, Юлія Павловна, прощайте!

Юлія.

Давно-бы вамъ догадаться! (Садится къ столу.) Развѣ вы не видите, въ какомъ я положеніи? (Дергачевъ идетъ къ двери.) Ахъ, постойте! (Дергачевъ останавливается.) Нѣть, прощайте. (Дергачевъ уходитъ.)

Явленіе восьмое.**Юлія** (одна).

Точно сердце чувствовало, такъ вотъ и ждала, что какая-нибудь помѣха случится ... Однако совсѣмъ ему: не показался ... Ну, да какъ не совсѣститься!.. Проигралъ деньги, которыя я съ такимъ стыдомъ ... А, вѣдь, покажись, пожалуй, простила-бы ... ну, само собой, простила-бы ... Боится меня! Нѣть, еще есть въ немъ совѣсть! Значить, еще не совсѣмъ онъ испорченъ ... Въ Петербургъ поѣхаль за деньгами... Какія у него тамъ деньги... Долго-ль онъ за ними проѣздитъ?.. Ничего неизвѣстно ... Пожалуй, цѣлый мѣсяцъ пройдетъ. А въ мѣсяцъ мало-ли что можетъ случиться ... Чего не передумаешь!.. Съ ума можно сойти ... Давечка этаъ цвѣтокъ, этаъ иммортель ... какъ онъ очутился въ картонѣ? И не трогала я этого картона, до нынѣшняго дня не прикасалась къ нему ... Понять не могу. (Смотрѣть въ картонъ.) Это еще что такое? (Вынимаетъ пригласительный билетъ и читаетъ.) „Лавръ Миронычъ Прибытковъ покорнѣйше просить сдѣлать ему честь—

пожаловать на балъ и вечерній столъ по случаю помолвки дочери его Ирины Лавровны съ Вадимомъ Григорьевичемъ Дульчинымъ". (Протираетъ глаза рукой и снова читаетъ) „Съ Вадимомъ Григорьевичемъ Дульчинымъ"... Михевна, Михевна! (Входитъ Михевна.)

Явленіе девятое.

Юлія Павловна, Михевна.

Юлія.

Кто ... кто былъ безъ меня? Вотъ это кто привезъ?

Михевна.

Лавръ Миронычъ, матушка.

Юлія (бесознательно).

Лавръ Миронычъ ... Лавръ Миронычъ ... на балъ и вечерній столъ ...

Михевна.

Да, матушка, очень просили-сь.

Юлія (едва переводя духъ).

Очень просили ... По случаю помолвки Ирины Лавровны съ Вадимомъ Григорьевичемъ Дульчинымъ.

Михевна.

Чтò ты, матушка, Богъ съ тобой! Развѣ другой какой!..

Юлія.

Нѣть, онъ, Михевна; сердце говоритъ, что онъ... (Громко.) Онъ, онъ! (Встаетъ.) Михевна, я поѣду, я поѣду ... Давай шляпку!...

Михевна.

Зачѣмъ, матушка, зачѣмъ Ѳхать?

Островскій. IX.

Юлія.

Надо ъхать, надо ... Я поѣду сейчасъ.

Михевна.

Куда? Чѣдь ты! Не пущу.

Юлія.

Да мнѣ видѣть его только; въ глаза посмѣтѣть ... Какіе у него глаза-то?..

Михевна.

Въ такомъ ты огорченіи, да со двора ъхать!
Нѣть, нѣть!

Юлія.

Захотѣлъ онъ меня обидѣть, ну, Богъ съ нимъ! ..
Я съ него потребую, я возьму деньги мои ... Вѣдь
какъ-же мнѣ жить-то? Вѣдь всѣ, всѣ онъ взялъ.
(Входитъ Флоръ Федулычъ.)

Явленіе десятое.

Юлія Павловна, Михевна, Флоръ Федулычъ.

Юлія.

Ахъ, Флоръ Федулычъ, горе, горе! (Показываетъ
билетъ.) Вотъ посмотрите!

Флоръ Федулычъ

(взглянувъ на Михевну).

Какая неосторожность-сь.

Михевна.

Да развѣ я, батюшка, знала?

Юлія.

Флоръ Федулычъ, помогите! Хоть-бы деньги-то
мнѣ воротить, хоть-бы деньги-то!

Флоръ Федулычъ.

Вамъ одно остается, Юлія Павловна, пренебречь!

Юлія.

Конечно, не надо мнѣ его, не надо. А деньги-то, Флоръ Федулычъ, вѣдь почти все мое состояніе ... Я хочу получить.

Флоръ Федулычъ.

Получить съ него невозможнo-съ; но вы не беспокойтесь.

Юлія.

Нѣтъ, я возьму ... За чтo-же? Послѣ такой обиды ... Нѣтъ, помилуйте, за чтo-же я ему подарю? ..

Флоръ Федулычъ.

У него ничего нѣтъ-съ.

Юлія.

Какъ нѣтъ? Есть у него имѣніе большое, бого-
тое ... Онъ мнѣ планы показывалъ.

Флоръ Федулычъ.

Положительно ничего нѣтъ-съ. Я вѣрныя извѣстія имѣю. Было послѣ отца имѣніе, да давнымъ давно продано и прожито-съ.

Юлія (съ испугомъ).

Значить, и это былъ обманъ? (Едва держится.) Об-
манъ! Все, все брошено даромъ.

Флоръ Федулычъ.

Успокойтесь, успокойтесь!

Юлія.

Я покойна ... Да неужели, да неужели онъ такъ безстыденъ?

Флоръ Федулычъ.

Вы очень довѣрчивы-съ ... Пренебречь его слѣ-
дуетъ, пренебречь!

Юлія.

Ограблена и убита! (Садится.) Я нищая, обиженная

совсѣмъ... За чтò-же они еще смѣются-то надо мнoй, на свадьбу-то приглашаютъ? Ахъ, ахъ! (Обиорокъ.)

Флоръ Федулычъ (Михевнѣ).

Имъ дурно. Поскорѣй спирту, чтò - нибудь-сь! (Михевна уходитъ.)

Юлія (въ бреду).

Сѣроватое платье-то себѣ заказала ... Правду люди-то говорили, а я не вѣрила ... Теперь какъ-же?.. Двѣ у него невѣсты-то? Сѣроватое я платье-то ... я заказала. Ахъ, нѣтъ, желтоватое. (Нѣсколько прида въ себя.) Ахъ, чтò это я говорю?.. (Тихонько смеется.) Ха, ха, ха! Флоръ Федулычъ! Ха, ха, ха! (Подаетъ руку Флору Федулычу. Входитъ Михевна.) Надѣть подвѣнечное платье и флёръ д'оранжъ, да и ёхать на балъ ... ха, ха, ха!.. Они рядомъ будуть сидѣть ... взять бокаль ... Совѣтъ вамъ да любовь ... ха, ха, ха! Ну, поцалуйтесь! (Обиорокъ.)

Флоръ Федулычъ (Михевнѣ).

Опять обиорокъ и руки похолодѣли! Этимъ не шутятъ-сь; скорѣй за докторомъ-сь ... Это ужъ близко смерти-сь.

Дѣйствіе пятое.

Богато убранный кабинетъ; ни книга, ни бумага, вообще никакихъ признаковъ умственной работы не замѣтно. Большой письменный столъ, на немъ два-три юмористическихъ листка, чернильница со всѣмъ приборомъ, револьверъ и фотографической портретъ. Двѣ двери: одна, въ глубинѣ, въ залу, другая съ лѣвой стороны.

Явленіе первое.

Дульчинъ (входитъ изъ боковой двери), потомъ Мардарій.

Дульчинъ.

Эй, Мардарій! (Входитъ Мардарій.) Кто тамъ звонилъ?

Мардарій.

Да старуха эта оттуда, какъ её!?

Дульчинъ.

Какая старуха?

Мардарій.

Отъ Юліи Павловны.

Дульчинъ.

Михевна?

Мардарій.

Да, Михевна.

Дульчинъ.

Чтѣ ей надо?

Мардарій.

За портретомъ приходила.

Дульчинъ.

За какимъ портретомъ?

Мардарій.

Вотъ за этимъ самымъ-съ.

Дульчинъ.

На чтѣ ей портретъ?

Мардарій.

Кто-жъ ихъ знаетъ? Нужно, говоритьъ.

Дульчинъ.

Да кому нужно-то, Юліи Павловнѣ, чтѣ-ли?

Мардарій.

Ничего этого она не говоритъ, ладить одно: нужно, очень нужно, вотъ и все.

Дульчинъ.

Чтѣ-же ты?

Мардарій.

Говорю: баринъ въ Петербургъ уѣхалъ, отдать нельзя, потому намъ трогать ничего не приказано.

Дульчинъ.

Чтѣ-жъ, повѣрила?

Мардарій.

Какъ ихъ разберешь? Морщится какъ-то, стойть. Не то она плачетъ, не то смеется. А словно какъ не вѣрить.

Дульчинъ.

А дальше чтѣ?

Мардарій.

Объ чемъ еще съ ней разговаривать? Заперъ дверь, она домой пошла.

Дульчинъ.

Одѣваться приготовилъ?

Мардарій.

Приготовилъ.

Дульчинъ.

Фракъ?

Мардарій.

Фракъ.

Дульчинъ.

И сапоги лаковые?

Мардарій.

Все, какъ слѣдуетъ.

Дульчинъ.

Достань брилліантовыя запонки.

Мардарій.

Чтѣ-жь, и запонки можно.

Дульчинъ.

Завтра поутру я встану поздно.

Мардарій.

По обыкновенію.

Дульчинъ.

Нѣть, позднѣй обыкновеннаго. Такъ приготовь ты мнѣ къ завтраку бифштексъ хорошій, сочный. (Звонокъ.) Кто тамъ еще? Если кто изъ кредиторовъ, такъ ты ...

Мардарій.

Да ужь знаю, не привыкать стать.

Дульчинъ.

Только ты разнообразь свою фантазію; а то всѣмъ одно и то-же. (Мардарій уходитъ.) Надо у Салая денегъ

взять: потребуются расходы. Надо казаться богатымъ женихомъ, а это не дешево стоитъ. (Входитъ Дергачевъ въ старомодномъ фракѣ, завить весьма неискусно баражкомъ, держитъ себя важно.)

Явленіе второе.

Дульчинъ, Дергачевъ, потомъ Мардарій.

Дергачевъ.

Здравствуй, Вадимъ! Во-первыхъ, не беспокойся, тамъ все благополучно; я устроилъ. Ну, душа моя, поѣдемъ!

Дульчинъ.

Куда это?

Дергачевъ.

Къ Прибытовымъ.

Дульчинъ.

Съ этихъ-то поръ?

Дергачевъ.

Развѣ рано? Ну, подождемъ. (Важно ходить по комнатѣ.)

Дульчинъ.

Зачѣмъ же вихры-то у тебя? Да еще въ разныя стороны торчатъ.

Дергачевъ.

Ахъ, оставь. Я знаю, что я дѣлаю. Хорошо тебѣ,—ты красавецъ. Я тебѣ не льщу, ты замѣть, я не льшу никогда ... Ты красавецъ, тебѣ прикрасъ не нужно; а съ моей фигурой и физіономіей надо же чтѣ-нибудь.

Дульчинъ.

Сомнѣваюсь, чтобы такие вихры могли кому-нибудь служить украшеніемъ.

Дергачевъ.

Я прошу тебя, оставь! Пожалуйста, безъ сарказмовъ. Это ужъ мое дѣло.

Дульчинъ.

И фракъ подгулять.

Дергачевъ.

Фракъ! Ну, чтѣ-жъ такое фракъ? Гдѣ я возьму? Фракъ еще ничего ... Ты скажи тамъ всѣмъ, что я оригиналъ, ну, и конечно ... Что я могу хорошо одѣваться, да не хочу. Мало-ли какіе оригиналы бывають.

Дульчинъ.

Если ты находишь оригиналънымъ ходить въ за-саленномъ фракѣ ...

Дергачевъ.

Ну, оставь-же, я тебя прошу.

Дульчинъ (ложась на диванъ).

Однако, я не совсѣмъ хорошо себя чувствую.

Дергачевъ.

Чтѣ съ тобой?

Дульчинъ.

Гадко спаль сегодня.

Дергачевъ.

Отчего это?

Дульчинъ.

Все-таки, какъ хочешь, важный шагъ, миллионное дѣло; да ужъ очень совѣстно передъ Юліей.

Дергачевъ.

Ты въ сантиментальномъ расположениі.

Дульчинъ.

Какъ ни толкуй, какъ ни поворачивай дѣло, а

вѣдь я поступилъ съ ней жестоко. Да, сумѣлъ я устроить свою жизнь, что ни шагъ, то подлость. Нѣть, довольно. Сколько мученій, сколько вотъ такихъ ночей! А тоска, братецы!.. Кончено! Давай руку.

Дергачевъ.

Зачѣмъ?

Дульчинъ.

Я, Лука, человѣкъ слабый, распущенный, вотъ мое несчастіе. Мнѣ непремѣнно нужно торжественно поклясться передъ кѣмъ-нибудь, дать честное слово, оно меня будетъ удерживать.

Дергачевъ.

Ну, изволь, на!

Дульчинъ.

Вотъ тебѣ честное, благородное слово, что это послѣдняя глупость въ моей жизни. И я сдержу свое слово. Пора быть честнымъ человѣкомъ!

Дергачевъ.

Да, ужь это ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ.

Дульчинъ.

Да и гораздо покойнѣе для себя-то, ты пойми!

Дергачевъ.

Еще-бы!

Дульчинъ.

Ну, чтѣ Юлія, какъ она?

Дергачевъ.

Ничего; задумалась, можетъ-быть, плачетъ. Я ей сказалъ, что скоро она получить извѣстіе отъ тебя... Теперь тебѣ остается написать ей честное, откровенное письмо.

Дульчинъ.

Письмо написать не долго, но какъ избѣжать объясненій? А вѣдь это, я тебѣ скажу, такая непріятная исторія! Женскія слезы для меня ножъ острый.

Дергачевъ.

Объясненія предоставь мнѣ. На то и друзья, чтобы все непріятное сваливать на нихъ. Ну, душенька, вставай, поѣдемъ!

Дульчинъ.

Рано еще. Кто-жъ ъездитъ на вечеръ засвѣтло?

Дергачевъ.

Если ты еще не скоро поѣдешь, такъ чтѣ-жъ моимъ лошадямъ стоять? Послушай, нѣть-ли у тебя чего-нибудь мелочи, кучеру дать на чай? Пусть онъ съѣздить, пока чаю напьется.

Дульчинъ.

Какому кучеру? Откуда у тебя кучерь?

Дергачевъ.

Ну, извозчикъ, развѣ это не все равно? Я къ тебѣ въ каретѣ пріѣхалъ.

Дульчинъ.

Съ какой стати? Другъ мой, не вдавайся въ роскошь, она ведеть къ погибели.

Дергачевъ.

Отчего-же не позволить себѣ изрѣдка. Все съ тобой, все на чужой счетъ, точно приживалка. Ты самъ по себѣ пріѣдешь, а я самъ по себѣ, больше тону. (Входитъ Мардарій.)

Мардарій.

Дама какая-то желаетъ васъ видѣть.

Дульчинъ (вставая съ дивана.)
Незнакомая? Не Юлия Павловна?

Мардарій.
Никакъ нѣтъ-съ.

Дульчинъ.
Проси сюда. (Дергачеву.) Убирайся! (Мардарій уходитъ.)

Дергачевъ.
Куда-же мнѣ?

Дульчинъ.
Куда хочешь.

Дергачевъ.
Мнѣ-бы только посмотретьъ, что это за дама такая.

Дульчинъ.
Ступай въ залу, взгляни и останься тамъ и не смѣй сюда носу показывать. (Дергачевъ уходитъ. Входитъ Ирина.)

Явленіе третье.

Дульчинъ, Ирина.

Дульчинъ.
Кого я вижу! Ирина Лавровна!

Ирина.
Ахъ, Вадимъ, ахъ!

Дульчинъ.
Какими судьбами? Я сейчасъ самъ къ вамъ собирался ...

Ирина.
Нѣтъ, нѣтъ, Вадимъ, не надо.

Дульчинъ.
Какъ, что такое, что случилось?

Ирина.

Бѣжимъ.

Дульчинъ.

Куда?

Ирина.

Куда хочешь, только подальше отъ Москвы, подальше отъ людей.

Дульчинъ.

Чѣмъ-же намъ люди мѣшаютъ? Зачѣмъ бѣжать?

Ирина.

Зачѣмъ? Ты спрашиваешь? Затѣмъ, чтобы утопать въ блаженствѣ.

Дульчинъ.

Да утопать въ блаженствѣ мы можемъ и здѣсь.

Ирина.

Ахъ, это такая проза, такъ обыкновенно, такъ пошло ...

Дульчинъ.

Ваша правда, но за то блаженство будетъ прочнѣе, потому что съ благословеніемъ родительскимъ соединяются и другія блага, которыя необходимы въ жизни.

Ирина.

Но я, Вадимъ, боюсь.

Дульчинъ.

Чего, моя фея, чего?

Ирина.

Насъ могутъ разлучить, есть препятствіе ..

Дульчинъ.

Я знаю, про какое препятствіе ты говоришь ... Я ожидалъ этого ... Не бойся, она ... то есть

это препятствіе не помѣшаетъ. Когда я желаю достичнуть цѣли, я знать не хочу никакихъ препятствій.

Ирина.

Какой высокій, благородный характеръ! Вотъ и у меня такой-же: видиши какая я смѣлая. Итакъ, Вадимъ, или бѣжать, или сейчасъ-же вѣнчаться; чтобы ничтѣ не могло помѣшать намъ.

Дульчинъ.

Сейчасъ нельзя: это такъ скоро не дѣлается.

Ирина.

Какъ ты хочешь, но ужъ я тебя не оставлю, я готова на все.

Дульчинъ.

Какъ не оставишь? Чѣдѣ это значитъ?

Ирина.

Я къ тебѣ совсѣмъ, я не уйду отъ тебя.

Дульчинъ.

Ирина, подумай!

Ирина.

Нѣть, нѣть; иначе-бы я не была достойна тебя. Ты мой, и никто нась не разлучить. Вадимъ, ты искалъ страстной любви... счастливецъ, ты ее нашелъ! (Бросается на шею къ Вадиму. Звонокъ.)

Дульчинъ.

Постой, погоди! Кто-то звонитъ. Войди на минуту вотъ сюда! (Провожаеъ Ирину въ боковую дверь и идетъ въ залу. Входитъ Салай Салтанычъ.)

Явленіе четвертое.

Дульчинъ, Салай Салтанычъ.

Дульчинъ.

Салай Салтанычъ, вотъ кстати.

Салай.

Я всегда кстати, мы не ходимъ не кстати.

Дульчинъ.

Денегъ, Салай, денегъ! Давай больше!

Салай.

Зачѣмъ шутить? Шутить не надо.

Дульчинъ.

Какія шутки? Я тебѣ серьезно говорю, мнѣ нужны деньги.

Салай.

Кому не нужны? Всѣмъ нужны. И мнѣ нужны. Заплати по векселю!

Дульчинъ.

По какому векселю? Ты никакъ съ ума сошелъ. Ты обѣщаль ждать и самъ-же кредитъ предлагалъ. Ну, вчера, вчера, помнишь? Ты опомнился-ли со вчерашняго-то?

Салай.

Вчера быль день, — нынче другой; вчера было дѣло, — нынче другое.

Дульчинъ.

Бѣлены, чтѣль, ты обѣѣлся?

Салай.

Я дома хороший шашлыкъ ёлъ, кахетинскій пиль, бѣлены не кушалъ. Плати деньги!

Дульчинъ.

Да ты много кахетинскаго-то выпилъ?

Салай.

Самый мѣра, сколько надо. Мы много не пьемъ: бутылка - другой выпилъ, довольно. Зачѣмъ разговоръ? Плати деньги!

Дульчинъ.

Откуда я тебѣ возьму? Ты мои дѣла знаешь:
мои деньги впереди, пока у меня только надежда.

Салай.

Твоя надежда — ничего! Никто гроши не дастъ.

Дульчинъ.

Но вѣдь ты самъ вѣрилъ, ты самъ меня жениться заставлялъ.

Салай.

Кто зналъ? ... Онъ пустой человѣкъ, дрянь человѣкъ. Тебя обманулъ, меня обманулъ, всѣхъ обманулъ.

Дульчинъ.

Кто „онъ“? Кто обманулъ?

Салай.

Лавръ Миронычъ. Онъ фальшивый векселя дѣлалъ.

Дульчинъ.

Фальшивый? Зачѣмъ?

Салай.

Дисконть отдавалъ, деньги бралъ.

Дульчинъ.

На чье-же имя?

Салай.

Зачѣмъ далеко ходить? Дядя есть, Флоръ ѡедулычъ. Чего долго думать?

Дульчинъ.

Ну, чтѣ-жь Флоръ ѡедулычъ. Да говори толкомъ!

Салай.

Нынче узналъ, нынче и деньги платилъ.

Дульчинъ.

Заплатилъ-таки?

Салай.

А не заплати, — Лавръ Миронычъ въ Сибирь гуляй. А теперь мало-мало сидить въ ямѣ; дѣло знакомый, не привыкать.

Дульчинъ.

Да ты видѣлъ Флора Федулыча?

Салай.

Сейчасъ видѣлъ, въ Троицкомъ съ нимъ сидѣлъ, долго говорилъ.

Дульчинъ.

А какъ-же внучка, Ирина Лавровна?

Салай.

А внучка чѣмъ виновата? Ея дѣло сторона.

Дульчинъ.

Значитъ, его расположеніе къ ней не измѣнилось?

Салай.

За что обижать?

Дульчинъ.

И приданое дастъ?

Салай.

Обижать не будетъ.

Дульчинъ.

Да сколько дастъ-то?

Салай.

Не обидить.

Дульчинъ.

Да говори! Вѣдь ужъ ты выспросилъ, вызналъ все; развѣ ты утерпишь?

Салай.

Говорилъ, пять тысячъ дамъ. Его слову вѣрить можно; купецъ обстоятельный: какъ сказалъ, такъ и будетъ.

Дульчинъ.

Ты меня зарѣзаль.

Салай.

Кто тебя рѣзаль? Самъ себя рѣзаль. Деньги платить будешь?

Дульчинъ.

Разумѣется, не буду; откуда я возьму?

Салай.

Такъ и знать будемъ. А мнѣ что съ тобой дѣлать, скажи? Совѣтуй, сдѣлай милость!

Дульчинъ.

Мое дѣло было занимать, а ужь получай съ меня, какъ знаешь; это твое дѣло. Не мнѣ тебя учить.

Салай.

И за то спасибо, прощай! (Уходитъ. Вбѣгааетъ Дергачевъ.)

Явленіе пятое.

Дульчинъ, Дергачевъ.

Дергачевъ.

Я слышалъ, все слышалъ. Какое несчастіе, какое ужасное несчастіе, Вадимъ!

Дульчинъ (хочетъ).

Милліоны-то какъ скоро растаяли!

Дергачевъ.

Значитъ, Ѣхать не зачѣмъ. Какъ-же карета? ...

Дульчинъ.

Какой урокъ, какой урокъ!

Дергачевъ.

Куда я дѣнусь съ каретой?

Дульчинъ (не слушая).

Но!!... Падать духомъ не надо: еще не все потеряно. Юлія меня выручить.

Дергачевъ.

Развѣ отпустить карету, да велѣть завтра пріѣхать за полученіемъ?

Дульчинъ.

Вотъ когда узнаёшь цѣну искренней любви.

Дергачевъ.

А потомъ опять „завтра“ и такъ до безконечности. Денегъ у меня нѣтъ, вѣдь я для тебя напримѣръ....

Дульчинъ.

Къ ней, сейчасъ-же къ ней! Ручки, ножки целовать. Лука, я тебѣ клялся, что больше не сдѣлаю ни одной глупости въ жизни; я тебѣ повторяю эту клятву, торжественно повторяю. Ты её помни!

Дергачевъ.

Да я ее помню.... А какъ-же мнѣ съ каретой-то?

Дульчинъ.

А мнѣ что за дѣло? Подойди къ боковой двери. Ирина Лавровна! (Ирина выходитъ.)

Явленіе шестое.

Дульчинъ, Дергачевъ, Ирина.

Дульчинъ.

Ирина Лавровна, теперь я знаю препятствіе, которое мѣшаетъ нашему блаженству.

Ирина.

Вы знаете? (Кланяется Дергачеву.)

Дульчинъ.

И, къ несчастію, оно такъ серьезно, что вамъ надо будетъ отправляться къ родителю.

Ирина.

Чтò это значитъ, Вадимъ Григорьевичъ?

Дульчинъ.

У меня сейчашь бытъ Салай Салтанычъ; вы, вѣроятно, слышали хоть часть нашего разговора?

Ирина.

Я не имѣю обыкновенія подслушивать.

Дульчинъ.

Онъ мнѣ передалъ, какое несчастіе случилось съ вашимъ родителемъ.

Ирина.

Ну, такъ чтò-же? Это до меня не касается.

Дульчинъ.

Нѣть-сь, вѣтакомъ положеніи оставлять родителя не слѣдуетъ; ваша обязанность — утѣшать его вѣтгорѣ.

Ирина.

Со мной шутить нельзя, Вадимъ Григорьевичъ. Мнѣ здѣсь лучше, чѣмъ дома, и я отсюда не выйду. Вы завлекли меня до того, что я прибѣжала вѣтвашу квартиру, вѣтквартиру молодого человѣка; для меня отсюда только одинъ выходъ: подъ вѣнецъ!

Дульчинъ.

Можно и подъ вѣнецъ, только нѣть никакой надобности.

Ирина.

Какъ нѣть надобности?

Дульчинъ.

Рѣшительно никакой! У васъ приданаго только пять тысячъ, у меня ни копейки и пропасть долгъ.

Ирина.

Гдѣ-же ваше состояніе?

Дульчинъ.

Было когда-то; но отъ него осталось одно только воспоминаніе и ужь я давнымъ-давно голъ, какъ соколь, и кругомъ въ долгу. Но меня очень полюбили мои кредиторы и не захотѣли ни за что разстаться со мной. Они меня ссужали постоянно деньгами, на которых я и жилъ по-барски, но ссужали не даромъ. За меня вдвое, втрое заплатила имъ одна бѣдная женщина. То-есть она была богата, а мы ее сдѣлали бѣдной. Теперь она ограблена и кредиту больше нѣтъ. На дняхъ меня посадятъ въ яму, а по выходѣ изъ ямы мнѣ предстоитъ одно занятіе: по погребкамъ венгерскіе танцы танцевать за двугривенный въ вечеръ: „чибириякъ, чибириякъ, чибирияшечки!“...

Ирина.

Ахъ, какая гадость!

Дульчинъ.

„Съ голубыми ты глазами, моя душечка!“ Угодно вамъ идти со мною подъ вѣнецъ?

Ирина.

Я думала, что вы очень богаты.

Дульчинъ.

И я думалъ, что вы очень богаты.

Ирина.

Какъ я ошиблась!

Дульчинъ.

И я ошибся!

Ирина.

Но какъ же вы говорили, что вы ищете страстной любви?

Дульчинъ.

Отчего-же мнѣ не говорить?

Ирина.

Но какъ вы смѣли обращаться съ такими словами къ девушкѣ?

Дульчинъ.

Однако вы слушали мои слова очень благосклонно...

Ирина.

Но какое вы имѣли право желать страстной любви?

Дульчинъ.

Всякій смертный имѣеть право желать страстной любви.

Ирина.

Скажите, пожалуйста! Человѣкъ, ничего не имѣющій, требуетъ какой-то бѣшеной, африканской страсти. Да послѣ этого всякий приказчикъ, всякий ничтожный человѣкъ... Нѣть, ужь это извините-сь. Только люди съ большимъ состояніемъ могутъ позволять себѣ такія фантазіи, а у васъ ничего нѣть и я васъ презираю.

Дульчинъ.

На ваше презрѣніе я желалъ бы вамъ отвѣтить самой страстной любовью, но... что вы сказали о мужчинахъ, то-же слѣдуетъ сказать и о женщинахъ: на страстную любовь имѣютъ право только женщины съ большимъ состояніемъ.

Ирина.

Вы невѣжа, и больше ничего.

Дульчинъ.

Чтѣ вы сердитесь? Оба мы ошибались одинаково, и намъ другъ на друга претендовать нельзя. Мы люди съ возвышенными чувствами и, чтобы удивлять

миръ своимъ благородствомъ, намъ недостаетъ пустяковъ, — презрѣннаго металла. Такъ вѣдь это не порокъ, а только несчастіе. И потому дайте руку и разстанемся друзьями!

Ирина.

Конечно, и я тоже виновата. (Подаетъ руку.)

Дульчинъ.

Ну, вотъ! Зачѣмъ ссориться? Жизнь велика: мы можемъ встрѣтиться при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Ирина.

Ахъ, кабы это случилось!

Дульчинъ.

И непремѣнно случится, я въ свою звѣзду вѣрю: такие люди, какъ я, не пропадаютъ. А теперь садитесь въ карету и поѣзжайте домой. (Дергачеву.) Бѣдный другъ мой, проводи Ирину Лавровну! Вотъ и для твоей кареты работа нашлась. (Почтительно целуетъ руку Ирины.)

Ирина.

Ахъ, Вадимъ, зачѣмъ ты не богатъ! Какое это несчастіе!

Дульчинъ.

Я былъ богатъ и буду богатъ, и счастіе еще не уйдетъ отъ насъ.

Дергачевъ (Иринѣ).

Позвольте предложить вамъ свои услуги. (Подаетъ руку. Ирина уходитъ подъ руку съ Дергачевымъ.)

Явленіе седьмое.

Дульчинъ (одинъ).

Дульчинъ.

Я даже радъ, что дѣло такъ кончилось; на со-

вѣсти покойнѣе. Да и по русской пословицѣ: „старый другъ лучше новыхъ двухъ“. Она хоть и говорить, что больше у нея денегъ нѣтъ, да какъ-то плохо вѣрится: поглядишь, и найдутся. Оно точно, я просилъ послѣдней жертвы, да вѣдь это только такъ говорится. Послѣднихъ можетъ быть много, да еще нѣсколько ужъ самыхъ послѣднихъ. (Входитъ Глафира Фирсовна.)

Явленіе восьмое.

Дульчинъ, Глафира Фирсовна.

Дульчинъ.

Глафира Фирсовна, очень радъ васъ видѣть.

Глафира Фирсовна.

Хоть-бы ты и не радъ, да нечего дѣлать, я по должности съ обыскомъ пришла. (Осматриваетъ комнату.)

Дульчинъ.

Отъ кого, Глафира Фирсовна, по какому полномочію?

Глафира Фирсовна.

Пропажа у насъ, вотъ и послали меня сыщикомъ, Да ты говори прямо: у тебя, чтѣ-ли?

Дульчинъ.

Чтѣ за пропажа, чего вы ищете?

Глафира Фирсовна.

Вещь не маленькая и не дешовая. Уголовное, братъ, дѣло: живой человѣкъ пропалъ — Ирина Лавровна сбѣжала.

Дульчинъ.

Такъ почему-же вы у меня ее ищете?

Глафира Фирсовна.

Гдѣ-жь искать-то? Ей больше дѣваться некуда.

Явное подозрѣніе на тебя. Она нынче утромъ толковала: убѣгу, да убѣгу къ нему, жить безъ него не могу.

Дульчинъ.

Ошиблись вы въ разсчетѣ, Глафира Фирсовна, хитрость ваша не удалась. Не вы-ли ее и отправили ко мнѣ, чтобы потомъ захватить съ поличнымъ и заставить меня жениться?

Глафира Фирсовна.

А мнѣ-то какая корысть, женившись ты или нѣтъ?

Дульчинъ.

Много-ли приданаго-то за Ириной Лавровной?

Глафира Фирсовна.

Али ужь вѣсти дошли?

Дульчинъ.

Милліоны-то ваши гдѣ?

Глафира Фирсовна.

Было, да сплыло. Развѣ я виновата? Ишь ты, отецъ-то у нея какой круговой! Дѣдушка, было, къ ней со всѣмъ расположеніемъ... А его расположеніе какъ ты цѣнишь? Меньше миллиона никакъ нельзяя. Теперь на племянниковъ такъ разсердился,— бѣда! „Никому, говоритъ, денегъ не дамъ, самъ женюсь!“ Вотъ ты и поди съ нимъ! И ты хороши: тебѣ только, видно, деньги нужны, а душу ты ни во чѣмъ считаешь. А ты души ищи, а не деньги! Деньги—прахъ, вотъ чѣмъ я тебѣ говорю. Я старый человѣкъ, понимающій, ты меня послушай.

Дульчинъ.

И я человѣкъ понимающій, Глафира Фирсовна; я знаю, что душа дороже денегъ. Я такую душу нашелъ, не беспокойтесь!

Глафира Фирсовна.
Нашель, такъ и слава Богу!

Дульчинъ.

Я—счастливецъ, Глафира Фирсовна: меня любить рѣдкая женщина, только я ее цѣнить не умѣль. Но послѣ такихъ уроковъ, я ее оцѣнилъ; я ее люблю такъ, какъ никогда не любилъ.

Глафира Фирсовна.
Гдѣ-же ты такую рѣдкость обрящилъ?...

Дульчинъ.

Эта женщина — Юлия Павловна Тугина.

Глафира Фирсовна.
А ты думаешь, я не знала? Вотъ новость сказать! Да, добрая, хорошая была женщина.

Дульчинъ.

Какъ „была?“ Она и теперь есть!

Глафира Фирсовна.
Да, есть; поди, посмотри, какъ она есть. Эхъ, голубчикъ, уходилъ ты ее...

Дульчинъ.

Чтѣ́ такое? Чѣ́ вы говорите? „Уходилъ“! Чѣ́ значитъ „уходилъ“? Я васъ не понимаю.

Глафира Фирсовна.
Померла, братъ.

Дульчинъ.

Вотъ вздоръ какой! Чѣ́ вы сочиняете? Она вчера была и жива, и здорова.

Глафира Фирсовна.
Утромъ была здорова, а къ вечеру померла.

Дульчинъ.

Да пустяки, быть не можетъ!

Глафира Фирсовна.

Да чтò-жь мудренаго! Развѣ долго помереть? Оборвется нутро, жила какая-нибудь лопнетъ, вотъ и конецъ.

Дульчинъ.

Не вѣрю я вамъ; съ чего вдругъ здоровый человѣкъ умретъ? Нужно очень сильное нравственное потрясеніе или испугъ.

Глафира Фирсовна.

И все это было: заѣхалъ Лавръ Миронычъ, заезъ приглашеніе на балъ и вечерній столъ по случаю помолвки Ирины Лавровны съ Вадимомъ Григорьевичемъ Дульчиннымъ, оборвалось сердце и конецъ.

Дульчинъ.

Да неужели? Умоляю васъ, говорите правду.

Глафира Фирсовна.

Какой еще тебѣ правды? Ошибъ обморокъ, приведутъ въ чувство, опять обморокъ. Былъ докторъ, говоритъ: коли дѣло такъ пойдетъ, такъ ей не жить. Вечеромъ поздно я была у ней, лежить, какъ мертвая; опомнится, опомнится да опять глаза заведеть. Сидимъ мы съ Михевной въ другой комнатѣ, говоримъ шепотомъ, вдругъ она легонько крикнула. Поди, говорю, Михевна, провѣдай! Вернулась Михевна въ слезахъ; „надо быть, говоритъ, отходить“. Съ тѣмъ я и ушла.

Дульчинъ.

Да лжете вы, лжете вы! Вы только хотите смутить меня. Что-жь вы не плачете? Кто-жь не заплачетъ объ такой женщинѣ? Камнемъ надо быть.

Глафира Фирсовна.

Эхъ, голубчикъ, всѣхъ мертвыхъ не оплачешь.

Будеть съ меня, наплакалась я вчера... А вотъ хоронить будемъ и еще поплачу.

Дульчинъ (схватясь за голову).

Были въ моей жизни минуты, когда я былъ гадокъ самъ себѣ, но такого отчаянія, такого аду я еще не испытывалъ; зналъ я за собой слабости, проступки, оплакивалъ ихъ, хоть и безъ пользы... а ужъ это вѣдь преступленіе! Вѣдь я... вѣдь я — убийца! (Останавливается предъ портретомъ Юлии.)

Глафира Фирсовна.

Не воротишь, мой другъ, не воротишь. Да что это темнота какая! Хоть огня велѣть подать. (Уходитъ въ залу.)

Явленіе девятое.

Дульчинъ (одинъ).

Дульчинъ.

За что я погубиль это сокровище? Я губиль тебя, губиль твоє состояніе, какъ глупый ребенокъ, который ломаетъ и бросаетъ свои дорогія, любимыя игрушки. Я бросаль твои деньги ростовщикамъ и шулерамъ, которые надо мнай-же смѣются и меня же презираютъ. Я поминутно оскорбляль твою любящую, ангельскую душу, и ни одной жалобы, ни одного упрека отъ тебя. И наконецъ я-же убилъ тебя и не былъ при твоихъ послѣднихъ минутахъ! Я готовъ-бы отдать свою жизнь, чтобы слышать послѣдніе звуки твоего голоса, твой послѣдній прощающій вздохъ. (Тихо входитъ Юlia.)

Явленіе десятое.

Дульчинъ, Юlia Павловна.

Дульчинъ.

Боже мой! Чѣмъ это? Юlia! Юlia! Или это

обманъ чувствъ, милый призракъ! Юлія, ты жива?
(Юлія тихо подходитъ къ столу и береть портретъ.) Но вѣдь ви-
дѣній не бываетъ! (Съ радостью.) Юлія, ты жива, ты
сама пришла ко мнѣ! А мнѣ сказали, что ты умерла.

Юлія.

Да, это правда: я умерла.

Дульчинъ (съ ужасомъ).

Умерла!...

Юлія.

Да, умерла... для вѣсть.

Дульчинъ.

О, если ты жива для другихъ, такъ жива и для
меня. Ты не можешь принадлежать никому, кроме
меня; ты слишкомъ много любила меня, такая лю-
бовь не проходить скоро, не притворяйся! Твоя
безконечная преданность дала мнѣ несчастное право
мучить тебя. Твоя любящая душа все простить...
и ты опять будешь любить меня и приносить для
меня жертвы.

Юлія.

Я принесла послѣднюю.

Дульчинъ.

Юлія, не обманывай себя и меня! Ну, чтѣ такое
особенно-ужасное я сдѣлалъ? Все это было и пре-
жде, и все ты мнѣ прощала.

Юлія.

Я вамъ прощаю это; одного я простить не могу.

Дульчинъ.

Чего-же, чего-же?

Юлія.

Вы проиграли деньги.

Дульчинъ.

Да развѣ это въ первый разъ? Да и велики-ль деньги?

Юлія.

Какія-бѣ ни были, но онъ мнѣ стѣли слезъ, стыда и унженія, а вы ихъ бросили.

Дульчинъ.

Во-первыхъ, для женщины слезы стѣятъ не дорого, а во-вторыхъ, женщины ничего не жалѣютъ и все переносятъ для любимаго человѣка.

Юлія.

Я не жалѣла ничего для васъ; я вамъ отдала все, что у меня было; я все переносила для васъ; одного я переносить не могу... Вы заставляли меня терпѣть стыдъ и унженіе и не оцѣнили этой жертвы. Я разсудила, что лучше мнѣ разлюбить васъ, чѣмъ сдѣлаться для васъ безстыдной попрошайкой.

Дульчинъ.

Хороша любовь, которая можетъ хладнокровно разсуждать.

Юлія.

А эта любовь хороша? (Подаетъ пригласительный билетъ Лавра Мироныча.)

Дульчинъ.

Это клевета, это интрига противъ меня! Впрочемъ, какъ я глупъ, что оправдываюсь передъ тобой! Развѣ передъ любовницами оправдываются, развѣ ихъ уговариваются? Слова только больше сердять ихъ, логика на нихъ не дѣйствуетъ; на нихъ дѣйствуютъ ласки поцалуи, объятія...

Юлія.

У меня есть защита.

Дульчинъ (смѣется).

Зашита? Зачѣмъ? Развѣ я обижать тебя хочу?

Юлія.

Ваши ласки хуже обиды для меня.

Дульчинъ.

Защита! Но кто-же можетъ, кто осмѣлитсѧ защищать тебя отъ моихъ ласкъ, да еще здѣсь, въ моей квартирѣ? (Хочетъ обнять Юлію.)

Юлія (громко).

Флоръ Федулычъ! (Входятъ: Флоръ Федулычъ, Глафира Фирсовна, Дергачевъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Дульчинъ, Юлія Павловна, Флоръ Федулычъ, Глафира Фирсовна, Дергачевъ.

Флоръ Федулычъ.

Честь имѣю кланяться, милостивый государь! Извините, что безъ приглашенія. Впрочемъ, мы люди знакомые. (Юліи.) Что вамъ угодно, Юлія Павловна?

Юлія.

Намъ пора домой.

Флоръ Федулычъ (предлагая руку).

Пожалуйте-сь.

Дульчинъ.

Позвольте, Юлія Павловна, у насъ остаются не конченые счеты; я вамъ долженъ.

Юлія.

Вы мнѣ ничего не должны.

Дульчинъ.

У васъ есть мои документы.

Флоръ Федулычъ.

Изволите-ли видѣть-сь, я имѣю согласіе Юліи

Павловны на вступлениe со мной въ бракъ; такъ ваши документы поступаютъ ко мнѣ вмѣсто приданаго.

Дульчинъ (въ изумленіи).

Вмѣсто приданаго?!

Флоръ Федулычъ.

Такъ точно-съ. Угодно вамъ будетъ деньги заплатить, или прикажете представить ихъ ко взысканію? Одинъ Монте-Кристо на дняхъ переѣзжаетъ въ яму-съ; такъ, можетъ-быть, и другому Монте-Кристо угодно будетъ сдѣлать ему компанію? Во всякомъ случаѣ прошу вашего извиненія. Имѣю честь кланяться. (Уходитъ подъ руку съ Юлией.)

Явленіе двѣнадцатое.

Дульчинъ, Глафира Фирсовна, Дергачевъ.

Глафира Фирсовна.

Вотъ такъ отрѣзалъ! Коротко и ясно! Каковъ старикъ-то у меня?

Дульчинъ.

Револьверъ! (Идетъ къ столу.)

Глафира Фирсовна.

Ахъ, страсти!

Дергачевъ

(загораживая Дульчину дорогу).

Чтѣ ты? Чтѣ ты?

Дульчинъ.

Револьверъ, говорю я! (Подходитъ къ столу.) Отойди, убью!

Глафира Фирсовна.

Чтѣ ты? Чтѣ ты? Дай мнѣ срокъ хоть на улицу выбраться!

Дульчинъ.

Никто ни съ мѣста!

Глафира Фирсовна (падая въ кресло).

Постой! Дай хоть зажмуриться-то!

Дульчинъ (взявъ револьверъ).

Прощай, жизнь! (Садится къ столу.) Безъ сожалѣнія оставилъ я тебя, и меня никто не пожалѣеть; и ты мнѣ не нужна, и я никому не нуженъ. (Осматриваетъ револьверъ.) Какъ скоро и удовлетворительно рѣшаетъ онъ всякія затрудненія въ жизни. (Открываетъ столъ.) Написать нѣсколько строкъ?... Э! Зачѣмъ! (Взглянувъ въ ящикъ.) Вотъ еще денегъ немножко, остатки прежняго величія. Зачѣмъ онъ останутся? Не прокутить-ли ихъ, или ужъ не затягивать? (Подумавъ нѣсколько, бьетъ себя по лбу.) Ба! Глафира Фирсовна!

Глафира Фирсовна.

Чтѣ, батюшка? Да ты застрѣлился или нѣть еще?

Дульчинъ.

Нѣть еще, чортъ возьми, а надо-бы. Да это еще не уйдетъ отъ меня. Попробую еще пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денегъ?

Глафира Фирсовна.

Милліонъ.

Дульчинъ.

Сватай мнѣ вдову Пивокурову!

Глафира Фирсовна.

Давно-бъ ты за умъ взялся.

Дульчинъ.

Вези меня къ ней сейчасъ! (Встаетъ.)

Островскій. IX.

Глафира Фирсовна.

Вотъ и расчудесно. Поѣдемъ! (Встаетъ.)

Дергачевъ.

Нѣть, позволь, а какъ-же мнѣ быть съ каретою-то?

Дульчинъ.

А вотъ женюсь на Пивокуровой, тогда за все расплатимся.

Безприданница.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Лица.

Харита Игнатьевна Огудалова, вдова, среднихъ лѣтъ одѣта изящно, но смѣло и не по лѣтамъ.

Лариса Дмитріевна, ея дочь, дѣвица; одѣта богато, но скромно.

Мокій Парменычъ Кнуровъ, изъ крупныхъ дѣльцовъ послѣдняго времени, пожилой человѣкъ, съ громаднымъ состояніемъ.

Василій Данилычъ Вожеватовъ, очень молодой человѣкъ одинъ изъ представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеецъ.

Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ, блестящій баринъ, изъ судохозяевъ, лѣтъ за 30.

Юлій Капитонычъ Карандышевъ, молодой человѣкъ, не-богатый чиновникъ.

Евфросинья Потаповна, тетка Карандышева.

Робинзонъ.

Гаврило, клубный буфетчикъ и содержатель кофейной на бульварѣ.

Иванъ, слуга въ кофейной.

Лакей Огудаловой.

Илья, цыганъ.

Цыгане и цыганки.

Дѣйствіе происходитъ въ настоящее время въ большомъ городѣ Брахимовѣ, на Волгѣ.

Дѣйствіе первое.

Городской бульваръ на высокомъ берегу Волги, съ площадкой передъ кофейной. Направо отъ актеровъ — входъ въ кофейную; налево — деревья; въ глубинѣ чугунная рѣшотка, за ней видъ на Волгу, на большое пространство: лѣса, села и проч. На площадкѣ столы и стулья; одинъ столъ на правой сторонѣ, подлѣ кофейной; другой — на лѣвой.

Явленіе первое.

Гаврило (стоитъ въ дверяхъ кофейной), Иванъ (приводить въ порядокъ мебель на площадкѣ).

Иванъ.

Никого народу-то нѣтъ на бульварѣ.

Гаврило.

По праздникамъ всегда такъ. По старинѣ живемъ: отъ поздней обѣдни всѣ къ пирогу да кощамъ, а потомъ, послѣ хлѣба-соли, семь часовъ отдыkhъ.

Иванъ.

Ужь и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведеніе.

Гаврило.

А вотъ около вечерень проснутся, поппютъ чайку до третьей тоски ...

Иванъ.

До тоски! Объ чемъ тосковать-то?

Гаврило.

Посиди за самоваромъ поплотнѣе, поглотай часа два кипятку, такъ узнаешь. Послѣ шестого пота она, первая-то тоска подступаетъ... Разстанутся съ чаемъ и выползутъ на бульваръ разышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляетъ: вонъ Мокій Парменычъ Кнуровъ проминаетъ себя.

Иванъ.

Онъ каждое утро бульваръ-то мѣряеть взадъ и впередъ, точно по обѣщанію. И для чего это онъ такъ себя утруждаетъ?

Гаврило.

Для моціону.

Иванъ.

А моціонъ для чего?

Гаврило.

Для аппетиту. А аппетитъ нуженъ ему для обѣда. Какіе обѣды-то у него! Развѣ безъ моціону такой обѣдъ съѣшь?

Иванъ.

Отчего это онъ все молчитъ?

Гаврило.

„Молчить“. Чудакъ ты... Какъ-же ты хочешь, чтобы онъ разговаривалъ, коли у него миллионы! Съ кѣмъ ему разговаривать? Есть человѣка два-три въ городѣ, съ ними онъ разговариваетъ, а больше не съ кѣмъ; ну, онъ и молчать. Онъ и живеть здѣсь не подолгу отъ этого отъ самаго; да и не жиль-бы, кабы не дѣла. А разговаривать онъ ёздить, въ Москву, въ Петербургъ, да заграницу, тамъ ему просторнѣе.

Иванъ.

А вотъ Василій Данилычъ изъ-подъ горы идетъ. Вотъ тоже богатый человѣкъ, а разговариваетъ.

Гаврило.

Василій Данилычъ еще молодъ; малодушествомъ занимается; а въ лѣта войдетъ, такой-же идолъ будетъ.
(Слѣва выходитъ Кнуроў и, не обращая вниманія на поклоны Гаврилы и Ивана, садится къ столу, вынимаетъ изъ кармана французскую газету и читаетъ. Справа входитъ Вожеватовъ.)

Явленіе второе.

Кнуроў, Вожеватовъ, Гаврило, Иванъ.

Вожеватовъ (почтительно кланяясь).

Мокій Парменычъ, честь имѣю кланяться!

Кнуроў.

А! Василій Данилычъ! (Подаетъ руку.) Откуда?

Вожеватовъ.

Съ пристани. (Садится. Гаврило подходитъ ближе.)

Кнуроў.

Встрѣчали кого-нибудь?

Вожеватовъ.

Встрѣчалъ, да не встрѣтилъ. Я вчера отъ Сергѣя Сергѣевича Паратова телеграмму получилъ. Я у него пароходъ покупаю.

Гаврило.

Не Ласточки-ли, Василій Данилычъ?

Вожеватовъ.

Да, Ласточку. А что?

Гаврило.

Рѣзво бѣгаешьъ, сильный пароходъ.

Вожеватовъ.

Да вотъ обманулъ Сергѣй Сергѣевичъ, не прѣхалъ.

Гаврило.

Вы ихъ съ Самолетомъ ждали, а они, можетъ, на своемъ пріѣдутъ, на Ласточкѣ.

Иванъ.

Василій Данилычъ, да вонъ еще пароходъ бѣжитъ сверху.

Вожеватовъ.

Мало-ль ихъ по Волгѣ бѣгаешьъ.

Иванъ.

Это Сергѣй Сергѣевичъ ёдуть.

Вожеватовъ.

Ты думаешьъ?

Иванъ.

Да похоже, что они-съ ... Кожухи-то на Ласточкѣ больно примѣтны.

Вожеватовъ.

Разберешь ты кожухи за семь верстъ.

Иванъ.

За десять разобрать можно-съ ... Да и ходко идетъ, сейчасъ видно, что съ хозяиномъ.

Вожеватовъ.

А далеко?

Иванъ.

Изъ-за острова вышелъ. Такъ и выстилаеть, такъ и выстилаеть.

Гаврило.

Ты говоришь, выстилаеть?

Иванъ.

Выстилаеть. Страсть! Шибче Самолета бѣжитъ, такъ и мѣряеть.

Гаврило.

Они ъдутъ-съ.

Вожеватовъ (Ивану).

Такъ ты скажи, какъ приставать стануть.

Иванъ.

Слушаю-съ ... Чай, изъ пушки выпалять.

Гаврило.

Безпремѣнно.

Вожеватовъ.

Изъ какой пушки?

Гаврило.

У нихъ тутъ свои баржи серѣдъ Волги на якорѣ.

Вожеватовъ.

Знаю.

Гаврило.

Такъ на баржѣ пушка есть. Когда Сергія Сергіевича встрѣчаютъ или провожаютъ, такъ всегда палить. (Взглянувъ въ сторону за кофейную.) Вонъ и коляска за ними ъдетъ-съ, извощицкая, Чиркова-съ! Видно, дали знать Чиркову, что пріѣдутъ. Самъ хозяинъ Чирковъ на козлахъ. Это за ними-съ.

Вожеватовъ.

Да почемъ ты знаешь, что за ними?

Гаврило.

Четыре иноходца въ рядъ, помилуйте,—за ними. Для кого-же Чирковъ такую четверню сберегть! Вѣдь это ужасти смотрѣть ... какъ львы ... всѣ четыре на трензеляхъ! А сбруя-то, сбруя-то! За ними-съ.

Иванъ.

И цыганъ съ Чирковымъ на козлахъ сидитъ, въ парадномъ казакинѣ, ремнемъ перетянуть такъ, что, того гляди, переломится.

Гаврило.

Это за ними-сь. Некому больше на такой четверкѣ ъздить. Они-сь.

Киуровъ.

Съ шикомъ живеть Паратовъ.

Вожеватовъ.

Ужь чего дрогого, а шику довольно.

Киуровъ.

Дешево пароходъ-то покупаете?

Вожеватовъ.

Дешево, Мокій Парменычъ!

Киуровъ.

Да, разумѣется; а то, чтò за расчетъ покупать.
Зачѣмъ онъ продаетъ?

Вожеватовъ.

Знать, выгоды не находитъ.

Киуровъ.

Конечно, гдѣ-жь ему! Не барское это дѣло.
Вотъ вы выгоду найдете, коли дешево-то купите.

Вожеватовъ.

Намъ кстати: у насъ, на низу, грузу много.

Киуровъ.

Не деньги-ли понадобились? ... Онъ, вѣдь, мотовать.

Вожеватовъ.

Его дѣло. Деньги у насъ готовы.

Киуровъ.

Да, съ деньгами можно дѣла дѣлать, можно.
(Съ улыбкой.) Хорошо тому, Василій Данилычъ, у кого
денегъ-то много.

Вожеватовъ.

Дурное-ли дѣло! Вы сами, Мокій Парменычъ, это лучше всякаго знаете.

Кнуро́въ.

Знаю, Василій Данилычъ, знаю.

Вожеватовъ.

Не выпьемъ-ли холдененькаго, Мокій Парменычъ?

Кнуро́въ.

Чтò вы, утромъ-то! Я еще не завтракалъ ...

Вожеватовъ.

Ничего-съ. Mnѣ одинъ англичанинъ, — онъ директоръ на фабрикѣ, — говорилъ, что отъ насморка хорошо шампанское натощакъ пить. А я вчера простудился немного.

Кнуро́въ.

Какимъ образомъ? Такое тепло стойть.

Вожеватовъ.

Да все имъ же и простудился-то: холодно очень подали.

Кнуро́въ.

Нѣть, что хорошаго; люди посмотрятъ, скажутъ: ни свѣтъ ни заря — шампанское пьютъ.

Вожеватовъ.

А чтобы люди чего дурного не сказали, такъ мы станемъ чай пить.

Кнуро́въ.

Ну, чай, — другое дѣло.

Вожеватовъ (Гаврилѣ).

Гаврило, дай-ка намъ чайку моего, понимаешь? ..
Моего!

Гаврило.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Кнуро́въ.

Вы разве особенный какой пьете?

Вожевато́въ.

Да все то же шампанское, только въ чайники онъ разольеть и стаканы съ блюдечками подастъ.

Кнуро́въ.

Остроумно.

Вожевато́въ.

Нужда-то всему научить, Мокій Парменычъ!

Кнуро́въ.

Ѣдете въ Парижъ-то, на выставку?

Вожевато́въ.

Вотъ куплю пароходъ, да отправлю его внизъ за грузомъ, и поѣду.

Кнуро́въ.

И я на-дняхъ: ужъ меня ждутъ. (Гаврило приносить на подносѣ два чайника съ шампанскимъ и два стакана.)

Вожевато́въ (наливая).

Слышали новость, Мокій Парменычъ? Лариса Дмитріевна замужъ выходитъ.

Кнуро́въ.

Какъ замужъ? Чѣмъ вы! За кого?

Вожевато́въ.

За Карапышева.

Кнуро́въ.

Чѣмъ за вздоръ такой! Вотъ фантазія! Ну, что такое Карапышевъ? Не пара, вѣдь, онъ ей, Василій Данилычъ!

Вожевато́въ.

Какая ужъ пара! Да чѣмъ дѣлать-то, гдѣ взять жениховъ-то? Вѣдь она безприданница.

Кнуро́въ.

Безприданницы-то и находятъ жениховъ хорошихъ.

Вожевато́въ.

Не то время. Прежде жениховъ-то много было, такъ и на безприданницъ хватало; а теперь жениховъ-то въ самый обрѣзъ: сколько приданыхъ, столько и жениховъ, лишнихъ нѣтъ,— безприданницамъ-то и недостаетъ. Развѣ-бы Харита Игнатьевна отдала за Карапышева, кабы лучше были?

Кнуро́въ.

Бойкая женщина.

Вожевато́въ.

Она, должно-быть, не русская.

Кнуро́въ.

Отчего?

Вожевато́въ.

Ужь очень проворна.

Кнуро́въ.

Какъ это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилія порядочная, и вдругъ за какого-то Карапышева! ... Да съ ея-то ловкостью! ... Всегда полонъ домъ холостыхъ ...

Вожевато́въ.

Вздить-то къ ней — всѣ ъздятъ, — потому что весело очень: барышня хорошенъкая, играеть на разныхъ инструментахъ, поеть, обращеніе свободное, оно и тянетъ ... Ну, а жениться-то надо подумавши.

Кнуро́въ.

Вѣдь выдала-же она двухъ.

Вожевато́въ.

Выдать-то выдала, да надо ихъ спросить, сладко-

ли имъ жить-то. Старшую увезъ какой-то горецъ, кавказскій князекъ. Вотъ потѣха-то была!... Какъ увидаль, затрясся, заплакалъ даже, — такъ двѣ не-дѣли и стоялъ подлѣ нея, за кинжалъ держался, да глазами сверкалъ, чтобъ не подходилъ никто. Женился и уѣхалъ, да, говорять, не довезъ до Кавказа-то, зарѣзалъ на дорогѣ отъ ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а онъ послѣ ока-зался совсѣмъ не иностранецъ, а шулерь.

Кнуро́въ.

Огудалова разочла не глупо: состояніе неболь-шое, давать приданое не изъ чего, такъ она живеть открыто, всѣхъ принимаетъ.

Вожевато́въ.

Любить и сама пожить весело. А средства у нея такъ невелики, что даже и на такую жизнь недостаетъ.

Кнуро́въ.

Гдѣ-же она береть?

Вожевато́въ.

Женихи платятся. Какъ кому понравилась дочка такъ и раскошелевайся ... Потомъ на приданое възьметъ съ жениха, а приданаго не спрашивай,

Кнуро́въ.

Ну, я думаю, не одни женихи платятся, а и вамъ, напримѣръ, частое посѣщеніе этого семейства не дешево обходится.

Вожевато́въ.

Не разорюсь, Мокій Парменычъ! Чтѣ-жъ дѣлать, за удовольствія платить надо: они даромъ не до-стаются; а бывать у нихъ въ домѣ большое удо-вольствіе.

Кнуро́въ.

Дѣйствительно, удовольствіе, это вы правду го-ворите.

Вожеватовъ.

А сами почти никогда не бываете.

Кнуро́въ.

Да неловко: много у нихъ всякаго сброду бываетъ, потомъ встречаются, кланяются, разговаривать лѣзутъ. Вотъ, напримѣръ, Каандышевъ, ну, что за знакомство для меня?

Вожеватовъ.

Да, у нихъ въ домѣ на базаръ похоже.

Кнуро́въ.

Ну, что хорошаго? Тотъ лѣзетъ къ Ларисѣ Дми-
триевнѣ съ комплиментами, другой съ нѣжностями,
такъ и жужжать, не даютъ съ ней слова сказать.
Пріятно съ ней одной почаше видѣться — безъ
помѣхи.

Вожеватовъ.

Жениться надо.

Кнуро́въ.

Жениться! Не всякому можно, да не всякой и за-
хотеть; вотъ я, напримѣръ, женатый.

Вожеватовъ.

Такъ ужь нечего дѣлать ... Хорошъ виноградъ,
да зелень, Мокій Парменычъ.

Кнуро́въ.

Вы думаете?

Вожеватовъ.

Видимое дѣло. Не такихъ правиль люді: мало-ль
слушаевъ-то было, да вотъ не польстились, хоть за
Каандышева, да замужъ.

Кнуро́въ.

А хорошо-бы съ такой барышней въ Парижъ
прокатиться на выставку.

Вожеватовъ.

Да, не скучно будетъ, прогулка пріятная. Какіе у васъ планы-то, Мокій Парменычъ!

Кнуро^{въ}.

Да и у васъ этихъ плановъ-то не было-ли тоже?

Вожеватовъ.

Гдѣ мнѣ! Я простовать на такія дѣла. Смѣлости у меня съ женщинами нѣтъ: воспитаніе, знаете-ли, такое, ужь очень нравственное, патріархальное полу-чилъ.

Кнуро^{въ}.

Ну да, толкуйте! У васъ шансовъ больше моего: молодость — великое дѣло. Да и денегъ не пожалѣете; дешево пароходъ покупаете, такъ изъ барышей-то можно. А вѣдь, чай, не дешевле Ласточки обошлось бы.

Вожеватовъ.

Всякому товару цѣна есть, Мокій Парменычъ! Я хоть молодъ, а не зарвусь: лишняго не передамъ.

Кнуро^{въ}.

Не ручайтесь! Долго-ли съ вашими лѣтами влю-биться; а ужь тогда какіе разсчеты!

Вожеватовъ.

Нѣтъ, какъ-то я, Мокій Парменычъ, въ себѣ этого совсѣмъ не замѣчаю.

Кнуро^{въ}.

Чего?

Вожеватовъ.

А вотъ, что любовью-то называютъ.

Кнуро^{въ}.

Похвально, хорошимъ купцомъ будете. А все-таки вы съ ней гораздо ближе, чѣмъ другіе.

Вожеватовъ.

Да въ чемъ моя близость? Лишній стаканчикъ шампанского потихоньку отъ матери иногда налью, пѣсенку выучу, романы вожу, которые дѣвушкамъ читать не даютъ.

Кнуровъ.

Развращаете, значитъ, понемножку.

Вожеватовъ.

Да мнѣ чтѣ! Я, вѣдь, насилино не навязываю ... Чтѣ-жъ мнѣ обѣ ея нравственности заботиться! Я не опекунъ.

Кнуровъ.

Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитріевны кромѣ Карапышева, жениховъ не было? ...

Вожеватовъ.

Были; да, вѣдь, она простовата.

Кнуровъ.

Какъ простовата? То-есть глупа?

Вожеватовъ.

Не глупа, а хитрости нѣть, не въ матушку. У той все хитрость да лесть, а эта втругъ, ни съ того, ни съ сего, и скажетъ, что не надо.

Кнуровъ.

То-есть правду?

Вожеватовъ.

Да, правду; а безприданницамъ такъ нельзя. Къ кому расположена, никакъ этого не скрываетъ. Вотъ, Сергѣй Сергѣевичъ Параторъ въ прошломъ году появился, наглядѣться на него не могла, а онъ мѣсяца два поѣздили, жениховъ всѣхъ отбилъ, да и слѣдъ его простоялъ, исчезъ неизвѣстно куда.

Кнуровъ.

Чтѣ-жъ съ нимъ сдѣлалось?

Вожеватовъ.

Кто его знаетъ; вѣдь онъ мудреный какой-то. А ужь какъ она его любила, чуть не умерла съ горя. Какая чувствительная! (Смѣется.) Бросилась за нимъ догонять; ужь мать со второй станціи воротила.

Кнуровъ.

А послѣ Паратова были женихи?

Вожеватовъ.

Набѣгали двое: стариkъ какой-то съ подагрой, да разбогатѣвшій управляющій какого-то князя, вѣчно пьяный. Ужь Лариса и не до нихъ, а любезничать надо было: маменька приказываетъ.

Кнуровъ.

Однако, положеніе ея не завидное.

Вожеватовъ.

Да, смѣшно даже. У ней иногда слезинки на глазахъ видны,—поплакать задумала, а маменька улыбаться велитъ. Потомъ вдругъ проявился этотъ кассиръ. Вотъ бросаль деньгами-то, такъ и засыпалъ Хариту Игнатьевну. Отбилъ всѣхъ, да не долго покуражился: у нихъ въ домѣ его и арестовали. Скандалище здоровый! (Смѣется.) Съ мѣсяцъ Огудаловымъ никуда глазъ показать было нельзя. Тутъ ужь Лариса наотрѣзъ матери объявила: „довольно, говорить, съ насъ сраму-то; за первого пойду, кто посватается: богатъ-ли, бѣденъ-ли, разбирать не буду“.

А Карандышевъ и тутъ, какъ тутъ, съ предложениемъ.

Кнуровъ.

Откуда взялся этотъ Карандышевъ?

Вожеватовъ.

Онъ давно у нихъ въ домѣ вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда перемежка случилась, никого изъ богатыхъ жениховъ

въ виду не было, такъ и его придерживали, слегка приглашивали, чтобы не совсѣмъ пусто было въ домѣ. А какъ, бывало, набѣжитъ какой-нибудь богатенький, такъ просто жалость было смотрѣть на Каандышева; и не говорять съ нимъ, и не смотрятъ на него. А онъ-то, въ углу сидя, разныя роли разыгрываетъ, дикіе взгляды бросаетъ, отчаяннымъ прикидывается. Разъ застрѣлиться хотѣлъ, да не вышло ничего: только насмѣшилъ всѣхъ ... А то вотъ потѣха-то, былъ у нихъ, какъ-то еще при Паротовѣ, костюмированный вечеръ; такъ Каандышевъ одѣлся разбойникомъ: взять въ руки топоръ и бросаль на всѣхъ звѣрскіе взгляды, особенно на Сергѣя Сергѣича.

Кнуроў.

И чѣ-же?

Вожеватовъ.

Топоръ отняли и переодѣться велѣли; а то, моль, пошелъ вонъ!

Кнуроў.

Значитъ, онъ за постоянство награжденъ. Радъ, я думаю.

Вожеватовъ.

Еще какъ радъ-то, сіяеть, какъ апельсинъ. Чѣ смѣху-то! Вѣдь онъ у насъ чудакъ. Ему-бы жениться поскорѣй, да уѣхать въ свое имѣнишко, пока разговоры утихнутъ, такъ и Огудаловымъ хотѣлось; а онъ таскаетъ Ларису на бульваръ, ходить съ ней подъ руку, голову такъ высоко подняль, что, того гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надѣль зачѣмъ-то, а никогда ихъ не носиль. Кланяется — едва киваетъ; тонъ какой взяль; прежде и не слыхать его было, а теперь все „я да я, я хочу, я желаю“.

Кнуроў.

Какъ мужикъ русскій: мало радости, что пьянъ,

надо поломаться, чтобы вѣдьли. Поломается, поколотятъ его раза два, ну, онъ и доволенъ, и идетъ спать.

Вожеватовъ.

Да, кажется, и Карапышеву не миновать.

Кнуровъ.

Бѣдная дѣвушка; какъ она страдаетъ, на него глядя, я думаю.

Вожеватовъ.

Квартиру свою вздумалъ отдѣлывать, вотъ чудить-то. Въ кабинетѣ коверъ грошевый на стѣну прибилъ, кинжаловъ, пистолетовъ тульскихъ навѣшалъ; ужь диви-бы охотникъ, а то и ружье-то никогда въ руки не бралъ. Тащить къ себѣ, показываетъ; надо хвалить, а то обидишь — человѣкъ самолюбивый, завистливый. Лошадь изъ деревни выписать, клячу какую-то разношерстную; кучеръ маленький, а кафтанъ на немъ съ большого. И возить на этомъ верблюдѣ-то Ларису Дмитріевну; сидѣть такъ гордо, будто на тысячныхъ рысакахъ ѳдетъ. Съ бульвара выходитъ, такъ кричитъ городовому: „прикажи подавать мой экипажъ!“ Ну, и подѣзжаетъ этотъ экипажъ съ музыкой: вѣдь винты, вѣдь гайки дребезжать на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, какъ живыя.

Кнуровъ.

Жаль бѣдную Ларису Дмитріевну, жаль ...

Вожеватовъ.

Чтѣ это вы очень жалостливы стали?

Кнуровъ.

Да развѣ вы не видите, что эта женщина создана для роскоши. Дорогой брилліантъ дорогой и оправы требуетъ.

Вожеватовъ.

И хорошаго ювелира.

Кнуровъ.

Совершенную правду вы сказали. Ювелиръ — не простой мастеровой: онъ долженъ быть художникомъ. Въ нищенской обстановкѣ, да еще за дуракомъ мужемъ, она или погибнетъ, или опошлится.

Вожеватовъ.

А я такъ думаю, что бросить она его скорехонько. Теперь еще она, какъ убитая; а вотъ оправится, да поглядитъ на мужа попристальнѣе, каковъ онъ ... (Тихо.) Вотъ они, легки на поминѣ-то ... (Входитъ: Карапышевъ, Огудалова, Лариса. Вожеватовъ встаетъ и кланяется, Кнуровъ вынимаетъ газету.)

Явленіе третье.

Кнуровъ, вожеватовъ, Карапышевъ, Огудалова, Лариса (въ глубинѣ садится на скамейку у рѣшетки и смотрить въ бинокль на Волгу). **Гаврило, Иванъ.**

Огудалова (подходя къ столу).

Здравствуйте, господа! (Карапышевъ подходитъ за ней. Вожеватовъ подаетъ руку Огудаловой и Карапышеву. Кнуровъ, молча и не вставая съ мѣста, подаетъ руку Огудаловой, слегка киваетъ Карапышеву и погружается въ чтеніе газеты.)

Вожеватовъ.

Харита Игнатьевна, присядьте, милости просимъ! (Подвигаетъ стулъ, Огудалова садится.) Чайку не прикажете-ли? (Карапышевъ садится по-одаль.)

Огудалова.

Пожалуй, чашку выпью.

Вожеватовъ.

Иванъ, подай чашку, да прибавь кипяточку! (Иванъ береть чайникъ и уходитъ.)

Карандышевъ.

Чтò за странная фантазíя пить чай въ это время?
Удивляюсь.

Вожеватовъ.

Жажда, Юлій Капитонычъ, а чтò пить—не знаю.
Посовѣтуйте, — буду очень благодаренъ.

Карандышевъ (смотреть на часы).

Теперь полдень, можно выпить рюмочку водки,
съѣсть котлетку, выпить стаканчикъ вина хорошаго,—
я всегда такъ завтракаю.

Вожеватовъ (Огудаловой).

Вотъ жизнь-то, Харита Игнатьевна, позавидуешь!
(Карандышеву.) Пожилъ-бы, кажется, хоть денекъ на ва-
шемъ мѣстѣ. Водочки, да винца! Намъ такъ нель-
зя-съ, пожалуй, разумъ потеряешь. Вамъ можно все:
вы капиталу не проживаете, потому его нѣтъ, а ужъ
мы такіе горькіе зародились на свѣтѣ, у насъ дѣла
очень велики, такъ намъ разума-то терять и нельзя.
(Иванъ подаетъ чайникъ и чашку.) Я и чай-то холодный пью,
чтобы люди не сказали, что я горячіе напитки упо-
требляю.

Огудалова.

Чай-то холодный, только, Вася, ты мнѣ крѣпко
налилъ.

Вожеватовъ.

Ничего-съ. Выкушайте, сдѣлайте одолженіе! На
воздухѣ не вредно.

Карандышевъ (Ивану).

Приходи ко мнѣ сегодня служить за обѣдомъ!

Иванъ.

Слушаю-съ, Юлій Капитонычъ!

Карандышевъ.

Ты, братецъ, почище одѣнься.

Иванъ.

Извѣстное дѣло—фракъ; нешто не понимаемъ-сь.

Карандышевъ.

Василій Данилычъ, вотъ что: пріѣзжайте-ка вы ко мнѣ обѣдать сегодня!

Вожеватовъ.

Покорно благодарю ... Мнѣ тоже во фракъ прикажете?

Карандышевъ.

Какъ вамъ угодно, не стѣсняйтесь. Однако, дамы будутъ.

Вожеватовъ (кланяясь).

Слушаю-сь. Надѣюсь не уронить себя.

Карандышевъ (переходить къ Кнурову).

Мокій Парменычъ, не угодно-ли вамъ будетъ сегодня отобѣдать у меня?

Кнуровъ

(съ удивленіемъ оглядываетъ его).

У васъ?

Огудалова.

Мокій Парменычъ, это все равно, что у насъ,— это тѣль обѣдь для Ларисы.

Кнуровъ.

Да, такъ это вы приглашаете? Хорошо, я пріѣду.

Карандышевъ.

Такъ ужъ я буду надѣяться.

Кнуровъ.

Ужъ я сказалъ, что пріѣду. (Читаетъ газету.)

Огудалова.

Юлій Капитонычъ мой будущій зать, я выдаю за него Ларису.

Кнуро́въ (продолжая читать).

Это ваше дѣло.

Карапы́шевъ.

Да-сь, Мокій Парменычъ, я рискнулъ. Я вообще всегда былъ выше предразсудковъ . . . (Кнуро́въ закрываеться газетой.)

Вожевато́въ (Огудаловой).

Мокій Парменычъ строгъ . . .

Карапы́шевъ

(отходя оть Кнуро́ва къ Вожеватову).

Я желаю, чтобы Ларису Дмитріевну окружали только избранные люди.

Вожевато́въ.

Значить, и я къ избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидалъ. (Гаврилъ.) Гаврило, сколько съ меня за чай?

Гаврило.

Двѣ порціи изволили спрашивать?

Вожевато́въ.

Да, двѣ порціи.

Гаврило.

Такъ ужь сами знаете, Василій Данилычъ, не въ первый разъ . . . Тринадцать рублей-съ . . .

Вожевато́въ.

То-то, я думаль, что подешевле стало.

Гаврило.

Съ чего дешевле-то быть? Курсы, пошлина, по-милуйтель!

Вожевато́въ.

Да вѣдь я не спорю съ тобой, чтò ты пристаешь! Получай деньги и отстань! (Отдаеть деньги.)

Карандышевъ.

За что такъ дорого, я не понимаю.

Гаврило.

Кому дорого, а кому нѣть ... Вы такого чаю не кушаете ...

Огудалова (Карандышеву).

Перестаньте вы, не мѣшайтесь не въ свое дѣло

Иванъ.

Василій Данилычъ, Ласточка подходитъ.

Вожеватовъ.

Мокій Парменычъ, Ласточка подходитъ, не угодно ли взглянуть? Мы внизъ не пойдемъ, съ горы посмотримъ.

Кнуровъ.

Пойдемте. Любопытно. (Встаетъ.)

Огудалова.

Вася, я доѣду на твоей лошади.

Вожеватовъ.

Поѣзжайте, только пришлите поскорѣй! (Подходитъ къ Ларисѣ и говорить съ ней тихо.)

Огудалова (подходитъ къ Кнурову).

Мокій Парменычъ, затѣяли мы свадьбу, такъ не повѣрите, сколько хлопотъ ...

Кнуровъ.

Да ...

Огудалова.

И вдругъ такие расходы, которыхъ никакъ нельзя было ожидать ... Вотъ завтра рожденіе Ларисы, хотѣлось бы чтѣ-нибудь подарить ...

Кнуровъ.

Хорошо, я къ вамъ заѣду. (Огудалова уходитъ.)

Лариса (Вожеватову).

До свиданія, Вася! (Вожеватовъ и Кнуровъ уходятъ. Лариса подходитъ къ Каандышеву.)

Явленіе четвертое.

Каандышевъ, Лариса.

Лариса.

Я сейчасъ все за Волгу смотрѣла; какъ тамъ хорошо, на той сторонѣ! Пойдемте поскорѣй въ деревню!

Каандышевъ.

Вы за Волгу смотрѣли. А что съ вами Вожеватовъ говорилъ?

Лариса.

Ничего, такъ, пустяки какіе-то. Меня такъ и манитъ за Волгу, въ лѣсъ ... (Задумчиво.) Уѣдемте, уѣдемте отсюда!

Каандышевъ.

Однако, это странно! Объ чёмъ онъ могъ съ вами разговаривать?

Лариса.

Ахъ, да обѣ чёмъ-бы онъ ни говорилъ, что вамъ за дѣло?

Каандышевъ.

Называете его Васей. Чѣмъ за фамильярность съ молодымъ человѣкомъ?

Лариса.

Мы съ малолѣтства знакомы; еще маленькие играли вмѣстѣ; ну, я и привыкла.

Каандышевъ.

Вамъ надо старыя привычки бросить. Чѣмъ за

короткость съ пустымъ, глупымъ мальчикомъ? Нельзя же терпѣть того, что у васъ до сихъ поръ было.

Лариса (обидясь).

У насъ ничего дурнаго не было.

Карандышевъ.

Былъ цыганскій таборъ-съ, вотъ что было. (Лариса утираетъ слезы.) Чѣмъ-же вы обидѣлись, помилуйте!

Лариса.

Чтѣжь, можетъ - быть, и цыганскій таборъ; только въ немъ было, по крайней мѣрѣ, весело. Сумѣете-ли вы дать мнѣ что-нибудь лучше этого табора?

Карандышевъ.

Ужь конечно.

Лариса.

Зачѣмъ вы постоянно попрекаете меня этимъ таборомъ? Развѣ мнѣ самой такая жизнь нравилась? Мнѣ было приказано, такъ нужно было маменькѣ; значитъ, волей или неволей я должна была вести такую жизнь ... Колоть безпрестанно мнѣ глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно. Еслибы я не искала тишины, уединенія, не захотѣла бѣжать отъ людей, развѣ-бы я пошла за васъ? Такъ умѣйте это понять и не приписывать моего выбора своимъ достоинствамъ, я ихъ еще не вижу. Я еще только хочу полюбить васъ, меня манитъ скромная, семейная жизнь; она мнѣ кажется какимъ-то раемъ. Вы видите, я стою на распутьи: поддержите меня, мнѣ нужно ободреніе, сочувствіе; относитесь ко мнѣ нѣжно, съ лаской! Ловите эти минуты и не пропустите ихъ!

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна, я совсѣмъ не хотѣлъ васъ обидѣть, это я сказалъ такъ.

Лариса.

Чтò значитъ „такъ“? То-есть не подумавши; вы не понимаете, что въ вашихъ словахъ обида, такъ чтò-ли?

Карандышевъ.

Конечно, я безъ умыслу.

Лариса.

Такъ это еще хуже. Надо думать, о чёмъ говоришь. Болтайте съ другими, если вамъ нравится, а со мной говорите осторожнѣе. Развѣ вы не видите, что положеніе мое очень серьезно? Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сдѣлалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышевъ.

Въ такомъ случаѣ, я прошу извинить меня.

Лариса.

Да Богъ съ вами, только впередъ будьте осторожнѣе! (Задумчиво.) Цыганскій таборъ ... Да, это, пожалуй, правда ... но въ этомъ таборѣ были и хороши, и благородные люди.

Карандышевъ.

Кто-же эти благородные люди? Ужь не Сергѣй-ли Сергѣичъ Паратовъ?

Лариса.

Нѣтъ, я прошу васъ, вы не говорите о немъ.

Карандышевъ.

Да почему-же-съ?

Лариса.

Вы его не знали, да хоть-бы и знали, такъ ... извините, не вамъ о немъ судить.

Карандышевъ.

Объ людяхъ судять по поступкамъ. Развѣ онъ хорошо поступилъ съ вами?

Лариса.

Это ужъ мое дѣло. Если я боюсь и не смѣю осуждать его, такъ не позволю и вамъ.

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна, скажите мнѣ; только, прошу васъ, говорите откровенно!

Лариса.

Чтѣмъ угодно?

Карандышевъ.

Ну, чѣмъ я хуже Паротова?

Лариса.

Ахъ, нѣть, оставьте!

Карандышевъ.

Позвольте, отчего-же?

Лариса.

Не надо, не надо! Чѣмъ за сравненія!

Карандышевъ.

А мнѣ-бы интересно было слышать отъ васъ.

Лариса.

Не спрашивайте, не нужно!

Карандышевъ.

Да почему-же?

Лариса.

Потому, что сравненіе не будетъ въ вашу пользу. Сами по себѣ вы что-нибудь значите: вы хороший, честный человѣкъ, но отъ сравненія съ Сергѣемъ Сергѣичемъ вы теряете все.

Карандышевъ.

Вѣдь это только слова, нужны доказательства. Вы разберите насть хорошенько!

Лариса.

Съ кѣмъ вы равняетесь? Возможно-ли такое ослѣпленіе!... Сергѣй Сергѣичъ... это идеаль мужчины. Вы понимаете, что такое идеаль? Быть можетъ, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнѣніе измѣнить во мнѣ нельзя, оно умреть со мною!

Карандышевъ.

Не понимаю-сь, не понимаю, что въ нѣмъ осо-бенного; ничего, ничего не вижу. Смѣлость какая-то, дерзость ... Да это всякий можетъ, если захочетъ.

Лариса.

Да вы знаете, какая это смѣлость?

Карандышевъ.

Да какая-жь такая, что тутъ необыкновенаго? Стойти только напустить на себя.

Лариса.

А вотъ какая, я вамъ разскажу одинъ случай. Проѣзжалъ здѣсь одинъ кавказскій офицеръ, знакомый Сергѣя Сергѣича, отличный стрѣлокъ; были они у насъ; Сергѣй Сергѣичъ и говорить: „я слы-шалъ, вы хорошо стрѣляете“. Да, не дурно, гово-рить офицеръ. Сергѣй Сергѣичъ даетъ ему писто-летъ, ставитъ себѣ стаканъ на голову и отходитъ въ другую комнату, шаговъ на двѣнадцать. „Стрѣ-ляйте“, говоритъ.

Карандышевъ.

И онъ стрѣляль?

Лариса.

Стрѣляль и, разумѣется, сшибъ стаканъ, но только поблѣднѣлъ немнога. Сергѣй Сергѣичъ го-ворить: „вы прекрасно стрѣляете, но вы поблѣд-нѣли, стрѣляя въ мужчину и человѣка вамъ не близ-

каго. Смотрите, я буду стрѣлять въ дѣвушку, которая для меня дороже всего на свѣтѣ и не поблѣднѣю". Даетъ мнѣ держать какую-то монету, равнодушно, съ улыбкой, стрѣляетъ на такомъ-же разстояніи и выбиваетъ ее.

Карандышевъ.

И вы послушали его?

Лариса.

Да развѣ можно его не послушать?

Карандышевъ.

Развѣ ужь вы были такъ увѣрены въ немъ?

Лариса.

Чтѣ вы? Да развѣ можно быть въ немъ неувѣренной?

Карандышевъ.

Сердца нѣть, оттого онъ такъ и смѣль.

Лариса.

Нѣть, и сердце есть. Я сама видѣла, какъ онъ помогалъ бѣднымъ, какъ отдавалъ всѣ деньги, которыя были съ нимъ.

Карандышевъ.

Ну, положимъ, Параторъ имѣеть какія-нибудь достоинства, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ вашихъ; а что такое этотъ купчикъ Вожеватовъ, этотъ вашъ Вася?

Лариса.

Вы не ревновать-ли? Нѣть, ужь вы эти глупости оставьте! Это пошло, я не переношу этого, я вамъ заранѣе говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

Карандышевъ.

А еслибъ явился Параторъ?

Лариса.

Разумѣется, еслибъ явился Сергѣй Сергѣичъ и былъ свободенъ, такъ довольно одного его взгляда ... Успокойтесь, онъ не явился, а теперь хоть и явится, такъ ужь поздно. Вѣроятно, мы никогда и не увидимся болѣе. (На Волгѣ пушечный выстрѣлъ.) Чѣдѣ это?

Карандышевъ.

Какой-нибудь купецъ-самодуръ слѣзаетъ съ своей баржи, такъ въ честь его салютуютъ.

Лариса.

Ахъ, какъ я испугалась!

Карандышевъ.

Чего? Помилуйте!

Лариса.

У меня нервы разстроены. Я сейчасъ съ этой скамейки внизъ смотрѣла и у меня закружилась голова. Тутъ можно очень ушибиться?

Карандышевъ.

Ушибиться! Тутъ вѣрная смерть; внизу мощено камнемъ. Да, впрочемъ, тутъ такъ wysoko, что умрешь прежде, чѣмъ долетишь до земли.

Лариса.

Пойдемте домой, пора!

Карандышевъ.

Да и мнѣ нужно: у меня, вѣдь, обѣдъ.

Лариса

(подойдя къ рѣшеткѣ).

Подождите немного. (Смотрѣть внизъ.) Ай, ай, держите меня!

Карандышевъ

(береть Ларису за руку).

Пойдемте, чтѣ за ребячество! (Уходятъ. Гаврило, Иванъ выходятъ изъ кофейной.)

Явленіе пятое.**Гаврило и Иванъ.****Иванъ.**

Пушка! Баринъ пріѣхалъ, баринъ пріѣхалъ, Сергѣй Сергѣичъ.

Гаврило.

Я говорилъ, что онъ. Ужъ я знаю: видно скола по полету.

Иванъ.

Коляска пустая въ гору ёдетъ, значитъ господа пѣшкомъ идутъ ... Да вонъ они! (Убѣгаешь въ кофейную.)

Гаврило.

Милости просимъ. Чѣмъ только ихъ подчivative-
то, не сообразишь. (Входятъ: Паратовъ (черный однобортный
сюртукъ въ обтяжку, высокіе лайковые сапоги, бѣлая фуражка, че-
резъ плечо дорожная сумка), Робинзонъ (въ плащѣ, правая пола заки-
нута на лѣвое плечо, мягкая, высокая шляпа надѣта на бокъ), Кнуровъ
Вожеватовъ. Иванъ выбѣгаешь изъ кофейной съ вѣничкомъ и бро-
саешь обметать Паратова.)

Явленіе шестое.**Паратовъ, Робинзонъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Гаврило, Иванъ.****Паратовъ (Ивану).**

Да чтѣ ты! Я съ воды ... на Волгѣ-то не
пыльно.

Иванъ.

Все-таки, сударь, нельзя-же ... порядокъ требу-
ется. Цѣлый годъ-то васъ не видали, да чтобы ...
съ пріѣздомъ, сударь

Паратовъ.

Ну хорошо, спасибо! Нѣ! (Даетъ ему рублевую бумажку.)

Островскій. IX.

Иванъ.

Покорнѣйше благодаримъ-съ. (Отходитъ.)

Паратовъ.

Такъ вы меня, Василій Данилычъ, съ Самолетомъ ждали?

Вожеватовъ.

Да вѣдь я не зналъ, что вы на своей Ласточкѣ прилетите; я думалъ, что она съ баржами идетъ.

Паратовъ.

Нѣтъ, я баржи продалъ. Я думалъ нынче рано утромъ пріѣхать; мнѣ хотѣлось обогнать Самолѣтъ, да трусь машинистъ. Кричу кочегарамъ „шуруй!“¹ — а онъ у нихъ дрова отнимаетъ. Вылѣзъ изъ своей мурки²: „если вы, говоритъ, хоть полѣно еще подкинете, я за бортъ выброшуся“. Боялся, что котелъ не выдержитъ, цифры мнѣ какія-то на бумажкѣ выводилъ, давленіе разсчитывалъ. Иностранецъ, голландецъ онъ, душа коротка; у нихъ ариѳметика, вмѣсто души-то. А я, господа, и позабылъ познакомить васъ съ моимъ другомъ. Мокій Парменычъ, Василій Данилычъ, рекомендую — Робинзонъ. (Робинзонъ раскланивается и подаетъ руку Кнурову и Вожеватову.)

Вожеватовъ.

А какъ ихъ по имени и отчеству?

Паратовъ.

Такъ, просто, Робинзонъ, безъ имени и отчества.

Робинзонъ (Паратову.)

Сержъ!

Паратовъ.

Чтѣ тебѣ?

¹ Шуровать — подтапливать.

² Мурка — конура, мѣсто въ трюмѣ (на пароходѣ).

Робинзонъ.

Полдень, мой другъ, я стражду.

Паратовъ.

А вотъ, погоди, въ гостиницу пріѣдемъ.

Робинзонъ

(показывая на кофейную).

Voilà!

Паратовъ.

Ну, ступай, чортъ съ тобой! (Робинзонъ идетъ въ кофейную.) Гаврило, ты этому барину больше одной рюмки не давай; онъ характера непокойнаго.

Робинзонъ (пожимая плечами).

Сержъ! (Уходить въ кофейную. Гаврило за нимъ.)

Паратовъ.

Это, господа, провинціальный актеръ, Счастливцевъ Аркадій.

Вожеватовъ.

Почему-же онъ Робинзонъ?

Паратовъ.

А вотъ почему: ъхаль онъ на какомъ-то пароходѣ, ужъ не знаю, съ другомъ своимъ, съ купеческимъ сыномъ Непутёвымъ; разумѣется, оба пьяные, до послѣдней возможности. Творили они, что только въ голову придется; публика все терпѣла. Наконецъ, въ довершеніе безобразія, придумали драматическое представленіе: раздѣлись, разрѣзали подушку, вывалились въ пуху и начали изображать дикихъ; тутъ ужъ капитанъ, по требованію пассажировъ, и высадилъ ихъ на пустой островъ. Бѣжимъ мы мимо этого острова, гляжу, кто-то взываетъ, поднявши руки къ верху. Я сейчасъ „стопъ“, сажусь самъ въ шлюпку и обрѣтаю артиста Счастливцева. Взявъ его на пароходъ, одѣль съ ногъ до

головы въ свое платье, благо у меня много лишняго. Господа, я имѣю слабость къ артистамъ ... Вотъ почему онъ Робинзонъ.

Вожеватовъ.

А Непутёвый на островѣ остался?

Паратовъ.

Да, на что онъ мнѣ? Пусть провѣтрится. Сами посудите, господа, вѣдь въ дорогѣ скука смертная, всякому товарищу радъ.

Кнуровъ.

Еще-бы, конечно.

Вожеватовъ.

Это такое счастье, такое счастье! Вотъ находка-то золотая!

Кнуровъ.

Одно только непріятно: пьянствомъ одолѣеть.

Паратовъ.

Нѣтъ, со мной, господа, нельзя: я строгъ на этотъ счетъ. Денегъ у него нѣть, безъ моего разрѣшенія давать не вѣльно, а у меня какъ попросить, такъ ему въ руки французскіе разговоры, на счастье нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, безъ того не дамъ ... Ну и учить, сидѣть. Какъ старается!

Вожеватовъ.

Эко вамъ счастье, Сергій Сергіевичъ! Кажется, ничего-бѣ не пожалѣть за такого человѣка, а нѣть, какъ нѣть. Онъ хорошій актеръ?

Паратовъ.

Ну, нѣть, какой хорошій! Онъ всѣ амплуа прошелъ и въ суфлерахъ былъ; а теперь въ оперет-кахъ играетъ. Ничего, такъ себѣ, смѣшишъ.

Вожеватовъ.

Значитъ веселый?

Паратовъ.

Потѣшный господинъ.

Вожеватовъ.

А пошутить съ нимъ можно?

Паратовъ.

Ничего, онъ не обидчивъ ... Вотъ отводите свою душу, могу его вамъ дня на два, на три предоставить.

Вожеватовъ.

Очень благодаренъ. Коли придется по нраву, такъ не останется въ накладѣ.

Кнуровъ.

Какъ это вамъ, Сергій Сергіевичъ, не жаль Ласточку продавать?

Паратовъ.

Чтѣ такое „жаль“, этого я не знаю. У меня, Мокій Парменычъ, ничего завѣтнаго нѣть; найду выгоду, такъ все продамъ, чтѣ угодно. А теперь, господа, у меня другія дѣла и другіе разсчеты. Я женюсь на дѣвушкѣ очень богатой, беру въ приданое золотые пріоски.

Вожеватовъ.

Приданое хорошее.

Паратовъ.

Но достается оно мнѣ не дешево: я долженъ проститься съ моей свободой, съ моей веселой жизнью. Поэтому надо постараться, какъ можно повеселѣе провести послѣдніе дни.

Вожеватовъ.

Будемъ стараться, Сергій Сергіевичъ, будемъ стараться.

Паратовъ.

Отецъ моей невѣсты важный чиновный господинъ, стариkъ строгій: онъ слышать не можетъ о цыганахъ, о кутежахъ и о прочемъ; даже не любить, кто много курить табаку. Тутъ ужъ надѣтай фракъ и *parlez fran ais!* Вотъ я теперь и практикуюсь съ Робинзономъ. Только онъ, для важности, чтѣ-ли, ужъ не знаю, зоветъ меня: „ля Сержъ“, а не просто Сержъ. Умора! (На крыльцѣ кофейной показывается Робинзонъ, чтѣ-то жуешь, за нимъ Гаврило.)

Явленіе седьмое.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Гаврило, Иванъ.

Паратовъ (Робинзону).

Que faites vous l ? Venez!

Робинзонъ (съ важностью).

Comment?

Паратовъ.

Чтѣ за прелесть! Каковъ тонъ, господа? (Робинзону.) Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира.

Вожеватовъ.

Да, это за ними водится.

Робинзонъ.

Ля-Сержъ, ты ужъ успѣлъ ... Очень нужно было.

Паратовъ.

Да, извини, я твой псевдонимъ раскрылъ.

Вожеватовъ.

Мы, Робинзонъ, тебя не выдадимъ, ты у насъ такъ за англичанина и пойдешь.

Робинзонъ.

Какъ, сразу на „ты“? Мы съ вами брудершафтъ не пили.

Вожеватовъ.

Это все равно ... Чѣд за церемоніи!

Робинзонъ.

Но я фамильярности не терплю и не позволю всякому ...

Вожеватовъ.

Да я не всякій ...

Робинзонъ.

А кто-же вы?

Вожеватовъ.

Купецъ.

Робинзонъ.

Богатый?

Вожеватовъ.

Богатый.

Робинзонъ.

И тароватый?

Вожеватовъ.

И тароватый.

Робинзонъ.

Вотъ это въ моемъ вкусѣ. (Подаетъ руку Вожеватову.)
Очень пріятно. Вотъ теперь я могу тебѣ позво-
лить обращаться со мной запросто.

Вожеватовъ.

Значить, пріятели: два тѣла — одна душа.

Робинзонъ.

И одинъ карманъ. Имя, отчество? То-есть,
одно имя отчества не надо.

Вожеватовъ.

Василій Данилычъ.

Робинзонъ.

Такъ вотъ, Вася, для первого знакомства, заплати за меня.

Вожеватовъ.

Гаврило, запиши! Сергѣй Сергѣевичъ, мы нынче вечеромъ прогулочку сочинимъ за Волгу. На одномъ катерѣ — цыгане, на другомъ — мы; прѣдемъ, усядемся на коврикѣ, жженочку сваримъ.

Гаврило.

А у меня, Сергѣй Сергѣевичъ, два ананасика давно вѣсъ, дожидаются, надо ихъ нарушить для вашаго прѣзда.

Паратовъ (Гаврилѣ).

Хорошо, срѣжь! (Вожеватову.) Дѣлайте, господа, со мной чтѣ хотите.

Гаврило.

Да ужь я, Василій Данилычъ, все заготовлю, чтѣ требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для такихъ оказій, ужь я и своихъ людей съ вами отпущу.

Вожеватовъ.

Ну, ладно. Чтобы къ шести часамъ все было готово; коли чтѣ лишнее припасешь, взыскуне будеть, а за недостачу отвѣтишь.

Гаврило.

Понимаемъ-сь.

Вожеватовъ.

А назадъ поѣдемъ, на катерахъ разноцвѣтные фонарики зажжемъ.

Робинзонъ.

Давно-ли я его знаю, а ужь полюбилъ, господа.
Вотъ чудо-то!

Паратовъ.

Главное, чтобъ весело. Я прощаюсь съ холостой жизнью, такъ чтобъ было чѣмъ ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мнѣ.

Вожеватовъ.

Эка досада! Вѣдь нельзя, Сергѣй Сергеичъ ...

Кнуровъ.

Отозваны мы.

Паратовъ.

Откажитесь, господа!

Вожеватовъ.

Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитріевна выходить замужъ, такъ мы у жениха обѣдаемъ.

Паратовъ.

Лариса выходить замужъ! (Задумывается.) Чтѣ-жъ ... Богъ съ ней! ... Это даже лучше. Я немножко виноватъ передъ ней, то есть такъ виноватъ, что не долженъ-бы и носу къ нимъ показывать; ну, а теперь она выходить замужъ, значитъ, старые счеты покончены, и я могу опять явиться, поцаловать ручки у ней и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну, для краткости, тетенькой зову. Вѣдь я было чуть не женился на Ларисѣ, — вотъ-бы людей-то насмѣшилъ! Да, разыграть было дурака. Замужъ выходить ... это очень мило съ ея стороны; все-таки на душѣ у меня немного полегче ... И дай ей Богъ здоровья и всякаго благополучія! Заѣду я къ нимъ, заѣду; любопытно, очень любопытно поглядѣть на нее.

Вожеватовъ.

Ужь навѣрное и васъ пригласяте.

Паратовъ.

Само собой, какъ-же можно безъ меня!

Кнуровъ.

Я очень радъ, все-таки будеть съ кѣмъ хоть слово за обѣдомъ перемолвить.

Вожеватовъ.

Тамъ и потолкуемъ, какъ намъ веселье время провести, можетъ, и еще что придумаемъ

Паратовъ.

Да, господа, жизнь коротка, говорять философы, такъ надо умѣть ею пользоваться ... N'est ce pas, Робинзонъ?

Робинзонъ.

Вуй, ля-Сержъ!

Вожеватовъ.

Постараемся, скучать не будете, на томъ стоймъ. Мы третій катерь прихватимъ, полковую музыку посадимъ.

Паратовъ.

До свиданія, господа! Я въ гостиницу ... Маршъ, Робинзонъ!

Робинзонъ (поднимая шляпу).

„Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладъ!“

(Занавѣсъ.)

Дѣйствіе второе.

Комната въ домѣ Огудаловой. Двѣ двери: одна въ глубинѣ, — входная, другая налѣво (отъ актеровъ), направо — окно; мебель приличная; фортепьяно, на немъ лежитъ гитара.

Явленіе первое.

Огудалова

(одна, подходитъ къ двери налѣво, съ коробочкой въ рукахъ).

Лариса, Лариса! (Лариса за сценой: „я, мама, одѣваюсь“.)

Погляди-ка, какой тебѣ подарокъ Вася привезъ!
(Лариса за сценой: „послѣ погляжу!“) Какія вещи — рублей 500 стоять. Положите, говорить, завтра по утру въ ея комнату и не говорите, отъ кого. А вѣдь знаеть, плутышка, что я не утерплю, — скажу. Я его просила посидѣть, не остался; съ какимъ-то иностранцемъ ъездить, городъ ему показываетъ. Да вѣдь шутъ онъ, у него не разберешь, нарочно онъ, или вправду. „Надо, говорить, этому иностранцу всѣ замѣчательныя трактирныя заведенія показать!“ Хотѣль къ намъ привезти этого иностранца. (Взглянувъ въ окно.) А вотъ и Мокій Парменычъ! Не выходи, я лучше одна съ нимъ потолкую. (Входитъ Кнуроффъ.)

Явленіе второе.

Огудалова, Кнуроффъ.

Кнуроффъ (въ дверяхъ).

У васъ никого нѣтъ?

Огудалова.

Никого, Мокій Парменычъ!

Киуровъ (входитъ).

Ну, и прекрасно.

Огудалова.

На чёмъ записать такое счастіе! Благодарна, Мокій Парменычъ, очень благодарна, что удостоили. Я такъ рада, растерялась, право ... не знаю, гдѣ и посадить васъ.

Киуровъ.

Все равно, сяду гдѣ-нибудь. (Садится.)

Огудалова.

А Ларису извините: она переодѣвается. Да вѣдь можно ее поторопить.

Киуровъ.

Нѣтъ, зачѣмъ беспокоитъ!

Огудалова.

Какъ это вы вздумали?

Киуровъ.

Брожу, вѣдь, я много пѣшкомъ передъ обѣдомъ-то, ну, вотъ и зашелъ.

Огудалова.

Будьте увѣрены, Мокій Парменычъ, что мы за особенное счастье поставляемъ вашъ визитъ; ни съ чѣмъ этого сравнить нельзя.

Киуровъ.

Такъ выдаете замужъ Ларису Дмитріевну?

Огудалова.

Да, замужъ, Мокій Парменычъ!

Киуровъ.

Нашелся женихъ, который беретъ безъ денегъ?

Огудалова.

Безъ денегъ, Мокій Парменычъ! Гдѣ-жъ намъ взять денегъ-то?

Кнуроў.

Чтѣ-жъ онъ, средства имѣть большія, женихъ-то вашъ?

Огудалова.

Какія средства! Самая ограниченная!

Кнуроў.

Да ... А какъ вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитріевну за человѣка бѣднаго?

Огудалова.

Не знаю, Мокій Парменычъ! Я тутъ ни при чемъ: ея воля была.

Кнуроў.

Ну, а этотъ молодой человѣкъ, какъ по-вашему, хорошо поступаетъ?

Огудалова.

Чтѣ-жъ, я нахожу, что это похвально съ его стороны.

Кнуроў.

Ничего тутъ нѣтъ похвального, напротивъ, это непохвально. Пожалуй, съ своей точки зрењія, онъ не глупъ: чтѣ онъ такое ... кто его знаетъ, кто на него обратить вниманіе? А теперь весь городъ заговорить про него, онъ влѣзаетъ въ лучшее общество, онъ позволяетъ себѣ приглашать меня на обѣдъ, напримѣръ ... Но вотъ что глупо: онъ не подумалъ или не захотѣлъ подумать, какъ и чѣмъ ему жить съ такой женой. Вотъ обѣ чемъ поговорить намъ съ вами слѣдуетъ.

Огудалова.

Сдѣлайте одолженіе, Мокій Парменычъ!

Кнуро́въ.

Какъ вы думаете о вашей дочери, чтò она та-
кое?

Огудалова.

Да ужь я не знаю, чтò и говорить; мнѣ одно
осталось: слушать васъ.

Кнуро́въ.

Вѣдь въ Ларисѣ Дмитріевнѣ земного, этого жи-
тейскаго, нѣтъ. Ну, понимаете, тривіального, чтò
нужно для бѣдной семейной жизни.

Огудалова.

Ничего нѣтъ, ничего.

Кнуро́въ.

Вѣдь это эфиръ?

Огудалова.

Эфиръ, Мокій Парменычъ!

Кнуро́въ.

Она создана для блеску!

Огудалова.

Для блеску, Мокій Парменычъ!

Кнуро́въ.

Ну, а можетъ-ли вашъ Карандышевъ доставить
ей этотъ блескъ?

Огудалова.

Нѣтъ, гдѣ-же!

Кнуро́въ.

Бѣдной полумѣщанской жизни она не вынесеть.
Чтѣ-жь остается ей? Зачахнуть, а потомъ, какъ во-
дится, — чахотка.

Огудалова.

Ахъ, чтò вы, чтò вы! Сохрани Богъ!

Кнуро́въ.

Хорошо, если она догадается поскорѣе бросить мужа и вернуться къ вамъ.

Огудалова.

Опять бѣда, Мокій Парменычъ: чѣмъ мнѣ жить съ дочерью?

Кнуро́въ.

Ну, эта бѣда поправимая. Теплое участіе сильнаго, богатаго человѣка ...

Огудалова.

Хорошо, какъ найдется это участіе.

Кнуро́въ.

Надо постараться пріобрѣсть. Въ такихъ случаяхъ доброго друга, солиднаго, прочнаго, имѣть необходимо.

Огудалова.

Ужь какъ необходимо-то.

Кнуро́въ.

Вы можете мнѣ сказать, что она еще и замужъ-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она можетъ разойтись съ мужемъ. Да, пожалуй, можетъ-быть, что и очень далеко, а вѣдь можетъ-быть, что и очень близко. Такъ лучше предупредить васть, чтобы вы еще не сдѣлали какой-нибудь ошибки, чтобы знали, что я для Ларисы Дмитріевны ничего не пожалѣю ... Чѣмъ вы улыбаетесь?

Огудалова.

Я очень рада, Мокій Парменычъ, что вы такъ расположены къ намъ.

Кнуро́въ.

Вы, можетъ - быть, думаете, что такія предложенія не бываютъ безкорыстны?

Огудалова.

Ахъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Обижайтесь, если угодно, прогоните ме'чя!

Огудалова (конфузясь).

Ахъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Найдите такихъ людей, которые посулить вамъ десятки тысячъ даромъ, да тогда и браните меня. Не трудитесь напрасно искать; не найдете. Но я увлекся въ сторону, я пришелъ не для этихъ разговоровъ. Чѣдь это у васъ за коробочка?

Огудалова.

Это я, Мокій Парменычъ, хотѣла дочери подарокъ сдѣлать ...

Кнуровъ (разматривая вещи).

Да ...

Огудалова.

Да дорого, не по карману.

Кнуровъ (отдаетъ коробочку).

Ну, это пустяки, есть дѣла поважнѣе. Вамъ нужно сдѣлать для Ларисы Дмитріевны гардеробъ, то-есть мало сказать хороший--очень хороший. Подвѣнечное платье, ну, и все тамъ, чѣдь слѣдуетъ.

Огудалова.

Да, да, Мокій Парменычъ.

Кнуровъ.

Обидно будетъ видѣть, если ее одѣнутъ кой-какъ. Такъ вы закажите все это въ лучшемъ магазинѣ, да не разсчитывайте и не копейничайте! А счеты пришлите ко мнѣ: я заплачу.

Огудалова.

Право, даже ужь и словъ-то не подберешь, какъ благодарить вѣсть.

Кнуровъ.

Вотъ зачѣмъ собственно я зашелъ къ вамъ.
(Встаетъ.)

Огудалова.

А все-таки мнѣ завтра хотѣлось-бы дочери сюпризъ сдѣлать. Сердце матери, знаете ...

Кнуровъ (беретъ коробочку).

Ну, что тамъ такое? Чѣдѣтъ?

Огудалова.

Оцѣните, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Чѣдѣ тутъ цѣнить! Пустое дѣло! Триста рублей это стѣтъ. (Достаетъ изъ бумажника деньги и отдаетъ Огудаловой.) До свиданья! Я пойду еще побродить ... Я нынче на хороший обѣдъ разсчитываю. За обѣдомъ увидимся. (Идетъ къ дверямъ.)

Огудалова.

Очень, очень вамъ благодарна за все, Мокій Парменычъ, за все! (Кнуровъ уходитъ. Входитъ Лариса съ корзинкой въ руки.)

Явленіе третье.

Огудалова, Лариса.

Лариса

(ставитъ корзинку на столъ и рассматриваетъ вещи въ коробочкѣ).

Это Вася-то подарилъ? Не дурно. Какой милый!

Огудалова.

„Не дурно!“ Это очень дорогія вещи. Будто ты не рада?

Островскій. IX.

Лариса.

Никакой особенной радости не чувствую.

Огудалова.

Ты поблагодари Васю, такъ шепни ему на ухо:
„благодарю, моль“. И Кнурову тоже.

Лариса.

А Кнурову за чтò?

Огудалова.

Ужь такъ надо; я знаю, за чтò.

Лариса.

Ахъ, мама, все-то у тебя секреты, да хитрости.

Огудалова.

Ну, ну, хитрости! Безъ хитростей на свѣтѣ не проживешь.

Лариса

(береть гитару, садится къ окну и запѣваетъ).

„Матушка голубушка, солнышко мое,
Пожалѣй, родимая, дитятко твое“.

Юлій Капитонычъ хочетъ въ мировые суды баллотироваться.

Огудалова.

Ну, вотъ и прекрасно! Въ какой уѣздѣ?

Лариса.

Въ Заболотье.

Огудалова.

Ай, въ лѣсь вѣдь это? Чтò ему вздумалось такую даль?

Лариса.

Тамъ кандидатовъ меньше: навѣрно выберутъ.

Огудалова.

Чтò-жь, ничего — и тамъ люди живутъ.

Лариса.

Мнѣ хотѣ-бы въ лѣсь, да только поскорѣй отсюда вырваться.

Огудалова.

Да оно и хорошо въ захолустыи пожить; тамъ и твой Карапышевъ миль покажется, пожалуй, первымъ человѣкомъ въ уѣздѣ будетъ; вотъ, помаленьку и привыкнешь къ нему.

Лариса.

Да онъ и здѣсь хорошъ; я въ немъ ничего не замѣчаю дурного.

Огудалова.

Ну, что ужь! Такіе-ль хорошіе-то бываютъ!

Лариса.

Конечно, есть и лучше; я сама это очень хорошо знаю.

Огудалова.

Есть, да не про нашу честь.

Лариса.

Теперь для меня и этотъ хорошъ... Да чтѣ толковать, дѣло рѣшеное.

Огудалова.

Я вѣдь только радуюсь, что онъ тебѣ нравится. Славу Богу! Осуждать его передъ тобой я не стану, а и притворяться-то намъ другъ передъ другомъ нечего, — ты сама не слѣпая.

Лариса.

Я ослѣпла, я всѣ чувства потеряла, да и рада. Давно ужь точно во снѣ вижу, что кругомъ меня происходитъ. Нѣть, уѣхать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать къ Юлію Капитонычу. Скоро и лѣто пройдетъ, а я хочу гулять по лѣсамъ, собирать ягоды, грибы ...

Огудалова.

Вотъ для чего ты корзиночку-то приготовила! Понимаю теперь. Ты ужь и шляпу соломенную съ широкими полями заведи, вотъ и будешь пастушкой.

Лариса.

И шляпу заведу. (Запѣваетъ.)

„Не искушай меня безъ нужды“ ..

Тамъ спокойствіе, тишина.

Огудалова.

А вотъ сентябрь настанетъ, такъ не очень тихо будетъ: вѣтеръ-то загудить въ окно.

Лариса.

Ну, чтѣ-жъ такое?

Огудалова.

Волки завоють на разные голоса.

Лариса.

Все-таки лучше, чѣмъ здѣсь. Я, по крайней мѣрѣ, душой отдохну.

Огудалова.

Да развѣ я тебя отговариваю? Поѣзжай, сдѣлай милость, отдыkhай душой! Только знай, что Заболотье не Италія. Это я обязана тебѣ сказать, а то, какъ ты разочаруешься, такъ меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Лариса.

Благодарю тебя ... Но пусть тамъ и дико, и глухо, и холодно; для меня послѣ той жизни, которую я здѣсь испытала, всякий тихій уголокъ покажется раемъ. Чтѣ это Юлій Капитонычъ медлитъ, я не понимаю.

Огудалова.

До деревни-ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и не удивительно: изъ ничего, да въ люди попалъ.

Лариса (напѣваетъ).

„Не искушай меня безъ нужды“ ..

Экая досада, не налажу никакъ. (Взглянувъ въ окно.)
Илья, Илья! Зайди на минутку! Наберу съ собой
въ деревню романсовъ и буду играть да пѣть отъ
скуки. (Входитъ Илья.)

Явленіе четвертое.

Огудалова, Лариса, Илья.

Илья.

Съ праздникомъ! Дай Богъ здорово да счастливо!
(Кладеть фуражку на стулъ у двери.)

Лариса.

Илья, наладь мнѣ: „Не искушай меня безъ нужды“. Все сбиваюсь. (Подаетъ гитару.)

Илья.

Сейчасъ, барышня! (Береть гитару и подстраиваетъ.) Хороша пѣсня; она въ три голоса хороша, теноръ надо: второе колѣно дѣлаетъ... Больно хорошо. А у насъ бѣда, ахъ, бѣда!

Огудалова.

Какая бѣда?

Илья.

Антонъ у насъ есть, теноръ поетъ ...

Огудалова.

Знаю, знаю.

Илья.

Одинъ теноръ и есть, а то все басы. — Какие басы, какіе басы! А теноръ одинъ Антонъ!

Огудалова.

Такъ чтобъ?

Илья.

Не годится въ хоръ — хоть брось.

Огудалова.

Не здоровъ?

Илья.

Нѣтъ, здоровъ, совсѣмъ невредимый.

Огудалова.

Чтѣ-же съ нимъ?

Илья.

Пополамъ перегнуло на бокъ, совсѣмъ угломъ, такъ глаголемъ и ходить ... другая недѣля ... ахъ, бѣда! Теперь въ хорѣ всякий лишній человѣкъ дорого стоять, а безъ тенора какъ быть! Къ дохтору ходилъ, дохторъ и говоритъ: „черезъ недѣлю, черезъ двѣ отпустить, опять прямой будешь“. А намъ теперь его надо.

Лариса.

Да ты пой!

Илья.

Сейчасъ, барышня... Секунда фальшивитъ. Вотъ бѣда, вотъ бѣда! Въ хорѣ надо браво стоять, а его на бокъ перегнуло.

Огудалова.

Отъ чего это съ нимъ?

Илья.

Отъ глупости.

Огудалова.

Отъ какой глупости?

Илья.

Такая есть глупость въ насть. Говориль: „наблюдай, Антонъ, эту осторожность!“ А онъ не понимаетъ.

Огудалова.

Да и мы не понимаемъ.

Илья.

Ну, не вамъ будь сказано: гулялъ. Такъ гулялъ, такъ гулялъ! Я говорю: Антонъ, наблюдай эту осторожность! А онъ не понимаетъ. Ахъ, бѣда, ахъ, бѣда! Теперь сто рублей человѣкъ стоятъ, вотъ какое дѣло у насъ, такого барина ждемъ, а Антона на бокъ свело. Какой прямой цыганъ былъ, а теперь кривой! (Запѣваетъ басомъ.) „Не искушай ...“ (Голосъ въ окнѣ: „Илья, Илья, ча одариковъ ча сегеры“¹) Намо? Со туки требе!² (Голосъ съ улицы: „Иди, баринъ пріѣхалъ!“) Хохавеса!³ (Голосъ съ улицы: „Вѣрно пріѣхалъ!“). Некогда, барышня, баринъ пріѣхалъ! (Кладетъ гитару и беретъ фуршакъ.)

Огудалова.

Какой баринъ!

Илья.

Такой баринъ, ждемъ не дождемся: годъ ждали, вотъ какой баринъ! (Уходитъ)

Явленіе пятое.

Огудалова, Лариса.

Огудалова.

Кто-жь-бы это пріѣхалъ? Должно быть, богатый, и, вѣроятно, Лариса, холостой, коли цыгане такъ ему обрадовались. Видно, ужь такъ у цыганъ и живеть. Ахъ, Лариса, не прозѣвали-ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Лариса.

Ахъ, мама, мало, чтѣ-ли, я страдала? Нѣтъ, довольно унываться.

¹ Поди сюда. Иди скорѣй!

² Зачѣмъ? Что тебѣ?

³ Обманываешь.

Огудалова.

Эко страшное слово сказала: „унижаться“! Испугать, чтò-ли, меня вздумала? Мы люди бѣдные, намъ унижаться-то всю жизнь. Такъ ужь лучше унижаться съ молоду, чтобъ потомъ пожить по-человѣчески.

Лариса.

Нѣтъ, не могу, тяжело, невыносимо тяжело.

Огудалова.

А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничѣмъ.

Лариса.

Опять притворяться, опять лгать.

Огудалова.

И притворяйся, и лги! Счастье не пойдетъ за тобой, если сама отъ него бѣгаешь. (Входитъ Каандышевъ.)

Явленіе шестое.

Огудалова, Лариса, Каандышевъ.

Огудалова.

Юлій Капитонычъ, Лариса у насть въ деревню собралась, вотъ и корзинку для грибовъ приготовила.

Лариса.

Да, сдѣлайте для меня эту милость, поѣдемте поскорѣй!

Каандышевъ.

Я васть не понимаю; куда вы торопитесь, зачѣмъ?

Лариса.

Мнѣ такъ хочется бѣжать отсюда.

Каандышевъ (запальчиво).

Отъ кого бѣжать? Кто васть гонитъ? Или вы стыдитесь за меня, чтò-ли?

Лариса (холодно).

Нѣтъ, я за вѣсѣ не стыжусь. Не знаю, что дальше будетъ, а пока вы мнѣ еще повода не подали.

Карандышевъ.

Такъ зачѣмъ бѣжать, зачѣмъ скрываться отъ людей? Дайте мнѣ время устроиться! опомниться, прійти въ себѧ! Я радъ, я счастливъ! Дайте мнѣ возможность почувствовать всю пріятность моего положенія!

Огудалова.

Повеличаться.

Карандышевъ.

Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенесъ уколовъ для своего самолюбія, моя гордость не разъ была оскорблена; теперь я хочу и въ правѣ погордиться и повеличаться.

Лариса.

Вы когда-же думаетеѣхать въ деревню?

Карандышевъ.

Послѣ свадьбы, когда вамъ угодно, хоть на другой день. Только вѣнчаться непремѣнно здѣсь, чтобы не сказали, что мы прячемся, потому что я не женихъ вамъ, не пара, а только та соломенка, за которую хватается утопающей.

Лариса.

Да вѣдь послѣднее-то почти такъ, Юлій Капитонычъ, вотъ это правда.

Карандышевъ (съ сердцемъ).

Такъ правду эту вы знайте про себя! (Сквозь слезы.) Пожалѣйте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонніе-то думаютъ, что вы любите меня, что выборъ вашъ былъ свободенъ.

Лариса.

Зачѣмъ это?

Карандышевъ.

Какъ зачѣмъ? Развѣ вы ужъ совсѣмъ не допускаете въ человѣкѣ самолюбія?

Лариса.

Самолюбіе! Вы только о себѣ! Всѣ себя любятъ! Когда-же меня-то будетъ любить кто-нибудь? Доведете вы меня до погибели!

Огудалова.

Полно, Лариса, чтѣ ты?

Лариса.

Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну, послушайте: если ужъ свадьба будетъ здѣсь, такъ, пожалуйста, чтобы поменьше было народа, чтобы какъ можно тише, скромнѣе.

Огудалова.

Нѣтъ, ты не фантазируй! Свадьба, такъ свадьба! Я, Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь такъ, что здѣсь и не видывали!

Карандышевъ.

Да и я ничего не пожалѣю.

Лариса.

Ну, я молчу. Я вижу, что я для васъ кукла; пограете вы мной, изломаете и бросите.

Карандышевъ.

Вотъ и обѣдъ сегодня для меня обойдется не дешево.

Огудалова.

А этотъ обѣдъ вашъ я считаю ужъ совсѣмъ лишнимъ, — напрасная трата.

Карандышевъ.

Да если-бъ онъ стоилъ мнѣ вдвое, втрое, я-бъ не пожалѣлъ денегъ.

Огудалова.

Никому онъ не нуженъ.

Карандышевъ.

Мнѣ нуженъ.

Лариса.

Да зачѣмъ, Юлій Капитонычъ?

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна, три года я терпѣлъ униженія, три года я сносилъ насмѣшки прямо въ лицо отъ вашихъ знакомыхъ; надо-же и мнѣ, въ свою очередь, посмѣяться надъ ними!

Огудалова.

Чтѣ вы еще придумываете? Скору, чтѣ-ли, затѣять хотите? Такъ мы съ Ларисой и не поѣдемъ.

Лариса.

Ахъ, пожалуйста, не обижайте никого.

Карандышевъ.

Не обижайте! А меня обижать можно? Да успокойтесь, никакой ссоры не будетъ: все будетъ очень мирно. Я предложу за васъ тостъ и поблагодарю васъ публично за счастіе, которое вы дѣлаете мнѣ своимъ выборомъ, за то, что вы отнеслись ко мнѣ не такъ, какъ другіе, что вы оцѣнили меня и повѣрили въ искренность моихъ чувствъ. Вотъ и все, вотъ и вся моя месть!

Огудалова.

И все это совсѣмъ не нужно.

Карандышевъ.

Нѣть, ужъ эти фаты одолѣли меня своимъ фан-

фаронствомъ. Вѣдь не сами они нажили богатство; чтѣ-жъ они имъ хвастаются? По пятнадцати рублей за порцію чаю бросаютъ!

Огудалова.

Все это вы на бѣднаго Васю нападаете.

Карандышевъ.

Да не одинъ Вася, всѣ хороши. Вонъ посмотрите, чтѣ въ городѣ дѣлается, какая радость на лицахъ! Извощики всѣ повеселѣли, скачутъ по улицамъ, кричатъ другъ другу: „баринъ прїѣхалъ, баринъ прїѣхалъ...“ Половые въ трактирахъ тоже сияютъ, выѣгаютъ на улицу, изъ трактира въ трактиръ перекликаются: „баринъ прїѣхалъ, баринъ прїѣхалъ!“. Цыгане съ ума сошли, всѣ вдругъ галдятъ, машутъ руками. У гостиницы съѣздъ, толпа народу. Сей-часъ къ гостиницѣ четыре цыганки разряженныя въ коляскѣ подѣхали, поздравить съ прїѣздомъ ... Чудо, чтѣ за картина! А баринъ-то, я слышалъ, промотался совсѣмъ, послѣдній пароходишко продалъ. Кто прїѣхалъ? Промотовавшій кутило, развратный человѣкъ, и весь городѣ радъ. Хороши нравы!

Огудалова.

Да кто прїѣхалъ-то?

Карандышевъ.

Вашъ Сергѣй Сергѣевичъ Параторвъ. (Лариса въ испугѣ встаетъ.)

Огудалова.

А, такъ вотъ кто!

Лариса.

Поѣдемте въ деревню, сейчасъ поѣдемте!

Карандышевъ.

Теперь-то и не нужноѣ хать.

Огудалова.

Чтѣ ты, Лариса, зачѣмъ отъ него прятаться? Онъ не разбойникъ!

Лариса.

Чтѣ вы меня не слушаете? Топите вы меня, толкаете въ пропасть!

Огудалова.

Ты сумасшедшая!

Карапышевъ.

Чего вы боитесь?

Лариса.

Я не за себя боюсь.

Карапышевъ.

За кого-же?

Лариса.

За васъ.

Карапышевъ.

О, за меня не бойтесь! Я въ обиду не дамся. Попробуй онъ только задѣть меня, такъ увидитъ...

Огудалова.

Нѣть, чтѣ вы! Сохрани васъ Богъ! Это, вѣдь, не Вася. Вы поосторожнѣе съ нимъ, а то жизни не рады будете.

Карапышевъ (у окна).

Вотъ, изволите видѣть, къ вамъ подѣхалъ; четыре иноходца въ рядъ, и цыганъ на козлахъ съ кучеромъ. Какую пыль въ глаза пускаетъ! Оно, конечно, никому вреда нѣть, пусть тѣшится, а въ сущности-то и гнусно, и глупо..

Лариса (Карапышеву).

Пойдемте, пойдемте ко мнѣ въ комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отдѣлайся отъ его визитовъ!
(Лариса и Карапышевъ уходятъ. Входить Паротовъ.)

Явление седьмое.

Огудалова, Параторъ.

Параторъ

(всю сцену ведеть въ шутливо-серъезномъ тонѣ).

Тетенька, ручку!

Огудалова (протягивая руку).

Ахъ, Сергѣй Сергѣичъ! Ахъ, родной мой!

Параторъ.

Въ объятія желаете заключить? Можно! (Обнимаются и целуются.)

Огудалова.

Какимъ вѣтромъ занесло? Проѣздомъ, вѣроятно?

Параторъ.

Нарочно сюда, и первый визитъ къ вамъ, тетенька!

Огудалова.

Благодарю. Какъ поживаете, какъ дѣла ваши?

Параторъ.

Гнѣвить Бога нечего, тетенька, живу весело, а дѣла не важны.

Огудалова

(поглядѣвъ на Паратора).

Сергѣй Сергѣичъ, скажите, мой родной, что это вы тогда такъ вдругъ исчезли?

Параторъ.

Непріятную телеграмму получилъ, тетенька.

Огудалова.

Какую?

Параторъ.

Управители мои и управляющіе свели безъ меня

домокъ мой въ орѣховую скорлупку-съ. Своими операциями довели было до аукціонной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имѣніе. Такъ я полетѣлъ тогда спасать свои животики-съ.

Огудалова.

И, разумѣется, все спасли и все устроили?

Паратовъ.

Никакъ нѣть-съ; устроилъ, да не совсѣмъ, брешь порядочная осталась. Впрочемъ, тетенька, духу не теряю и веселаго расположенія не утратилъ.

Огудалова.

Вижу, что не утратилъ.

Паратовъ.

На одномъ потеряемъ, на другомъ выиграемъ тетенька; вотъ наше дѣло какое.

Огудалова.

На чѣмъ-же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

Паратовъ.

Не намъ, легкомысленнымъ джентльменамъ, новые обороты заводить! За это въ долговое отдѣление, тетенька. — Хочу продать свою волюшку.

Огудалова.

Понимаю; выгодно жениться хотите? А во сколько вы цѣните свою волюшку?

Паратовъ.

Въ полмилліона-съ.

Огудалова.

Порядочно.

Паратовъ.

Дешевле, тетенька, нельзя-съ, разсчету нѣтъ, себѣ дороже, сами знаете.

Огудалова.

Молодецъ мужчина!

Паратовъ.

Съ тѣмъ возьмите.

Огудалова.

Экой соколь! Глядѣть на тебя, да радоваться.

Паратовъ.

Очень лестно слышать отъ васъ. Ручку пожалуйте.

(Цалуетъ руку.)

Огудалова.

А покупатели, то-есть, покупательницы-то есть?

Паратовъ.

Поискать, такъ найдутся.

Огудалова.

Извините за нескромный вопросъ!

Паратовъ.

Коли очень нескромный, такъ не спрашивайте, я стыдливъ.

Огудалова.

Да полно тебѣ шутить-то! Есть невѣста, или нѣтъ? Коли есть, такъ кто она?

Паратовъ.

Хоть зарѣжьте, не скажу.

Огудалова.

Ну, какъ знаешь.

Паратовъ.

Я бы желалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Ларисѣ Дмитріевнѣ. Могу я ее видѣть?

Огудалова.

Отъ чего-же ... Я ее сейчасъ пришлю къ вамъ.

(Береть футляръ съ вещами). Да, вотъ, Сергѣй Сергѣичъ, завтра Ларисы рожденіе, хотѣлось бы подарить ей эти вещи, да денегъ много не хватаетъ.

Паратовъ.

Тетенька, тетенька! вѣдь ужъ человѣкъ съ трехъ взяли? Я тактику-то вашу помню.

Огудалова (береть Паратова за ухо).

Ахъ ты, проказникъ!

Паратовъ.

Я завтра самъ привезу подарокъ, получше этого.

Огудалова.

Я позову къ вамъ Ларису. (Уходитъ. Входитъ Лариса.)

Явленіе восьмое.

Паратовъ, Лариса.

Паратовъ.

Не ожидали?

Лариса.

Нѣтъ, теперь не ожидала. Я ждала васъ долго, но ужъ давно перестала ждать.

Паратовъ.

Отъ чего же перестали ждать?

Лариса.

Не надѣялась дождаться. Вы скрылись такъ неожиданно и ни одного письма.

Паратовъ.

Я не писалъ потому, что не могъ сообщить вамъ ничего пріятнаго.

Лариса.

Я такъ и думала.

Паратовъ.

И замужъ выходите?

Лариса.

Да, замужъ.

Паратовъ.

А позвольте васъ спросить, долго вы меня ждали?

Лариса.

Зачѣмъ вамъ знать это?

Паратовъ.

Мнѣ не для любопытства, Лариса Дмитріевна; меня интересуютъ чисто теоретическія соображенія. Мнѣ хочется знать, скоро-ли женщина забываетъ страстно-любимаго человѣка: на другой день, послѣ разлуки съ нимъ, черезъ недѣлю, или черезъ мѣсяцъ ... Имѣлъ-ли право Гамлетъ сказать матери, что она „башмаковъ еще не износила“ и такъ далѣе ...

Лариса.

На вашъ вопросъ я вамъ не отвѣчу, Сергѣй Серѣгѣичъ; можете думать обо мнѣ, что вамъ угодно.

Паратовъ.

Объ васъ я всегда буду думать съ уваженіемъ; но женщины вообще, послѣ вашего поступка, много теряютъ въ глазахъ моихъ.

Лариса.

Да какой мой поступокъ? Вы ничего не знаете.

Паратовъ.

Эти, „корткіе, нѣжные взгляды“, этотъ сладкій любовный шопотъ, когда каждое слово чередуется съ глубокимъ вздохомъ, эти клятвы! ... И все это черезъ мѣсяцъ повторяется другому, какъ выученный урокъ. О, женщины!

Лариса.

Чтò „женщины“?

Паратовъ.

Ничтожество ваше имя!

Лариса.

Ахъ, какъ вы смѣете такъ обижать меня? Раз-
вѣ вы знаете, что я послѣ васъ полюбила кого-ни-
будь? Вы увѣрены въ этомъ?

Паратовъ.

Я не увѣренъ, но полагаю.

Лариса.

Чтобы такъ жестоко упрекать, надо знать, а не
полагать.

Паратовъ.

Вы выходите замужъ?

Лариса.

Но чтò меня заставило?.. Если дома жить
нельзя, если во время страшной, смертельной тоски
заставляютъ любезничать, улыбаться, навязываютъ
жениховъ, на которыхъ безъ отвращенія нельзя смо-
трѣть, если въ домѣ скандалы, если надо бѣжать и
изъ дома и даже изъ города?

Паратовъ.

Лариса, такъ вы?..

Лариса.

Чтò „я“? Ну, чтò вы хотѣли сказать?

Паратовъ.

Извините! Я виноватъ передъ вами. Такъ вы
не забыли меня, вы еще .. меня любите? (Лариса
молчать) Ну, скажите, будьте откровенны!

Лариса.

Конечно, да. Нечего и спрашивать.

Паратовъ (нѣжно цауляетъ руку Ларисы).

Благодарю васъ, благодарю.

Лариса.

Вамъ только и нужно было: вы — человѣкъ гордый.

Паратовъ.

Уступить васъ я могу, я долженъ по обстоятельствамъ; но любовь вашу уступить было-бы тяжело.

Лариса.

Неужели?

Паратовъ.

Если-бы вы предпочли мнѣ кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я не легко-бы простилъ вамъ это.

Лариса.

А теперь?

Паратовъ.

А теперь я во всю жизнь сохраню самое пріятное воспоминаніе о васъ, и мы разстанемся, какъ лучшіе друзья.

Лариса.

Значитъ, пусть женщина плачетъ, страдаетъ, только-бы любила васъ?

Паратовъ.

Чтѣ дѣлать, Лариса Дмитріевна! Въ любви равенства нѣтъ, это ужъ не мной заведено. Въ любви приходится иногда и плакать.

Лариса.

И непремѣнно женщинѣ?

Паратовъ.

Ужъ, разумѣется, не мужчинѣ.

Лариса.

Да почему?

Паратовъ.

Очень просто, потому что если мужчина заплачетъ, такъ его бабой назовутъ, а эта кличка для мужчины хуже всего, чтò только можетъ изобрѣсть умъ человѣческій.

Лариса.

Кабы любовь-то была равная съ обѣихъ сторонъ, такъ слезъ-то бы не было. Бываетъ это когда-нибудь?

Паратовъ.

Изрѣдка случается. Только ужъ это какое-то кондитерское пирожное выходить, какое-то безэ.

Лариса.

Сергѣй Сергѣевичъ, я сказала вамъ то, чего не должна была говорить; я надѣюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

Паратовъ.

Помилуйте, за кого-же вы меня принимаете? Если женщина свободна, ну, тогда другой разговоръ... Я, Лариса Дмитріевна, человѣкъ съ правилами, бракъ для меня дѣло священное. Я этого вольнодумства терпѣть не могу. Позвольте узнать: вашъ будущій супругъ, конечно, обладаетъ многими достоинствами?

Лариса.

Нѣтъ, однимъ только.

Паратовъ.

Не много.

Лариса.

За то дорогимъ.

Паратовъ.

А именно?

Лариса.

Онъ любить меня.

Паратовъ.

Дѣйствительно дорогимъ; это для домашняго обихода очень хорошо. (Входятъ Огудалова и Карандышевъ.)

Явленіе девятое.

Паратовъ, Лариса, Огудалова, Карандышевъ, потомъ лакей.

Огудалова.

Позвольте васъ познакомить, господа! (Паратову.) Юлій Капитонычъ Карандышевъ! (Карандышеву.) Сергѣй Сергѣевичъ Паратовъ!

Паратовъ (подавая руку Карандышеву).

Мы ужь знакомы. (Кланяясь.) Человѣкъ съ большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый другъ Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитріевны.

Карандышевъ (сдержанно).

Очень пріятно.

Огудалова.

Сергѣй Сергѣевичъ у насъ въ домѣ, какъ родной.

Карандышевъ.

Очень пріятно.

Паратовъ (Карандышеву).

Вы не ревнивы?

Карандышевъ.

Я надѣюсь, что Лариса Дмитріевна не подастъ мнѣ никакого повода быть ревнивымъ.

Паратовъ.

Да вѣдь ревнивые люди ревнують безъ всякаго повода.

Лариса.

Я ручаюсь, что Юлій Капитонычъ меня ревновать не будетъ.

Карандышевъ.

Да, конечно, но если-бы ...

Паратовъ.

О да, да. Вѣроятно, это было-бы что - нибудь очень ужасное.

Огудалова.

Чѣм вы, господа, затѣяли? Развѣ нѣть другихъ разговоровъ, кромѣ ревности?

Лариса.

Мы, Сергѣй Сергѣичъ, скоро ѳдемъ въ деревню.

Паратовъ.

Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ?

Карандышевъ.

Чѣм же вы находите здѣсь прекраснаго?

Паратовъ.

Вѣдь это какъ кому; на вкусъ, на цветъ образца нѣть.

Огудалова.

Правда, правда. Кому городъ нравится, а кому деревня.

Паратовъ.

Тetenька, у всякаго свой вкусъ: одинъ любить арбузъ, а другой свиной хрящикъ.

Огудалова.

Ахъ, проказникъ! Откуда вы столько пословицъ знаете?

Паратовъ.

Съ бурлаками водился, тetenька, такъ русскому языку выучишься.

Карандышевъ.

У бурлаковъ учиться русскому языку?

Паратовъ.

А почему-жъ у нихъ не учиться?

Карандышевъ.

Да потому, что мы считаемъ ихъ ...

Паратовъ.

Кто это: мы?

Карандышевъ (разгорячась).

Мы, то-есть образованные люди, а не бурлаки.

Паратовъ.

Ну-съ, чѣмъ-же вы считаете бурлаковъ? Я су-
дохозяинъ и вступаюсь за нихъ; я самъ такой-же
бурлацъ.

Карандышевъ.

Мы считаемъ ихъ образцомъ грубости и невѣ-
жества.

Паратовъ.

Ну, далъе, господинъ Карандышевъ!

Карандышевъ.

Все, больше нечего.

Паратовъ.

Нѣть, не все, главнаго недостаетъ: вамъ нужно
просить извиненія.

Карандышевъ.

Мнѣ—извиняться!

Паратовъ.

Да, ужъ нечего дѣлать, надо.

Карандышевъ.

Да съ какой стати? Это мое убѣжденіе.

Паратовъ.

Но-но-но-но! Отвілять нельзя.

Огудалова.

Господа, господа, чѣм вы!

Паратовъ.

Не беспокойтесь, я за это на дуэль не вызову: вашъ женихъ цѣлъ останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать; а то страхъ забудутъ, забываться станутъ.

Лариса (Каандышеву).

Чѣм вы дѣлаете? Просите извиненія сейчасъ, я вамъ приказываю!

Паратовъ (Огудаловой).

Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, такъ на недѣлю дома запираюсь, да казнь придумываю.

Каандышевъ (Паратову).

Я не понимаю ...

Паратовъ.

Такъ выучитесь прежде понимать, да потомъ и разговаривайте!

Огудалова.

Сергѣй Сергѣевичъ, я на колѣни брошусь передъ вами; ну, ради меня, извините его!

Паратовъ (Каандышеву).

Благодарите Хариту Игнатьевну. Я васъ прощаю. Только мой родной, разбираите людей! Я ъду-ѣду, не свищу, а наѣду—не спущу! (Каандышевъ хочетъ отвѣтить.)

Огудалова.

Не возражайте, не возражайте! А то я съ вами

поссорюсь. Лариса, вели шампанского подать, да налей имъ по стаканчику—пусть выпьютъ мировую. (Лариса уходитъ.) И ужъ, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирнаго характера; я люблю, чтобъ все дружно было, согласно.

Паратовъ.

Я самъ мирнаго характера, курицы не обижу; я никогда первый не начну, за себя я вамъ ручаюсь.

Огудалова.

Юлій Капитонычъ, вы — еще молодой человѣкъ, вамъ надо быть поскромнѣе, горячиться не слѣдуетъ. Извольте-ка вотъ пригласить Сергея Сергеича на обѣдъ, извольте непремѣнно! Намъ очень пріятно быть съ нимъ вмѣстѣ.

Каандышевъ.

Я и самъ хотѣль. Сергей Сергеичъ, угодно вамъ откушать у меня сегодня?

Паратовъ (холодно).

Съ удовольствиемъ. (Входитъ Лариса, за ней человѣкъ съ бутылками шампанского и съ стаканами на подносѣ).

Лариса (наливаетъ).

Господа, прошу покорно. (Паратовъ и Каандышевъ берутъ стаканы.) Прошу васъ быть друзьями.

Паратовъ.

Ваша просьба для меня равняется приказу.

Огудалова (Каандышеву).

Вотъ и вы берите примѣръ съ Сергея Сергеича!

Каандышевъ.

Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитріевны — законъ. (Входитъ Вожеватовъ.)

Явленіе десятое.

Огудалова, Лариса, Паратовъ, Карандышевъ, Вожеватовъ, потомъ Робинзонъ.

Вожеватовъ.

Гдѣ шампанское, тамъ и мы. Каково чутъе! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитріевна, позвольте бѣлокурому въ комнату войти!

Огудалова.

Какому бѣлокурому?

Вожеватовъ.

Сейчасъ увидите. Войди, бѣлокуръ! (Робинзонъ входитъ.) Честь имъю представить нового друга моего: Лордъ Робинзонъ.

Огудалова.

Очень пріятно.

Вожеватовъ (Робинзону).

Цалуй ручки! (Робинзонъ цалуетъ руки у Огудаловой и Ларисы.) Ну, милордъ, теперь поди сюда!

Огудалова.

Чтѣ это вы какъ командуете вашимъ другомъ?

Вожеватовъ.

Онъ почти не бывалъ въ дамскомъ обществѣ, такъ застѣнчивъ. Все больше путешествовалъ, и по водѣ, и по сушѣ, а вотъ недавно совсѣмъ было одичалъ на необитаемомъ островѣ. (Карандышеву.) Позвольте васъ познакомить! Лордъ Робинзонъ, Юлій Капитонычъ Карандышевъ!

Карандышевъ

(подавая руку Робинзону).

Вы ужъ давно выѣхали изъ Англіи?

Робинзонъ.

Yes (Йесъ) ¹.

¹ Да.

Вожеватовъ (Паратову).

Я его слова три по-англійски выучилъ, да, признаюсь, и самъ-то не много больше знаю. (Робинзону.) Чѣд ты на вино-то поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

Огудалова.

Сдѣлайте одолженіе.

Вожеватовъ.

Англичане вѣдь цѣлый день пьють вино, съ утра.

Огудалова.

Неужели вы цѣлый день пьете?

Робинзонъ.

Yes.

Вожеватовъ.

Они три раза завтракаютъ, да потомъ обѣдаютъ съ 6 часовъ до 12-ти.

Огудалова.

Возможно-ли?

Робинзонъ.

Yes.

Вожеватовъ (Робинзону).

Ну, наливай!

Робинзонъ (наливъ стаканы).

If you please! (Ифъ ю плизъ)¹. (Пьють).

Паратовъ (Карандышеву).

Пригласите и его обѣдать. Мы съ нимъ вездѣ вмѣстѣ, я безъ него не могу.

Карандышевъ.

Какъ его зовутъ?

¹ Пожалуйста.

Паратовъ.

Да кто-жь ихъ по именамъ зоветъ? Лордъ, ми-
лордъ ...

Карандышевъ.

Развѣ онъ лордъ?

Паратовъ.

Конечно, не лордъ; да они такъ любятъ. А то
просто: сэръ Робинзонъ.

Карандышевъ (Робинзону).

Сэръ Робинзонъ, прошу покорно сегодня отку-
шать у меня.

Робинзонъ.

I thank you (ай сенкъ ю)¹.

Карандышевъ (Огудаловой).

Харита Игнатьевна, я отправляюсь домой, мнѣ
нужно похлопотать кой чѣмъ. (Кланяясь всѣмъ). Я
васъ жду, господа. Честь имѣю кланяться! (Уходитъ.)

Паратовъ (береть шляпу).

Да и намъ пора, надо отдохнуть съ дороги.

Вожеватовъ.

Къ обѣду приготовиться.

Огудалова.

Погодите, господа, не всѣ вдругъ. (Огудалова и Лари-
са уходятъ за Карандышевымъ въ переднюю).

Явленіе одиннадцатое.

Паратовъ, Вожеватовъ, Робинзонъ.

Вожеватовъ.

Понравился вамъ женихъ?

¹ Благодарю.

Паратовъ.

Чему тутъ нравиться? Кому онъ можетъ нравиться? А еще разговариваетъ, гусь лапчатый!

Вожеватовъ.

Развѣ было что?

Паратовъ.

Былъ разговоръ небольшой. Топорщился тоже, какъ и человѣкъ, пѣтушился тоже вздумалъ. Да погоди, дружокъ, я надъ тобой, дружокъ, потѣшусь. (Ударивъ себя по лбу.) Ахъ, какая мысль блестящая! Ну, Робинзонъ, тебѣ предстоитъ работа трудная, старайся ...

Вожеватовъ.

Чтѣ такое?

Паратовъ.

А вотъ чтѣ ... (Прислушиваясь). Идутъ! Послѣ скажу, господа. (Входятъ: Огудалова и Лариса.) Честь имъю кланяться!

Вожеватовъ.

До свиданія! (Раскланиваются.)

(Занавѣсъ.)

Дѣйствіе третье.

Кабинетъ Каандышева. Комната, меблированная съ претензіями, но безъ вкуса; на одной стѣнѣ прибитъ предъ диваномъ коверъ, на которомъ развѣшено оружіе. Три двери: одна по срединѣ, двѣ по бокамъ.

Явленіе первое.

Евфросинья Потаповна и Иванъ (выходитъ изъ двери налево).

Иванъ.

Лимоновъ пожалуйте!

Евфросинья Потаповна.

Какихъ лимоновъ, аспидъ?

Иванъ.

Мессинскихъ-съ.

Евфросинья Потаповна.

На что они тебѣ понадобились?

Иванъ.

Послѣ обѣда, которые господа кофей кушаютъ, а которые чай, такъ къ чаю требуются.

Евфросинья Потаповна.

Вымотали вы изъ меня всю душеньку нынче. Подай клюковнаго морсу, развѣ не все равно? Возьми тамъ у меня графинчикъ; ты поосторожнѣе, графинчикъ-то старенький, пробочка и такъ еле держится, сургучикомъ подклеена. Пойдемъ, я сама выдамъ. (Уходить въ среднюю дверь; Иванъ за ней. Входить: Огудалова, и Лариса слѣва).

Явление второе.

Огудалова, Лариса.

Лариса.

Ахъ, мама, я не знала, куда дѣться.

Огудалова.

Я такъ и ожидала отъ него.

Лариса.

Чтѣ за обѣдъ, чтѣ за обѣдъ! А еще зоветъ Мокія Парменыча! Чтѣ онъ дѣлаеть?

Огудалова.

Да, угостиль, нечего сказать.

Лариса.

Ахъ, какъ нехорошо! Нѣтъ хуже этого стыда, когда приходится за другихъ стыдиться ... Воть мы ни въ чемъ не виноваты, а стыдно, стыдно, такъ-бы убѣжала куда-нибудь. А онъ какъ-будто не замѣчаетъ ничего, онъ даже весель.

Огудалова.

Да ему и замѣтить нельзя: онъ ничего не знаетъ, онъ никогда и не видывалъ, какъ порядочные люди обѣдаются. Онъ еще думаетъ, что удивилъ всѣхъ своею роскошью; воть онъ и весель. Да развѣ ты не замѣчаешь? Его нарочно подпаиваютъ.

Лариса.

Ахъ, ахъ! останови его, останови его!

Огудалова.

Какъ остановить? онъ—не малолѣтній, пора безъ нянки жить.

Лариса.

Да вѣдь онъ не глупъ, какъ же онъ не видитъ этого?

Огудалова.

Не глупъ, да самолюбивъ. Надъ нимъ подтруниваютъ, вина похваливаютъ, онъ и радъ; сами-то только видъ дѣлаютъ, что пьють, а ему подливаютъ.

Лариса.

Ахъ! я боюсь, всего боюсь. Зачѣмъ они это дѣлаютъ?

Огудалова.

Да такъ просто, позабавиться хотятъ.

Лариса.

Да вѣдь они меня терзаютъ-то?

Огудалова.

А кому нужно, что ты терзаешься. Вотъ, Лариса, еще ничего не видя, а ужъ терзаніе; что дальше-то будетъ?

Лариса.

Ахъ, дѣло сдѣлано, можно только жалѣть, а поправить нельзя. (Входитъ Евфросинья Потаповна.)

Явленіе третье.

Огудалова, Лариса и Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна.

Ужъ откушали? А чаю не угодно?

Огудалова.

Нѣтъ, увольте.

Евфросинья Потаповна.

А мужчины-то чтѣ?

Огудалова.

Они тамъ сидять, разговариваютъ.

Евфросинья Потаповна.

Ну, покушали, и вставали-бы; чего еще дожидаются? Ужь достался мнѣ этотъ обѣдъ; чтѣ хлопотъ, чтѣ изъяну! Поваришкы разбойники, въ кухню-то точно какой побѣдитель придетъ, слова ему сказать не смѣй!

Огудалова.

Да обѣ чѣмъ съ нимъ разговаривать? Коли онъ хороший поваръ, такъ учить его не надо.

Евфросинья Потаповна.

Да не обѣ ученыи рѣчь, а многое очень добра изводятъ. Кабы свой материаlъ, домашній, деревенскій, такъ я-бы словѣ не сказала, а то купленный, дорогой, такъ его и жалко. Помилуйте, требуетъ сахару, ванилю, рыбьяго kleю; а ваниль этотъ дорогой, а рыбій клей еще дороже. Ну, и положилъ-бы чуточку для духу, а онъ валить зря: сердце-то и мретъ, на него глядя.

Огудалова.

Да, для расчетливыхъ людей, конечно ...

Евфросинья Потаповна.

Какіе тутъ разсчеты, коли человѣкъ съ ума сошелъ. Возьмемъ стерлядь: развѣ вкусъ-то въ ней не одинъ, чтѣ большая, чтѣ маленькая? А въ цѣнѣ-то разница, охъ, велика! Полтинничекъ десятокъ и за глаза бы, а онъ по полтиннику штуку платиль.

Огудалова.

Ну, этимъ, чтѣ были за обѣдомъ, еще погулять по Волгѣ да подрасти бы не мѣшало.

Евфросинья Потаповна.

Ахъ, да вѣдь, пожалуй, есть и въ рубль, и въ два; плати, у кого деньги бѣшеные. Кабы для на-

чальника какого высокаго, али для владыки, ну, ужь это такъ и полагается, а то для кого? Опять вино хотѣль было дорогое покупать, въ рубль и больше, да купецъ честный человѣкъ попался: берите, говорить, кругомъ по шести гривенъ за бутылку, а ерлыки наклеимъ какіе прикажете! Ужь и вино отпустиль! Можно сказать, что на части. Попробовала я рюмочку, такъ и гвоздикой-то пахнетъ, и розаномъ пахнетъ, и еще чѣмъ-то. Какъ ему быть дешевымъ, когда въ него столько дорогихъ духовъ кладется! И деньги немалыя: шесть гривенъ за бутылку; а ужь и стоять дать. А дороже платить не изъ чего, жалованьемъ живемъ. Вотъ у насъ совсѣдъ женился, такъ къ нему этого одного пуху: перинъ да подушекъ, возили-возили, возили-возили, да все чистаго; потомъ пушного: и лисица, и куница, и соболь! Все это въ домъ, такъ есть изъ чего ему тратиться. А вотъ рядомъ чиновникъ женился, такъ всего приднаго привезли фортепьяны старыя. Не разживешься. Все равно и намъ форсить некстати.

Лариса (Огудаловой).

Бѣжала-бѣ я отсюда, куда глаза глядятъ.

Огудалова.

Невозможно, къ несчастію.

Евфросинья Потаповна.

Да коли вамъ не по себѣ, такъ пожалуйте ко мнѣ въ комнату, а то придутъ мужчины, накурятъ такъ, что не продохнешь. Чѣдъ я стою-то? Бѣжать мнѣ серебро сосчитать, да запереть, нынче народъ безъ креста. (Огудалова и Лариса уходятъ въ дверь направо, Евфросинья Потаповна въ среднюю. Изъ двери нальво выходятъ: Паратовъ, Кнуровъ, Вожеваговъ.)

Явленіе четвертое.

Паратовъ, Кнуровъ и Вожеватовъ.

Кнуровъ.

Я, господа, въ клубъ обѣдать поѣду, я не ъѣль ничего.

Паратовъ.

Подождите, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Со мной первый разъ въ жизни такой случай. Приглашаетъ обѣдать извѣстныхъ людей, а ѿсть не-чего ... Онъ человѣкъ глупый, господа.

Паратовъ.

Мы не споримъ. Надо ему отдать справедли-вость: онъ, дѣйствительно, глупъ.

Кнуровъ.

И самъ прежде всѣхъ напился.

Вожеватовъ.

Мы его порядочно подстроили.

Паратовъ.

Да, я свою мысль привелъ въ исполненіе. Минѣ еще давеча въ голову пришло накатить его хоро-шенько и посмотреть, что выйдетъ.

Кнуровъ.

Такъ у васъ было задумано?

Паратовъ.

Мы прежде условились. Вотъ, господа, для та-кихъ случаевъ Робинзоны-то и дороги.

Вожеватовъ.

Золото, а не человѣкъ!

Паратовъ.

Чтобы напоить хозяина, надо самому пить съ

нимъ вмѣстѣ; а есть-ли возможность глотать эту микстуру, которую онъ виномъ величаетъ? А Робинзонъ — натура выдержанная на заграничныхъ винахъ ярославскаго производства, ему ни почемъ. Онъ пить да похваливается, пробуетъ то одно, то другое, сравниваетъ, смакуетъ съ видомъ знатока, но безъ хозяина пить не соглашается; тотъ и попался. Человѣкъ непривычный, много-ль ему надо, скорехонько и дошелъ до восторга.

Кнуровъ.

Это забавно; только мнѣ, господа, не шутя, Ѳѣсть хочется.

Паратовъ.

Еще успѣете. Погодите немного; мы попросимъ Ларису Дмитріевну спѣть что-нибудь.

Кнуровъ.

Это другое дѣло. А гдѣ-жь Робинзонъ?

Вожеватовъ.

Они тамъ еще допиваются. (Входитъ Робинзонъ.)

Явленіе пятое.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Робинзонъ (падая на диванъ).

Батюшки, помогите! Ну, Сержъ, будешь ты за меня Богу отвѣтчишь.

Паратовъ.

Чтѣ-жь ты, пьянъ чтѣ-ли?

Робинзонъ.

Пьянъ! Развѣ я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьянъ, это-бы прелестъ что такое — лучше бы и желать ничего нельзѧ. Я съ этимъ добрымъ намѣ-

реніемъ ъхаль сюда, да съ этимъ намѣреніемъ и на свѣтѣ живу. Это цѣль моей жизни.

Паратовъ.

Чтѣ-жь съ тобой?

Робинзонъ.

Я отравленъ, я сейчасъ карауль закричу.

Паратовъ.

Да ты что пиль-то больше, какое вино?

Робинзонъ.

Кто-жь его знаетъ? химикъ я что-ли? Ни одинъ аптекарь не разберетъ.

Паратовъ.

Да что на бутылкѣ-то, какой этикетъ?

Робинзонъ.

На бутылкѣ-то „бургонское“, а въ бутылкѣ-то „киндеръ-бальзамъ“ какой-то. Не пройдетъ мнѣ даромъ эта спеція, ужъ я чувствую.

Вожеватовъ.

Это случается: какъ дѣлаютъ вино, такъ переложать лишнее что-нибудь противъ пропорціи. Ошибиться долго-ли? человѣкъ не машина. Мухоморовъ не переложили-ли?

Робинзонъ.

Что тебѣ весело? Человѣкъ погибаетъ, а ты радъ.

Вожеватовъ.

Шабашъ! Помирать тебѣ, Робинзонъ.

Робинзонъ.

Ну это вздоръ, помирать я не согласенъ ... Ахъ, хоть-бы знать, какоеувѣчье-то отъ этого вина бываетъ!

Вожеватовъ.

Одинъ глазъ лопнетъ непремѣнно, ты такъ и жди.
(За сценой голосъ Каандышева: „Эй, дайте намъ бургунскаго“.)

Робинзонъ.

Ну вотъ, изволите слышать, опять бургунскаго!
Спасите, погибаю! Сержъ, пожалѣй хоть ты меня!
Вѣдь я въ цвѣтѣ лѣтъ, господа, я подаю большія
надежды. За чтѣ-жъ искусство должно лишиться . . .

Паратовъ.

Да не плачь, я тебя вылечу; я знаю, чѣмъ по-
мочь тебѣ; какъ рукой сниметъ. (Входитъ Каандышевъ
съ ящикомъ сигаръ)

Явленіе шестое.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ и Каандышевъ.

Робинзонъ (взглянувъ на коверъ).

Чтѣ это у васъ такое?

Каандышевъ.

Сигары.

Робинзонъ.

Нѣтъ, чтѣ развѣшено-то? Бутафорскія вещи?

Каандышевъ.

Какія бутафорскія вещи? Это турецкое оружіе.

Паратовъ.

Такъ вотъ кто виноватъ, что австрійцы турокъ
одолѣть не могутъ.

Каандышевъ.

Какъ? что за шутки! Помилуйте, что за вздоръ!
Чѣмъ я виноватъ?

Паратовъ.

Вы забрали у нихъ все дрянное, негодное ору-

жие; воть они съ горя хорошимъ англійскимъ и за-
паслись..

Вожеватовъ.

Да, да, воть кто виновать! теперь нашлось. Ну,
вамъ австрійцы спасибо не скажутъ.

Карандышевъ.

Да чѣмъ оно негодное? Воть этотъ пистолетъ,
напримѣръ. (Снимаетъ со стѣны пистолетъ.)

Паратовъ (беретъ у него пистолетъ).

Этотъ пистолетъ?

Карандышевъ.

Ахъ, осторожнѣе, онъ заряженъ!

Паратовъ.

Не бойтесь! Заряженъ-ли онъ, не заряженъ-ли,
опасность отъ него одинаковая: онъ все равно, не
выстрѣлитъ. Стрѣляйте въ меня въ пяти шагахъ, я
позволяю.

Карандышевъ.

Ну, нѣтъ-съ, и этотъ пистолетъ пригодиться мо-
жетъ.

Паратовъ.

Да, въ стѣну гвозди вколачивать. (Бросаетъ писто-
летъ на столъ.)

Вожеватовъ.

Ну, нѣтъ, не скажите! По русской пословицѣ:
„На грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь“.

Карандышевъ (Паратову).

Не угодно-ли сигаръ?

Паратовъ.

Да вѣдь, чай, дорогая? Рублей семь сотня, я
думаю.

Карандышевъ.

Да-съ, около того; сортъ высокій, очень высокій сортъ.

Паратовъ.

Я этотъ сортъ знаю: Регалія капустиссима dos amigos; я его держу для пріятелей, а самъ не курю.

Карандышевъ (Кнуроу).

Не прикажете-ли?

Кнуроу.

Не хочу я вашихъ сигаръ,—свои курю.

Карандышевъ.

Хорошенькія сигары, хорошенькія-съ.

Кнуроу.

Ну, а хорошія, такъ и курите сами.

Карандышевъ (Вожеватову).

Вамъ не угодно-ли?

Вожеватовъ.

Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать: рябина—ягода нѣжная.

Карандышевъ.

А вы, сэръ Робинзонъ, курите?

Робинзонъ.

Я-то? Странный вопросъ! Пожалуйте пяточекъ!
(Выбираетъ пять штукъ, вынимаетъ изъ кармана бумажку и тщательно завертываетъ.)

Карандышевъ.

Что же вы не закуриваете?

Робинзонъ.

Нѣть, какъ можно! Эти сигары надо курить въ природѣ, въ ходошемъ мѣстоположеніи.

Каандышевъ.

Да почему-же?

Робинзонъ.

А потому, что если ихъ закурить въ порядочномъ домѣ, такъ, пожалуй, прибываютъ, чего я терпеть не могу.

Каандышевъ.

Не любишь, когда бьютъ?

Робинзонъ.

Нѣть, съ дѣтства отвращеніе имѣю.

Каандышевъ.

Какой онъ оригиналъ! А, господа, каковъ оригиналъ! Сейчасъ видно, что англичанинъ. (Громко.) А гдѣ наши дамы? (Еще громче.) Гдѣ дамы? (Входитъ Огудалова.)

Явленіе седьмое.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Каандышевъ и Огудалова.

Огудалова.

Дамы здѣсь, не беспокойтесь. (Каандышеву тихо.) Чѣмъ вы дѣлаете? Посмотрите вы на себя!

Каандышевъ.

Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите, всѣ пьяны, а я только весель. Я счастливъ сегодня, я торжествую.

Огудалова.

Торжествуйте, только не такъ громко. (Подходитъ къ Паратову.) Сергѣй Сергѣевичъ, перестаньте издѣваться надъ Юлиемъ Капитонычемъ! Намъ больно видѣть: вы обижаете меня и Ларису.

Паратовъ.

Ахъ, тетенька, смѣю-ли я!

Огудалова.

Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору?
Какъ не стыдно!

Паратовъ.

Чтò вы! Я, тетенька, не злопамятењь. Да извольте, я для вашего удовольствія все это покончу однимъ разомъ. Юлій Капитонычъ!

Карандышевъ.

Чтò вамъ угодно?

Паратовъ.

Хотите брудершафтъ со мной выпить?

Огудалова.

Вотъ это хорошо. Благодарю васъ!

Карандышевъ.

Брудершафтъ, вы говорите? Извольте, съ удовольствіемъ.

Паратовъ (Огудаловой).

Да попросите сюда Ларису Дмитріевну! Чтò она прячется отъ настъ?

Огудалова.

Хорошо, я приведу ее. (Уходитъ.)

Карандышевъ.

Чтò-же мы выпьемъ? Бургонскаго?

Паратовъ.

Нѣтъ, ужь отъ бургонскаго увольте! Я человѣкъ простой.

Карандышевъ.

Такъ чего-же?

Паратовъ.

Знаете чтò: любопытно теперь намъ съ вами коньячку выпить. Коньякъ есть?

Карандышевъ.

Какъ не быть! У меня все есть. Эй, Иванъ, коньяку!

Паратовъ.

Зачѣмъ сюда, мы тамъ выпьемъ; только вѣлите стаканчиковъ дать, я рюмокъ не признаю.

Робинзонъ.

Чтѣ-жь вы прежде не сказали, что у васъ коньякъ есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

Вожеватовъ.

Какъ онъ ожилъ!

Робинзонъ.

Съ этимъ напиткомъ я обращаюсь умѣю, я къ нему примѣнился. (Паратовъ и Карандышевъ уходятъ въ дверь налѣво.)

Явленіе восьмое.

Кнуроў, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Робинзонъ

(глядѣть въ дверь налѣво).

Погибъ Карандышевъ. Я началь, а Сержъ его докончить. Наливаютъ, устанавливаются въ позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсѣмъ Бертрамъ. (Поетъ изъ „Роберта“): „Ты мой спаситель.—Я твой спаситель!—И покровитель.—И покровитель“. Ну, проглотиль. Цалуются. (Поетъ.) „Какъ счастливъ я!“ — „Жертва моя!“ Ай, уносить Иванъ коньякъ, уносить! (Громко.) Что ты, что ты, оставь! Я его давно ожидаюсь. (Убѣгааетъ. Изъ средней двери выходитъ Илья.)

Явленіе девятое.

Кнуроў, Вожеватовъ, Илья, потомъ Паратовъ.

Вожеватовъ.

Чтѣ тебѣ, Илья?

Илья.

Да наши готовы, собрались совсѣмъ, на бульварѣ дожидаются. Когда Ѹхать прикажете?

Вожеватовъ.

Сейчасъ всѣ вмѣстѣ поѣдемъ, подождите немного!

Илья.

Хорошо, какъ прикажете, такъ и будетъ. (Входитъ Паратовъ.)

Паратовъ.

А, Илья, готовы?

Илья.

Готовы, Сергѣй Сергѣичъ!

Паратовъ.

Гитара съ тобой?

Илья.

Не захватилъ, Сергѣй Сергѣичъ.

Паратовъ.

Гитару нужно, слышишь?

Илья.

Сейчасъ сбѣгаю, Сергѣй Сергѣичъ! (уходитъ.)

Паратовъ.

Я хочу попросить Ларису Дмитріевну спѣть намъ чтѣ-нибудь, да и поѣдемте за Волгу.

Кнуровъ.

Не весела наша прогулка будетъ безъ Ларисы Дмитріевны. Вотъ еслибы ... Дорого можно заплатить за такое удовольствіе ...

Вожеватовъ.

Еслибы Лариса Дмитріевна поѣхала, я бы, съ радости, всѣхъ гребцовъ по рублю серебромъ одѣли.

Паратовъ.

Представьте, господа, я и самъ о томъ же думаю; вотъ какъ мы сошлись.

Киуровъ.

Да есть-ли возможность?

Паратовъ.

На свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго, говорять философы.

Киуровъ.

А Робинзонъ, господа, лишній. Потѣшились и будетъ. Напьется онъ тамъ до звѣринаго образа,— что хорошаго? Эта прогулка дѣло серьезное, онъ намъ совсѣмъ не компанія. (Указывая на дверь.) Вонъ онъ какъ къ коньяку-то прильнуль.

Вожеватовъ.

Такъ не брать его.

Паратовъ.

Увяжется какъ-нибудь.

Вожеватовъ.

Погодите, господа, я отъ него отдѣлаюсь. (Въ дверь.) Робинзонъ! (Входитъ Робинзонъ.)

Явленіе десятое.

Паратовъ, Киуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Робинзонъ.

Что тебѣ?

Вожеватовъ (тихо).

Хочешь Ѣхать въ Парижъ?

Робинзонъ.

Какъ въ Парижъ, когда?

Вожеватовъ.

Сегодня вечеромъ.

Робинзонъ.

А мы за Волгу сбирались.

Вожеватовъ.

Какъ хочешь; поѣзжай за Волгу, а я въ Парижъ.

Робинзонъ.

Да вѣдь у меня паспорта нѣтъ.

Вожеватовъ.

Это ужь мое дѣло.

Робинзонъ.

Я, пожалуй.

Вожеватовъ.

Такъ отсюда мы поѣдемъ вмѣстѣ; я тебя завезу домой къ себѣ; тамъ и жди меня, отдохни, усни. Мнѣ нужно заѣхать по дѣламъ мѣста въ два.

Робинзонъ.

А интересно-бы и цыганъ послушать.

Вожеватовъ.

А еще артистъ! Стыдись! Цыганскія пѣсни, вѣдь это невѣжество. То-ли дѣло игальянская опера, или оперетка веселенькая! Вотъ что тебѣ надо слушать. Чай, самъ игралъ?

Робинзонъ.

Еще-бы! я въ „Птичкахъ пѣвчихъ“ игралъ!

Вожеватовъ.

Кого?

Робинзонъ.

Нотаріуса.

Вожеватовъ.

Ну, какъ же такому артисту да въ Парижъ не побывать! Послѣ Парижа тебѣ какая цѣна-то будетъ!

Робинзонъ.

Руку!

Вожеватовъ.

Ѣдешь?

Робинзонъ.

Ѣду!

Вожеватовъ (Паратову).

Какъ онъ тутъ пѣлъ изъ „Роберта“. Чѣдъ за го-
лосъ!

Паратовъ.

А вотъ мы съ нимъ въ Нижнемъ, на ярмаркѣ,
дѣлъ надѣлаемъ.

Робинзонъ.

Еще поѣду-ли я, спросить надо.

Паратовъ.

Чѣдъ такъ?

Робинзонъ.

Невѣжества я и безъ ярмарки довольно вижу.

Паратовъ.

Ого, какъ онъ поговаривать началь!

Робинзонъ.

Нынче образованные люди въ Европу Ѣздятъ, а
не по ярмаркамъ шатаются.

Паратовъ.

Какія-же государства и какіе города Европы вы
осчастливить хотите?

Робинзонъ.

Конечно, Парижъ, я ужъ туда давно собираюсь.

Вожеватовъ.

Мы съ нимъ сегодня вечеромъ Ѣдемъ.

Паратовъ.

А, вотъ чѣдъ! Счастливаго пути! Въ Парижъ тебѣ,

дѣйствительно, надоѣхать. Тамъ только тебя и не-
доставало. А гдѣ-же хозяинъ?

Робинзонъ.

Онъ тамъ, онъ говорилъ, что сюрпризъ намъ го-
товитъ. (Входятъ: справа Огудалова и Лариса; слѣва—Карандышевъ
и Иванъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Огудалова, Лариса, Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ,
Карандышевъ, Иванъ, потомъ Илья и Евфросинья Потаповна.

Паратовъ (Ларисѣ).

Чтѣ вы насъ покинули?

Лариса.

Мнѣ чтѣ-то нездоровится.

Паратовъ.

А мы сейчасъ съ вашимъ женихомъ брудершафтъ
выпили. Теперь ужъ друзья на вѣкъ.

Лариса..

Благодарю васъ. (Жметъ руку Паратову.)

Карандышевъ (Паратову).

Сержъ!

Паратовъ (Ларисѣ).

Вотъ видите, какая короткость! (Карандышеву.) Чѣ-
тебѣ?

Карандышевъ.

Тебя кто-то спрашиваетъ.

Паратовъ.

Кто тамъ?

Иванъ.

Цыганъ Илья.

Паратовъ.

Такъ зови его сюда. (Иванъ уходитъ) Господа, изви-
Островскій. IX.

ните, что я приглашаю Илью въ наше общество. Это мой лучшій другъ. Гдѣ принимаютъ меня, тамъ должны принимать и моихъ друзей. Это мое правило.

Вожеватовъ (тихо Ларисѣ).

Я новую пѣсенку знаю.

Лариса.

Хорошая?

Вожеватовъ.

Безподобная! „Веревьюшки веревью, на барышнѣ башмачки“.

Лариса.

Это забавно.

Вожеватовъ.

Я васъ выучу. (Входитъ Илья съ гитарой.)

Паратовъ (Ларисѣ).

Позвольте, Лариса Дмитріевна, попросить васъ осчастливить настъ! Спойте намъ какой-нибудь романсь или пѣсенку! Я васъ цѣлый годъ не слыхалъ, да, вѣроятно, и не услышу ужъ болѣе.

Кнуровъ.

Позвольте и мнѣ повторить ту же просьбу!

Карандышевъ.

Нельзя, господа, нельзя. Лариса Дмитріевна не станетъ пѣть.

Паратовъ.

Да почемъ ты знаешь, что не станетъ? А, можетъ-быть, и станетъ.

Лариса.

Извините, господа, я и не расположена сегодня, и не въ голосѣ.

Кнуровъ..

Чтѣ-нибудь, что вамъ угодно!

Карапышевъ.

Ужъ коли я говорю, что не станетъ, такъ не станетъ.

Паратовъ.

А вотъ посмотримъ. Мы попросимъ хорошенъко, на кольни, станемъ.

Вожеватовъ.

Это я сейчасъ, я человѣкъ гибкій.

Карапышевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, и не просите, нельзя; я запрещаю!

Огудалова.

Чтѣ вы! Запрещайте тогда, когда будете имѣть право, а теперь еще погодите запрещать, рано.

Карапышевъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я положительно запрещаю.

Лариса.

Вы запрещаете! Такъ я буду пѣть, господа.
(Карапышевъ, надувшись, отходитъ въ уголъ и садится.)

Паратовъ.

Илья!

Илья.

Чтѣ будемъ пѣть, барышня?

Лариса.

„Не искушай“.

Илья (подстраивая гитару).

Вотъ третій голосъ надо! Ахъ, бѣда! Какой теноръ былъ! Отъ своей отъ глупости. (Поютъ въ два голоса.)

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей!
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней.

(Всѣ различнымъ образомъ выражаютъ восторгъ. Паратовъ сидить, запустивъ руки въ волоса. Ко 2-му куплету слегка пристаетъ Робин-зонъ.)

Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрю въ любовь,
И не хочу предаться вновь
Разъ обманувшимъ сновидѣньямъ.

Илья (Робинзону).

Вотъ спасибо, баринъ. Выручилъ.

Кнуровъ (Ларисѣ).

Велико наслажденіе видѣть васъ, а еще больше наслажденія слушать васъ.

Паратовъ (съ ирачнымъ видомъ).

Мнѣ кажется, я съ ума сойду. (Цалуетъ руку Ларисы.)

Вожеватовъ.

Послушать да и умереть—вотъ оно что! (Карандышеву.) А вы хотѣли лишить насъ этого удовольствія.

Карандышевъ.

Я, господа, не меньше вашего восхищаюсь пѣніемъ Ларисы Дмитріевны. Мы сейчасъ выпьемъ шампанского за ея здоровье.

Вожеватовъ.

Умную рѣчь пріятно и слышать.

Карандышевъ (громко).

Подайте шампанского!

Огудалова (тихо).

Потише! Чѣдѣ вы кричите!

Карандышевъ.

Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, чѣдѣ дѣлаю. (Громко.) Подайте шампанского! (Входитъ Евфросинья Потаповна.)

Евфросинья Потаповна.

Какого тебѣ еще шампанского? Поминутно то того, то другого.

Каандышевъ.

Не мѣшайтесь не въ свое дѣло! Исполняйте, что вамъ приказываютъ!

Евфросинья Потаповна.

Такъ поди самъ! А ужь я ноги отходила; я еще, можетъ-быть, не ъвши съ утра. (Уходитъ. Каандышевъ идетъ въ дверь нальво.)

Огудалова.

Послушайте, Юлій Капитонычъ ... (Уходитъ за Каандышевымъ.)

Паратовъ.

Илья, поѣзжай! Чтобъ катера были готовы. Мы сейчасъ пріѣдемъ. (Илья уходитъ въ среднюю дверь.)

Вожеватовъ (Кнуреву).

Оставимъ его одного съ Ларисой Дмитріевной. (Робинзону.) Робинзонъ, смотри, Иванъ конъякъ-то убираетъ.

Робинзонъ.

Да я его убью. Мнѣ легче съ жизнью разстаться! (Уходятъ нальво: Кнуревъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Лариса и Паратовъ.

Паратовъ.

Очаровательница! (Страстно глядить на Ларису.) Какъ я проклиналъ себя, когда вы пѣли!

Лариса.

За чѣ?

Паратовъ.

Вѣдь я не дерево; потерять такое сокровище, какъ вы, развѣ легко?

Лариса.

Кто-же виноватъ?

Паратовъ.

Конечно, я, и гораздо болѣе виноватъ, чѣмъ вы думаете. Я долженъ презирать себя.

Лариса.

За чтѣ-же, скажите?

Паратовъ.

Зачѣмъ я бѣжалъ отъ васъ? На что промѣнялъ васъ?

Лариса.

Зачѣмъ-же вы это сдѣлали?

Паратовъ.

Ахъ, зачѣмъ! Конечно, малодушіе. Надо было поправить свое состояніе. Да Богъ съ нимъ, съ состояніемъ! Я проигралъ больше, чѣмъ состояніе, я потерялъ васъ; я и самъ страдаю, и васъ заставилъ страдать.

Лариса.

Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь.

Паратовъ.

Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсѣмъ опошился, не совсѣмъ огрубѣлъ; во мнѣ врожденного торгащества нѣть; благородныя чувства еще шевелятся въ душѣ моей. Еще нѣсколько такихъ минутъ, да ... Еще нѣсколько такихъ минутъ ...

Лариса (тихо).

Говорите!

Паратовъ.

Я брошу всѣ разсчеты, и ужь никакая сила не вырветъ васъ у меня; развѣ вмѣстѣ съ моей жизнью...

Лариса.

Чего-же вы хотите?

Паратовъ.

Видѣть васъ, слушать васъ... Я завтра уѣзжаю.

Лариса (опустя голову).

Завтра.

Паратовъ.

Слушать вашъ очаровательный голосъ, забывать весь міръ и мечтать только объ одномъ блаженствѣ.

Лариса (тихо).

О какомъ?..

Паратовъ.

О блаженствѣ быть рабомъ вашимъ, быть у вашихъ ногъ.

Лариса.

Но какъ-же?

Паратовъ.

Послушайте: мы ѿдемъ всей компанией кататься по Волгѣ на катерахъ — поѣдемте!

Лариса.

Ахъ! А здѣсь? Я не знаю, право... Какъ-же здѣсь?

Паратовъ.

Чтѣ такое „здѣсь“? Сюда сейчасъ пріѣдутъ: тетка Карандышева, барыни въ крашеныхъ шелковыхъ платьяхъ, разговоръ будетъ о соленыхъ грибахъ.

Лариса.

Когда-же ѿхать?

Паратовъ.

Сейчасъ.

Лариса.

Сейчасъ?

Паратовъ.

Сейчасъ или никогда.

Лариса.

Вдемте!

Паратовъ.

Какъ, вы рѣшаетесьѣхать за Волгу?

Лариса.

Куда вамъ угодно.

Паратовъ.

Съ нами, сейчасъ?

Лариса.

Когда вамъ угодно.

Паратовъ.

Ну, признаюсь, выше и благороднѣй этого я ничего и вообразить не могу. Очаровательное созданіе! Повелительница моя!

Лариса.

Вы — мой повелитель! (Входятъ: Огудалова, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ и Иванъ съ подносомъ, на которомъ стаканы шампанскаго.)

Явленіе тринадцатое.

Огудалова, Лариса, Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ и Иванъ.

Паратовъ (Кнурову и Вожеватову).

Она поѣдетъ.

Карандышевъ.

Господа, я предлагаю тостъ за Ларису Дмитріевну. (Всѣ берутъ стаканы.) Господа, вы сейчасъ восхищались талантомъ Ларисы Дмитріевны. Ваши похвалы — для нея не новость; съ дѣтства она окружена поклонниками, которые восхваляютъ ее въ глаза при каждомъ удобномъ случаѣ. Да-съ, талантовъ у нея, действительно, много. Но не за нихъ я хочу по-

хвалить ее. Главное, неоцѣненное достоинство Ларисы Дмитріевны то, господа... то, господа...

Вожеватовъ.

Спутается.

Паратовъ.

Нѣтъ, вынырнетъ, выучилъ.

Карандышевъ.

То, господа, что она умѣеть цѣнить и выбирать людей. Да-съ, Лариса Дмитріевна знаетъ, что не все то золото, чѣмъ блеститъ. Она умѣеть отличать золото отъ мишуры. Много блестящихъ молодыхъ людей окружали ее; но она мишурнымъ блескомъ не прельстилась. Она искала для себя человѣка не блестящаго, а достойнаго...

Паратовъ (одобрительно).

Браво, браво!

Карандышевъ.

И выбрала...

Паратовъ.

Вась! Браво, браво!

Вожеватовъ и Робинзонъ.

Браво, браво!

Карандышевъ.

Да, господа, я не только смѣю, я имѣю право гордиться и горжусь! Она меня поняла, оцѣнила и предпочла всѣмъ. Извините, господа, можетъ-быть, не всѣмъ это пріятно слышать; но я счель своимъ долгомъ поблагодарить публично Ларису Дмитріевну за такое лестное для меня предпочтеніе. Господа, я самъ пью и предлагаю выпить за здоровье моей невѣсты!

Паратовъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Ура!

Паратовъ (Карандышеву).

Еще есть вино-то?

Карандышевъ.

Разумѣется, есть; какъ-же не быть! Что ты говоришь? Ужь я достану.

Паратовъ.

Надо еще тостъ выпить.

Карандышевъ.

Какой?

Паратовъ.

За здоровье счастливѣшаго изъ смертныхъ, Юлія Капитоныча Карандышева.

Карандышевъ.

Ахъ, да. Такъ ты предложиши? Ты и предложи, Сержъ! А я пойду, похлопочу; я достану. (Уходитъ.)

Кнуровъ.

Ну, хорошенькаго понемножку. Прощайтѣ! Я заѣду, закушу и сейчасъ-же на сборный пунктъ. (Кланяется дамамъ.)

Вожеватовъ

(указывая на среднюю дверь).

Здѣсь пройдите, Мокій Парменычъ! Тутъ прямо выходъ въ переднюю, никто васъ и не увидитъ. (Кнуровъ уходитъ.)

Паратовъ (Вожеватову).

И мы сейчасъ єдемъ. (Ларисъ.) Собирайтесь. (Лариса уходить направо.)

Вожеватовъ.

Не дождавшись тоста?

Паратовъ.

Такъ лучше.

Вожеватовъ.

Да чѣмъ-же?

Паратовъ.

Смѣшишь. (Входитъ Лариса со шляпой въ рукахъ.)

Вожеватовъ.

И то смѣшишь. Робинзонъ! Ёдемъ!

Робинзонъ.

Куда?

Вожеватовъ.

Домой, сбираясь въ Парижъ. (Робинзонъ и Вожеватовъ раскланиваются и уходятъ.)

Паратовъ (тихо Ларисѣ).

Ёдемъ! (Уходитъ.)

Лариса.

Прощай, мама!

Огудалова.

Чтѣ ты! Куда ты?

Лариса.

Или тебѣ радоваться, мама, или ищи меня въ Волгѣ.

Огудалова.

Богъ съ тобой! Чтѣ ты?

Лариса.

Видно, отъ своей судьбы не уйдешь! (Уходитъ.)

Огудалова.

Вотъ, наконецъ, до чего дошло: всеобщее бѣгство! Ахъ, Лариса!.. Догонять мнѣ ее иль нѣть? Нѣть, зачѣмъ!.. Чѣ-бы тамъ ни было, все-таки кругомъ нея люди... А здѣсь, хоть и бросить, такъ потеря не велика! (Входятъ: Карандышевъ и Иванъ съ бутылкой шампанскаго.)

Явленіе четырнадцатое.

Огудалова, Карандышевъ, Иванъ, потомъ Евфросинья Потаповна.

Карапановъ.

Я, господа... (Оглядываетъ комнату.) Гдѣ-жъ они?

Уѣхали? Вотъ это учтиво, нечего сказать! Ну, да тѣмъ лучше! Однако, когда-жь они уѣхали? И вы, пожалуй, уѣдете! Нѣтъ, ужь вы-то съ Ларисой Дмитріевной погодите! Обидѣлись? — Понимаю. Ну, и прекрасно. И мы останемся въ тѣсномъ семействѣ кругу... А гдѣ-же Лариса Дмитріевна? (у двери направо.) Тетенька, у васъ Лариса Дмитріевна?

Евфросинья Потаповна (входя).

Никакой у меня твоей Ларисы Дмитріевны нѣтъ.

Карандышевъ.

Однако, чтѣ-жь это такое, въ самомъ дѣлѣ! Иванъ, куда дѣвались всѣ господа и Лариса Дмитріевна?

Иванъ.

Лариса Дмитріевна, надо полагать, съ господами вмѣстѣ уѣхали... Потому какъ господа за Волгу сбирались, въ родѣ какъ пикникъ у нихъ.

Карандышевъ.

Какъ за Волгу?

Иванъ.

На катерахъ-сь. И посуда, и вина, все отъ насть пошло-сь; еще давеча отправили; ну, и прислуга — все какъ слѣдуетъ-сь.

Карандышевъ

(садится и хватается за голову).

Ахъ, чтѣ-же это, чтѣ-же это!

Иванъ.

И цыгане, и музыка съ ними, — все какъ слѣдуетъ.

Карандышевъ (съ горячностью).

Харита Игнатьевна, гдѣ ваша дочь? Отвѣчайте мнѣ, гдѣ ваша дочь?

Огудалова.

Я къ вамъ привезла дочь, Юлій Капитонычъ; вы мнѣ скажите, гдѣ моя дочь?

Карандышевъ.

И все это преднамѣренно, умышленно, — всѣ впередъ сговорились... (Со слезами.) Жестоко, безчеловѣчно жестоко!

Огудалова.

Рано было торжествовать-то!

Карандышевъ.

Да, это смѣшно... Я смѣшной человѣкъ... Я знаю самъ, что я смѣшной человѣкъ. Да развѣ людей казнить за то, что они смѣшны? Я смѣшонъ, — ну, смѣйся надо мной, смѣйся въ глаза! Приходите ко мнѣ обѣдать, пейте мое вино и ругайтесь, смѣйтесь надо мной — я того ст҃ю. Но разломать грудь у смѣшного человѣка, вырвать сердце, бросить подъ ноги и растоптать его! Охъ, охъ! Какъ мнѣ жить! Какъ мнѣ жить!

Евфросинья Потаповна.

Да полно ты, перестань! Не о чемъ сокрушаться-то!

Карандышевъ.

И вѣдь это не разбойники, это почетные люди... Это все пріятели Хариты Игнатьевны

Огудалова.

Я ничего не знаю.

Карандышевъ.

Нѣть, у васъ одна шайка, вы всѣ за одно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самаго кроткаго человѣка можно довести до бѣшенства. Не всѣ преступники — злодѣи, и смирный человѣкъ рѣшится на преступленіе, когда ему другого выхода нѣть. Если мнѣ на бѣломъ свѣтѣ остается только или по-

вѣситься отъ стыда и отчаянія, или мстить, такъ ужъ я буду мстить. Для меня нѣтъ теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душатъ меня. Я буду мстить каждому изъ нихъ, каждому, пока не убьютъ меня самаго. (Схватывается со стола пистолетъ и убѣгаешь.)

Огудалова.

Чтѣ онъ взялъ-то?

Иванъ.

Пистолетъ.

Огудалова.

Бѣги, бѣги за нимъ, кричи, чтобы остановили.

(Занавѣсъ.)

Дѣйствіе четвертое.

Декорация первого дѣйствія. Свѣтлая лѣтняя ночь.

Явленіе первое.

Робинзонъ (съ мазикомъ въ рукѣ) и Иванъ (выглядываетъ изъ кофейной).

Иванъ.

Мазикъ-то пожалуйте!

Робинзонъ.

Не отдамъ. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

Иванъ.

Да какъ-же играть съ вами, когда вы денегъ не платите!

Робинзонъ.

Я послѣ отдамъ. Мои деньги у Василья Данилыча, онъ ихъ увезъ съ собой. Развѣ ты не вѣришь?

Иванъ.

Какъ-же вы это съ ними на пикникъ не поѣхали?

Робинзонъ.

Я заснулъ; а онъ не посмѣлъ меня беспокоить, будить, ну, и уѣхалъ одинъ. Давай играть!

Иванъ.

Нельзя-съ, игра не равна: я ставлю деньги, а вы не — выигрываете, берете; а проигрываете — не отдаете. Ставьте деньги-съ!

Робинзонъ.

Чтò-жь, развѣ мнѣ кредиту нѣть? Это странно! Я первый городъ такой вижу; я вездѣ, по всей Россіи, все больше въ кредитъ.

Иванъ.

Это я очено вѣрю-сь. Коли спросить чего угодно, мы подадимъ; знаяши Сергія Сергеича и Василья Данилыча, какіе они господа, мы обязаны для васъ кредитъ сдѣлать-сь; а игра денегъ требуетъ-сь.

Робинзонъ.

Такъ-бы ты и говорилъ. Возьми мазикъ и дай мнѣ бутылку... чего-бы?..

Иванъ.

Портвейнъ есть недуренъ-сь.

Робинзонъ.

Я вѣдь дешеваго не пью.

Иванъ.

Дорогого подадимъ-сь.

Робинзонъ.

Да вели мнѣ приготовить... знаешь, этого... какъ оно...

Иванъ.

Дупелей зажарить можно; не прикажете-ли?

Робинзонъ.

Да, вотъ именно дупелей.

Иванъ.

Слушаю-сь. (Уходитъ.)

Робинзонъ.

Они пошутить захотѣли надо мной; ну, и прекрасно, и я пошучу надъ ними. Я, съ огорченія, задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются.

Они думаютъ, что мнѣ общество ихъ очень нужно— ошибаются; мнѣ только-бы кредитъ; а то я и одинъ не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. Къ довершенню удовольствія, денегъ-бы занять...
(Входитъ Иванъ съ бутылкой.)

Иванъ (ставитъ бутылку).

Дупеля заказаны-сь.

Робинзонъ.

Я здѣсь театръ снимаю.

Иванъ.

Дѣло хорошее-сь.

Робинзонъ.

Не знаю, кому буфетъ сдать. Твой хозяинъ не возьметъ-ли?

Иванъ.

Отчего не взять-сь!

Робинзонъ.

Только у меня — чтобы содержать исправно! И, для вѣрности, побольше задатку сейчасъ-же!

Иванъ.

Нѣтъ, ужь онъ ученъ, задатку не даетъ: его такъ-то ужь двое обманули.

Робинзонъ.

Ужь двое? Да, коли ужь двое...

Иванъ.

Такъ третьюму не повѣритъ.

Робинзонъ.

Какой народъ! Удивляюсь. Вездѣ поспѣютъ; гдѣ только можно взять, все ужь взято, непочатыхъ мѣсть нѣтъ. Ну, не надо, не нуждаюсь я въ немъ. Ты ему не говори ничего, а то онъ подумаетъ, что и я хочу обмануть; а я гордъ.

Иванъ.

Да-съ, оно, конечно... А какъ давеча господинъ Каандышевъ разсердились, когда всѣ гости вдругъ уѣхали! Очень гнѣвались, даже убить кого-то хотѣли, такъ съ пистолетомъ и ушли изъ дому.

Робинзонъ.

Съ пистолетомъ? Это нехорошо.

Иванъ.

Хмѣльненъки были; я полагаю, что это у нихъ постепенно пройдетъ-съ. Они по бульвару раза два проходили... да вонъ и сейчасъ идутъ.

Робинзонъ (оробѣвъ).

Ты говоришь, съ пистолетомъ? Онъ кого убить-то хотѣлъ — не меня вѣдь?

Иванъ.

Ужь не могу вамъ сказать. (Уходитъ. Входитъ Каандышевъ. Робинзонъ старается спрятаться за бутылку.)

Явленіе второе.

Робинзонъ, Каандышевъ, потомъ Иванъ.

Каандышевъ (подходитъ къ Робинзону).
Гдѣ ваши товарищи, господинъ Робинзонъ?

Робинзонъ.

Какие товарищи? У меня нѣть товарищѣй.

Каандышевъ.

А тѣ господа, которые обѣдали у меня съ вами вмѣстѣ?

Робинзонъ.

Какие-жь это товарищи! Это такъ... мимолетное знакомство.

Каандышевъ.

Такъ не знаете-ли, гдѣ они теперь?

Робинзонъ.

Не могу сказать, я стараюсь удаляться оть этой
компаниі; я человѣкъ смирный, знаете-ли... семей-
ный...

Карандышевъ.

Вы семейный?..

Робинзонъ.

Очень семейный... Для меня тихая семейная жизнь
выше всего; а неудовольствіе какое или скора —
это Боже сохрани; я люблю и побесѣдоватъ, только
чтобъ разговоръ умный, учтивый, объ искусствѣ,
напримѣръ... Ну, съ благороднымъ человѣкомъ,
вотъ какъ вы, можно и выпить немножко. Не при-
кажете-ли?

Карандышевъ.

Не хочу.

Робинзонъ.

Какъ угодно. Главное дѣло, чтобы непріятности
не было.

Карандышевъ.

Да вы должны же знать, гдѣ они?

Робинзонъ.

Кутятъ гдѣ-нибудь: чтобъ имъ больше-то дѣлать!

Карандышевъ.

Говорятъ, они за Волгу поѣхали?

Робинзонъ.

Очень можетъ-быть.

Карандышевъ.

Васъ не звали съ собой?

Робинзонъ.

Нѣтъ; я человѣкъ семейный.

Карандышевъ.

Когда-же они воротятся?

Робинзонъ.

Ужъ это они и сами не знаютъ, я думаю. Къ утру вернутся.

Карапышевъ.

Къ утру?

Робинзонъ.

Можетъ-быть, и раньше.

Карапышевъ.

Все-таки надо подождать; мнѣ кой съ кѣмъ изъ нихъ объясниться нужно.

Робинзонъ.

Коли ждать, такъ на пристани; зачѣмъ они сюда пойдутъ? Съ пристани они прямо домой проѣдутъ. Чего имъ еще? Чай, и такъ сыты.

Карапышевъ.

Да на какой пристани? Пристаней у насъ много.

Робинзонъ.

Да на какой угодно, только не здѣсь; здѣсь ихъ не дождется.

Карапышевъ.

Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте! (Подаетъ руку Робинзону.) Не хотите-ли проводить меня?

Робинзонъ.

Нѣть, помилуйте, я человѣкъ семейный. (Карапышевъ уходитъ.) Иванъ, Иванъ! (Входитъ Иванъ.) Накрой мнѣ въ комнатѣ и вино перенеси туда!

Иванъ.

Въ комнатѣ, сударь, душно. Чтѣ за неволя!

Робинзонъ.

Нѣть, мнѣ на воздухѣ вечеромъ вредно; докторъ запретилъ. Да если этотъ баринъ спрашивать будетъ, такъ скажи, что меня нѣть. (Уходитъ въ кофейную. Изъ кофейной выходитъ Гаврило.)

Явленіе третье.

Гаврило и Иванъ.

Гаврило.

Ты смотрѣлъ на Волгу? Не видать нашихъ?

Иванъ.

Должно-быть, прѣѣхали.

Гаврило.

Чтѣ такъ?

Иванъ.

Да подъ горой шумъ, эзіопы загалдѣли. (Берегъ со стола бутылку и уходитъ въ кофейную. Входитъ Илья и хоръ цыганъ.)

Явленіе четвертое.

Гаврило, Иванъ, цыгане и цыганки.

Гаврило.

Хорошо съѣздили?

Илья.

И, хорошо! Такъ хорошо, не говори!

Гаврило.

Господа веселы?

Илья.

Разгулялись, важно разгулялись, дай Богъ на здоровье! Сюда идутъ; всю ночь, гляди, прогуляются.

Гаврило (потирая руки).

Такъ ступайте, усаживайтесь! Женщинамъ велю чаю подать; а вы къ буфету—закусите!

Илья.

Старушкамъ къ чаю-то ромку вели — любять. (Илья, цыгане, цыганки, Гаврило уходятъ въ кофейную. Выходить: Кнурровъ и Вожеватовъ.)

Явленіе пятое.

Кнуро́въ и Вожевато́въ.

Кнуро́въ.

Кажется, драма начинается.

Вожевато́въ.

Похоже.

Кнуро́въ.

Я ужь у Ларисы Дмитріевны слезки видѣль.

Вожевато́въ.

Да вѣдь у нихъ дешевы.

Кнуро́въ.

Какъ хотите, а положеніе ея незавидное.

Вожевато́въ.

Дѣло обойдется какъ-нибудь.

Кнуро́въ.

Ну, едва-ли.

Вожевато́въ.

Карандышевъ посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тотъ-же будетъ.

Кнуро́въ.

Да она-то не та-же. Вѣдь чтобъ бросить жениха, чуть не наканунѣ свадьбы, надо имѣть основаніе. Вы подумайте: Сергѣй Сергѣичъ пріѣхалъ на одинъ день, и она бросаетъ для него жениха, съ которымъ ей жить всю жизнь. Значитъ, она надежду имѣетъ на Сергѣя Сергѣича; иначе зачѣмъ онъ ей?

Вожевато́въ.

Такъ вы думаете, что тутъ не безъ обмана, что онъ опять словами поманилъ ее?

Кнуро́въ.

Да, непремѣнно. И, должно-быть, обѣщанія были опредѣленныя и серьезныя, а то какъ-бы она по-вѣрила человѣку, который ужь разъ обманула ея!

Вожевато́въ.

Мудренаго нѣтъ; Сергѣй Сергѣевичъ ни надъ чѣмъ не задумается: человѣкъ смѣлый.

Кнуро́въ.

Да вѣдь какъ ни смѣлъ, а миллионную невѣсту на Ларису Дмитріевну не промѣняетъ.

Вожевато́въ.

Еще-бы! Чтѣ за разсчетъ!

Кнуро́въ.

Такъ посудите, каково ей, бѣдной!

Вожевато́въ.

Чтѣ дѣлать-то! Мы невиноваты, наше дѣло сторона. (На крыльцѣ кофейной показывается Робинзонъ.)

Явленіе шестое.

Кнуро́въ, Вожевато́въ и Робинзо́нъ.

Вожевато́въ.

А, милордъ! Чтѣ во снѣ видѣлъ?

Робинзо́нъ.

Богатыхъ дураковъ; то-же, что и на яву вижу.

Вожевато́въ.

Ну, какъ-же ты, бѣдный умникъ, здѣсь время проводиши?

Робинзо́нъ.

Превосходно! Живу въ свое удовольствіе и при-
томъ въ долгъ, на твой счетъ. Что можетъ быть
лучше?

Вожеватовъ.

Позавидуешь тебѣ. И долго ты намѣренъ наслаждаться такой пріятной жизнью?

Робинзонъ.

Да ты — чудакъ, я вижу. Ты подумай: како же мнѣ разсчетъ отказываться отъ такихъ прелестей?

Вожеватовъ.

Чтѣ-то я не помню: какъ будто я тебѣ открытаго листа не давалъ?

Робинзонъ.

Такъ ты въ Парижъ обѣщалъ со мнойѣхать — развѣ это не все равно?

Вожеватовъ.

Нѣть, не все равно. Чтѣ я обѣщалъ, тѣ исполню; для меня слово — законъ, чтѣ сказано, тѣ свято. Ты спроси: обманывалъ-ли я кого-нибудь?

Робинзонъ.

А покуда ты собираешься въ Парижъ, не воздухомъ-же мнѣ питаться?

Вожеватовъ.

Обѣ этомъ уговору не было. Въ Парижъ хоть сейчасъ.

Робинзонъ.

Теперь поздно; поѣдемъ, Вася, завтра!

Вожеватовъ.

Ну завтра, такъ завтра. Послушай, вотъ что: поѣзжай лучше ты одинъ, я тебѣ прогоны выдамъ взадъ и впередъ.

Робинзонъ.

Какъ одинъ? Я дороги не найду.

Вожеватовъ.

Довезутъ.

Робинзонъ.

Послушай, Вася, я по-французски не совсѣмъ свободно... Хочу выучиться, да все времени нѣтъ.

Вожеватовъ.

Да зачѣмъ тебѣ французскій языкъ?

Робинзонъ.

Какъ-же, въ Парижѣ да по-французски не говорить?

Вожеватовъ.

Да и не надо совсѣмъ, и никто тамъ не говорить по-французски.

Робинзонъ.

Столица Франціи, да чтобъ тамъ по-французски не говорили! Чѣмъ ты меня за дурака, чтѣли, считаешь?

Вожеватовъ.

Да какая столица? Чѣмъ ты, въ умѣли? О какомъ Парижѣ ты думаешь? Трактиръ у насъ на площади есть „Парижъ“, вотъ я куда хотѣлъ съ тобойѣхать.

Робинзонъ.

Браво, браво!

Вожеватовъ.

А ты полагалъ, въ настоящій? Хотѣбы ты немножко подумалъ. А еще умнымъ человѣкомъ считаешь себя! Ну, зачѣмъ я тебя туда возьму, съ какой стати? Клѣтку, чтѣли, сдѣлать да показывать тебя?

Робинзонъ.

Хорошай ты школы, Вася, хорошай; серьёзный изъ тебя негоціантъ выйдетъ.

Вожеватовъ.

Да, ничего; я стороной слышалъ, одобряють.

Кнуровъ.

Василій Данилычъ, оставьте его! Мне нужно вамъ сказать кой-что.

Вожеватовъ (подходя).

Что вамъ угодно?

Кнуровъ.

Я все думалъ о Ларисѣ Дмитріевнѣ. Мне кажется, она теперь находится въ такомъ положеніи, что намъ, близкимъ людямъ, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участіе въ ея судьбѣ. (Робинзонъ прислушивается.)

Вожеватовъ.

То-есть, вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее съ собой въ Парижъ?

Кнуровъ.

Да, пожалуй; если угодно, это одно и то-же.

Вожеватовъ.

Такъ за чѣмъ-же дѣло стало? Кто мѣшаетъ?

Кнуровъ.

Вы мнѣ мѣшаете, а я вамъ. Можетъ-быть, вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаюсь; а все-таки неловко, беспокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

Вожеватовъ.

Отступного я не возьму, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Зачѣмъ отступное? Можно иначе какъ-нибудь.

Вожеватовъ.

Да вотъ, лучше всего. (Вынимаетъ изъ кармана монету и кладетъ подъ руку.) Орель или рѣшетка?

Кнуро́въ (въ раздумыи).

Если скажу: орель, такъ проиграю; орель, конечно, вы. (Рѣшительно.) Рѣшетка.

Вожеватовъ (поднимая руку).

Ваше. Значить, мнѣ одному въ Парижъѣхать. Я не въ убыткѣ; расходовъ меныше.

Кнуро́въ.

Только, Василій Данилычъ, давши слово, держись, а не давши, крѣпись! Вы купецъ, вы должны понимать, что значитъ слово.

Вожеватовъ.

Вы меня обижаете. Я самъ знаю, что такое купеческое слово. Вѣдь я съ вами дѣло имѣю, а не съ Робинзономъ.

Кнуро́въ.

Вонъ Серге́й Серге́евичъ идетъ съ Ларисой Дмитриевной! Войдемте въ кофейную, не будемъ имъ мѣшать. (Кнуро́въ и Вожеватовъ уходятъ въ кофейную. Входятъ Паратовъ и Лариса.)

Явленіе седьмое.

Паратовъ, Лариса и Робинзонъ.

Лариса.

Ахъ, какъ я устала! Я теряю силы, я насили увзошла на гору. (Садится въ глубинѣ сцены на скамейку у рѣшетки.)

Паратовъ.

А, Робинзонъ! Ну, чтѣ-жъ ты, скоро въ Парижъѣдешь?

Робинзонъ.

Съ кѣмъ это? Съ тобой, ля-Сержъ, куда хочешь; а ужъ съ купцомъ я не поѣду. Нѣтъ, съ купцами кончено.

Паратовъ.

Чтò такъ?

Робинзонъ.

Невѣжі!

Паратовъ.

Будто? Давно-ли ты догадался?

Робинзонъ.

Всегда зналъ. Я всегда за дворянъ.

Паратовъ.

Это дѣлаеть тебѣ честь, Робинзонъ. Но ты не по времени гордъ. Примѣняйся къ обстоятельствамъ, бѣдный другъ мой! Время просвѣщенныхъ покровителей, время Меценатовъ прошло; теперь торжество буржуазіи, теперь искусство на вѣсъ золота цѣнится, въ полномъ смыслѣ наступаетъ золотой вѣкъ. Но, ужь не взыщи, подчасъ и ваксой напоять, и въ бочкѣ съ горы, для собственнаго удовольствія, прокатятъ — на какого Медичиса нападешь. Не отлучайся, ты мнѣ будешь нуженъ!

Робинзонъ.

Для тебя въ огонь и въ воду. (Уходитъ въ кофейную.)

Паратовъ (Ларисѣ).

Позвольте теперь поблагодарить васъ за удовольствие — нѣть, этого мало — за счастіе, которое вы намъ доставили.

Лариса.

Нѣть, нѣть, Сергѣй Сергѣичъ, вы мнѣ фразъ не говорите! Вы мнѣ скажите только: что я — жена ваша или нѣть?

Паратовъ.

Прежде всего, Лариса Дмитріевна, вамъ нужноѣхать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успѣемъ завтра.

Лариса.

Я не поѣду домой.

Паратовъ.

Но и здѣсь оставаться вамъ нельзѧ. Прокатиться съ нами по Волгѣ днемъ — это еще можно допустить; но кутить всю ночь въ трактире, въ центрѣ города, съ людьми, извѣстными дурнымъ поведеніемъ! Какую пищу вы дадите для разговоровъ!

Лариса.

Чтѣ мнѣ за дѣло до разговоровъ! Съ вами я могу быть вездѣ. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратовъ.

Вы поѣдете на моихъ лошадяхъ — развѣ это не все равно?

Лариса.

Нѣтъ, не все равно. Вы меня увезли отъ жениха; маменька видѣла, какъ мы уѣхали — она не будетъ беспокоиться, какъ-бы мы поздно ни возвратились... Она покойна, она увѣрена въ васъ, она только будетъ ждать насъ, ждать... чтобы благословить. Я должна или прїѣхагь съ вами, или совсѣмъ не являться домой.

Паратовъ.

Чтѣ такое? Чтѣ значить: „совсѣмъ не являться?“ Куда дѣться вамъ?

Лариса.

Для несчастныхъ людей много простора въ божьемъ мірѣ: вотъ садъ, вотъ Волга. Здѣсь на каждомъ сучкѣ удавиться можно, на Волгѣ — выбирай любое мѣсто. Вездѣ утопиться легко, если есть желаніе, да силь достанетъ.

Паратовъ.

Какая экзальтациѣ! Вамъ можно жить и должно.

Кто откажеть вамъ въ любви, въ уваженіи! Да тотъ же вашъ женихъ: онъ будеть радехонекъ, если вы опять его приласкаете.

Лариса.

Чтò вы говорите? Я мужа своего, если ужь не любить, такъ хотъ уважать должна; а какъ могу я уважать человѣка, который равнодушно сносить насмѣшки и всевозможныя оскорбления? Это дѣло конечно: онъ для меня не существуетъ. У меня одинъ женихъ: это вы.

Паратовъ.

Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва-ли вы имѣете право быть такъ требовательны ко мнѣ.

Лариса.

Чтò вы говорите! Развѣ вы забыли? Такъ я вамъ опять повторю все сначала. Я годъ страдала, годъ не могла забыть васъ, жизнь стала для меня пуста; я рѣшилась, наконецъ, выйти замужъ за Карапанышева, чуть не за первого встрѣчнаго. Я думала, что семейныя обязанности наполнятъ мою жизнь и помирятъ меня съ ней. Явились вы и говорите: „брось все, я твой“. Развѣ это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

Паратовъ.

Все это прекрасно, и обо всемъ этомъ мы съ вами потолкуемъ завтра.

Лариса.

Нѣть, сегодня, сейчасъ.

Паратовъ.

Вы требуете?

Лариса.

Требую. (Въ дверяхъ кофейной видны Кнуровъ и Вожеватовъ.)

Паратовъ.

Извольте. Послушайте, Лариса Дмитріевна! Вы допускаете мгновенное увлеченье?

Лариса.

Допускаю. Я сама способна увлечься.

Паратовъ.

Нѣтъ, я не такъ выразился; допускаете-ли вы, что человѣкъ, скованный по рукамъ и по ногамъ неразрывными цѣпями, можетъ такъ увлечься, что забудеть все на свѣтѣ, забудеть и гнетущую его дѣйствительность, забудеть и свои цѣпи?

Лариса.

Ну, чтѣ-же! И хорошо, что онъ забудетъ.

Паратовъ.

Это душевное состояніе очень хорошо, я съ вами не спорю; но оно непродолжительно. Угаръ страстнаго увлеченія скоро проходитъ, остаются цѣпи и здравый разсудокъ, который говоритъ, что этихъ цѣпей разорвать нельзя, что онъ неразрывны.

Лариса (задумчиво).

Неразрывныя цѣпи! (Выстро.) Вы женаты?

Паратовъ.

Нѣтъ.

Лариса.

А всякия другія цѣпи — не помѣха! Будемъносить ихъ вмѣстѣ, я раздѣлю съ вами эту ношу, большую половину тяжести я возьму на себя.

Паратовъ.

Я обрученъ.

Лариса.

Ахъ!

Паратовъ

(показывая обручальное кольцо).

Вотъ золотыя цѣпи, которыми я скованъ на всю жизнь.

Лариса.

Чтѣ-же вы молчали? Безбожно, безбожно! (Садится на стулъ.)

Паратовъ.

Развѣ я въ состояніи былъ помнить что-нибудь? Я видѣлъ васъ, и ничего болѣе для меня не существовало.

Лариса.

Поглядите на меня! (Паратовъ смотритъ на нее.) „Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло“... Ха, ха, ха! (Истериически смеется.) Подите отъ меня! Довольно! Я ужь сама объ себѣ подумаю. (Опираетъ голову на руку. Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ выходятъ на крыльцо кофейной.)

Явленіе восьмое.

Паратовъ, Лариса, Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Паратовъ (подходя къ кофейной).

Робинзонъ, поди сыщи мою коляску! Она тутъ у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитріевну домой.

Робинзонъ.

Ля-Сержъ! Онъ тутъ, онъ ходить съ пистолетомъ.

Паратовъ.

Кто онъ?

Робинзонъ.

Карандышевъ.

Паратовъ.

Такъ чтѣ-жъ мнѣ за дѣло?

Робинзонъ.

Онъ меня убьетъ.

Паратовъ.

Ну, вотъ велика важность! Исполняй, чтò приказываютъ! Безъ разсужденій! Я этого не люблю, Робинзонъ.

Робинзонъ.

Я тебѣ говорю: какъ онъ увидитъ меня съ ней вмѣстѣ, онъ меня убьетъ.

Паратовъ.

Убьетъ онъ тебя или нѣтъ — это еще неизвѣстно; а вотъ если ты не исполнишь сейчасъ-же того, чтò я тебѣ приказываю, такъ я тебя убью ужъ на вѣрное! (Уходитъ въ кофейную.)

Робинзонъ (грозя кулакомъ).

О, варвары, разбойники! Ну, попалъ я въ компанію! (Уходитъ. Вожеватовъ подходитъ къ Ларисѣ.)

Лариса (взглянувъ на Вожеватова).

Вася, я погибаю!

Вожеватовъ.

Лариса Дмитріевна, голубушка моя! Чтò дѣлать-то? Ничего не подѣлаешь.

Лариса.

Вася, мы съ тобой съ дѣтства знакомы, почти родные; чтò мнѣ дѣлать — научи!

Вожеватовъ.

Лариса Дмитріевна, уважаю я васъ, и радъ-бы... я ничего не могу. Вѣрьте моему слову!

Лариса.

Да я ничего и не требую отъ тебя; прошу только пожалѣть меня. Ну, хоть поплачь со мной вмѣстѣ!

Вожеватовъ.

Не могу, ничего не могу.

Лариса.

И у тебя тоже цѣпи?

Вожеватовъ.

Кандалы, Лариса Дмитріевна.

Лариса.

Какіе?

Вожеватовъ.

Честное, купеческое слово. (Отходитъ въ кофейную.)

Киуровъ (подходитъ къ Ларисѣ).

Лариса Дмитріевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и въ помышлениі нѣть васъ обидѣть. Я только желаю вамъ добра и счастія, чѣго вы вполнѣ заслуживаете. Не угодно-ли вамъ Ѳхать со мной въ Парижъ, на выставку? (Лариса отрицательно качаетъ головой.) И полное обеспеченіе на всю жизнь? (Лариса молчитъ.) Стыда не бойтесь, осужденій не будетъ. Есть границы, за которыя осужденіе не переходитъ; я могу предложить вамъ такое громадное содержаніе, что самые злые критики чужой нравственности должны будуть замолчать и разинуть рты отъ удивленія. (Лариса поворачиваетъ голову въ другую сторону.) Я-бы ни на одну минуту не задумался предложить вамъ руку, но я женатъ. (Лариса молчитъ.) Вы разстроены, я не смѣю торопить васъ отвѣтомъ. Подумайте! Если вамъ будетъ угодно благосклонно принять мое предложеніе, извѣстите меня; и съ той минуты я сдѣлаюсь вашимъ самымъ преданнымъ служгой и самымъ точнымъ исполнителемъ всѣхъ вашихъ желаній и даже капризовъ, какъ-бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможнаго мало. (Почтительно кланяется и уходитъ въ кофейную.)

Явленіе девятое.

Лариса (одна).

Я давеча смотрѣла внизъ черезъ рѣшетку, у меня закружилась голова и я чуть не упала. А если

упасть, такъ, говорять... вѣрная смерть! (Подумавъ.) Воть хорошо-бы броситься! Нѣтъ, зачѣмъ бросаться!.. Стоять у рѣшетки и смотрѣть внизъ, закручится голова и упадешь... Да, это лучше... въ безпамятствѣ, ни боли... ничего не будешь чувствовать! (Подходитъ къ рѣшеткѣ и смотрѣть внизъ. Нагибается крѣпко хватается за рѣшетку, потомъ съ ужасомъ отѣгаетъ.) Ой, ой! Какъ страшно! (Чуть не падаетъ, хватается за бесѣдку.) Какое головокруженіе! Я падаю, падаю, ай! (Садится у стола подъ бесѣдки.) Охъ, нѣтъ!.. (Сквозь слезы.) Разставаться съ жизнью совсѣмъ не такъ просто, какъ я думала. Воть и нѣть силъ! Воть я какая несчастная! А вѣдь есть люди, для которыхъ это легко. Видно, ужь тѣмъ совсѣмъ жить нельзя, ихъ ничто не прельщаетъ, имъ ничто не мило, ничего не жалко. Ахъ, что я!.. Да вѣдь и мнѣ ничто не мило, и мнѣ жить нельзя, и мнѣ жить не зачѣмъ! Чѣмъ я не рѣшаюсь? Чѣмъ меня держитъ надъ этой пропастью? Чѣмъ мѣшаетъ? (Задумывается.) Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... не Кнуровъ... Роскошь, блескъ... Нѣтъ, нѣтъ... я далека отъ суety... (Вздрогнувъ.) Развратъ... охъ, нѣтъ... Просто, рѣшимости не имѣю. Жалкая слабость: жить, хоть какъ-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная! Кабы теперь меня убиль кто-нибудь... Какъ хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не въ чемъ. Или захворать и умереть... Да я, кажется, захвораю. Какъ дурно мнѣ!.. Хворать долго, успокоиться, со всѣмъ примириться, всѣмъ простить и умереть... Ахъ, какъ дурно, какъ кружится голова! (Подпираетъ голову рукой и сидѣть въ забытии. Входять: Робинзонъ и Карапышевъ.)

Явленіе десятое.

Лариса, Робинзонъ и Карапышевъ.

Карапышевъ.

Вы говорите, что вамъ велѣно отвезти ее домой?

Робинзонъ.

Да-съ, вельно.

Карандышевъ.

И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзонъ.

Ужь чего еще хуже, чего обиднѣе?

Карандышевъ.

Она сама виновата: ея поступокъ заслуживалъ наказанія. Я ей говорилъ, что это за люди; наконецъ, она сама могла, она имѣла время замѣтить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кромѣ меня, никто не имѣеть права, а тѣмъ болѣе оскорблять. Это ужь мое дѣло: прощу я ее, или нѣтъ; но защитникомъ ея я обязанъ явиться. У ней нѣтъ ни братьевъ, ни близкихъ; одинъ я, только одинъ я обязанъ вступиться за нее и наказать оскорбителей. Гдѣ она?

Робинзонъ.

Она здѣсь была. Вотъ она!

Карандышевъ.

При нашемъ объясненіи постороннихъ не должно быть; вы будете лишній. Оставьте насъ!

Робинзонъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ. Я скажу, что вамъ сдаль Ларису Дмитріевну. Честь имѣю кланяться. (Уходитъ въ кофейную. Каандышевъ подходитъ къ столу и садится противъ Ларисы.)

Явленіе одиннадцатое.

Лариса и Каандышевъ.

Лариса (поднимая голову).

Какъ вы мнѣ противны, кабы вы знали! Зачѣмъ вы здѣсь?

Карандышевъ.

Гдѣ-же быть мнѣ?

Лариса.

Не знаю. Гдѣ хотите, только не тамъ, гдѣ я.

Карандышевъ.

Вы ошибаетесь, я всегда долженъ быть при васъ, чтобы оберегать васъ. И теперь я здѣсь, чтобы отмстить за ваше оскорблениѣ!

Лариса.

Для меня самое тяжкое оскорблениѣ — это ваше покровительство; ни отъ кого и никакихъ другихъ оскорблений мнѣ не было.

Карандышевъ.

Ужь вы слишкомъ невзыскательны. Кнуроў и Вожеватовъ мечутъ жеребій, кому вы достанетесь, играютъ въ орлянку — и это не оскорблениѣ? Хороши ваши пріятели! Какое уваженіе къ вамъ! Они не смотрятъ на васъ, какъ на женщину, какъ на человѣка, — человѣкъ самъ располагаетъ своей судьбой; они смотрятъ на васъ, какъ на вещь. Ну, если вы вещь, это другое дѣло. Вещь, конечно, принадлежитъ тому, кто ее выиграль, вещь и обижаться не можетъ.

Лариса (глубоко оскорблennая).

Вещь... да, вещь. Они правы, я вещь, а не человѣкъ.) Я сейчасъ убѣдилась въ томъ, я испытала себя... я вещь! (съ горячностью.) Наконецъ, слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу васъ, оставьте меня!

Карандышевъ.

Оставить васъ? Какъ я васъ оставлю, на кого васъ оставлю?

Лариса.

Всякая вещь должна имѣть хозяина; я пойду къ хозяину.

Карандышевъ (съ жаромъ).

Я беру васъ, я вашъ хозяинъ. (Хватаетъ ее за руку.)

Лариса (оттолкнувъ его).

О, нѣтъ! Каждой вещи своя цѣна есть... Ха, ха, ха... я слишкомъ, слишкомъ дорога для васъ!

Карандышевъ.

Что вы говорите? Могъ-ли я ожидать отъ васъ такихъ безстыдныхъ словъ?

Лариса (со слезами).

Ужь если быть вещью, такъ одно утѣшеніе — быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мнѣ послѣднюю службу: подите, пошлите ко мнѣ Кнурова.

Карандышевъ.

Что вы, что вы, опомнитесь!

Лариса.

Ну, такъ я сама пойду.

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна! Остановитесь! Я васъ прощаю, я все прощаю!

Лариса (съ горькой улыбкой).

Вы мнѣ прощаете? Благодарю васъ. Только я-то себѣ не прощаю, что вздумала связать судьбу свою съ такимъ ничтожествомъ, какъ вы.

Карандышевъ.

Уѣдемте, уѣдемте сейчасть изъ этого города, я на все согласенъ.

Лариса.

Поздно. Я васъ просила взять меня поскорѣй

изъ цыганскаго табора, вы не умѣли этого сдѣлать; видно, мнѣ жить и умереть въ цыганскомъ таборѣ.

Карандышевъ.

Ну, я вѣсъ умоляю, осчастливьте меня!

Лариса.

Поздно. Ужь теперь у меня передъ глазами засверкало золото, засверкали брилліанты.

Карандышевъ.

Я готовъ на всякую жертву, готовъ терпѣть всякое униженіе для вѣсъ.

Лариса (съ отвращеніемъ).

Подите, вы слишкомъ мелки, слишкомъ ничтожны для меня.

Карандышевъ.

Скажите-же: чѣмъ мнѣ заслужить любовь вашу?
(Падаетъ на колѣни.) Я вѣсъ люблю, люблю!

Лариса.

Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрѣли и смотрять, какъ на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мнѣ въ душу, ни отъ кого я не видѣла сочувствія, не слыхала теплаго, сердечнаго слова. А вѣдь такъ жить холодно! Я не виновата, я искала любви и не нашла... ея нѣть на свѣтѣ... нечего и искать. Я не нашла любви, такъ буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу!

Карандышевъ (вставая).

О, не раскайтесь! (Кладетъ руку за бортъ сюртука.) Вы должны быть моей.

Лариса.

Чьей ни быть, но не вашей:

Каандышевъ (запальчиво).

Не моей?

Лариса.

Никогда.

Каандышевъ.

Такъ не доставайся-жь ты никому! (Стрѣляетъ въ нее изъ пистолета.)

Лариса (хватаясь за грудь).

Ахъ! Благодарю васъ! (Опускается на стулъ.)

Каандышевъ.

Чтѣ я, чтѣ я... ахъ, безумный! (Роняетъ пистолетъ.)

Лариса (нѣжно).

Милый мой, какое благодѣяніе вы для меня сдѣлали! Пистолетъ сюда, сюда, на столъ! Это я сама... сама... Ахъ, какое благодѣяніе!.. (Поднимаетъ пистолетъ и кладетъ на столъ. Изъ кофейной выходятъ: Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Гаврило и Иванъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Лариса, Каандышевъ, Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Гаврило и Иванъ.

Всѣ.

Чтѣ такое, чтѣ такое?

Лариса.

Это я сама... Никто не виновать, никто... Это я сама. (За сценой цыгане запѣваютъ пѣсню.)

Паратовъ.

Велите замолчать! Велите замолчать!

Лариса

(постепенно слабѣющимъ голосомъ).

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ!.. Пусть веселятся, кому

весело... Я не хочу мѣшать никому! Живите, живите всѣ! Вамъ надо жить, а мнѣ надо... умереть... Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь... вы всѣ хорошиe люди... я васъ всѣхъ... всѣхъ люблю. (Посыпаетъ поцалуй. Громкій хоръ цыганъ.)

Сердце не камень.

Комедія въ четырехъ дѣйствiяхъ.

Л и ц а:

Потапъ Потапычъ Каркуновъ, богатый купецъ, старикъ.

Вѣра Филипповна, его жена, 30 лѣтъ съ небольшимъ.

Исай Данилычъ Халымовъ, подрядчикъ, кумъ Каркунова.

Аполлинарія Панфиловна, его жена, за 40 лѣтъ.

Константинъ Лукичъ Каркуновъ, племянникъ Потапа Потапыча, молодой человѣкъ.

Ольга Дмитріевна, его жена, молодая женщина.

Ерастъ, прикащикъ Каркунова, лѣтъ 30-ти.

Огуревна, ключница, старуха.

Иннокентій - странникъ, сильный мужчина суроваго вида. Въ длинномъ парусинномъ пальто и страннической шапкѣ.

Одинъ изъ фабричныхъ.

Дѣйствіе первое.

Въ домѣ Каркунова, въ фабричной мѣстности, на самомъ краю Москвы. Жилая комната купеческаго дома, представляющая и семейную столовую, и кабинетъ хозяина; въ ней же принимаютъ и гостей запросто, т. е. родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Направо (отъ актеровъ) небольшой письменный столъ, передъ нимъ кресло; далѣе желѣзный дежнѣжный сундукъ-шкафъ, вдѣланній въ стѣну; въ углу дверь въ спальню. Съ лѣвой стороны диванъ; передъ нимъ круглый обѣденный столъ, покрытый цвѣтной салфеткой, и нѣсколько креселъ; далѣе большая горка съ серебромъ и фарфоромъ; въ углу дверь въ парадныя комнаты. Въ глубинѣ дверь въ переднюю; съ правой стороны большой комодъ, съ лѣвой — буфетъ. Вся мебель, хотя не модная, но массивная, хорошей работы.

Явленіе первое.

Огуревна стоитъ, подперши щеку рукой. Входятъ: Константинъ и Ольга.

Константинъ.

Огуревна, что ты тутъ дѣлаешь?

Огуревна.

Самоѣ дожидаюсь на счетъ самовара.

Константинъ.

А гдѣ-жь она, сама-то, гдѣ дяденька?

Огуревна.

Въ залѣ сидятъ; залу растворить велѣли и чехлы всѣ съ небели давеча еще поснимали.

Константинъ.

Ітò за праздникъ такой? Кажется, такіе параты у насъ раза три въ годъ бываютъ, не больше.

Огуревна.

Съ гостями сидятъ.

Ольга.

Съ какими гостями?

Огуревна.

Аполлинарія Панфиловна съ Исаи Данилычемъ прїехали; за ними давеча нарочно посылали.

Константинъ (Ольгѣ).

Поняла?

Ольга.

Ничего не понимаю.

Константинъ.

Завѣщаніе.

Ольга.

Какое завѣщаніе?

Константинъ.

Дяденька давно собирались завѣщаніе писать, только хотѣли посовѣтоваться съ Исаемъ Данилычемъ, такъ какъ онъ подрядчикъ, съ казной имѣлъ дѣло и, значитъ, всѣ законы знаетъ. А мы съ дяденькой никогда понятія не знали, какіе такіе въ Россіи законы существуютъ, потому намъ не для чего.

Огуревна.

Да, да, писать чтò-то хотятъ—это вѣрно; у приказчика Ераста крандашъ и бумагу требовали.

Константинъ (Ольгѣ).

Слышишь?

Ольга.

Ну, такъ чтò-жъ?

Константинъ.

Не твоего ума дѣло. Огуревна, поди скажи дяденькѣ, моль, Константинъ Лукичъ желають войти, такъ можно-ли?

Огуревна.

Хорошо, батюшка. (Уходитъ нальво.)

Ольга.

Зачѣмъ ты пойдешь?

Константинъ.

Разговаривать буду.

Ольга.

Въ такомъ-то видѣ?

Константинъ.

Я всегда уменъ, чтѣ пьяный, чтѣ трезвый; еще пьяный лучше, потому у меня тогда мысли свободнѣе

Ольга.

Объ чемъ-же ты будешь разговаривать?

Константинъ.

Мое дѣло. Обо всемъ буду разговаривать. Никакого завѣщанія не нужно; дяденька долженъ мнѣ наслѣдство оставить; я единственный... понимаешь... И потому еще, что я, въ надеждѣ на дяденькино наслѣдство, все свое состояніе прожилъ.

Ольга.

А кто тебѣ велѣлъ?

Константинъ.

Не разговаривай! Если дяденька мнѣ ничего не оставить, мы должны будемъ въ кулаки свистѣть, и я даже могу попасть въ число несостоятельныхъ, со всѣми послѣдствіями, которыхъ изъ этого происстѣаютъ. (Входитъ Огуревна.)

Огуревна.

Пожалуйте!

| **Ольга.**

И я съ тобой пойду.

Константинъ (отстраняя жену).

Маршъ за шламбаумъ! Нечего тебѣ тамъ дѣлать. Разговоръ будетъ умственный. Тетенька и Аполлинарія Панфиловна должны сейчасъ сюда придти: либо ихъ попросятъ вонъ, либо онѣ сами догадаются, что при нашемъ разговорѣ онѣ ни при чёмъ, а только мѣшаютъ; потому это дѣло на много градусовъ выше женского соображенія. (Уходитъ налево. Съ той-же стороны входятъ: Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.)

Явленіе второе.

Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, Ольга и Огуревна.

Вѣра Филипповна.

Здравствуй, Олењка!

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуй, Олењка!

Вѣра Филипповна.

Садитесь милости прошу, гости дорогія!

Огуревна.

Матушка, Вѣра Филипповна, чай-то сюда прикажете подавать, аль сами къ самоварчику сядете?

Вѣра Филипповна.

Да онъ готовъ у тебя?

Огуревна.

Въ минуту закипитъ, ужъ зашумѣлъ.

Аполлинарія Панфиловна.

А ты ему шумѣть-то много не давай. Другой

самоваръ ворчливѣе хозяина, расшумится такъ, что и не умешь.

Вѣра Филипповна.

Сейчасъ придемъ, Огуревна. (Огуревна уходитъ.) Я поджидаю, когда самъ выдетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Чтѣ это вы, Вѣра Филипповна, точно русачка изъ Телѣжной улицы, мужа-то „самъ“ называете!

Ольга.

Тетенька всегда такъ.

Вѣра Филипповна.

Мы съ Потапъ Потапычемъ люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все-ли равно? Какъ его ни называй: мужъ, хозяинъ, самъ,— все онъ большой въ домѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, нѣть, разница. „Хозянинъ“—ужь это совсѣмъ низко; у насъ кучерова жена своего мужа хозяиномъ зоветь; а и „самъ“ тоже развѣ ужь которая еще въ платочкахъ ходятъ.

Ольга

А кто нынче въ платочкахъ-то ходитъ? Всѣ и любовницы давно шляпки понадѣли.

Аполлинарія Панфиловна.

Нынче купчихи себя wysoko, охъ, wysoko держатъ, ни въ чемъ иностранкамъ уступить не хотятъ ... снаружи-то.

Вѣра Филипповна.

Слышала я, по слуху-то и я знаю. Чтѣ-жъ мудренаго! Люди людей видять, одинъ отъ другого занимаются. Только я одна двадцать лѣтъ свѣту Божьяго не вижу, такъ мнѣ и заняться не отъ кого.

Чтò это Потапъ Потапычъ съ Исаемъ Данилычемъ затолковались?

Аполлинария Панфиловна.

Стало-быть дёло есть. Развѣ не слыхали?

Вѣра Филипповна.

Ничего не слыхала.

Ольга.

Напрасно вы, тетенька, скрываете отъ насъ; мы и сами довольно хорошо знаемъ.

Аполлинария Панфиловна.

Мнѣ Исаи Данилычъ говорилъ.

Вѣра Филипповна.

А мнѣ Потапъ Потапычъ ничего не сказывалъ.

Аполлинария Панфиловна.

По заслугамъ и награда.

Ольга.

Отчего-жь не награждать, коли кто чего стойти; всякий воленъ въ своемъ добрѣ; только и другихъ тоже обижать не нужно.

Вѣра Филипповна.

Зачѣмъ обижать! Сохрани Богъ! Только не знаю я, про какую награду вы говорите.

Аполлинария Панфиловна.

Завѣщаніе пишутъ, Вѣра Филипповна, завѣщаніе.

Вѣра Филипповна (съ испугомъ).

Завѣщаніе? Какое завѣщаніе, зачѣмъ? Потапъ Потапычъ на здоровье не жалуется; онъ, кажется... слава Богу.

Аполлинария Панфиловна.

Осторожность не мѣшаетъ, въ животъ и смерти

Богъ воленъ. А ну, вдругъ ... Значить, надо впередъ подумать, да успокоить, кого любишь. Вотъ, моль, не сомнѣвайтесь, все вамъ предоставляю, всякое счастіе, всякое удовольствіе.

Ольга.

Какъ-же, тетенька, неужели-жь вы этого не ожидали?

Вѣра Филипповна.

Не ожидала, да и не думала никогда.

Аполлинарія Панфиловна.

Какъ, чай, не думать! Развѣ вы богатству не рады будете?

Вѣра Филипповна.

Нѣть, очень рада.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, еще бы!

Вѣра Филипповна.

Я много бѣднымъ помогаю, такъ часто не хватаетъ; а у Потапа Потапыча просить боюсь; а кабы я богата была, мнѣ-бы рай, а не житье. (Входитъ Огуревна.)

Огуревна.

Я, матушка, на счетъ варенья.

Вѣра Филипповна.

Сейчасъ приду. (Огуревна уходитъ.) Извините, гости дорогія! (Уходитъ.)

Ольга.

„Для бѣдныхъ!“ Разсказывай тутъ! И мы люди небогатые.

Аполлинарія Панфиловна.

Надо ей говорить-то чтѣ-нибудь! (Входитъ Вѣра Филипповна.) Вы говорите, что не думали о богатствѣ? Да кто-жь этому повѣрить! Не безъ разсчету-жь вы шли за старика? Жили-бы въ бѣдности ...

Вѣра Филипповна.

Я и не оправдываюсь; я не святая. Да и много-ли у насъ, въ купечествѣ, дѣвушки по любви-то выходятъ? Все больше по расчету, да еще не по своему, а по родительскому. Родители подумаютъ, разочтутъ и выдадутъ, вотъ и все тутъ. Маменька все сокрушилась, какъ ей быть со мной при нашей бѣдности; разумѣется, какъ посватался Потапъ Потапычъ, она обѣими руками перекрестилась. Развѣ я могла не послушаться маменьки, не утѣшить ее?

Аполлинарія Панфиловна.

Послушались маменьку и полюбили богатаго старичка.

Ольга.

Какъ богатаго не полюбить! Да я-бы сейчасъ...

Вѣра Филипповна.

Богатаго труднѣй полюбить. За что я его буду любить? Ему и такъ жить хорошо. Бѣднаго скорѣй полюбишь. Будешь думать: „того у него нѣтъ, другого нѣтъ“, станешь жалѣть и полюбишь.

Аполлинарія Панфиловна.

Ужь на маменьку только слава; чай, и сами были не прочь за Потапа Потапыча идти. Всякому хочется получше пожить, особенно кто изъ бѣдности.

Вѣра Филипповна.

„Получше пожить“. Да жила-ли я, спросите. Моеї жизни завидовать нечему. Я двадцать лѣтъ свѣту не видала; мнѣ только и выходу было, что въ церковь. Нѣтъ, виновата, въ первую зиму, какъ я замужъ вышла, въ театръ было поѣхали.

Аполлинарія Панфиловна.

Да не доѣхали, чтѣ-ли?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, хуже.

Аполлинарія Панфиловна.
Смѣшишъ?

Вѣра Филипповна.

Кому какъ. Только что я сѣла въ ложу, кто-то изъ кресель на меня въ трубку и посмотрѣлъ; Потапъ Потапычъ какъ вспыхнулъ: что, говоритъ, онъ глаза-то плятить, чего не видывалъ? Сбирайся домой!“ Такъ и уѣхали до начала представленія. Да съ тѣхъ поръ, вотъ ужь двадцатый годъ и сижу дома. Я ужь не говорю о театрахъ, о гуляньяхъ ...

Ольга.

Какъ, тетенька, неужели-же ни въ Сокольники, ни въ Паркъ, ни въ Эрмитажъ?..

Вѣра Филипповна.

Какіе Сокольники, какой Эрмитажъ! Я обѣ нихъ и понятія не имѣю.

Ольга.

Однако, тетенька.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, ужь нынче такихъ антиковъ нѣ много, чтобъ Сокольниковъ не знать.

Вѣра Филипповна.

Ну, да ужь такъ и быть. Сначала-то и горько было, и обидно, и до смертной тоски доходило, что все въ заперти сижу; а потомъ, слава Богу, прошло, къ бѣднымъ привязалась; да такъ обсидѣлась дома, что самой страшно подумать: какъ это я на гулянье пойду? Да ужь Богъ съ ними, съ гуляньями и театрами. Говорять, тамъ соблазну много. Да вѣдь на бѣломъ свѣтѣ не все-жь дурное, есть чтоб-нибудь и хорошее; я и хорошаго-то не видала, ничего и не знаю. Для меня Москва-то, какъ лѣсь; пусти меня одну, такъ я подлѣ дома заблужусь. Твердо дорогу

знаю только въ церковь, да въ баню. И теперь, какъ выѣду, такъ словно дитя малое на дома, да на церкви любуюсь: все-то мнѣ въ диковинку.

Ольга.

Все-жъ-таки выѣзжали куда-нибудь?

Вѣра Филипповна.

Выѣздъ мой, милая, былъ раза два-три въ годъ по магазинамъ за нарядами, да и то всегда самъ со мной ъздила. Портниха и башмачникъ на домъ приходятъ. Мѣхъ понадобится, такъ на другое утро, я еще не проснулась, а ужь въ залѣ по всему полу мѣха разостланы, выбирай любой. Шляпку захочу, такъ тоже мадамъ полну карету картоновъ привезетъ. О вещахъ дорогихъ и говорить нечего: Потапъ Потапычъ чуть не каждую недѣлю возилъ то серьги, то кольцо, то брошку. Хоть надѣвать некуда, а все-таки занятіе: поутру встану, переберу да перегляжу все — время-то незамѣтно и пройдетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Сидѣли дома съ Потапъ Потапычемъ, да другъ на друга любовались. Чтѣ-жъ, любезное дѣло!

Вѣра Филипповна.

И любоваться-то не приходилось. Еще теперь, какъ Потапъ Потапычъ сталъ здоровьемъ припадать, такъ иной день и дома просидитъ; а прежде по буднямъ я его днемъ-то и не видала. Изъ городу въ трактиръ, либо въ клубъ, и жди его до трехъ часовъ утра. Прежде ждала, беспокоилась; а потомъ ужь и ждать перестала, такъ не спится... съ чего спать-то! А по праздникамъ: отъ поздней обѣдни за обѣдъ, потомъ отдохнетъ часа три, проснется, чаю напьется: „скучно, говоритъ, съ тобой. Поѣду въ карты играть“. И нѣть его до утра. Вотъ и сижу я одна; въ окна-то у нась, черезъ садъ, чутъ

не всю Москву видно, сижу и утро, и вечеръ, и день, и ночь, гляжу, слушаю. А по Москвѣ гулъ идеть, какой-то шумъ, стучать колеса; думаешь: вѣдь это люди живутъ, чтѣ-нибудь дѣлаютъ, коли такой шумъ отъ Москвы-то.

Аполлинарія Панфиловна.

Житейское море волнуется.

Вѣра Филипповна.

Думала пріемыша взять, сиротку, чтобъ не такъ скучно было; Потапъ Потапычъ не велить.

Аполлинарія Панфиловна.

Сироту взять, такъ веселѣе будетъ.

Вѣра Филипповна.

Только чтобъ не самаго крошечнаго, не грудного.

Аполлинарія Панфиловна:

Нѣтъ, зачѣмъ! Такъ лѣтъ двадцати-пяти, кудрявенькаго. Отъ скуки приятнo.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, чтѣ вы, какъ вамъ не стыдно! Безъ шутокъ вамъ говорю, помѣшаться можно было. Какъ я тогда съ ума не сошла, такъ это дивиться надо.

Аполлинарія Панфиловна.

Старики ужъ всегда ревнивы.

Вѣра Филипповна.

Да чтѣ меня ревновать-то! Я въ двадцать лѣтъ не взглянула ни разу на посторонняго мужчину. Въ чемъ другомъ не похвалюсь, а этого грѣха нѣтъ за мной, чиста душа моя.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, не говорите! Искушенія не было, такъ и грѣха нѣтъ. Врагъ-то силенъ, поручиться за себя никакъ нельзя.

Ольга.

Это правда, тетенька. Вы по вечерамъ и по ба-
ламъ не ъздите, а посмотрѣли-бы тамъ, какіе муж-
чины бывають. Умные, ловкіе, образованные, не то,
что ...

Аполлинарія Панфиловна.

„Не то, что мужья наши“. Ай, Оленька! Воть
умница! А вѣдь правду она говоритъ: пока не ви-
дишь другихъ людей, такъ и свои хороши кажутся;
а какъ сравнишь, такъ на свое-то и глядѣть не хо-
чется.

Вѣра Филипповна.

Чтѣ вы, что вы! Какъ вамъ не грѣхъ!

Ольга.

Да вѣдь мы, тетенька, не слѣпья. Конечно, обя-
занность есть наша любить мужа, такъ ее исполн-
яешь; а вѣдь глаза-то на что-нибудь даны? Что не-
вѣжа и дуракъ, а что образованный человѣкъ, разо-
брать-то не хитрость.

Аполлинарія Панфиловна.

Не видали вы настоящихъ-то мужчинъ, такъ хо-
рошо вамъ разговаривать. И первый человѣкъ грѣха
не миновалъ, да и послѣдній не минуетъ. Грѣхъ
сладокъ, а человѣкъ падокъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, и слава Богу, что съ молоду искушенія не
было; а ужь теперь и бояться нечего, мое время
прошло.

Аполлинарія Панфиловна.

Какіе ваши года! Мнѣ и подъ пятьдесятъ лѣтъ,
да я за себя не поручусь.

Ольга.

Я, кажется, до семидесяти лѣтъ влюбляться буду.

А то и жить-то не зачѣмъ, какой интересъ! А тутъ вдругъ какъ-то тепло на душѣ. А то какая наша жизнь? Пей, ъешь да спи!

Аполлинарія Панфиловна.

Я тоже не люблю, чтобъ безъ занятія. Ужь, само собой, не любовь, — гдѣ ужь! Хоть и не за-каиваюсь. А чтобъ были мнѣ хлопоты: или сватать, или, когда молодая женщина запутается, такъ по-учишь еe, какъ изъ бѣды вынырнуть, мужу глаза отвести.

Ольга.

Да чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, тетенька, мы не люди, чтѣ-ли? Посмотрите-ка, чтѣ мужчины-то дѣлаютъ, какую они себѣ льготу даютъ! Что они боятся, аль стыдятся чего? Какая только придетъ имъ въ голову фантазія, все и исполняютъ. А отъ насъ требуютъ, чтобъ не только мы законъ соблюдали, а въ душѣ и помышлениі непорочность имѣли. Какъ еще они, при своей такой безобразной жизни, смѣютъ отъ насъ чего-то требовать! Да возьми такой мужъ въ самомъ дѣлѣ-то хорошую, да благородную дѣвушку, такъ она черезъ три дня плюнетъ на него да убѣжитъ, куда глаза глядятъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Недавно замужемъ, а какъ разговариваешь! Скоро жизнь-то раскусила.

Ольга.

Раскусишь. Я шла замужъ-то, какъ голубка была, а мужъ меня черезъ недѣлю по трактирамъ повезъ арфистокъ слушать; сажалъ ихъ за одинъ столъ со мной, обнимался съ ними; а чтѣ говорили, такъ у меня волоса дыбомъ подымались!

Вѣра Филипповна.

Я такія рѣчи въ первый разъ слышу.

Аполлинарія Панфіловна.

Да вольно-жъ вамъ людей-то дичиться. Вы ужъ спесивы очень. Пожаловали-бы когда къ намъ за-просто, или меня къ себѣ приглашали почаше; уго-щенья для меня особенаго не нужно: быль-бы чай, да бутылка мадеры — воть и все.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ по гостямъ! Я одичала очень, мнѣ и людей-то видѣть тяжело. И разъ-то въ годъ выѣдешь, такъ часъ просидишь въ гостяхъ, ужъ тамъ и скучно, домой тянетъ.

Ольга.

Теперь не прежнєе время, не заперти живете; воть-бы и начали выѣзжать понемножку, привыкать къ людямъ.

Вѣра Филипповна.

Разница-то не велика: прежде въ заперти жила, а теперь сама усѣлась дома. Воть только одно мое удовольствіе, по монастырямъ стала ъздить: въ Симоновъ, въ Новоспасскій, въ Андроньевъ.

Аполлинарія Панфіловна.

Раненько за богомолье-то принялись.

Вѣра Филипповна.

Да хорошо тамъ очень: когда небольшой праз-дникъ, тамъ народу немного, тихо таково, простор-но, поютъ хорошо. Выдешь за ограду, по бульвар-чику походишь, на Москву поглядишь, старушекъ богомолокъ найдешь, съ ними потолкуешь. (Входитъ Огуревна.) Чѣмъ ты?

Огуревна.

Сумлѣваюсь насчетъ лимону.

Вѣра Филипповна.

Я сейчасъ, гости дорогія. (Уходитъ съ Огуревной.)

Аполлинарія Панфиловна.

По монастырямъ стала ъездить! Надо подсмотрѣть за ней; въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ-ли сироты какого.

Ольга.

Нѣтъ, не похоже.

Аполлинарія Панфиловна.

Смотри ей въ зубы-то! Я очень тихимъ-то не вѣрю. Знаешь пословицу: въ тихомъ омутѣ?.. (Входитъ Вѣра Филипповна.)

Вѣра Филипповна.

Сюда прикажете чай подать или туда пойдете? Сюда и мужчины придутъ; вонъ, кажется, Потапъ Потапычъ подвигается.

Аполлинарія Панфиловна.

Лучше мы къ самовару присосѣдимся; я не люблю съ мужчинами-то: не привыкли мы въ перемѣшку-то. Простору нѣть, разговоръ не тотъ; я въ разговорѣ свободна, стѣснять себя не люблю. Мужчины врутъ сами по себѣ, а мы сами по себѣ, и имъ свободнѣй, и намъ вольнѣй. Любезное дѣло! А вмѣстѣ одна канитель, а не разговоръ. Я съ прибавленіемъ люблю чай-то пить; неравно при мужчинахъ-то невзначай лишнее перельешь, такъ и совсѣмъ.

Вѣра Филипповна.

Какъ вамъ угодно. Пожалуйте! (Уходятъ: Аполлинарія Панфиловна, Ольга, Вѣра Филипповна. Входитъ: Каркуновъ, въ рукахъ бумага и карандашъ, Халымовъ, Константинъ Каркуновъ.)

Явленіе третье.

Каркуновъ, Халымовъ и Константинъ Каркуновъ.

Константинъ.

Помилуйте, дяденька!... Къ чему, къ чему?.. Ни къ чему это не ведеть.

Каркуновъ.

Помолчи ты, помолчи! (Халымову.) Ахъ, кумъ ты мой милый, вотъ ужъ спасибо, вотъ ужъ спасибо!

Халымовъ.

Да за чѣд?

Каркуновъ.

Какъ за чѣд? Я тебѣ шепнуль: „пріѣзжай, моль“, а ты и пріѣхалъ.

Халымовъ.

Да чудакъ: зовешь въ гости, какъ не побѣхать! Отъ хлѣба-соли кто-же отказывается?

Каркуновъ.

Да я еще тебя хлѣбомъ-то не кормилъ; а какъ ты пріѣхалъ, такъ за дѣло тебя; говорю: „помоги!..“

Халымовъ.

Да какое дѣло-то! Гроша оно мѣднаго не стѣть; эка невидаль, завѣщаніе написать! Было-бѣ что отказывать; а коли есть, такъ не хитро: тутъ все твоя воля, чѣд хочешь, то и пиши!

Каркуновъ.

Нѣтъ, ты не говори! Вотъ тутъ у насъ по сопѣству адвокатишко проживаетъ, такой паршивень-кій; а и тотъ триста рублей просить.

Халымовъ.

Еще мало запросилъ. Вольно-жь тебѣ за адвокатами посыпать!

Константинъ.

Да помилуйте! Коли есть единственный ... такъ къ чему? Одни кляузы!

Каркуновъ.

Погоди! Ты помолчи, помолчи!

Халымовъ.

Взяль листъ, и пиши!

Каркуновъ.

„Пиши“, ишь ты! Чѣдѣ я напишу, чѣдѣ я знаю? Какъ напьемся хорошенко, такъ „мыслете“ писать наше дѣло; а перо-то возьмешь, такъ вѣдь надо, чтобъ оно слушалось. А коли не слушается, такъ чѣдѣ-жь ты тутъ! Ничего не подѣлаешь.

Халымовъ.

А ты его возьми покрѣпче въ руки-то, да и пиши съ первоначалу съ Божьяго благословенія: во имя, и прочее ...

Каркуновъ.

Такъ, такъ, съ Божьяго благословенія; нельзя безъ этого, это ужъ первое дѣло. (Константину.) Ты незваный пришелъ, такъ вотъ тебѣ бумага и карандашъ. Пиши! (Отдаетъ бумагу и карандашъ.) Пиши, что сказано.

Константинъ.

Да позвольте! Коли я единственный ...

Каркуновъ.

Молчи, молчи! (Константинъ садится къ столу.) Чѣдѣ ему писать-то?

Халымовъ.

Потомъ пиши: во-первыхъ ...

Каркуновъ.

Константинъ, пиши: во-первыхъ ...

Халымовъ.

„Поручаю душу мою Богу“ ...

Каркуновъ (вздыхая).

Охъ, охъ! Да, да. (Константинъ пишетъ.)

Халымовъ.

„А грѣшное тѣло мое предать землѣ по христіанскому обряду“.

Каркуновъ.

По христіанскому, по христіанскому, да, да, по христіанскому, чтобы ужь какъ слѣдуетъ.

Халымовъ.

Теперь на счетъ пѣвчихъ ... Какихъ тебѣ будетъ пріятнѣе: Чудовскихъ иль Нешумовскихъ?

Каркуновъ.

Чудовскихъ пріятнѣе, другъ мой любезный, пріятнѣе.

Халымовъ.

Ну, и пиши: „Чудовскихъ“.

Каркуновъ.

Константинъ, запиши: „Чудовскихъ!“

Халымовъ.

Теперь покровъ на гробъ ... хочешь парчевый, хочешь глазетовый. Нынче этотъ товаръ до тонкости доведенъ, въ Парижѣ на выставкѣ былъ.

Каркуновъ.

Надъ этимъ задумаешься, кумъ, задумаешься.

Халымовъ.

Да какъ не задумаешься; дѣло большого разсудка требуетъ. А ты вели принести образчиковъ, да который тебѣ къ лицу, тотъ и обозначь; узорчикъ повеселѣй выбери. Да вотъ еще забыли, прежде всего надо: „находясь въ здравомъ умѣ“. Чѣмъ забыли-то! Да и въ правду, въ здравомъ мы умѣ, аль нѣть?

Каркуновъ.

Въ здравомъ, въ здравомъ, куда хочешь. Константинъ, проставь впереди: „въ здравомъ умѣ“.

Константинъ.

Ну, ужъ сомнѣваюсь!

Каркуновъ.

Пиши, пиши, не твое дѣло!

Халымовъ.

„И твердой памяти“.

Каркуновъ.

Ну, на счетъ памяти ... противъ прежняго не то.

Халымовъ.

Да вѣдь помнишь всѣхъ, кто тебѣ долженъ?

Каркуновъ.

Всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ.

Халымовъ.

Значить, твердая. Можетъ-быть, забываешь, кому самъ долженъ? Такъ не бѣда, напомнятъ. Ну, главное дѣло кончено, теперь ужъ пустяки. Вотъ пиши „любезной супругѣ моей, Вѣрѣ Филипповнѣ, за ея любовь ко мнѣ и всегдашнія попеченія ...“

Каркуновъ.

Да, да, всегдашнія попеченія.

Халымовъ.

Ну, тамъ что знаешь.

Каркуновъ.

Пиши, Константинъ: „все движимое и недвижимое имѣніе и миллионъ денегъ“

Константинъ.

Да позвольте, дяденька ...

Каркуновъ.

Молчи, молчи! Стойть, стойть, больше стойть.

Халымовъ.

Ужь это твое дѣло.

Каркуновъ.

Больше стойти, больше стойти. Только вотъ чтѣ, кумъ, охъ ...

Халымовъ.

Чтѣ случилось?

Каркуновъ.

Оставлю я ей миллионъ, а она съ моими деньгами-то замужъ, либо любовника.

Халымовъ.

Да тебѣ-то чтѣ за дѣло? Ужь тамъ, какъ знаетъ, какъ ей лучше.

Каркуновъ.

Нѣть, такъ нельзя, такъ нельзя: мои деньги-то. Она выйдетъ замужъ, да еще подсмѣется съ мужемъ-то надъ старикомъ.

Халымовъ.

Да и подсмѣются, ничего не подѣлаешь.

Каркуновъ.

Нѣть, вотъ какъ: любезной супругѣ моей, Вѣрѣ Филипповнѣ, коли не выйдетъ она замужъ и не заведеть любовника, миллионъ.

Халымовъ.

Нельзя такъ написать-то, кумъ.

Каркуновъ.

Отчего, кумъ?

Халымовъ.

Скажутъ, что не въ здравомъ разсудкѣ.

Каркуновъ.

Такъ мы этого писать не будемъ, не осрамимъ

себя, кумъ, не осрамимъ. Я вотъ чтѣ: я велю ей образъ со стѣны снять, да побожиться. Тѣкъ, кумъ?

Халымовъ.

Такъ, такъ. Да вѣдь и она не глупа, она образъ-то, на которомъ божиласъ, повернетъ къ стѣнѣ, либо вовсе изъ комнаты вынесеть, чтобы свидѣтелей не было; да и сдѣлаетъ, чтѣ хочетъ.

Каркуновъ.

Опять бѣда! Вотъ горе-то мое, горе!

Халымовъ.

Ну, какъ не горе! Всю жизнь мучилъ жену, хо-чешь и послѣ смерти потираний, да никакъ не при-думаешь. Да она честно жила съ тобой?

Каркуновъ.

Честно, честно. Чтѣ тутъ говорить — святая!

Халымовъ.

Всякій твой капризъ, всякую блажь исполняла?

Каркуновъ.

Исполняла, исполняла.

Халымовъ.

Стойти это чего-нибудь?

Каркуновъ.

Стойти, стойти, какъ не стойти!

Халымовъ.

Ну, чего это стойти, то ты и дай ей; да ужь и не печалься больше, пусть живетъ, какъ сама знаетъ.

Каркуновъ.

Нѣтъ, мало, мало. (Константину.) Да чтѣ тутъ! Пиши, безъ всякихъ условіевъ миллионъ.

Константинъ.

Ужь это, дяденька, даже довольно глупо, по-звольте вамъ сказать.

Каркуновъ.

Ты молчи! Ты долженъ къ дядѣ со всякимъ уваженіемъ.

Константинъ.

Я со всякимъ уваженіемъ; а ежели что не умно, такъ поневолѣ скажешь: „глупо“.

Халымовъ.

Пойдемъ дальше помаленьку! Теперь племяннику ... „Племяннику моему, Константину Лукичу Каркунову, за его почтительность и хорошее поведение“...

Каркуновъ.

Пиши, Константинъ: „племяннику моему ...“

Константинъ.

Написалъ.

Каркуновъ.

Вся моя торговля, фабричное заведеніе, опричь стѣнъ, товары, векселя и миллионъ денегъ.

Константинъ.

Я такъ понимаю, что это только одна шутка съ вашей стороны.

Каркуновъ.

Только чтобъ онъ вѣчно поминалъ меня, а свое пьянство и безобразіе оставилъ.

Константинъ.

Безобразіемъ-то, дяденька, мы вмѣстѣ занимались; ежели я и пьянировалъ, такъ для вашего удовольствія.

Каркуновъ.

И чтобъ всю жизнь онъ чувствовалъ.

Халымовъ.

Опять ты съ чувствами! А если онъ чувствовать не будетъ?

Каркуновъ.

Тогда деньги отобрать.

Халымовъ.

Нѣтъ, ты эти аллегоріи бросы! Никто такого твоего завѣщанія не утвердитъ.

Константинъ.

Оставьте! Пущай не утверждять; тѣмъ лучше, все мнѣ и достанется.

Каркуновъ.

Ишь ты какой ловкій! Пиши: миллионъ! Миллионъ тебѣ — вотъ и все.

Константинъ.

Одна только прокламація, больше ничего.

Халымовъ.

Ну, еще что? Кому еще соблаговолишь?

Каркуновъ.

Приказчику моему, Ерасту ... Пиши: ему десять тысячъ! Давай бумагу, ступай! Объ осталномъ безъ тебя порѣшимъ.

Константинъ.

Ну, дяденька, не ожидалъ. Кажется, знаете, какой я человѣкъ! Можно довѣриться безъ сумлѣнія. Стойте вамъ приказать словесно: выдай тому столько-то, тому столько-то: въ точности исполню. Наслѣдникъ у васъ одинъ я, а вы какую-то моду выдумали—завѣщаніе писать. Смѣшно даже.

Каркуновъ.

Ну, хорошо, хорошо, ступай! Обиженъ не будешь. (Константинъ уходитъ.)

Явление четвертое.

Каркуновъ и Халымовъ.

Каркуновъ (осмотрѣвъ всѣ двери).

Ну, кумъ, вотъ ужъ теперь ты мнѣ помоги, въ ножки поклонюсь! Возьми бумажку-то! (Подаетъ бумагу, писанную Константиномъ.) Захерь, всю захерь! Да напиши ты мнѣ все завѣщаніе снова! При племянникѣ я правды-то говорить не хотѣлъ.

Халымовъ.

А въ чёмъ твоя правда-то?

Каркуновъ.

Грѣшный я, ахъ, какой грѣшный человѣкъ! Чѣдѣ грѣховъ, чѣдѣ грѣховъ! Чѣдѣ неправды на душѣ, чѣдѣ обиды людямъ, чѣдѣ всякаго угнетенія!

Халымовъ.

Ну, такъ чѣдѣ-же?

Каркуновъ.

Такъ надо, чтобы за мою душу много народа молились; выкупать надо душу-то изъ аду кромѣшнаго.

Халымовъ.

Какъ-же ты ее выкупишь?

Каркуновъ.

А вотъ какъ: ни женѣ, ни племяннику ничего, таکъ развѣ малость какую. На нихъ надежда плоха, они не умолятъ. Все на бѣдныхъ, неимущихъ, чтобы молились. Вотъ и распиши! Ты порядокъ-то знаешь: туда столько, въ другое мѣсто столько, чтобы вѣчное поминовеніе, на вѣчныя времена ... на вѣчныя. А вотъ тебѣ записочка, чѣдѣ у меня есть наличными и прочимъ имуществомъ. (Достаетъ изъ кармана бумажку и подаетъ Халымову.)

Халымовъ.

Ого! Сколько у тебя наличныхъ-то! Гдѣ-же ты ихъ держишь?

Каркуновъ.

Дома, кумъ, вонь въ шапу.

Халымовъ.

Ты живешь въ захолустыи, кругомъ пустыри; налетятъ молодцы, такъ увезутъ у тебя деньги-то и съ твоимъ дорогимъ шкапомъ вмѣстѣ.

Каркуновъ.

Не боюсь, кумъ, нѣтъ. Нынче, кумъ, люди-то умны, говорять, стали; такъ и я съ людьми по-умнѣлъ. Вотъ видишь двѣ пуговки! (Показываетъ двѣ пуговки подлѣ шкапа.) Электрическій звонокъ! А? Умственная штука, кумъ, умственная штука! Одну пуговку нажму, всѣ молодцы и дворники тутъ, а другую — сто человѣкъ фабричныхъ чрезъ двѣ минуты здѣсь будутъ.

Халымовъ.

Ну, кумъ, задалъ ты мнѣ задачу!

Каркуновъ.

Сдѣлай милость! Будь другъ! Трепещу, трепещу, чтѣ грѣховъ-то, чтѣ грѣховъ-то, чтѣ всякаго окаянства!

Халымовъ.

Какъ-же ты жену-то обидишь, за чтѣ?

Каркуновъ.

Да, да ... жена у меня душа ангельская, голубица чистая. Какъ подумаю, кумъ, про нее, такъ слезы у меня. Вотъ видишь, слезы. Заморилъ я ее, всю жизнь загубилъ ... Да чтѣ-же ... Мое вѣдь ... кому хочу, тому и даю. Душа-то дороже жены. Вотъ еще приказчикъ ... Я у пріятеля сыночка взялъ, обѣщалъ въ люди вывести, наградить ... а

не вывелъ. И жалованье-то платиль малое, все по-сулами проводилъ... И обѣ немъ тоже, видиши, плачу. Только у меня дорогого-то, чтѣ жена да приказчикъ; а душа все-таки дороже... Можно ему чтѣ-нибудь изъ платья... шубу старую... Тѣкъ и напиши!

Халымовъ.

Напишу, что съ тобой дѣлать! Только будеть-ли польза душѣ-то?

Каркуновъ.

Будеть, будеть; съ умными людьми совѣтовался, съ благочестивыми... И больше все, чтобы по мелочамъ, въ раздачу нищей братіи, по гривнѣ стотысячъ, по пятаку триста.

Халымовъ.

Это хорошо, это по крайности цѣликомъ въ казну поступить; казнѣ деньги нужны.

Каркуновъ.

Какъ, кумъ, въ казну?

Халымовъ.

Чрезъ акцизное управлениe. Питетныя заведенія заторгуютъ хорошо.

Каркуновъ.

Ну, чтѣ-жь, пущай! Все-таки каждый передъ стаканомъ-то помянеть добрымъ словомъ.

Халымовъ.

Передъ первымъ помянеть, а на другой не хватить денегъ, такъ тебя-жь и обругаетъ.

Каркуновъ.

Ничего, нужды нѣть; хоть разъ перекрестится, да вздохнетъ на образъ, все-таки душѣ-то легче. (Растворяетъ двери). Вѣра Филипповна, Костя!... А! И ты, Ерасть, здѣсь! Войдите, войдите! (Входятъ: Вѣра Филипповна, Константинъ, Ерасть.)

Явленіе пятое.

Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна, Константинъ и Ерастъ.

Каркуновъ.

Ну, супруга любезная, ну, племянничекъ дорогой, и ты, Ерастъ! Молитесь Богу, молитесь Богу! Всѣхъ, всѣхъ наградилъ, всю жизнь поминать будете.

Вѣра Филипповна.

Благодарю покорно, Потапъ Потапычъ! Не надо мнѣ ничего; а коли ваша такая любовь ко мнѣ, такъ за любовь вашу я должна васъ поминать всегда и всегда за васъ Бога молить.

Ерастъ.

Покорно благодарю, Потапъ Потапычъ, что труды мои цѣните, даже сверхъ заслугъ.

Константинъ.

Извините, дяденька, мнѣ благодарить не за чтѣ. Конечно, на все ваша воля, а коли разсудить правильно, такъ и безъ того все мое.

Каркуновъ.

А коли твоё, такъ твоё и будетъ; никого не обижу, никого.

Вѣра Филипповна.

Сюда чай прикажете, или къ намъ пожалуете?

Каркуновъ.

Пойдемъ, кумъ, къ бабамъ, пойдемъ балагурить, зубы точить. (Уходятъ: Каркуновъ и Халымовъ.)

Вѣра Филипповна.

Пожалуйте! Константинъ Лукичъ, Ерастъ ... приходите!

Константинъ.

Увольте, тетенька, мы не желаемъ. (Вѣра Филипповна уходитъ.)

Явленіе шестое.

Константинъ и Ерастъ.

Константинъ.

Ну, Ерастъ, дѣло табакъ.

Ерастъ.

О чёмъ твой разговоръ и какъ его понимать?

Константинъ.

Намъ съ тобой зубы на полку.

Ерастъ.

Почему такъ полагаешь?

Константинъ.

Все теткѣ — шабашъ!

Ерастъ.

Чтѣ-жь, послужимъ и ей.

Константинъ.

Не придется.

Ерастъ.

Отчего-жь не служить, мы не хуже людей?

Константинъ.

Ты думаешь, она при миллионахъ-то съ фабриками, да съ торговлей путаться будетъ? Какъ-же, очень ей нужно! Оборотить все въ деньги, да замужъ за благороднаго.

Ерастъ.

Пожалуй; мудренаго нѣть.

Константинъ.

А мы съ тобой на бобахъ останемся.

Ерастъ.

Такъ неужто-жь вся моя служба за даромъ пропадеть?

Константинъ.

А ты благодарности ждешь? ... Отъ дяди-то?
Жди, жди! Онъ не нынче, такъ завтра тебя по шапкѣ скомандуетъ.

Ерастъ.

За чтѣ, про чтѣ?

Константинъ.

Здорово живешь. Къ разсчету ближе. Ты, по своимъ трудамъ, стояши много, а ему жаль тебѣ прибавить; ну, извѣстное дѣло, придется къ чему, расшумится, да и прогонитъ. У нихъ, у хозяевъ, одна политика-то.

Ерастъ.

Однако, призадумаешься. Надо мѣсто искать.

Константинъ.

Погоди! Ты вспомни, чѣму я тебя училъ.

Ерастъ.

Насчетъ чего?

Константинъ.

Насчетъ амуроў.

Ерастъ.

Эхъ! Будеть тебѣ глупости-то!

Константинъ.

Одно твоє спасенье.

Ерастъ.

Не такая женщина; приступу нѣть.

Константинъ.

Ну, плохъ-же ты, братъ!

Ерастъ.

Кто плохъ? Я-то? ... Кабы ты зналъ, такъ не говорилъ-бы, что я плохъ. Я свое дѣло знаю, да

ничего не подълаешь. Первымъ долгомъ, надо женщину хвалить въ глаза; такимъ манеромъ какую хочешь донять можно. Нынче скажи — красавица, завтра — красавица, она уши-то и распустить и подавай ей турусы на колесахъ! А ужь коли стала слушать, такъ заговорить недолго.

Константинъ.

Такъ-бы ты и дѣйствовалъ.

Ерастъ.

Я и дѣйствовалъ, да она меня только однимъ взглядомъ такъ ошибла, ровно обухомъ, насилиу на ногахъ устояль. Нѣтъ, я теперь на другой манеръ.

Константинъ.

Какая статья?

Ерастъ.

Она у насть сердобольная, чувствительная, такъ я на жалость ее маню, казанскимъ сиротой прикидываюсь.

Константинъ.

Дѣйствуетъ?

Ерастъ.

Кажется, подъействовало; ужь полдюжины голландскихъ рубашекъ получилъ вчера. Отъ кого-жъ, какъ не отъ нея! Она все такъ-то, въ тайнѣ благодѣтельствуетъ.

Константинъ.

Ну, и дѣйствуй въ этомъ направленіи. Затягивай ее мало-по-малу; потомъ свиданье гдѣ-нибудь назначь, либо къ себѣ замани.

Ерастъ.

Ну, хотя-бы и такъ, да тебѣ-то какая польза отъ всего этого?

Константинъ.

Ахъ, простота! Я подстерегу васъ, да и укажу

дядѣ: вотъ, моль, посмотри, кому ты миллионы-то оставляешь!

Ерастъ.

Однако! Да чтѣ ты дурака, чтѣ-ль, нашелъ?

Константинъ.

Погоди! Чтѣ болтаешь зря, не разобравши дѣла! Ты слушай, да понимай! Тебя все равно дня черезъ два-три дядя прогонитъ, ужь онъ говорилъ, такъ чтѣ тебѣ жалѣть-то себя? Такъ, ни съ чѣмъ уйдешь; а коли мнѣ, черезъ твою услугу, дядино состояніе достанется, такъ я тебя озолочу.

Ерастъ.

Рассказывай! Тебѣ повѣришь, такъ трехъ дней не проживешь!

Константинъ.

Это точно, это ты правду говоришь. И не вѣрь мнѣ на слово никогда, я обману. Какое я состояніе-то ухнуль — отобрали все. А отчего? Отъ того, что людямъ вѣрилъ. Нѣтъ, ужь теперь шабашъ; и я людямъ не вѣрю, и мнѣ не вѣрь. Ты на совѣсть мою, пожалуйста, не располагайся; была когда-то, а теперь ея нѣтъ. Это я тебѣ прямо говорю. Бери документъ! Хочешь двѣ-три тысячи, ну, хочешь пять?

Ерастъ.

Да чтѣ съ тебя возьмешь по документу-то?

Константинъ.

Само собой, что теперь ничего; а какъ оставить дядя наслѣдство, получишь все и съ процентами.

Ерастъ (подумавъ).

Вотъ чтѣ, слушай! Которое ты дѣло мнѣ сей-часъ рекомендуешь, довольно оно подлое. Пойми ты! Довольно подлое.

Константинъ.

Да развѣ я говорю тебѣ, что оно хорошее? И я такъ считаю, что оно подлое. Только я за него деньги плачу. Разбирай, какъ знаешь! Пять тысячъ, да на голодные-то зубы, да тому, кто ихъ никогда у себя не видывалъ ... тоже пріятность имѣютъ.

Ерастъ.

Не надо. Не только твоихъ пяти тысячъ ... а отойди! Вотъ ... одно слово!

Константинъ.

Правда пословица-то: дураковъ-то не орутъ, ни съютъ, а сами родятся. Получаешь ты триста рублей въ годъ, значитъ, обязанъ ты воровать; хотятъ тебя осчастливить, даютъ тебѣ пять тысячъ, а ты физіономію въ сторону отворачиваешь! Мозги! Нечего сказать! Постучи-ка себя въ лобъ-то, да вонъ въ стѣну попробуй, будетъ-ли разница?

Ерастъ.

А какъ ты думаешьъ, ежели дьяволъ ... такъ кто изъ васъ тоныше ... людей-то опутывать?

Константинъ.

Ну, вотъ еще „дьяволъ“. Испугать, чтѣль, меня хочешь? Слова, глупыя слова, и больше ничего. Къ чему тутъ дьяволъ? Которые люди святой жизни, такъ дьяволу съ ними заботы много; а мы и безъ него нагрѣшимъ, что на десяти возахъ не вывезешь. Но, однако, всякому разговору конецъ бываетъ ... Хочешь — бери деньги, а не хочешь — сочти такъ, что я пошутилъ.

Ерастъ.

Надо, по крайности, подумать.

Константинъ.

И выходишь ты, братецъ мой, невѣжа. Думай, не думай, ума не прибудетъ; сколько тебѣ ума дано,

столько и останется. Значитъ, показывай сейчасъ свой умъ или свою глупость! На томъ и покончимъ.

Ерастъ.

Ну, ужь была не была, куда ни шло!

Константинъ.

Вотъ такъ-то лучше; а ты еще въ разсужденія пускаешься! Какія еще твои разсужденія, когда ты обязанъ во всемъ слушать меня и всегда подражать подъ меня. Я старше тебя, хотя не лѣтами, но жизнью и умомъ; я большое состояніе прожилъ, а ты всегда жилъ въ бѣдности; я разсуждаю свободно, а ты въ разсужденіи связанъ; я давно совсѣмъ потерялъ, а ты еще только начинаешь. Когда-жь подробній обѣ этомъ предметѣ у насъ разговоръ будетъ?

Ерастъ.

Ты сегодня что дѣлаешь?

Константинъ.

До вечера свободенъ, зайду къ тебѣ и потолкуемъ; а вечеромъ—опять съ дядей въ провожатыхъ.

Ерастъ.

Куда вы съ нимъѣздите?

Константинъ.

По трактирамъ, а то куда-жь больше. Надоѣло имъ безъ проказъ пьянствовать, такъ теперь придумываютъ, что чуднѣй: антиковъ разныхъ разыскиваютъ, да и тѣшатся. У кого сила, такъ бороться заставляютъ; у кого голосъ великъ, такъ многолѣтіе имъ кричи; кто пьетъ много, такъ поять на пари. Вотъ-бы найти какого диковиннаго, чтобъ дяденькѣ удрожить!

Ерастъ.

Нѣть, я встрѣтилъ антика-то: и сила, и голосъ, и выпить сколько хочешь.

Константинъ.

Кто онъ такой?

Ерасть.

Такъ, въ родѣ какъ странникъ по Москвѣ бродить, понакутить, да у монастырей съ нищими становится.

Константинъ.

И знаешь, гдѣ его найти?

Ерасть.

Знаю.

Константинъ.

Такъ покажи мнѣ сегодня-же! Я съ кѣмъ-нибудь стравлю его на пари, большой капиталъ могу нажить отъ дяди. Да чтѣ! Дядя озолотить, все состояніе оставить мнѣ, коли придется ему по вкусу, да всѣхъ мы побѣдимъ.

Ерасть.

Можно. (Входятъ: Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна, и Аполлинарія Панфиловна).

Явленіе седьмое.

Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, Константинъ и Ерасть.

Каркуновъ.

Чтѣ-жь, кумъ, загуляли, значитъ?

Халымовъ.

Не знаю, какъ ты; а я конъки подвязалъ, далеко катиться могу.

Каркуновъ.

Такъ поѣхали, чтѣ-ли?

Халымовъ.

Поѣхали.

Каркуновъ (указывая на женщинъ).

А ихъ не возьмемъ, кумъ, не возьмемъ! Пущай дома сидятъ! Вотъ вы и знайте! Да! Мы въ разгуль, а вы дома сидите!

Халымовъ.

Куда ихъ! Намъ съ тобой надо быть налегкѣ, безъ грузу; чтобы куда потянетъ, туда и плыть, тѣкъ, глядя по фантазіи, рулемъ-то и поворачивай!

Аполлинарія Панфиловна.

Да поѣзжайте, куда душѣ угодно, не заплачимъ.

Каркуновъ.

О чёмъ плакать? Чѣмъ за слезы! Не о томъ рѣчь! А ты вотъ что, кума: ты спроси у лошади, какъ ей лучше, свободнѣй: въ хомутѣ, или безъ хомута! А баба-то вѣдь хомутъ.

Аполлинарія Панфиловна

Да ну васъ, убирайтесь! Не очень-то въ васъ нуждаются. Домой-то дорогу я и одна найду. Такъ пріѣдете, Вѣра Филипповна, въ монастырь-то ко всеночной?

Вѣра Филипповна.

Пріѣду непремѣнно.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, вотъ, можетъ-быть, увидимся. Прощайте. Къ намъ милости просимъ.

Вѣра Филипповна.

Ваши гости.

Аполлинарія Панфиловна.

Прощайте, кавалеры! (Уходитъ).

Константинъ.

Дяденька, мнѣ прикажете съ вами сопутствовать?

Каркуновъ.

Чего еще спрашиваешь? Аль ты свою службу забылъ? У тебя вѣдь одно дѣло-то: по ночамъ пьяного дядю домой провожать.

Константинъ.

А ежели я малость замѣшкаюсь, такъ къ ночи гдѣ васъ искать, подъ какимъ флагомъ? То есть, дяденька, подъ какой вывѣской?

Халымовъ.

Да ужь гдѣ ни путаться, а, должно быть, Стрѣльны не миновать. Поклонъ да и вонъ! Поѣхали.

Каркуновъ.

Хозяйка, не жди! (Уходятъ: Каркуновъ, Халымовъ, Константинъ. Вѣра Филипповна провожаетъ ихъ въ переднюю и возвращается.)

Явленіе восьмое.

Вѣра Филипповна и Ерастъ.

Ерастъ (потупя голову).

Вѣра Филипповна, вы позволите мнѣ сегодня идти ко всенощной?

Вѣра Филипповна.

Развѣ Богу молиться позволенія спрашиваются?

Ерастъ.

Нѣтъ-съ, я спрашиваю, позволите-ли вы мнѣ идти въ монастырь, куда вы поѣдете?

Вѣра Филипповна.

Храмъ большой, всѣмъ мѣсто будетъ ... Иди, коли есть усердіе.

Ерастъ.

Я думалъ, что, можетъ - быть, вамъ непріятно, что я все съ вами, въ одну церковь хожу. Такъ я могу въ другое мѣсто ...

Вѣра Филипповна (взглянувъ на Ераст).
Отчего-же ты думаешьъ, что мнѣ непріятно?

Ерастъ.

Вы женщина строгая, мало-ль что можете подумать!

Вѣра Филипповна.

Я ничего не думаю; а коли ты самъ что-нибудь думаешь дурное, такъ лучше не ходи, не грѣши. А ежели ты съ чистымъ сердцемъ ...

Ерастъ.

Съ чистымъ, Вѣра Филипповна.

Вѣра Филипповна.

А коли съ чистымъ, такъ иди съ Богомъ! Мнѣ даже очень пріятно; я очень рада, что въ такомъ дѣлѣ есть у меня товарищъ и провожатый.

Ерастъ.

Я только вамъ доложить хотѣлъ. Я безъ спросу не посмѣль.

Вѣра Филипповна.

Да, хорошо, хорошо! Вижу, что ты скромный и хорошій человѣкъ. Я такихъ люблю. Хорошаго человѣка нельзя не полюбить ... Кого-жъ и любить, коль не хорошихъ людей? Ну, покуда прощай!
(Ерастъ почтительно кланяется.)

(Занавѣсъ).

Дѣйствіе второе.

Бульваръ подъ монастырской стѣной; нѣсколько скамеекъ; въ глубинѣ по обрыву деревянная загородка, за ней вдали видна часть Москвы.

Явленіе первое.

Иннокентій (одинъ).

Иннокентій.

Эка обуза! ... Эка обуза мнѣ тѣло мое ... алчное, жадное, ненасытимое! Экую утробу богатому человѣку — и то будетъ въ тяжесть удоволить; а мнѣ, пролетарю ... нѣсть конца мученіямъ ... Непрестанныя муки голода и жажды... непрестанныя обуреванія страстей! Былъ рубль сегодня — и нѣтъ его; а жажда и голодъ все тѣ-же. Хотьбы ослѣпнуть! Несытымъ окомъ видишь трактиры, видишь пивныя заведенія, видишь лѣпообразныхъ женъ ... Какъ звѣрь-бы ринулся на все сіе и пожраль; но не пожрешь ... Прежде, чѣмъ пасть твоя разинется, связанъ будешь и заключенъ въ узилище... Былъ рубль ... Лучше-бы его не было ... Рубль издержалъ, но удовлетворенія нѣтъ, а только сугубая жажда. Всye искать человѣка, который, какъ я, могъ-бы завидовать всему. Волкъ живеть хищениемъ, грабежомъ, убийствомъ ... а я ему завидую; ибо онъ даровую находить пищу. (Входитъ Вѣра Филипповна.)

Явленіе второе.**Иннокентій и Вѣра Филипповна.****Иннокентій.**

Государыня милостивая, соблаговолите странному
человѣку!

Вѣра Филипповна (подавая деньги).**Примите!****Иннокентій.****Мало.****Вѣра Филипповна.****Не взыщите.****Иннокентій.**

Другому это довольно, а мнѣ мало.

Вѣра Филипповна.

Ты человѣкъ въ силахъ, работать-бы тебѣ ...

Иннокентій.**Не могу.****Вѣра Филипповна.****Нездоровъ, чтѣ-ли?****Иннокентій.****Нѣтъ.****Вѣра Филипповна.****Такъ почему-же?****Иннокентій.****Я празднолюбецъ.****Вѣра Филипповна.****Такимъ не помогаютъ.****Иннокентій.****Напрасно.**

Вѣра Филипповна.

Работай и молись, такъ не будешь нуждаться.

Иннокентій.

Не наставлена, государыня милостивая, а денегъ желаю я получить отъ тебя.

Вѣра Филипповна.

Такъ не просятъ.

Иннокентій (оглядываясь).

Я не прошу, я приказываю.

Вѣра Филипповна.

Богъ съ тобой, миленький! Прими еще и будь доволенъ. За всякую малость надо Бога благодарить. Не грѣши и меня не вводи во грѣхъ; я молиться иду.

Иннокентій.

Вотъ у тебя, раба божья, сколько серебряныхъ денегъ-то!

Вѣра Филипповна.

Не завидуй, грѣшно!

Иннокентій.

Отдай-ка ты мнѣ ихъ!

Вѣра Филипповна.

Мнѣ, миленький, не жаль, да не мои деньги-то, отдать-то нельзя: онѣ бѣднымъ приготовлены.

Иннокентій.

А если я ихъ отниму у тебя?

Вѣра Филипповна.

Отнимай, коли Бога не боишься, а сама не отдамъ; это деньги чужія.

Иннокентій.

Отнять-то я отниму, да вотъ бѣда: сила у меня

большая и рука тяжела, какъ-бы не повредить тебя, руки не оторвать прочь.

Вѣра Филипповна.

Ты, миленький, глядѣль когда на небо-то, лобъ-то крешишь себѣ или нѣтъ?

Иннокентій.

Ну, ужь будеть разговаривать-то!

Вѣра Филипповна.

Взгляни, миленький, взгляни на небо-то!

Иннокентій.

Либо у тебя разумъ младенческій, либо ты ужь очень въ вѣрѣ крѣпка. Чѣмъ ты мнѣ рацеи-то читаешь! Я самъ умнѣе тебя. Молчи, говорять тебѣ, заткни уста свои; а то я такую печать наложу на нихъ! ... Давай кошелекъ! (Вдали показываются Константинъ и Ерастъ.)

Вѣра Филипповна.

А вотъ мнѣ Богъ и помошь посылаеть.

Иннокентій (тихо).

Ну, счастлива ты! Проходи! Я пошутилъ съ тобой! (громко.) Благодарствую, государыня милостивая. (Садится. Вѣра Филипповна уходитъ. Входятъ: Константинъ и Ерастъ.)

Явленіе третье.

Иннокентій, Константинъ и Ерастъ.

Константинъ (Ерасту)

Этотъ, что-ли?

Ерастъ.

Онъ самый.

Константинъ.

Мужчина занятный.

Иннокентій.

Господа милостивые, соблаговолите странному человѣку на пропитаніе!

Константинъ.

Я на пропитаніе не даю; коли пропить сейчасъ, такъ изволь, подамъ.

Иннокентій.

Давай! Пропью!

Константинъ.

Такъ ты вотъ какой странникъ-то!

Иннокентій.

Не осуждай! Коли хочешь подать, такъ подай; а не хочешь, такъ проходи! Мнѣ не до разговоровъ.

Константинъ.

Чтѣ таcъ? Иль гордъ очень?

Иннокентій.

Не гордъ, а голоденъ.

Константинъ.

Накормимъ.

Иннокентій.

Накормишь, тогда и будемъ съ тобой разговаривать.

Константинъ.

Да обѣ чѣмъ съ тобой разговаривать-то; что ты знаешь?

Иннокентій.

Знаю больше тебя; я человѣкъ ученый и умный, а ты, какъ вижу, профанъ, простецъ.

Константинъ.

А коли ты ученый, отчего-жъ бѣдствуешь?

Иннокентій.

Я человѣкъ, обуреваемый страстями и весьма порочный.

Константинъ.

Намъ такихъ и надо. А выпить ты много можешь?

Иннокентій.

И пью, и ъмъ много и жадно.

Константинъ.

Да какъ много-то?

Иннокентій.

Не мѣрялъ; только очень много, неизглаголанно много, повѣрить невозможно — вотъ сколько!

Константинъ.

Да, можетъ, хвастаешь?

Иннокентій

(отворачивается въ сторону).

Лучше отойди! ... Проходи мимо!

Константинъ.

Чтѣ „проходи“! Ты человѣкъ нужный. Надо тебя испробовать: словами-то все можно сказать.

Иннокентій.

Испробуй!

Константинъ.

А начнешь пробовать, такъ, пожалуй, и я больше выпью. Съ нами такія-то оказіи бывали.

Иннокентій.

Не выпьешь.

Константинъ.

Да почемъ ты знаешь? Какъ ты можешь такъ... вдругъ? ... Ты слыхалъ романсь: „Никто души моей не знаетъ“?

Иннокентій.

Не выпьешь.

Константинъ.

Еще это дѣло впереди.

Иннокентій.

Невозможно. Ты не только чтò не выпьешь, ты руками не подымешь того, чтò я могу выпить.

Константинъ.

Коли правда, мнѣ-же лучше; я на тебѣ большиe капиталы наживу. (Ерасту.) Ну, я теперь его поняль, мы съ нимъ и ёдемъ. Чтò у васъ съ теткой будетъ, извѣсти! (Ерасть уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Константинъ и Иннокентій.

Константинъ.

Ты слышалъ, чтò я тебѣ сказалъ?

Иннокентій.

Нѣть, я слышу только требованія и вопли же-лудка моего.

Константинъ.

Ну, такъ я тебѣ повторю: „Я тебя поняль“.

Иннокентій.

Говори, милостивецъ, яснѣй!

Константинъ.

Ты человѣкъ голодный; чѣмъ ты живешь?

Иннокентій.

Подаяніемъ отъ доброхотныхъ дателей.

Константинъ.

А когда подаянія не хватаетъ по размѣру твоего аппетита, тогда чтò?

Иннокентій.

Надо-бы умирать съ голоду, но я не умираю.

Константинъ.

На пятерню берешь?

Иннокентій.

Ты что за духовникъ?

Константинъ.

Ничего, признавайся, свидѣтелей нѣтъ.

Иннокентій.

Да ты ужь не товарища-ли ищешь?

Константинъ.

Пока Богъ миловалъ; а впередъ не угадаешь:
можеть, и понадобится товарищъ.

Иннокентій.

Такъ не избѣгай, я работникъ хороший.

Константинъ.

Сундуковъ желѣзныхъ ты безъ ключа отпирать
не пробовалъ?

Иннокентій.

Да на что тутъ ключъ, коли руки хороши; а то
такъ и разрывъ-траву можно приложить.

Константинъ.

Стало-быть, Єомка-то¹ бываль въ рукахъ?

Иннокентій.

Чтѣ за мастеръ безъ инструмента!

Константинъ.

Судился?

Иннокентій.

Было.

¹ Короткій ломъ.

Константинъ.

А потомъ гдѣ гостиль?

Иннокентій.

Въ арестантскихъ ротахъ.

Константинъ.

Мѣсто хорошее! Ну, поѣдемъ! Только ты теперь держи себя, братецъ, въ струнѣ. Съ хорошими людьми въ компаніи будешь, съ купцами съ богатыми. Надо тебѣ русское платье достать. Скажемъ, что ты съ Волги, изъ Рыбинска, изъ крючниковъ.

Иннокентій.

Знаю, случалось кули-то таскать.

Константинъ.

Нашей компаніи умѣй только уважить; а то на цѣлый мѣсяцъ и сытъ, и пьянъ будешь, да и мнѣ будетъ хорошо.

Иннокентій.

Только кормите до-сыта, да поите до-пьяна, а то радъ вамъ хоть воду возить.

Константинъ.

Вѣдь тебѣ умирать-бы съ голоду въ другомъ мѣстѣ; а Москва-то матушка чѣмъ значить! Здѣсь и такие, какъ ты, надобны. (Уходятъ. Входятъ: Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.)

Явленіе пятое.

Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, да, конечно; какъ можно безъ провожатаго.

Вѣра Филипповна.

Кого-жъ я возьму?

Аполлинарія Панфиловна.

Мало-ль у васть ... Ну, хоть Ерастъ.

Вѣра Филипповна.

Какъ можно! Молодой человѣкъ цѣлый день за-
нять, ему охота погулять. У нихъ на гулянѣе вре-
мени-то и такъ немножко; чай, вечеромъ-то радехоньки
вырваться изъ дому, а тутъ еще хозяйку провожай.
У меня совѣсть не подымется.

Аполлинарія Панфиловна.

Почемъ знать, можетъ, ему и самому пріятно.
Вы домой сейчасъ поѣдете?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, ужъ я достою. Я всегда послѣ второго
звона отдыхать выхожу, а къ третьему опять въ со-
боръ.

Аполлинарія Панфиловна.

А ужъ я поѣду. Народу мало; ни посмотрѣть
не на кого, ни себя показать некому. Тутъ какъ
ни одѣнься, никто не замѣтить.

Вѣра Филипповна.

Мнѣ все равно; я не затѣмъ єзжу.

Аполлинарія Панфиловна.

Нѣтъ, мы люди грѣшные; мы и въ церковь-то
ходимъ людей посмотрѣть, да себя показать. Прощайте!
(Уходитъ. Подходитъ Ерастъ.)

Явленіе шестое.

Вѣра Филипповна и Ерастъ.

Вѣра Филипповна.

Присядь, Ерастъ, отдохни.

Ерастъ,

Помилуйте, смѣю-ли я! Ничего-сь, я и постою.

Вѣра Филипповна.

Вѣдь устанешь, служба-то длинна.

Ерастъ.

Хоть всю ночь-сь ... Я этого себѣ въ трудъ не считаю.

Вѣра Филипповна.

Ну, какъ знаешь.

Ерастъ.

Ужь я и то долженъ за счастье считать, что съ вами нахожусь ... Въ одномъ домѣ живемъ, а когда вѣстъ увидишь!

Вѣра Филипповна.

Да на чтѣ-жь тебѣ меня видѣть? Тебѣ хозяинъ нуженъ, а не я.

Ерастъ.

Конечно, всякое дѣло ведется хозяиномъ; только вѣдь мы отъ хозяина-то, кромѣ браны да обиды, ничего не видимъ. А коли есть у насъ въ домѣ чтѣ хорошее, коли еще жить можно, такъ всѣ понимаютъ, что это отъ васъ. Вѣдь мы тоже не каменные, благодарность чувствуемъ; только выразить ее не смѣемъ; потому, какъ вы отъ насъ очень отдалены.

Вѣра Филипповна.

Чтѣ за благодарность! Если я чтѣ и дѣлаю, такъ, повѣрь, не изъ благодарности.

Ерастъ.

Я это очень понимаю, только за чтѣ-жь вы людей такъ низко ставите? Вѣдь это значить: „дѣлать, моль, для васъ добро я могу изъ жалости — на-те, моль, я брошу вамъ ... только я такъ высока для васъ, что вы даже и благодарить меня не смѣете, и ни во чтѣ я считаю вашу благодарность, какъ есть вы люди ничтожные“.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, что ты, что ты! Я никогда такъ и не думала.

Ерастъ.

Хотя вы и не думали, но оно такъ выходить по вашимъ поступкамъ.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, ты, пожалуйста, не думай! Я нисколько не горда, а только что мнѣ стыдно, когда меня благодарятъ; я ничего такого особеннаго ... а что только должно ...

Ерастъ.

Какъ, помилуйте, какое должно! Да вотъ я ужъ и словъ не найду, какъ васъ благодарить.

Вѣра Филипповна.

За что, Ерастъ?

Ерастъ.

Такое вниманіе, такая, можно сказать, заботливость обо мнѣ ... развѣ я стою?

Вѣра Филипповна.

Да про что ты?

Ерастъ.

А подарокъ вашъ ... помилуйте! Вѣдь ужъ это даже въ родѣ какъ по-родственному; да и отъ родственниковъ нынче не дождешься ... Какія-жь мои заслуги противъ васъ, помилуйте!

Вѣра Филипповна.

Можетъ, и есть тебѣ подарокъ, только ты на меня не думай!

Ерастъ.

Эхъ, Вѣра Филипповна! Вотъ опять съ вашей стороны гордость, а мнѣ униженіе. „Бросила тебѣ, нищему, а благодарности не желаю“.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, чтѣ ты ... Богъ съ тобой! Ну, я, я ...

Ерастъ.

Благодарность ... вѣдь оно такое чувство, что его не удержишь, оно изъ души просится. Можетъ быть, сколько слезъ пролито, пока я дождался, чтобы вамъ ее выразить!

Вѣра Филипповна.

Ну, хорошо, я принимаю твою благодарность.

Ерастъ.

Позвольте ручку поцаловать.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, нѣтъ, чтѣ ты, чтѣ ты! Я никогда ...

Ерастъ.

Да отчего-же, помилуйте! Всѣ дамы-съ ...

Вѣра Филипповна.

Да нѣтъ, чтѣ это, какъ можно! Я знаю, что у дамъ и барышень целуютъ руки, да не хорошо это. За чтѣ настъ возвеличивать, чтѣ въ настъ такого особеннаго? Мы такіе-же люди. Вѣдь это развѣ какого высокаго званія, или за святость жизни, а какое наше званіе, какія-жь мы святыя! Которая развѣ ужъ сама себя не понимаетъ, чтѣ она такое, ну, по глупости, и рада, а то какъ это равному человѣку свою руку давать целовать. Вотъ у матери целуй! Потому нѣтъ больше ничего для тебя на свѣтѣ, какъ ея любовь, ея забота, ея печаль о тебѣ.

Ерастъ.

Хорошо, у кого жива родительница; а коли съ дѣтства кто сиротой остался?

Вѣра Филипповна.

Чтѣ-жь, Божья воля.

Ерастъ.

Это точно-съ. Но развѣ другая женщина не можетъ быть вмѣсто матери-съ?

Вѣра Филипповна.

Никогда, Ерастъ, никогда!

Ерастъ.

Нѣтъ, можетъ-съ. Положимъ такъ, что въ ней любви такой ужь не будетъ; да это ничего-съ. Вы извольте понять, что такое сирота съ малыхъ лѣтъ. Ласки не видишь, никто тебя не пожалѣть, а вѣдь горе-то частое. Каково сидѣть одному въ углу да кулакомъ слезы утиратъ? Плачешь, а на душѣ не легче, а все тяжелѣй становится. Есть-ли на свѣтѣ горчѣе сиротскихъ слезъ? А коли есть къ кому прійти съ горемъ-то, такъ совсѣмъ другое дѣло: приляжешь на грудь съ слезами-то, и она надъ тобою заплачетъ; вотъ сразу и легче, вотъ и конецъ горю.

Вѣра Филипповна.

Правда твоя, правда. Присядь, Ерастъ!

Ерастъ.

Нѣтъ, зачѣмъ-же-съ! Да мнѣ ни серебра, ни золота, никакихъ сокровищъ на свѣтѣ не надо, только-бъ ласку видѣть, да жалѣль-бы меня кто-нибудь. Вотъ теперь вашъ подарокъ, конечно, я очень чувствую; а вѣдь для души тутъ ничего нѣтъ-съ. Для меня только ласковое слово, совѣтъ, наставленіе для жизни въ тысячу разъ дороже всякихъ подарковъ. А ежели пожалѣть, утѣшить въ горѣ, заплакать вмѣстѣ ... Объ такихъ предметахъ зачѣмъ и мечтать! Потому, этого никогда не дождешься ...

Вѣра Филипповна.

Отчего-жъ не дождешься? Вѣдь ужь я плачу,
Ерастъ!

Ерастъ.

Это для меня сверхъ всякаго ожиданія. Такое счастье, что ужъ я и не знаю, какъ его оцѣнить и чему приписать! Все-таки, по крайности, позвольте хоть ручку поцаловать.

Вѣра Филипповна (задумчиво).

Не надо, мой другъ; ты знаешь, что я не люблю.

Ерастъ.

Вы сами изволили говорить, что у матери слѣдуетъ руки целовать, а вы для меня гораздо дороже-съ. Потому, мать—это дѣло даже довольно обыкновенное, у всякаго она есть; а чтобы посторонняя женщина такія чувства имѣла — это, по нынѣшнимъ временамъ, невозможно и встрѣтить. Не обижайте, позвольте ручку!

Вѣра Филипповна.

Ну, изволь, мой дружокъ. Только, пожалуйста, чтобъ ужъ никогда ...

Ерастъ (шалуя руку).

Какъ никогда, какъ никогда? Помилуйте! Подняли меня до небесь и опять приказываете мнѣ взять обороть на старое положеніе. Я такъ осмѣливался думать, что не послѣдній разъ я отъ васъ такое утѣшеніе въ своихъ горестяхъ имѣю.

Вѣра Филипповна.

Да я, дружокъ, только насчетъ поцалуевъ-то; а побесѣдовать съ тобой, посовѣтовать что, потужить вмѣстѣ, я, пожалуй, и впередъ не откажусь.

Ерастъ.

Только того-съ и жаждетъ душа моя.

Вѣра Филипповна.

Чтѣ-жъ, отчего-же? Тутъ дурного ничего нѣтъ.

Ерастъ.

Окромя хорошаго, ничего нѣтъ-съ. Но при всемъ томъ я отъ васъ отойду подальше; потому Аполлинарія Панфиловна сюда приближается. (Уходитъ. Входитъ Аполлинарія Панфиловна.)

Явленіе седьмое.

Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.

Вѣра Филипповна.

Воротились?

Аполлинарія Панфиловна.

Затолковалась съ одной знакомой. А вы все еще тутъ сидѣли?

Вѣра Филипповна.

Да, отдыхаю. Хорошо здѣсь воздухомъ-то подышать; еще поспѣю, служба долгая, часовъ до десяти.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, да, конечно, на вольномъ воздухѣ ... Чтѣ дома-то, въ четырехъ стѣнахъ сидѣть! Проводить есть кому, такъ чѣ-жь вамъ! Не то чтѣ до десяти часовъ, хоть до полночи оставайтесь.

Вѣра Филипповна.

Я безъ провожатыхъ, одна ъезжу.

Аполлинарія Панфиловна.

А словно какъ я тутъ вашего приказчика, Еаста, видѣла.

Вѣра Филипповна.

Да, и я видѣла; такъ вѣдь онъ тоже помолиться пришелъ, а совсѣмъ не для проводовъ; онъ самъ по себѣ, а я сама по себѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, конечно. Хорѡшій онъ человѣкъ, солидный, скромный такой.

Вѣра Филипповна.

Не знаю я ихъ, приказчиковъ-то, да и вижу ихъ очень рѣдко. Какие они тамъ, ужъ это не мое дѣло, это Потапъ Потапычъ знаетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Хорошій человѣкъ, хороший: не болтунъ, не похвастаетъ, женщину не опозорить, которая къ нему снисходительность имѣеть, ужъ хоть умреть, а промолчитъ. Другіе, вѣдь, такие охальники, чего и нѣтъ наговорятъ; а этотъ, хоть-бы что и было, такъ рѣжь его, не выдасть. Оно и дорого для нась, для женщинъ-то.

Вѣра Филипповна.

Не понимаю я, что вы говорите.

Аполлинарія Панфиловна.

Да что вы, Вѣра Филипповна; что тутъ такого непонятнаго? Разумѣется, скромный мужчина гораздо пріятнѣе. Другой, знаете, и собой некрасивъ, а, глядишь, очень хорошая женщина любить. А за что? За скромность. Вотъ Оленька сама мнѣ проговорилась, а онъ молчитъ и виду не подаетъ.

Вѣра Филипповна.

Оленька, говорите вы? Какая Оленька?

Аполлинарія Панфиловна.

Да Оленька, ваша племянница. Болтушка она; хорошо еще, что такого скромнаго человѣка нашла. Попадись она другому, такъ ужъ мужъ-то давно-бы узналь.

Вѣра Филипповна.

Да что вы говорите? Можетъ-ли быть?

Аполлинарія Панфиловна.

Да чтѣ-жь такого мудренаго? Эхъ, матушка, Вѣра Филипповна. Да сплошь да рядомъ, чему тутъ удивляться-то?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, я не вѣрю вамъ, онъ кажется такимъ скромнымъ, сиротливымъ.

Аполлинарія Панфиловна.

„Кажется“. Да мужчина, какимъ ему нужно, такимъ онъ и кажется: гдѣ надо быть смиреннымъ, онъ смиренъ, гдѣ надо бойкимъ, онъ бойкій; гдѣ плакать — плачетъ, гдѣ плясать — пляшетъ. Всякій мужчина, коли онъ не дуракъ, такъ плутъ; а у всякаго плута свой расчетъ. Розини-то повывелись, нынче палецъ въ ротъ не клади, откусяТЬ.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, право, какъ это непріятно, какъ непріятно!

Аполлинарія Панфиловна.

Да вамъ-то чѣдѣло? Пущай ихъ ...

Вѣра Филипповна.

Да какъ-же это ... въ нашемъ домѣ! — Нѣтъ, не хорошо, не хорошо.

Аполлинарія Панфиловна.

Да вѣдь слуховъ никакихъ нѣтъ, никто про это тоже не говоритъ, все равно, что нѣтъ ничего.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, все-таки ... Вотъ поди узнай людей-то!

Аполлинарія Панфиловна.

Да зачѣмъ ихъ узнавать? И вѣрить никому не надо. Надо только самой быть осторожной. Вѣдь не къ присягѣ-же всякаго приводить! Вотъ я никому не вѣрю. Мало-ли чѣдѣ сгоряча-то говорится ... Пожалуй, меня обманывай, я не разсержусь: я за то сама десятерыхъ обману. Ахъ, заболталась я съ вами. Прощайте, домой пора.

Вѣра Филипповна.

Ужъ и я.

Аполлинария Панфиловна.
Чтò такъ? Вы достоять хотѣли?

Вѣра Филипповна.
Да чтò-то нездоровится, такъ какъ-то не по себѣ.

Аполлинария Панфиловна.
Погуляйте немножко! На воздухѣ - то лучше.
Куда вамъ торопиться!.. Да гдѣ онъ тутъ? Вонъ,
кажется, идетъ ... Парень-то такъ, безъ дѣла ша-
тается ... онъ и проводить васъ. Прощайте! (уко-
дить. Вдали показывается Ерастъ.)

Явленіе восьмое.
Вѣра Филипповна и Ерастъ (вдали).

Вѣра Филипповна.
Кто изъ нихъ лжётъ: онъ или она? Да чтò мнѣ,
въ самомъ дѣлѣ ... какъ хотятъ; мнѣ за нихъ не
отвѣтать. Только вотъ ужь разговаривать-то не надо.
Развѣ пойти въ соборъ ... да нѣть, какая ужь
молитва? (Ерастъ подходитъ.) Чтò тебѣ, Ерастъ?

Ерастъ.
Не будетъ-ли какого приказанія отъ васъ?

Вѣра Филипповна.
Какія приказанія! Я уѣду сейчасъ.

Ерастъ.
А мнѣ-съ?

Вѣра Филипповна.
Да чтò-жь мнѣ до тебя? Хочешь оставайся, —
хочешь домой ступай.

Ерастъ.
Только и всего-съ?

Вѣра Филипповна.

Чего-жь тебѣ? Я пріѣхала молиться, ты тоже; я себя знаю, и ты свое мѣсто понимай.

Ерастъ.

Это ужь совсѣмъ другой разговоръ противъ давешняго, одно къ другому не подходитъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, чтѣ-жь дѣлать! Пока человѣка не знаешь, такъ ему и вѣришь; а какъ узнаешь про дѣла его, такъ по дѣламъ ему и цѣна.

Ерастъ.

Теперь я понимаю. Такъ я и ожидалъ. Знать, въ вашихъ глазахъ меня очернили; и теперь, чтѣ было для меня дорогого на свѣтѣ, я всего лишенъ; потому, вы считаете меня неосновательнымъ человѣкомъ. Ну, чтѣ-жь дѣлать? Знать, такая судьба, такъ тому и быть. Но послѣ всего этого позвольте вамъ сказать два слова.

Вѣра Филипповна.

Говори!

Ерастъ.

Первое-съ: ничего такого и никакихъ дурныхъ дѣлъ за мной нѣтъ. Если чтѣ вамъ сказано, такъ это все пустое, все наносныя слова. Есть за мной одинъ грѣхъ; чтѣ я больше всего на свѣтѣ уважаю и люблю женщину, которая очень высока для меня; но этого я грѣхомъ не ставлю.

Вѣра Филипповна.

Ну, дальше чтѣ-жь?

Ерастъ.

Такъ какъ вижу я со всѣхъ сторонъ однѣ нападки и ни откуда мнѣ никакой радости и утѣшения нѣтъ; такъ для чего жить-съ! Не въ примѣръ лучше будетъ, ежели свою жизнь покончить.

Вѣра Филипповна.

Чтѣ ты, Богъ съ тобою! Какія ты слова говориши!

Ерастъ.

Слова самыя настоящія; все это такъ и будетъ. Спасенія мнѣ нѣть, спасти меня никто не можетъ... Только можетъ одна женщина, и эта самая женщина — вы-съ!

Вѣра Филипповна.

Да очень-бы я рада и готова.

Ерастъ.

Только и отъ васъ мнѣ спасенія ожидать нельзя.

Вѣра Филипповна.

Почему-же ты такъ думаешь?

Ерастъ.

Вы меня не пожалѣете. Что такое я для васъ? Стойти-ли вамъ изъ-за меня себя беспокоить!

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, пожалѣю, пожалѣю.

Ерастъ.

Нельзя вамъ пожалѣть, вамъ ваше званіе не позволяетъ; приказчикъ хоть умирай, а хозяину до этого дѣла нѣть — такой порядокъ.

Вѣра Филипповна.

Да какой тамъ порядокъ! По христіански всякаго жалѣть слѣдуетъ.

Ерастъ.

Опять-же у женщинъ всякое дѣло все имъ грѣшино, да стыдно; и все-то онъ грѣха боятся, а еще больше того стыда.

Вѣра Филипповна.

Да какъ-же, миленький, стыда не бояться? Для того онъ и стыдъ называется, чтобы его боялись.

Ерастъ.

Позвольте-съ! Ежели-бы былъ такой законъ, чтобы совсѣмъ даже не прикасаться до мужчины ни подъ какимъ видомъ, а кто прикоснется, такъ это грѣхъ и стыдъ. И вотъ, если мужчина на вашихъ глазахъ тонетъ, а вамъ только руку протянуть, и онъ спасенъ. Вѣдь вы руки не протянете, потому, это стыдно; пущай онъ тонетъ.

Вѣра Филипповна.

Какъ руки не протянуть! Да если человѣкъ тонетъ, до стыда-ли тутъ! Стыдъ вѣдь только въ обыкновенной жизни очень нуженъ, а то онъ не очень важенъ: какъ что посеръезнѣй, такъ его и нѣтъ.

Ерастъ.

Ну, вотъ только, всего-съ, и конченъ разговоръ-съ. Стыдно по ночамъ къ мужчинамъ на свиданіе ходить; а вы, значитъ, ко мнѣ пожалуете.

Вѣра Филипповна.

Чтѣ ты, чтѣ ты, опомнись!

Ерастъ.

Мнѣ жизнь не дорога; я не живу, а только путаюсь въ своей жизни; стало быть, и жалѣть ее нечего, и, значитъ, я человѣкъ отчаянный. Кромѣ васъ, я никому на свѣтѣ не вѣрю я никого не уважаю. Вамъ я желаю разскaзать всю свою жизнь: какъ жилъ, что дѣлалъ и всѣ свои помышленія, и спросить у васъ совѣта, какимъ манеромъ и для чего мнѣ существовать на этомъ свѣтѣ и влaчиться на землѣ. Это разговоръ не минутный, тутъ мало часа полтора или два потребуется. Видѣться мнѣ съ вами негдѣ, къ себѣ въ комнату я васть приглашать не смѣю; по этому самому пожалуйте завтра внизъ, въ контору, въ 10 часовъ вечера. Потапъ Потапычъ, по обыкновенію, въ эти часы находятся

въ отъѣзжихъ поляхъ, въ домѣ все будетъ погружено въ глубокомъ снѣ; значитъ, намъ полная свобода.

Вѣра Филипповна.

Да нѣтъ, что ты, какая свобода! Ты перестань глупости-то!

Ерастъ.

Если въ десять часовъ не придете, въ одиннадцать — у васъ въ домѣ упокойникъ.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, страсти! Да не говори, пожалуйста!

Ерастъ.

Придетѣ?

Вѣра Филипповна.

Да ужъ нечего съ тобой дѣлать ... чтѣ-жъ, видно, надо придти.

Ерастъ.

Такъ я и ожидалъ, потому у васъ душа особенная. Вотъ она, Москва-то рѣка недалеко, нырнуть въ нее — одна минута; но какъ васъ увижу, совсѣмъ другія мысли у меня проясняются.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, поберегай себя.

Ерастъ.

Теперь еще желаю я знать отъ васъ: обиду вы прощаете?

Вѣра Филипповна.

Какова обида, миленький!

Ерастъ.

Ну, вотъ-съ человѣкъ у васъ украдетъ что, или ограбить васъ, ну, вредъ вамъ какой сдѣлаетъ ... Такъ вы простите его, или всю жизнь будете зло на него въ душѣ имѣть?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, какъ можно! Пусть его Богъ судитъ, а я прощу.

Ерастъ

(горячо обнимаетъ и цалуетъ ее).

Вотъ вамъ и обида-сь!

Вѣра Филипповна.

Ай! (Отбѣгаешь.)

Ерастъ.

Ну, казните!

Вѣра Филипповна.

Какъ-же ты?... Зачѣмъ это? (Отираетъ слезы.)

Ерастъ.

Приказывайте, что мнѣ надѣть собою дѣлать!
(Вѣра Филипповна тихо плачетъ.) Ужь теперь самому-то въ
омутъ броситься будетъ мало для меня, а утопить
меня надо съ камнемъ за мое невѣжество. (Молчаніе.)

Вѣра Филипповна (взглянувъ на Ерasta).

Неужели ты домой, этакую даль, пѣшкомъ пой-
дешь? Поѣдемъ, я подвезу. (Молчаніе.)

Ерастъ.

Да-сь ... ужь лучше-бѣ меня казнили ... За-
мѣсто всего ... такія слова ... да это ... развѣ
отъ ангела дождаться.

Вѣра Филипповна.

Ну, что-жъ ... ты не подумавши ... А вотъ
подумаешь, такъ увидишь, какъ это тяжело и больно
для меня.

Ерастъ.

И сейчасъ понимаю: тяжело и больно для васъ,
а съ моей стороны даже довольно низко ... И ни-
когда впередъ не посмѣю и подумать-сь ... Только

я полагаю ... все-таки въ этомъ никакой обиды нѣть для васъ.

Вѣра Филипповна (улыбаясь).

Да, пожалуй. Очень, очень дурно ты сдѣлалъ, и никакъ я не могла отъ тебя ожидать ... а коли правду сказать ... если ты каешься да говоришь, что впередъ не будешь ... такъ ... само собой ... какая-жь тутъ обида! Простить тебя очень можно. Поѣдемъ, Ерасть! (Уходятъ.)

Занавѣсь.

Дѣйствіе третье.

Комната со сводомъ въ нижнемъ этажѣ дома Каркунова. На правой сторонѣ (отъ актеровъ) дверь въ комнату Ерастѣ; на лѣвой въ коридорѣ; поперегъ комнаты дубовый прилавокъ, за нимъ двѣ конторки съ табуретами; на стѣнѣ часы. Кипы товаровъ въ суворыхъ парусинныхъ сорочкахъ сложены у прилавка. Въ глубинѣ два окна.

Явленіе первое.

Ерастъ (за конторкой, на конторкѣ свѣча).

Ерастъ.

А похоже, что Константинъ правду сказалъ: хозяинъ ходить сердитый, на свѣтъ не глядить; все ворчить: „надо прикончить фабрику, выгоды никакой нѣть“ ... Дѣло не хвали! Пойдешь по Москвѣ шляться, мостовую гранить. Денегъ на черный день не припасено ... Да какъ ихъ и припасешь на такомъ жалованьи? Какъ прогуляешь мѣсяца три-четыре, а то и всѣ полгода безъ мѣста, вотъ и узнаешь, гдѣ раки-то зимуютъ. Затянемшись въ долги, платышко все размотаешь ... вѣдь голодъ-то не тетка, пожалуй, въ такое званіе попадешь, что послѣ и не выцарапаешься. Мало-ль ихъ зимой въ лѣтнемъ платьѣ по городу ходятъ, за колечки пляшутъ на морозѣ, да руки протягиваютъ. Эхъ, ты, жизнь! Какъ подумаешь, такъ мурашки у тебя по спинѣ-то заползаютъ. Тутъ не то ... что ... тутъ на разбой пойдешь ... Оно точно, что хозяйка наша женщина рѣдкостная, совсѣмъ какая-то особенная, и какую я теперь штуку гну, такъ немногого это лучше,

что зарѣзать человѣка. А какъ подумаешь объ жизни обѣ своей, такъ оно и выходить, что своя рубашка къ тѣлу ближе ... Коли не выгоритъ дѣло у Константина, ну, была не была ... Чѣмъ я теряю? Только и всего, что въ томъ-же чинѣ останусь, какъ былъ ... Былъ ничего и останусь ничего ... А разживется Константина, такъ и я хоть немножко побарствую ... получу съ него деньги, покучу, сколько мнѣ надо, одѣнусь по послѣднему журналу, поступлю на мѣсто хорошее: нынче жалованье-то по платью даютъ. Само собою, дурного хорошимъ не назовешь; да разница-то велика: по морозу въ какомъ-нибудь страмъ пальто прыгать да въ кулаки подувать, или въ шубѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ по Ильинкѣ проѣхаться. (Взглянувъ на стѣнныя часы.) Еще безъ двадцати минутъ десять. Пойти взять книжку. (Уходитъ со свѣчкой. Въ комнатѣ темно, лунный свѣтъ. Входитъ Вѣра Филипповна, Огуревна со свѣчкой остается на порогѣ.)

Явленіе второе.

Вѣра Филипповна и Огуревна.

Вѣра Филипповна (тихо).

Поди, поставь свѣчку на лѣстницу, да сама тамъ посиди, подожди меня.

Огуревна.

А? Ну ... подожду, подожду ...

Вѣра Филипповна.

Поди на лѣстницу, говорю я.

Огуревна.

Куда на лѣстницу, зачѣмъ?

Вѣра Филипповна.

Поди, поди, говорю я, взойди на лѣстницу, да и сядь тамъ.

Огуревна.

Ну, и ничего здѣсь ... и пойдемъ, чтѣ-ли?

Вѣра Филипповна.

Ступай одна, я сейчасъ приду, подожди тамъ!

Огуревна.

Часть-то который?

Вѣра Филипповна.

Да ты ступай ужь.

Огуревна.

То-то, моль, чтѣ теперь? Утро аль вечеръ?

Вѣра Филипповна.

Да какая тебѣ надобность? Утро-ли, вечеръ-ли, все равно тебѣ. Ты ступай, ступай!

Огуревна.

А? Ступай! Куда ступай?

Вѣра Филипповна.

Ты на лѣстницу ступай, на верхъ! Какъ ты не понимаешь?

Огуревна.

Да, понимать ... Ты днемъ говори, такъ я пойму ... а ночью человѣкъ, чтѣ онъ можетъ понимать? Ты ему тѣ, а онъ тебѣ тѣ; потому заснулъ человѣкъ, все одно, что утонулъ. А ежели ты его разбудишь, ну, какое у него понятіе?

Вѣра Филипповна.

Ступай, ступай!

Огуревна (оглянувшись).

Батюшки, да гдѣ это мы?

Вѣра Филипповна.

Ступай, ступай, не твое дѣло!

Огуревна.

А вѣдь мнѣ мерещится, что ты это у себя въ спальнѣ, на постелѣ лежа, мнѣ что приказываешь.

Вѣра Филипповна.

Ступай, ступай, вонъ прямо по коридору — на лѣстницу на верхъ, да тамъ и жди! Да не усни дорогой-то!

Огуревна (уходя).

Ладно, молъ, ладно.

Вѣра Филипповна.

Куда ты? Куда ты? Прямо, прямо ... Свѣчку-то не урони!... (Затворяетъ дверь и отходитъ отъ нея.) Гдѣ же онъ? Онъ въ своей комнатѣ. Ну, я туда не пойду. (Прислушивается.) Кто-то идетъ со двора ... по коридору ... сюда кто-то ... (Входитъ за прила-вокъ и садится за кипы товару. Входитъ изъ коридора Ольга, на встречу ей Ерасть выходитъ изъ своей комнаты со свѣчкой.)

Явленіе третье.

Ольга и Ерасть.

Ерасть.

Ты зачѣмъ? Кто тебя просилъ?

Ольга.

А за тѣмъ, чтобы сказать тебѣ прямо въ глаза, что безсовѣстный ты человѣкъ.

Ерасть.

Такъ, я думаю, ты это послѣ успѣла-бы, торопиться-то тебѣ некуда.

Ольга.

Да душа не терпитъ, постылый ты человѣкъ. Вотъ какъ ты за любовь-то мою, вотъ какъ! Да вѣдь со мной шутить нельзя ... Я тебя, голубчикъ, погоди!..

Ерастъ.

Да потише ты! Ты не въ своей квартирѣ — дебоширничать-то! Ты въ чужомъ домѣ. (Заглядываетъ въ коридоръ.)

Ольга.

Да чтѣ мнѣ! Я и знать не хочу!

Ерастъ.

Нѣтъ, вотъ чтѣ: ты лучше оставь до завтра, мы съ тобой послѣ поговоримъ.

Ольга.

Да не могу я, не могу; душа кипитъ, не могу.

Ерастъ.

Ну, говори, только скорѣй! Чтѣ тамъ такое у тебя случилось?

Ольга.

Я только одному дивлюсь, какъ у тебя хватаетъ совѣсти прямо глядѣть на меня. Ахъ, убила-бѣ я тебя!

Ерастъ.

Да ужь довольно твоихъ аховъ-то! Ты дѣло-то говори!

Ольга.

Апполинарія Панфиловна видѣла тебя съ теткой вмѣстѣ? Говори! Видѣла?

Ерастъ.

Ну, такъ чтѣ-жь за бѣда? Видѣла, такъ видѣла

Ольга.

И ты можешь послѣ этого равнодушно со мной разговаривать; и тебѣ ничего не стыдно? Вотъ и выходитъ, что глаза-то у тебя безстыжіе.

Ерастъ.

Да, дальше-то чтѣ? Ты дѣло-то говори! Некогда мнѣ съ тобой проклажаться. (Заглядываетъ въ дверь.)

Ольга.

Чего-жъ тебѣ еще дальше-то, чего еще?

Ерасть.

А коли только, такъ и ступай домой. Стоило прибѣгать изъ-за такихъ пустяковъ.

Ольга (чуть не плачетъ).

Чтѣ-жъ, тебѣ мало этого? Мало?

Ерасть.

Разумѣется, мало, а ты какъ думала?

Ольга.

Мало! Чего-жъ тебѣ? Удавиться мнѣ, чтѣ-ли?

Ерасть.

Коли твоя глупость заставляетъ тебя давиться, такъ давись! Я тебѣ больше скажу! Твоя тетка сейчасъ ко мнѣ сюда придетъ. Слышишь ты это?

Ольга.

Ну, такъ не быватъ-же этому; себя не пожалѣю, а ужъ не позволю тебѣ такъ издѣваться надо мной.

Ерасть.

Позволишь.

Ольга.

И не говори ты мнѣ, и не терзай ты меня; а то я такихъ дѣлъ надѣлаю, что ты сраму и не оберешься.

Ерасть.

Погоди, слушай ты меня! Сейчасъ придетъ сюда твоя тетка, а черезъ десять минутъ нагрянетъ сюда Потапъ Потапычъ съ твоимъ мужемъ и накроютъ ее здѣсь.

Ольга.

Чтѣ, чтѣ? Чтѣ еще за глупости придумываешь?

Ерасть.

Ну, ужъ это не твоего ума дѣло.

Ольга.

Да зачѣмъ, къ чему это?

Ерастъ.

Стало быть, такъ надо.

Ольга.

Да голубчикъ, миленький, скажи!

Ерастъ.

То-то вотъ, такъ-то лучше; а то шумишь, да грозишь безъ толку. (Смотрить въ дверь.) Пожить-то тебѣ получше хочется — и одѣться, и все такое?

Ольга.

Какъ не хотѣться? Дурное-ли дѣло.

Ерастъ.

А мужъ-то твой давно прогорѣлъ, да еще долговъ много. Коли дядя ему наслѣдства не оставитъ, такъ ему въ яму садиться, а тебѣ куда?

Ольга.

Ужь ты меня не оставь, Ерастъ, на тебя только и надежда.

Ерастъ.

Да мнѣ самому-то не нынче-завтра придется по Москвѣ собакъ гонять. А какъ застанетъ Потапъ Потапычъ жену здѣсь, меня-то за ворота дубьемъ проводить, да ужь и ей наслѣдство не достанется, а все ваше будетъ. Такъ видишь ты, я для васъ съ мужемъ себя не жалѣю; а ты тутъ путаешься, да мѣшаешь.

Ольга.

Да развѣ я знала ...

Ерастъ.

Такъ вотъ знай! Ну, иди, иди:

Островскій. IX.

Ольга.

А вѣдь я думала, что ты ее любишь.

Ерастъ.

Какъ-бы не полюбить, да не такая женщина.
Къ ней не скоро подъѣдешь.

Ольга.

А ты-бы не прочь подъѣхать, кабы можно?

Ерастъ.

Да, конечно, чего-жь зѣвать-то!

Ольга.

Ахъ, ты, постылый! Такъ вотъ не пойду-же, не пойду!

Ерастъ.

Кому-жь ты угрозить хочешь? Себѣ-жь хуже сдѣлаешь. Да тебя мужъ-то убьетъ до смерти, коли ты намъ помѣшаешь.

Ольга.

Да я-бы ушла, да какъ тебя оставить-то съ ней?
Сомнительно мнѣ.

Ерастъ.

Ревность. Ты о теткѣ-то по себѣ судишь! ..
Не сумлѣвайся. Она не такая, не вамъ чета. Ну,
ступай скорѣй, скоро десять часовъ.

Ольга.

Ну, смотри-же ты у меня! И, кажется ... тогда
не живи на свѣтѣ.

Ерастъ.

Да будетъ ужь, ступай! Постой! Идетъ кто-то.
Вотъ дотолковались. Бѣги въ мою комнату, возьми
свѣчку. Затворись и сиди тамъ, не дыши. (Ольга
уходитъ со свѣчкой. Ерастъ подходитъ къ двери коридора.)

Явленіе четвертое.**Ерастъ и Вѣра Филипповна.****Ерастъ** (у двери).

Вѣра Филипповна, это вы-съ?

Вѣра Филипповна

(выходя изъ-за перегородки).

Нѣть, Ерастъ, я давно ужь здѣсь.

Ерастъ (хватаясь за голову).

Все слышали?

Вѣра Филипповна.

Все.

Ерастъ.

Стало-быть, знаете теперь, каковы мы люди?

Вѣра Филипповна.

Знаю, Ерастъ.

Ерастъ.

Оправданій нѣтъ, и языкъ не подымется оправдываться передъ вами! Чѣмъ мнѣ, плакать, прощенья просить, въ ногахъ валяться? Такъ я, можетъ, и потерянный человѣкъ, но унижаться не стану, низости во мнѣ нѣть. Все дѣло на лицо, ясно ... ужь тутъ нечего ... Слѣдуетъ вамъ только пренебречь нами, плонуть и уйти ... и оставайтесь опять такой высокой женщиной, какъ вы были, не связывайтесь съ такими людьми, какъ мы.

Вѣра Филипповна.

Такъ я и сдѣлаю. Ты какъ точно угадалъ мои мысли.

Ерастъ.

Но позвольте! Человѣкъ я для васъ маленький, ничтожный, такъ все одно, чтѣ червь ползущій; но

не откажите сдѣлать мнѣ послѣднюю милость. (Становится на колѣни.) Скажите, чтѣ-нибудь, да скажите! Ругайте, прощайте, проклинайте; ну, что вамъ угодно, только говорите — мнѣ будетъ легче; ежели-же вы уйдете молча, мнѣ жить нельзя. Не убивайте пре-зрѣніемъ, сорвите сердце, обругайте и уйдите!..

Вѣра Филипповна.

Изволь. Встань! (Ерастъ встаетъ.) Ты меня хотѣлъ обмануть, а Богъ меня помиловалъ, стало-быть, мнѣ жаловаться не на чѣ. Мнѣ радоваться надо, что Богъ меня не забылъ. Хоть сто разъ меня обмануть, а все-таки любить людей я не отстану. Только одно я скажу тебѣ: любить людей надо, а въ дѣла ихъ входить не нужно. Чтобы входить въ дѣла людей, надо знать ихъ, а знать ихъ мнѣ не дано. Коли я не умѣю разобрать, кто правду говорить, а кто обманываетъ, такъ лучше не браться за это. Кто молча нуждается, кто просить, кто руку протягиваетъ—всякому помоги и проходи мимо съ легкимъ сердцемъ. А станешь ты людей про ихъ нужды разспрашивать, такъ, волей-неволей, тебя обмануть, потому что всякому хочется себя оправдать, свою вину на другихъ, либо на судьбу свалить, всякому хочется себя получше показать, своихъ-то грѣховъ, своей-то вины никто тебѣ не скажетъ. А догадаешься ты, что тебя обманываютъ и осудишь человѣка, такъ ужъ какое тутъ добро, только грѣхъ одинъ. А вотъ какъ надо жить намъ, глупымъ людямъ: люби людей, и не знай ихъ и не суди. Я не за свое дѣло взялась, моя забота—люди бѣдные, беспомощные; а вы сами себѣ поможете; ишь какъ ловко вы все придумали! Видѣть тебя и разговаривать съ тобой ужъ больше мнѣ не зачѣмъ. Ты прощенья-то за свой грѣхъ проси не у меня, а выше, а коли и мое прощенье тебѣ нужно, такъ я тебѣ прощаю. Съ Богомъ! Мы теперь чужие. (Идетъ къ двери.)

Ерастъ.

Вотъ, кажется, къ воротамъ кто-то подъѣхалъ, да ужь теперь вѣсъ не застанутъ.

Вѣра Филипповна.

Тебѣ дѣла до меня нѣтъ, ты обѣ себѣ думай, я не боюсь. Чѣмъ правому человѣку бояться! (Уходитъ.)

Ерастъ.

Вотъ важно! Хорошо, очень хорошо, лучше требовать нельзѧ. Ну, Константинъ, подвель ты меня ловко! Во всей формѣ я теперь невѣжа передъ ней, да и самому-то на себя глядѣть противно. Вотъ такъ налетѣлъ! Я стыда-то еще въ жизни не видалъ, такъ вотъ попробовалъ. Эхъ, сирота, сирота, учить-то тебя, да бить-то было некому! Вотъ и бѣда, какъ твердо-то не знаешь, чѣмъ хорошо, чѣмъ дурно. Нѣтъ, ужь лучше бѣдствовать, чѣмъ такими дѣлами заниматься! Только-бы Богъ помогъ. До поту меня стыдѣ-то пробралъ; да потѣ-то какой, холодный. (Подходитъ къ двери своей комнаты.) Ольга! (Выходитъ Ольга со свѣчой.)

Явленіе пятое.

Ерастъ и Ольга.

Ерастъ

(береть свѣчу и ставить на конторку).

Иди домой! Бѣги скорѣй!

Ольга.

Чѣмъ, чѣмъ случилось?

Ерастъ.

Когда тутъ разговаривать! Бѣги скорѣй, застанутъ.

Ольга.

Такъ я завтра къ тебѣ забѣгу.

Ерастъ.

Да ладно, ладно.

Ольга.

Вѣдь ты меня любишь, ты меня ни на кого не промѣняешь?

Ерастъ.

Нашла время нѣжничать. Бѣги, говорять тебѣ.

Ольга (обнимаетъ Ераста).

Ну, прощай, милый, прощай. (Отворяетъ дверь въ коридоръ.) Ай! (Подбѣгаетъ къ Ерасту.) Дяденька тамъ, мужъ ...

Ерастъ.

Бѣги ко мнѣ въ комнату, прячься тамъ хорошенько! (Ольга убѣгаетъ. Ерастъ садится за конторку и раскрываетъ конторскую книгу. Входитъ: Каркуновъ, Халымовъ и Константинъ. Ерастъ встаетъ и кланяется.)

Явленіе шестое.

Ерастъ, Каркуновъ, Халымовъ и Константинъ.

Каркуновъ (садясь на стулъ).

Чѣмъ мнѣ не житье, кумъ, а? Какого еще житья надо? Приказчики ночи не спятъ, надъ книгами сидятъ; а не пьянствуютъ вѣдь, не безобразничаютъ.

Халымовъ.

Каковъ хозяинъ, таковы и приказчики: хозяинъ трезвой жизни и приказчики по немъ.

Каркуновъ.

Да, да, вѣрно, кумъ, вѣрно. Другіе-то приказчики по трактирамъ, да всякое безобразіе ...

Халымовъ.

Да вѣдь они глупы: они думаютъ, что трактиры-то для нихъ устроены, а не знать того, что трактиры-то

и всякія безобразія для хозяевъ, а не для приказчиковъ.

Каркуновъ.

Такъ, такъ это, кумъ, такъ точно. А мои, видишь, какъ стараются. Страйся, Ерастъ, страйся!

Ерастъ.

Я, Потапъ Потапычъ, всѣ силы полагаю.

Каркуновъ.

Да вижу, какъ не видать, чудакъ, вижу. Страйся, страйся. Забыть не будешь. А племянникъ, кумъ, словъ-то я, словъ не подберу, какъ нахваливаться. Я за нимъ, какъ за каменной стѣной! Какъ онъ дядю бережеть! Пріѣдетъ съ дядей въ трактиръ, самъ прежде дяди пьянь напьется! Золотой парень, золотой! Ёдемъ ночью домой, кто кого везетъ,—неизвѣстно, кто кого держить—не разберешь. Обнявшись ёдемъ всю дорогу, пока насы у крыльца дворники не снимутъ съ дрожекъ.

Халымовъ.

Чудесно! Значить, дружески живете. Чего-жъ лучше!

Константинъ.

Стараюсь, помилуйте, себя не жалѣю ... Какъ можно, чтобы я для дяденьки ...

Каркуновъ.

Вотъ и нынче, видишь, какъ старался, чуть на ногахъ держится.

Константинъ.

Для куражу, дяденька, для куражу. Коль скоро вы меня въ свою компанію принимаете, долженъ—же я понимать себя, значить, долженъ я васъ веселить. А если я буду повѣся носъ сидѣть, — скуча, канитель ... для чего я вамъ тогда нуженъ?

Каркуновъ.

Молодцы, молодцы ребята! А, кумъ, такъ вѣдь?

Халымовъ.

Твое дѣло.

Константинъ.

Я, дяденька, всей душой ... Да, кажется, такъ надобно сказать, что во всемъ домѣ только одинъ я къ вамъ приверженность и имѣю.

Каркуновъ (встаетъ).

Спасибо, голубчикъ мой, спасибо! (Кланяется въ поясъ.)

Константинъ.

Чувствовать вашу благодарность я, дяденька, могу ...
душу имѣю такую ... благородную ...

Каркуновъ.

И тебѣ, Ерасть, за твою службу спасибо! (кланяется.) Спасибо, дружки мои! Ты, Ерасть, завтра утромъ разсчетъ получишь! (Константину.) А ты такъ, безъ разсчету, убирайся! И чтобы завтра духу вашего не пахло ... (Ерасть молча кланяется.)

Константинъ.

Вы, дяденька, извольте найти виноватыхъ, а я надѣюсь передъ вами правымъ оставаться.

Каркуновъ.

Не надѣйся, дружокъ, не надѣйся. Ужь ты тѣмъ виноватъ: какъ ты смѣлъ противъ тетки ... Чѣо она и чѣо ты? Такъ вѣдь, кумъ, я говорю?

Халымовъ.

Да ну тебя, разговаривай одинъ! И такъ хорошо поешь, чего еще! Подпѣвать тебѣ не нужно. Пой, а мы слушать будемъ.

Каркуновъ.

Ты съ пьяну-то забылся; ты забылъ, что ты ни-

что, ты прахъ, тлѣнъ, послѣдній гвоздь въ каблукѣ сапога моего! А тетка твоя женщина благочестивая, богомольная ... Да вѣдь она жена моя, жена моя ... Какъ-же ты смѣль? Какъ ты меня, братецъ, обидѣлъ, какъ обидѣлъ!

Константинъ.

Я такъ чувствую, что всѣ ваши слова только одна шутка, вы своей фантазіи отвагу даете. Извольте разобрать дѣло, поискать хорошенько кругомъ да около, тогда и окажется, кто правъ, кто виноватъ.

Каркуновъ.

Погоди, погоди, твои рѣчи впереди! Мы теперь другую матерію заведемъ. (Плачевныи тономъ.) Вотъ, кумъ, горе мое, зубы плохи стали!

Халымовъ.

Свѣжіе закажи, коли природные изжевалъ; нынче покупные получше своихъ.

Каркуновъ.

Да и то покупные, своихъ-то давно нѣтъ. Вотъ смотри! Да не востры, костяные, ну, чтѣ въ нихъ! А чтѣ, кумъ, если заказать желѣзные, сдѣлаютъ? Я большія деньги заплачу.

Халымовъ.

Да чтѣ ты, баба-яга, чтѣ-ли?

Каркуновъ.

Да, я баба-яга, а ты какъ думалъ? Вотъ какъ будуть желѣзные зубы-то, вотъ и буду я ими жевать жену-то—жевать, жевать ... Константинъ, сослужи послѣднюю службу: гдѣ жена, гдѣ жена моя, боярыня?

Константинъ.

Да вотъ, надо полагать, дяденька, что она вотъ тутъ. (Указывая на комнату Ерасты.) Уйти ей было некуда.

Ерастъ.

Ошибаетесь.

Константинъ.

Нѣтъ, ужь теперь не увернешься, съ поличнымъ поймали! Коли ты дяденькиныхъ благодѣяній не чувствуешь, что ты за человѣкъ послѣ этого? Пожалуйте, дяденька! (Отворяетъ дверь въ комнату Ераста.)

Каркуновъ (у двери).

Жена, Вѣра Филипповна, выходи! Нейдетъ, церемонится . . . Пожалуйте сюда, честью васъ просимъ. Эхъ, баба-то заломалась, заупрямилась . . . Видно, пойти самому, покланяться ей хорошенъко! (Уходитъ, слышенье его хохотъ; показывается изъ двери.) Тсс . . . тише!. . . Нашелъ, нашелъ, находку нашелъ. Ни съ кѣмъ не подѣлюсь! Чуръ одному! (Уходитъ и быстро возвращается, таща за руку Ольгу.) Вотъ она, вотъ она, жена-то! (Вглядывается, потомъ подбѣгааетъ къ Константину и ударяетъ его по плечу.) Жена . . . жена, да не моя, чудакъ!

Константинъ.

Вотъ такъ разъ . . . Ну—Ольга!

Каркуновъ.

Ха, ха, ха! Поддержи меня, кумъ, поддержи! (Хоочеть истерически.) Завтра-же всѣхъ васъ вонъ! Всѣхъ вонъ! Метлой велю вымести начисто! Ха, ха, ха! (Уходитъ, опираясь на Халымова, который его поддерживаетъ.)

Явленіе седьмое.

Константинъ, Ерастъ и Ольга.

Константинъ.

Ну, Ольга! . . . (Ольга убѣгаешьъ въ коридоръ.) Не отбѣгаешься, разсчетъ съ тобой будетъ. (Ерасту.) А съ тобой какъ намъ разбираться, какъ съ тобой считаться будемъ?

Ерастъ

(вынимает вексель, разрывает, свертывает въ комокъ и бросаеть).

Вотъ тебѣ и всѣ счеты. Возьми свой вексель!
 Считаться намъ нечего. Плакаться не на кого, не
 рой другому яму ... (Вѣгаетъ Ольга.)

Ольга.

Съ дяденькой въ коридорѣ дурно сдѣлалось ...
 говорять, ударъ ... онъ умираетъ ..

Константинъ.

А, умираетъ? Такъ это другое дѣло.

Ольга

(заглянувъ въ коридоръ)

Умеръ.

Константинъ.

Ну, Ольга, стѣло бы убить тебя; а теперь я тѣ
 въ ножки поклонюсь. По твоей милости дядя
 мириаетъ безъ завѣщанія, и я теперь полный хозяинъ
 всему этому.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Декорація 1-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Огуревна, потомъ Аполлинарія Панфиловна.

Огуревна.

Никакъ кто-то идетъ! Не заперла я дверь-то:
Не изъ нищихъ-ли? Пожалуй, стащать чтобъ. (Идетъ
къ двери. Входитъ Аполлинарія Панфиловна.) Здравствуйте, ма-
тушка, Аполлинарія Панфиловна!

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуй, Огуревна! Всѣ-ли вы тутъ живы?

Огуревна.

Покуда живы, еще Богъ грѣхамъ терпитъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Какъ здоровье Потапа Потапыча?

Огуревна.

Все такъ-же, матушка, перемѣны не видать.

Аполлинарія Панфиловна.

Встаетъ съ постели-то?

Огуревна.

На полчасика, не больше; побродить по комнатамъ,
на палочку опирается, да подъ руки держимъ; по-
сидить на креслѣ, да и опять сведемъ его на постель;
сидѣть-то силушки нѣтъ у него.

Аполлинарія Панфиловна.

А какъ сердцемъ-то: по-прежнему блажитъ аль нѣть?

Огуревна.

Нѣть, какъ можно, не въ примѣръ тише сталь. Да докторъ говорить, чтобы не сердился, а то втори-тельный ударъ ошибетъ, такъ и живъ не будетъ. Онь теперь совсѣмъ на Вѣру Филипповну расположился, такъ ужь и не наглядится; все-то смотрить на нее, да крестить, да шепчеть ей: „молись за меня, устрой мою душу, раздавай милостыню, не жалѣй!“ А ужь такая-ль она женщина, чтобы пожалѣла!

Аполлинарія Панфиловна.

Много добра-то дѣлаетъ?

Огуревна.

Ужь и говорить нечего. Только и дѣла у ней, что разспрашиваетъ о бѣдныхъ, да и сама ихъ розыскиваетъ. А потомъ на бумажку пишетъ: кому, когда и сколько отвезти, или послать. У ней на каждый день расписано—одинъ разъ въ недѣлю ужь непремѣнно въ острогъ съѣздитъ, а то по тюрьмамъ, да по больницамъ. А чтѣ разсылаетъ по обителямъ, да по церквамъ по дальнимъ! Окромѣ того каждый день, послѣ обѣдни, до десяти часовъ у насъ полонъ дворъ нищихъ и всякаго народу; сама ихъ всѣхъ одѣляетъ. Да чтѣ ходитъ этихъ съ книжками да съ кружками! Такие-то заходять странники, что глядѣть на нихъ страсть; другой, какъ есть, разбойникъ, а она ихъ всѣхъ угощаетъ. А по праздникамъ кормить бѣдныхъ-то, вотъ тутъ-то всякаго народу на-смотришься. Вотъ у насъ тутъ и пріемная рядомъ съ ея спальней. Сюда прямо и лѣзутъ всѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Много къ вамъ бѣдныхъ-то ходитъ?

Огуревна.

Много. И утромъ и вечеромъ ходятъ. Дворни-камъ всѣхъ вѣльно до самой допущать, такъ они и пускаютъ народъ, не разбирая. Какъ святыя живемъ, не бережемся; деньги изъ сундука вынетъ, да такъ на столъ и броситъ, такъ и валяются, а то и сундукъ забудеть запереть. И какъ это нась не огра-бята до сихъ поръ.

Аполлинарія Панфиловна.

А кто-жъ у васъ за больнымъ-то ходить?

Огуревна.

Поперемѣнно, либо я, либо она, а то еще ста-ричка изъ богадѣльни взяли. Вотъ и сейчасъ она у Потапа Потапыча сидить; я пойду перемѣню ее, пошлю къ вамъ. (Уходитъ.)

Аполлинарія Панфиловна.

Да неужто ужь такъ окрѣпла женщина, что кромѣ милостыни ничего не знаетъ? А вѣдь еще молода. Чудно! Какъ-же намъ-то, грѣшнымъ, на себя смотрѣть послѣ этого? Да нѣть, словно какъ этого и не-бываетъ. Да вотъ попробуемъ: попытка не шутка, а спросъ не бѣда. (Входитъ Вѣра Филипповна.)

Явленіе второе.

Аполлинарія Панфиловна и Вѣра Филипповна.

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуйте, Вѣра Филипповна, золотая моя! Какъ поживаете?

Вѣра Филипповна.

Какой еще жизни? Вотъ только самъ-то боленъ; а то какъ въ раю живу.

Аполлинарія Панфиловна.

Во всемъ довольствѣ, значитъ?

Вѣра Филипповна.

Да какое мое довольство? Мнѣ для себя ничего не нужно; тѣмъ я довольна, что всякому бѣдному помочь могу; никому отказывать не приходится, всякий съ чѣмъ-нибудь да уйдетъ отъ меня! Сколько богатства-то и доходу у Потапа Потапыча! Точно я изъ моря черпаю, ничего не убываетъ, тысячу-двѣ истратишь, а три прибудетъ. Или ужъ это Богъ посылаетъ за добрая дѣла.

Аполлинарія Панфиловна.

Много-ль въ день-то раздаете?

Вѣра Филипповна.

Я не считаю, день на день не придется. Вотъ нынче много отдала; за племянника, Константина Лукича, долги заплатила, изъ заключенія его выкупила.

Аполлинарія Панфиловна.

А ужъ Потапъ Потапычъ въ ваши дѣла не вступается?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, къ нему только кланяться ходятъ, которые люди съ чувствомъ. А онъ только плачетъ, крестится, да меня благодаритъ. Никогда-бы мнѣ, говорить, такъ о своей душѣ не позаботиться, какъ ты обѣней заботишься: я хоть-бы и хотѣлъ бѣднымъ людямъ помочь, такъ не сумѣль-бы!

Аполлинарія Панфиловна.

Все ужъ, значитъ, теперь вамъ предоставлено?

Вѣра Филипповна.

Все, все.

Аполлинарія Панфиловна.

Значитъ, во всей формѣ завѣщеніе сдѣлано?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, онъ хочетъ при жизни все на мое имя

перевести по какой-то бумагѣ, по купчей или по дарственной, ужъ не знаю. Исаи Данилычъ хлопочеть обѣ этомъ въ судѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Слышала я отъ него, слышала ... Онъ хотѣль нынче къ вамъ заѣхать ... Не за этимъ-ли дѣломъ ужъ? Ну, чай, не вдругъ-то Потапъ Потапычъ рѣшился, развѣ что болѣзнь-то убила.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, онъ равнодушно ... только одно отъ меня требовалъ, чтобы я поклялась нейти замужъ послѣ его смерти.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, чтѣ-жь вы?

Вѣра Филипповна.

Божиться не стала, я грѣхомъ считаю, а сказала, что я и въ помышленіи этого не имѣю. Чтѣ мнѣ за охота себя подѣ чужую волю отдавать? Будетъ, пожила.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, нѣтъ, не закаивайтесь, зароку не давайте!

Вѣра Филипповна.

Я никому зароку и не даю; а только знаю про себя, что не быть мнѣ замужемъ; скорѣй-же я въ монастырь пойду. Обѣ этомъ я подумываю иногда.

Аполлинарія Панфиловна.

Не раненько-ли въ монастырь-то?

Вѣра Филипповна.

Охъ, да одна только и помѣха, моложава я, вотъ бѣда-то!

Аполлинарія Панфиловна.

Да чтѣ-жь за бѣда. По нашему, такъ чего-жь

лучше! Мы чтò бѣлиль-то, да разныхъ спецій истратимъ, чтобы помоложе казаться; а у васъ этого расходу нѣтъ. А вѣдь это разсчетъ не маленький.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, я къ тому, что соблазну боюсь; народу я вижу много, такъ грѣха не убережешься. Сама-то я не соблазняюсь, а люди-то смотрять на меня, кто знаетъ, чтò у нихъ на умѣ-то! Молода еще, да богата, другому въ голову-то и придется чтò нехорошее — вотъ и соблазнъ; а грѣхъ-то на мнѣ, я соблазнила-то. Вотъ горе-то мое какое!

Аполлинарія Панфиловна.

Коли только и горя у васть, такъ еще жить можно. А я къ вамъ съ просьбой! Надо помочь одному человѣку.

Вѣра Филипповна.

Съ радостью, что могу.

Аполлинарія Панфиловна,

Ему многаго не нужно; ему только слово ласковое.

Вѣра Филипповна.

За этимъ у меня дѣло не станетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Такъ поѣду, обрадую его.

Вѣра Филипповна.

Къ Потапу Потапычу не зайдете?

Аполлинарія Панфиловна.

Я черезъ полчасика къ вамъ заѣду съ мужемъ, тогда ужъ и съ Потапомъ Потапычемъ повидаюсь. Да, забыла ... Олеинку сейчасъ видѣла, катить въ коляскѣ, такъ-то разодѣта.

Вѣра Филипповна.

Ну, Богъ съ ней, не намъ судить.

Островскій. IX.

Аполлинарія Панфіловна,
До свиданія! (Уходить.)

Вѣра Филипповна (удвери въ коридоръ).
Кто тамъ? Проводите Аполлинарію Панфіловну ...
(Входитъ Огуревна.)

Явленіе третє.

Вѣра Филипповна и Огуревна.

Огуревна.

Самъ-то уснулъ, я у него старичка посадила.

Вѣра Филипповна.

Поди-ко, посиди въ передней; а то взойдетъ кто, и доложить некому.

Огуревна.

Чай, тамъ есть кто, неужто-жъ нѣть? Да что мудренаго! Ишь у насъ какой присмотръ-то въ домъ! Какъ самъ захворалъ, такъ никакой строгости не стало. (Отворяетъ дверь въ переднюю.) Да и то никого нѣть.

Вѣра Филипповна
(садится къ столу).

Много-ль у меня денегъ-то осталось? (Вынимаетъ изъ кармана деньги.) О, еще довольно! Надо-бъ ихъ въ шкапъ убрать, да пусть здѣсь полежатъ, кто ихъ тронетъ. (Кладеть на столь деньги.) Куда мнѣ завтра-то? (Береть бумажку со стола и читаетъ.) „На Разгуляй, ко вдовѣ съ сиротами“; мужъ на желѣзной дорогѣ, такъ машиной убило. Да, вотъ она жизнь-то! И день, и ночь при машинѣ, семью-то и видѣль не надолго. А машина ... вѣдь она желѣзная—развѣ она чувствуетъ, что онъ одинъ кормилецъ-то. Убила, да и дальше пошла. А вдовѣ-то съ дѣтьми каково? (Входитъ Огуревна.)

Огуревна.

Матушка, Константинъ Лукичъ пришелъ съ нѣкіемъ странникомъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, чтѣ-жь, пусты!

Огуревна.

Матушка, пускать-ли странника-то? Вида-то онъ, какъ-бы тебѣ сказать, больше звѣринаго, ничѣмъ человѣческаго.

Вѣра Филипповна.

Съ виду-то и ошибиться недолго. Ничего, пусты! (Огуревна уходитъ. Вѣра Филипповна отходитъ отъ стоянья дивану. Входятъ: Константинъ, одѣтъ бѣдно, пальто короткое, поношенное, панталоны въ сапогахъ, и Иннокентій.)

Явленіе четвертое.

Вѣра Филипповна, Константинъ и Иннокентій.

Вѣра Филипповна.

Милости прошу. Присядьте!

Константинъ.

Съ Хитрова рынка пѣшкомъ путешествовали, такъ отдохнуть надо. (Садится.)

Иннокентій.

Благодаримъ, государыня милостивая. (Садится.)

Вѣра Филипповна.

Какъ-же ты, Константинъ Лукичъ, устроиться думаешь? Къ мѣсту-бы куда опредѣлился, чтѣ-ли.

Константинъ.

Чтѣ мнѣ къ мѣсту, я самъ человѣкъ богатый.

Вѣра Филипповна.

Ну, полно шутить-то!

Константинъ.

Наслѣдства жду.

Вѣра Филипповна.

Откудова?

Константинъ.

Объ этомъ разговоръ послѣ. Вы-бы, тётичка, покормили странныхъ-то!..

Вѣра Филипповна.

Я не знала, что ты голоденъ. Подите внизъ, тамъ внизу столъ накрыть, покушайте!

Константинъ.

Я сухоядѣнья не люблю; прежде надо горло промочить.

Вѣра Филипповна.

Негдѣ взять, миленький, мы вина не держимъ.

Константинъ.

Были-бѣ деньги, а вина достать можно.

Вѣра Филипповна

Такъ возьми денегъ и ступайте, куда вамъ нужно; а въ моемъ домѣ пьянства я не позволю.

Константинъ.

„Въ твоемъ домѣ!“ Мой домъ-то, а не твой!

Вѣра Филипповна.

Чтѣ-жь дѣлать; на то была воля Потапа Потапыча!

Константинъ.

Ну, домъ, куда ни шло; ты хоть деньгами подѣлись

Вѣра Филипповна.

Я и подѣлилась, я за васъ долги заплатила.

Константинъ.

Этого мало, ты половину всего подай!

Вѣра Филипповна.

Такъ не просять.

Константинъ.

Да я и пришелъ къ тебѣ не просить, а требовать; я за своимъ пришелъ, тутъ все мое. Вонъ, на столѣ деньги, и тѣ мои. Прибирай, Иннокентій, благо карманы широки. (Иннокентій береть деньги со стола.) Это разъ! Теперь надо пощупать, что въ шкатулку лежитъ, это будетъ другой.

Вѣра Филипповна.

Чтѣ вы дѣлаете, побойтесь Бога!

Константинъ.

Иннокентій, съ тобой разрывъ-трава?

Иннокентій.

Со мной, государь милостивый. (Вынимаетъ небольшой ломъ.)

Константинъ.

Такъ похлопочи около шкапа-то! Постой! Не придушить-ли ее немного, чтобы не тараторила?

Иннокентій.

Какъ прикажешь, милостивецъ. Только у меня рука тяжела, послѣ моихъ рукъ не выхаживаются. Клещи у меня здоровыя, прихватчу горло, пикнуть не успѣшь, государыня милостивая.

Константинъ.

Вотъ слышишь! Ну, поняла ты теперь, что мы за люди? Ребята теплые! Ты кричать не вздумай! Чѣмъ хорошаго! Пожалуй, дядю разбудишь, а онъ спить теперь; а Огуревну я внизъ услалъ, не услышитъ. Значитъ, доставай ключъ, отпирая шкапъ и дѣли деньги пополамъ!

Вѣра Филипповна.

Это деньги не мои, это деньги Божьи. Онъ мнѣ ихъ послалъ для бѣдныхъ. Хоть убейте, я не отопру.

Константинъ.

Да и убьемъ, тётичка, убьемъ, ты не сомнѣвайся! Вонъ погляди, каковъ у меня товарищъ, онъ изъ разбойниковъ, только въ отпуску, еще отставку не выслужилъ.

Вѣра Филипповна.

Я его знаю; онъ Божьимъ именемъ у меня милостыню просилъ; онъ не убьетъ меня.

Иннокентій.

Убью, государыня милостивая.

Константинъ.

Тётичка, разговоровъ нѣтъ, надо отпирать! Отпираю! Постой! Шкатъ-то съ секретомъ, онъ и самъ отопрется. Видишь пружины-то. (Показываетъ на пуговку звонка.) Подави-ко, Иннокентій, навались; а я другую пожму. (Нажимаютъ пуговки звонковъ.)

Вѣра Филипповна.

Чтò вы! Чтò вы дѣлаете?

Константинъ.

Чтò дѣлаемъ? Это ты сейчасъ увидишь.

Вѣра Филипповна.

Какъ Богъ-то вѣсть попуталъ. Это не пружина, это звонки на фабрику. Сейчасъ вся фабрика будетъ здѣсь.

Константинъ.

Какая фабрика?

Вѣра Филипповна.

Фабричные, ткачи, ну, и всякие.

Иннокентій.

Я еще поборюсь, государыня милостивая.

Вѣра Филипповна.

Миленький, нельзя; человѣкъ семьдесятъ, а то и больше нахлынетъ.

Иннокентій.

Да, это сила, противъ такой силы не пойду, ибо глупо. (Константину.) Милостивецъ, бросай чѣд лишнее, да расправляй руки, лопатки крутить будуть. Сопротивленіе бесполезно, я фабричныхъ знаю; ребра беречь надо, милостивецъ.

Константинъ (съ испугомъ).

Батюшки, чѣд дѣлать-то?

Иннокентій.

Слышу шумъ отъ множества шаговъ.

Константинъ (падая на колѣни).

Тѣтенька, вѣдь мы только попугать васъ хотѣли . . .
Простите!

Вѣра Филипповна.

Встаньте, Константинъ Лукичъ! Богъ съ вами!

Константинъ.

Деньги-то, тѣтенька, которыя мы взяли, отдать прикажете?

Вѣра Филипповна.

Да, отдайте! Отнятое въ прокъ не пойдетъ. Не ввели бы онъ васъ въ бѣду какую.

Константинъ.

Отдавай, Иннокентій!

Иннокентій.

Здоровые зубы свои извлекать клещами легче-бы мнѣ было, чѣмъ возвращать сіи деньги. (Отдаетъ деньги.)

Вѣра Филипповна.

Прошу васъ принять ихъ отъ меня. (Отдаетъ деньги обратно.) Раздѣлите ихъ пополамъ! И дай Богъ, чтобы онъ вамъ на пользу пошли.

Иннокентій.

Благодаримъ, государыня милостивая.

Константинъ.

Тётичка, отпустите нась?

Вѣра Филипповна.

Погодите! (Входитъ фабричный.)

Явленіе пятое.

Тъ же и фабричный.

Фабричный.

Что приказать изволите, матушка, Вѣра Филипповна?

Вѣра Филипповна.

Постой немножко... Дяденька вашъ жалуетъ вамъ пенсію, Константинъ Лукичъ, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ; каждое первое число приходите въ контору получать.

Константинъ.

А наверхъ ужъ ни ногой, тётичка?

Вѣра Филипповна.

Да вамъ и не зачѣмъ, ужъ я за васъ поблагодарю Потапа Потапыча.

Иннокентій.

Я, государыня милостивая, не долго погуляю на волѣ, къ зимѣ-то на казеннную квартиру попрошуясь къ Бутырской заставѣ¹ такъ не оставьте своей милостью, благодѣтельница.

Вѣра Филипповна.

Хорошо, я помоню, навѣщу. Прощайте. (Константинъ и Иннокентій уходятъ) Молодецъ, вы подите внизъ,

¹ т. е. въ острогъ, который находится (въ Москвѣ) близъ Бутырской заставы

скажите, чтобы вамъ дали по стаканчику водки передъ ужиномъ. Я за тѣмъ васъ и позвала.

Фабричный.

Благодаримъ покорно! (Кланяется и уходитъ. Входитъ Аполлинарія Панфиловна.)

Явленіе шестое.

Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, потомъ Огуревна.

Аполлинарія Панфиловна.

Я опять къ вамъ, съ мужемъ пріѣхала, онъ тамъ прямо къ Потапу Потапычу прошелъ.

Вѣра Филипповна.

Очень рада гостямъ, милости прошу. Чѣмъ подчivать прикажете?

Аполлинарія Панфиловна.

Хоть оно и стыдно на угощеніе напрашиваться, а ужъ съ вами по душѣ, велите-ко мнѣ подать мадерки.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, что вы, помилуйте, какой стыдъ! Это моя глупость, что я не знаю, кого и когда чѣмъ подчivать.

Аполлинарія Панфиловна.

Да какъ узнатъ-то? Въ чужую душу не влѣзешь.

Вѣра Филипповна

(у двери въ переднюю).

Огуревна, подай мадеры!

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, какъ вы можете знать, зачѣмъ мнѣ выпить нужно?

Огуревна (за сценой).

Сейчасъ, матушка, несу.

Аполлинария Панфиловна.

Я для куражу хочу выпить. Разговаривать съ вами хочу, а смѣлости не хватаетъ. (Входитъ Огуревна съ бутылкой мадеры и стаканомъ.) И стаканчикъ принесла, мою препорцію знаетъ. Ну-ка, налей, слуга Личарда. (Огуревна наливаетъ и уходитъ.)

Вѣра Филипповна.

Кушайте!

Аполлинария Панфиловна.

Выпью, много кланяться не заставлю. (Пьетъ.)

Вѣра Филипповна.

Объ чемъ-же вамъ угодно было со мной разговаривать?

Аполлинария Панфиловна.

Помните?.. Да нѣтъ, погодите, еще не подѣстновало, чтѣ-то не куражить. Не осудите вы меня?

Вѣра Филипповна.

Ахъ, чтѣ вы, помилуйте!

Аполлинария Панфиловна.

Такъ, я еще стаканчикъ пропущу.

Вѣра Филипповна.

Кушайте на здоровье. (Наливаетъ стаканъ.)

Аполлинария Панфиловна (выпивъ).

Ну, вотъ теперь, кажется, въ самый разъ. Отчего это мы съ вами по-пріятельски не сойдемся? Я вѣдь женщина не дурная, я гораздо лучше того, чтѣ про себя рассказываю. Отчего-жъ это мы подружески не живемъ?

Вѣра Филипповна.

Я не прочь, это какъ вамъ угодно.

Аполлинария Панфиловна.

Ну, такъ поцалуемся! (Цалуются) Вотъ что, Вѣ-

рочка милая, ты надъ нами не очень возвышайся! Коли тебѣ дана душа хорошая, такъ ты не очень возносись; можетъ-быть, и у другихъ не хуже твоей.

Вѣра Филипповна.

Я и не возношуясь. Я всегда и передъ всяkimъ смириться готова.

Аполлинарія Панфиловна.

Какъ думаешь, на чтѣ женщины-то дана душа-то хорошая?

Вѣра Филипповна.

Чтобъ ближнихъ любить, бѣднымъ помогать.

Аполлинарія Панфиловна.

Только? Кабы это правда, такъ одной-бы души съ женщины-то и довольно. А то еще ей дано тѣло хорошее, сильно красивое да складное... Это для чего? Вотъ и понимай, какъ знаешь!

Вѣра Филипповна.

Не разберу я тебя, Аполлинарія Панфиловна.

Аполлинарія Панфиловна.

* Да чтѣ тутъ разбирать-то! Помнишь, я тебя просила объ одномъ человѣкѣ, такъ онъ въ передней дожидается.

Вѣра Филипповна.

Кто-же такой?

Аполлинарія Панфиловна.

Ерастъ; хочешь ты принимай его, не хочешь — не принимай, твоя воля. А я къ Потапъ Потапычу пойду. (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Вѣра Филипповна, потомъ Огуревна.

Вѣра Филипповна

(садится къ столу и подпираетъ голову рукой).

Чтѣ она сказала! Чтѣ она сказала! Нѣть, не надо мнѣ его... зачѣмъ онъ! А, можетъ... онъ нуждается? Ну, пусть черезъ людей скажетъ, что ему нужно. А коль видѣть хочетъ? Не всякую нуждую людямъ повѣришь. Словно, какъ я боюсь его... Да нѣть, чего бояться!.. Обидѣль онъ меня, кровно обидѣль... Такъ какъ-же это... неужто я до сихъ поръ ему не простила? Ужели въ самомъ дѣлѣ не простила? А надо-бы простить. Грѣхъ вѣдь — это грѣхъ... Разбойника, который хотѣлъ убить меня, я простила, а его не прощаю... Какой грѣхъ-то... какой грѣхъ-то! (Громко.) Огуревна! (Входитъ Огуревна.) Ерастъ въ передней?

Огуревна.

Тамъ, матушка.

Вѣра Филипповна.

Ну, такъ... (Задумывается.)

Огуревна.

Чтѣ, матушка?

Вѣра Филипповна.

Пусть онъ... пусть онъ войдетъ сюда. (Огуревна уходитъ. Входитъ Ерастъ.)

Явленіе восьмое.

Вѣра Филипповна и Ерастъ.

Вѣра Филипповна.

Здравствуй, Ерастъ!

Ерастъ.

Честь имѣю кланяться.

Вѣра Филипповна.
Какъ ты поживаешь?

Ерастъ.

Лучше требовать нельзя; мѣсто имѣю отличное, двѣ тысячи рублей жалованья получаю.

Вѣра Филипповна.
Ну, слава Богу! Очень рада за тебя. (Молчаніе.)
Ты меня зачѣмъ-то хотѣлъ видѣть?

Ерастъ.

Точно такъ-съ.

Вѣра Филипповна.
Зачѣмъ-же? Вѣдь ужъ ты теперь не нуждаешься.

Ерастъ.

Я пришелъ за тѣмъ-съ... вотъ чтобы сказать вамъ, что я хорошо живу.

Вѣра Филипповна.
Ну, спасибо тебѣ. Это радость для меня не малая.

Ерастъ.

Да еще...

Вѣра Филипповна.
Зачѣмъ еще-то?

Ерастъ.

Пожалѣть васъ.

Вѣра Филипповна.
Чтѣ ты, Богъ съ тобой. Нашелъ кого жалѣть!
Я такъ счастлива, какъ въ раю живу.

Ерастъ.

Такъ-ли-съ?

Вѣра Филипповна.
Чего мнѣ еще? Я теперь полная хозяйка всему,

у меня больше, чѣмъ надо, — на добрыя дѣла тратить могу, сколько хочу. Какого-жь еще счастія?

Ерастъ.

И, значитъ, вы живете въ полномъ удовольствіи?

Вѣра Филипповна.

Въ полномъ удовольствіи, Ерастъ.

Ерастъ.

А я такъ понимаю, что вы только сами себя обманываете.

Вѣра Филипповна.

Да что съ тобой? Какъ ты знать можешь? Я сама-то себя лучше знаю.

Ерастъ.

Не знаете. Вы очень любите людей-съ, и полагаете, что этого довольно?

Вѣра Филипповна.

Да, конечно, довольно.

Ерастъ.

Нѣтъ, мало-съ. Ежели я кого люблю, а меня на отвѣтъ не любятъ, такъ какое-же мнѣ удовольствіе?

Вѣра Филипповна.

Ты про другое говоришь; ты про то говоришь, чего я знать не хочу.

Ерастъ.

Нѣтъ, про то самое. Вы теперь всѣхъ людей любите и добрыя дѣла постоянно дѣлаете, только одно у васъ это занятіе и есть, а себя любить не позволяете; но пройдетъ годъ или полтора, и вся эта ваша любовь... я не смѣю сказать, что она вамъ надоѣсть, а только зачестствѣть, и всѣ ваши добрыя дѣла будутъ въ родѣ какъ обязанность, или служба какая, а ужъ душевнаго ничего не будетъ. Вся эта

ваша душевность изсякнетъ, а на мѣсто того, даже раздражительность послѣ въ васъ окажется и сердиться будете и на себя, и на людей.

Вѣра Филипповна.

Правда-ли это?

Ерастъ.

Зачѣмъ-же я буду лгать? Я лгать пробовалъ, да ничего хорошаго не вышло, такъ ужь я зарокъ далъ. А если-бы вы сами настоящую любовь и ласку отъ мужчины видѣли, совсѣмъ дѣло другое-съ; душевность ваша не изсякнетъ, къ людямъ вы не въ примѣръ мягче и добрѣй будете, все вамъ на свѣтѣ будетъ понятнѣй и доступнѣй, и всѣ ваши благодѣянія будутъ для всякаго въ десять разъ дороже.

Вѣра Филипповна.

Можетъ-быть, это и правда; да чтѣ-жь дѣлать-то, нельзя.

Ерастъ.

Я такъ думаю, что можно. Отбросьте гордость; не гоните того человѣка, который васъ полюбитъ, не обижайте его!

Вѣра Филипповна.

Я замужняя женщина.

Ерастъ.

Такъ чтѣ-жь за бѣда? Потапъ Потапычъ ужь не жилецъ на свѣтѣ, доктора говорятъ, что онъ больше мѣсяца не проживетъ. При томъ-же, если умный человѣкъ, такъ онъ пойметъ ваше теперешнее положеніе, будетъ себя вдали держать и сумѣеть благороднымъ образомъ своего термину дождаться.

Вѣра Филипповна.

Ты давно-ли такъ умень-то сталъ?

Ерастъ.

Давно-съ. Я не то, что другіе изъ нашего брата,

которые только и знаютъ, что по трактирамъ штяться; я все больше къ умнымъ, да къ образованнымъ людямъ въ компанію приставаль; хоть самъ говорить съ ними не могу, такъ, по крайней мѣрѣ, отъ другихъ занимаюсь.

Вѣра Филипповна.

Да, умныя твои рѣчи, только слушать ихъ грѣхъ.

Ерастъ.

Какъ вы, однако, грѣха-то боитесь! Вы, видно, хотите совсѣмъ безъ грѣха прожить? Такъ вѣдь это гордость. Да и какая-жъ заслуга, ежели чело-вѣкъ отъ соблазну прячется, значитъ, онъ на себя не надѣется. А вы все испытайте, все извѣдайте, да останьтесь чисты, непорочны — вотъ заслуги.

Вѣра Филипповна.

Охъ, да!

Ерастъ.

Отъ враговъ прячутся-то, а не отъ тѣхъ, кто любить. Повѣрьте душѣ моей, что кто васъ истинно любить, тотъ злодѣемъ вашимъ не будетъ.

Вѣра Филипповна.

Да, хорошо, хорошо, я вѣрю.

Ерастъ.

Такъ будьте хоть нѣсколько поснисходительнѣе къ тѣмъ, кто васъ любить.

Вѣра Филипповна.

Хорошо, хорошо, мы обѣ этомъ послѣ погово-римъ.

Ерастъ.

Значитъ, вы мнѣ позволяете навѣщать васъ хоть изрѣдка?

Вѣра Филипповна.

Чтѣ-жъ, заходи... только я рѣдко свободна бываю.

Ерастъ.

Ужъ я найду время. Такъ я буду въ надеждѣ-сь?

Вѣра Филипповна.

Не знаю, Ерастъ, на что ты надѣешься; только надежды отнимать я не буду у тебя. Надежду отнимать у человѣка — грѣхъ... Прощай, Ерастъ.

Ерастъ.

Если я чтò вамъ непріятное... такъ извините-сь.

Вѣра Филипповна.

Нѣть, чтò ты! Скорѣй-же я... Меня извини.
(Ерастъ вздыхаетъ, кланяется и уходитъ. Вѣра Филипповна сидить у стола въ задумчивости. Изъ двери нальво входятъ: Аполлинарія Панфиловна, Каркуновъ, одной рукой опирается на палку, подъ другую его поддерживаетъ Халымовъ.)

Явленіе девятое.

Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, Каркуновъ и Халымовъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Кресло Потапу Потапычу, кресло! (Вѣра Филипповна береть кресло отъ письменного стола и ставить на серединѣ комнаты. Каркуновъ садится.)

Каркуновъ (дрожащимъ голосомъ).

Любезная супруга моя, Вѣра Филипповна... я вотъ сейчасъ... торжественно... потому, кумъ, кума, Аполлинарія Панфиловна, вы знаете, какъ мои чувства, ежели насчетъ души моей... какъ ее устроить... значитъ, чтобъ на вѣчное поминовеніе... я не могу самъ; а все она, все она. (Утираетъ слезы.) Торжественно объявляю... (Достаетъ изъ кармана бумагу и передаетъ Вѣре Филипповнѣ.) Нѣ, возьми! Все, все предоставлю... Теперь выгони ты меня, дурака, изъ дома-то! Все твое, все... дарственная... Я гость у тебя, а ты хозяйка. Поди сюда поближе, нагнись ко мнѣ! Я

тебѣ шепну на ухо! (Вѣра Филипповна нагибается.) Ты возьми, да выгони меня изъ дому! Такъ моль васъ и надо, дураковъ старыхъ, женолюбивыхъ. Кумъ, кума, нѣть... она меня не выгонить... Какъ она обѣ душѣ моей хлопочеть... всѣ меня благодарить приходятъ, земно кланяются; а за что, я не знаю.

Вѣра Филипповна.

Я, Потапъ Потапычъ, за Константина Лукича долги заплатила.

Каркуновъ.

Вонъ, вонъ, слышите, слышите?

Вѣра Филипповна.

Я ему вашимъ именемъ, Потапъ Потапычъ, пенсію положила пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Каркуновъ.

Что для души-то моей дѣлаетъ! (Утираетъ слезы.) А мнѣ-бы не догадаться, не догадаться.

Вѣра Филипповна.

Онъ приказалъ благодарить васъ.

Каркуновъ.

Да, да, вотъ; владѣй... владѣй всѣмъ!

Вѣра Филипповна.

Потапъ Потапычъ, при вашей жизни, продли вамъ Богъ вѣку, я исполнить вашу волю съ радостью готова; искать бѣдныхъ, утѣшать ихъ, помочь имъ я нисколько не считаю себѣ въ тягость, а даже за великое счастіе. И благодарю васъ, что вы наградили меня такимъ счастіемъ.

Каркуновъ.

Кумъ, кума, слышите?

Вѣра Филипповна.

И когда Богъ по вашу душу пошлетъ, и тогда

я готова до самой своей смерти непрестаннымъ подаяніемъ вашу душу поминать, только дарственную вы отъ меня возьмите и откажите ваше имѣніе кому-нибудь другому.

Каркуновъ.

Чтѣ это? Обижаетъ вѣдь она меня, обижаетъ... На колѣняхъ вѣдь я тебя буду просить, на колѣняхъ... (Приподнимается.)

Вѣра Филипповна.

Никакого зароку, никакой клятвы, я не дамъ.

Каркуновъ.

Какъ, какъ ты говоришь?

Вѣра Филипповна.

Я вамъ откровенно скажу, я за-мужъ пойду.

Каркуновъ.

Змѣя, змѣя! (Падаетъ въ кресло.)

Халымовъ.

Зачѣмъ было говорить?

Аполлинарія Панфиловна.

Къ чemu это похвасталась! Дѣлай послѣ, что хочешь; а пока молчала-бы.

Вѣра Филипповна.

Не могу я лгать, не могу.

Каркуновъ.

Нѣть, нѣть. Она моей смерти ждетъ, моей смерти радоваться будетъ.

Вѣра Филипповна.

Неправда, я вашей смерти радоваться не буду. (Отходить къ сторонѣ и, отвернувшись, плачетъ.)

Каркуновъ.

Такъ не дождаться ей, не радоваться. (Быстро

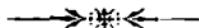
поднимается.) Я ее убью. (Подымает палку.) Пусть умираетъ прежде меня.

Халымовъ.

Куынъ, кумъ, чтò дѣлаешь?

Каркуновъ.

Прочь! Между мужемъ и женой посредниковъ нѣтъ. (Подходя къ Вѣра Филипповна.) Такъ ты моей смерти ждешь? Гляди на меня! Гляди на меня! (Вѣра Филипповна глядить на него.) Убить ее, люди добрые, убить? Убить тебя, а? (Глядить ей въ глаза, бросаетъ палку, весь дрожитъ и едва держится на ногахъ. Вѣра Филипповна его поддерживаетъ. Каркуновъ смотрить ей въ глаза, потомъ прилегаетъ къ плечу.) За двадцать-то лѣтъ любви, покоя, за все ея усердіе убить хотѣлъ. Вотъ, какой я добрый! А еще умирать собираюсь. Нѣтъ, я не убью ее, не убью и не свяжу... Пусть живеть, какъ ей угодно; какъ бы она ни жила, что бы она ни дѣлала, она отъ добра не отстанетъ и о душѣ моей помнить будетъ. (Вѣра Филипповна подводить его къ креслу и сажаетъ его. Всѣ окружаютъ Каркунова. Вѣра Филипповна становится на колѣни подлѣ него.) Владѣй всѣмъ, владѣй! Тебѣ и владѣть! А я долженъ благодарить Бога, что нашель человѣка, который знаетъ, на что богатымъ людямъ деньги даны, и какъ богатому человѣку проживать ихъ слѣдуетъ, чтобы непостыдно могъ стать онъ передъ послѣднимъ судомъ.

а) Записка о театральныхъ школахъ.

Въ настоящее время театральная училища отвѣчаютъ своему назначению не вполнѣ: изъ нихъ пополняются только балетныя труппы и, надо признаться, петербургская школа въ этомъ отношеніи достигаетъ результатовъ совершенно удовлетворительныхъ; оперная же и драматическая труппы, для своего пополненія, готоваго запаса въ театральныхъ училищахъ не находятъ и комплектуются случайнымъ образомъ извнѣ.

Прежде всего я позволяю себѣ обратить вниманіе комиссіи¹ на труппы драматическія, какъ на предметъ мнѣ болѣе знакомый и близкій. Чтобы опредѣлить цѣнность того артистического матеріала, которымъ, за отсутствиемъ драматическихъ школъ, поневолѣ должны пользоваться Императорскіе театры, нужно предварительно разсмотрѣть источники, изъ которыхъ этотъ матеріаль почерпается. Поэтому я нахожусь вынужденнымъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Къ пятидесятymъ годамъ настоящаго столѣтія сценическое искусство въ Москвѣ и Петербургѣ принялось прочно; насажденное умѣлыми руками, оно укоренилось и обѣщало сильный ростъ. Монополія сдѣлала свое дѣло, она поставила Императорскіе театры на ту высоту, на которой никакое соперничество уже не было имъ опасно, и, затѣмъ, благовиднаго предлога для дальнѣйшаго существованія монополіи уже не представлялось. Публика, привлекаемая замѣчательнымъ изяществомъ исполненія на Императорскихъ театрахъ, все возрастила.

Начало пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія было хорошей эпохой для русскаго театра. Если бы тогда былъ

¹ Высочайше утвержденная въ 1881 году комиссія для пересмотра законоположеній по всѣмъ частямъ театрального вѣдомства.

данъ хоть какой-нибудь просторъ национальному драматическому искусству, оно бы расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ. Но монополія, измѣнивъ своему первоначальному назначенію и преслѣдуя только чисто барышническія цѣли, продолжала тѣснить русскую сцену. Между тѣмъ, въ публикѣ, которая успѣла уже удесятериться, жажда изящныхъ удовольствій достигла сильной степени напряженности; интеллигентное меньшинство взялось, во что бы ни стало, удовлетворять эту жажду, несмотря на монополію. Надо было придумать такие театры, которые запретить было бы нельзя, или, по крайней мѣрѣ, очень скандально. Этю работой занята была вся мыслящая публика столицъ. Многое принесено было и материальныхъ, и нравственныхъ жертвъ, чтобы удовлетворить умственный голодъ публики. Патріотическая стремленія дѣятелей того времени будуть съ честью помянуты въ исторіи умственного развитія русского общества. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, средство было отыскано: рѣшено было соединить театры съ клубами и укрыть спектакли отъ преслѣдованія монополіи названіемъ семеиныхъ вечеровъ. Всякое стѣсненіе естественного роста производить неправильности въ развитіи, уродство. Такимъ уродствомъ въ развитіи драматического искусства въ Россіи явились клубные театры. Какъ и слѣдовало ожидать, результаты патріотическихъ усилій не оправдали ни жертвъ, принесенныхъ для ихъ достижени, ни надеждъ жаждущей изящныхъ удовольствій публики. Искусство не можетъ существовать въ половину, и, какъ всякое прямое и чистое дѣло, не терпить компромиссовъ. Клубы могли дать русскому театру убѣжище отъ преслѣдованія, прикрывая спектакли названіемъ „Семеиныхъ вечеровъ“, могли дать помѣщеніе, декорации, костюмы, оркестръ, но не могли дать главнаго, то-есть артистовъ. Артисты образуются только школой и преданіемъ. Ни того ни другого нѣтъ въ клубахъ и быть не можетъ. Клубныя труппы составились: 1) изъ совершенно неподготовленныхъ для сцены любителей и 2) изъ провинциальныхъ артистовъ. Еще до открытия клубныхъ сценъ, существовало въ Петербургѣ и Москвѣ нѣсколько любительскихъ труппъ, игравшихъ кой-гдѣ и кой-что для собственного удовольствія и для удовольствія своихъ невзыскательныхъ знакомыхъ. Онѣ-то и вошли цѣликомъ въ клубы, составили основу клубныхъ театровъ; но онѣ же и

внесли порчу въ самыи корень этихъ театровъ и отняли у нихъ возможность хоть сколько-нибудь прогрессировать. Что такое любитель? Это, прежде всего, человѣкъ свободный, имѣющій довольно досуга и нѣсколько обеспеченныи; это человѣкъ, который имѣеть возможность жить порядочно, не стѣсняи себя ничѣмъ обязательнымъ. Если бы онъ имѣль талантъ, или призваніе, или, по крайней мѣрѣ, материальную нужду,—онъ бы трудился, и изъ него бы вышелъ артистъ; но отсутствіе опредѣленного таланта и сильнаго призванія и материальное довольство освободили его отъ труда,—и изъ него вышелъ любитель. Искусство для него не служеніе, не серьезное дѣло, а только забава. Не вкусивъ горькаго, то-есть не пройдя правильной и строгой школы, не положивъ упорнаго труда для изученія техники своего искусства, онъ желаетъ вкусить отъ него только сладкое, то-есть лавры и рукоплесканія. Онъ не знаетъ азбуки своего дѣла, потому что не желаетъ утруждать себя; онъ не хочетъ подчиняться никакой дисциплинѣ, потому что онъ играетъ не изъ-за денегъ, и начальства надъ собой не признаетъ; онъ не учить ролей — это скучно; онъ хочетъ только играть — это весело и доставляетъ ему удовольствіе. Нѣкоторые сдѣлались актерами-любителями только изъ страсти рядиться, изъ желанія видѣть себя въ разныхъ костюмахъ; и вотъ такие-то артисты, главнымъ образомъ, и покушаются играть, никакъ не задумываясь, Шекспира и Кальдерона. Такой артистъ одѣнется за часть до поднятія занавѣса, пересмотрится во всѣ зеркала, ходить показывать себя на сцену и по уборнымъ,—и вотъ онъ удовлетворенъ; а какъ онъ будетъ играть, какъ пойдетъ пьеса, — это для него дѣло второстепенное; его голова занята веселою мыслью, что онъ завтра въ этомъ костюмѣ поѣдетъ по фотографіямъ и сниметь съ себя портреты въ разныхъ пріятныхъ позахъ. Но нарядно костюмированные, красивые и ловкие въ уборныхъ и фотографіяхъ, любители на сцену являются вялыми и неуклюжими. Неразвязность и неумѣлость происходятъ отъ того, что любители не умѣютъ ни ходить, ни стоять, ни сидѣть на сценѣ, что совсѣмъ не такъ просто, какъ кажется. Между развязнымъ человѣкомъ и подготовленнымъ правильной школой актеромъ большая разница; развязность не есть актерство, развязному человѣку только легче выучиться сценическому искусству, а учиться все-таки надо. Даже у

самаго развязнаго человѣка жесты однообразны, и запасъ ихъ не великъ; у каждого человѣка особенности походки, посадки, движеній рукъ и головы, даже тонъ разговора сообразно характеру, сложенію, образованію, общественному положенію, постепенно опредѣляются и закрѣпляются, и, наконецъ, такъ сростаются съ организмомъ, что дѣлаются непроизвольными. Кто не можетъ освобождаться отъ своихъ привычныхъ жестовъ, тотъ не актеръ. Какъ хороший калиграфъ не имѣеть своего почерка, а имѣеть всѣ, такъ и актеръ не долженъ имѣть на сценѣ своей походки и посадки, а долженъ имѣть всякия, какія требуются данною ролью и положеніемъ. Въ нашей малоразвитой публикѣ нерѣдко случается слышать „что актеромъ можно быть не учась, что довольно врожденныхъ способностей для того, чтобы съ успѣхомъ подвизаться на сценѣ“; но ложность этого мнѣнія ясна сама собой. Актеръ есть пластический художникъ; а можно ли быть не только художникомъ, но и порядочнымъ ремесленникомъ, не изучивъ техники своего искусства, или ремесла? Актеромъ родиться нельзя точно такъ же, какъ нельзя родиться скрипачемъ, опернымъ пѣвцомъ, живописцемъ, скульпторомъ, драматическимъ писателемъ. Родятся люди съ тѣми или другими способностями, съ тѣмъ или другимъ призваніемъ, а остальное дается артистическимъ воспитаніемъ, упорнымъ трудомъ, строгою выработкой техники. Нельзя быть музыкантомъ, не имѣя тонкаго слуха; но одного слуха мало, надо еще изучить технику какого-нибудь инструмента, покорить его такъ, чтобы онъ издавалъ чисто, вѣрно и съ надлежащою экспрессіей тѣ звуки, которые требуются тонкимъ слухомъ. Рожденному съ тонкимъ зрѣніемъ, чтобы быть живописцемъ, нужно, прежде всего, пріучить свою руку рѣшительно и точно передавать тѣ контуры, которые видить или видѣть его тонкій глазъ. Призваннымъ къ актерству мы считаемъ того, кто получилъ отъ природы тонкія чувства слуха и зрѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпкую впечатлительность. При такихъ способностяхъ, у человѣка, съ самаго ранняго дѣтства, остаются въ душѣ и всегда могутъ быть вызваны памятью всѣ наружныя выраженія почти каждого душевнаго состоянія и движенія; онъ помнить и бурныя, рѣшительныя проявленія страстныхъ порывовъ: гнѣва, ненависти, мести, угрозы, ужаса, сильнаго горя,— и тихія, плавныя выраженія

благосостоянія, счастія, кроткой нѣжности. Онъ помнить не только жестъ, но и тонъ каждого страстнаго момента: и сухой звукъ угрозы, пѣвучесть жалобы и мольбы, и крикъ ужаса, и шепотъ страсти. Кромѣ того, въ душѣ человѣка, такъ счастливо одареннаго, создаются особыми психическими процессами, посредствомъ аналогій, такія представлениія, которыя называются творческими. Человѣкъ съ артистическими способностями,—по нѣкоторымъ даннымъ: описаніямъ, изваяніямъ, картинамъ,—можетъ вообразить себѣ во всѣхъ видахъ проявленіяхъ и жизнь чуждой ему народности и вѣковъ минувшихъ. Но весь этотъ запасъ, весь этотъ богатый матеріалъ, хранящійся въ памяти, или созданный художественными соображеніями, еще не дѣлаетъ актера: чтобы быть артистомъ—мало знать, помнить и воображать,—надобно умѣть. Какъ живо ни воображай себѣ художникъ Юля Кесаря или Жанну д'Аркъ, но если онъ рисуетъ плохо, то у него на картинѣ выйдетъ что-нибудь другое, а не Кесарь и не Жанна д'Аркъ. Точно то же и въ актерствѣ. Чтобы стать вполнѣ актеромъ, нужно пріобрѣсти такую свободу жеста и тона, чтобы при извѣстномъ внутреннемъ импульсѣ, мгновенно, безъ задержки, чисто рефлексивно, слѣдоваль соотвѣтственный жестъ, соотвѣтственный тонъ. Вотъ это-то и есть истинное сценическое искусство, оно-то только и доставляетъ поднимающее, чарующее душу эстетическое наслажденіе. Зритель только тогда получаетъ истинное наслажденіе отъ театра, когда онъ видитъ, что актеръ живеть вполнѣ и цѣлостно жизнью того лица, которое онъ представляеть, что у актера и форма, и самый размѣръ вида выраженія даютъ принятое имъ на себя и ставшее обязательнымъ для каждого его жеста и звука обличье. Съ первого появленія художника-актера на сцену, уже зритель охватывается какимъ-то особенно пріятнымъ чувствомъ, на него вѣтъ со сцены живою правдой; съ развитіемъ роли это пріятное чувство усиливается и доходитъ до полнаго восторга въ патетическихъ мѣстахъ, и, при неожиданныхъ поворотахъ дѣйствія, зала вдругъ оживаетъ; сначала шепотъ одобренія, потомъ рукоплесканія и крики дѣлаются единодушными. Всѣ мы знаемъ характеры, выведенныя Шекспиромъ. Что же нась манить и вѣчно будетъ манить смотрѣть эти характеры? Что мы смотрѣть будемъ? Мы смотрѣть будемъ живую правду. Великій художникъ

далъ намъ характеры; но мы понимаемъ ихъ отвлеченно, аналитически, умомъ, а живое, конкретное представлениe этихъ характеровъ въ нась неполно, односторонне, неясно, смутно (иначе мы сами были бы великими художниками); намъ нужно, чтобы другой художникъ оживилъ передъ нами эти характеры, чтобы онъ жилъ полнымъ человѣкомъ въ тѣхъ рамкахъ, какія далъ ему художникъ. Вы знаете, что говорить Ромео передъ балкономъ Джульетты; но вы не знаете, какъ онъ говоритъ, какъ онъ живеть въ это время; вы желаете имѣть живую иллюстрацію къ этой сценѣ и провѣрить правдивость ея своимъ непосредственнымъ чувствомъ. Поэтому понятно, что публика отнесется очень холодно къ этой сценѣ, когда передъ ней неумѣлый актеръ будетъ болѣе или менѣе только читать свою роль, которую она и безъ него знаетъ; понятенъ также и восторгъ, который вдругъ овладѣваетъ публикой, когда она видить передъ собой уже не актера, а именно юношу Ромео, который весь проникнутъ избытокъ страсти и который груднымъ шепотомъ, гдѣ каждое слово есть продолженный вздохъ, передаетъ переполнившую его душу любовь въ душу жаждущей любви Джульетты. При художественномъ исполненіи слышатся часто не только единодушные апплодисменты, а крики изъ верхнихъ рядовъ: „это вѣрно“, „такъ точно“. Слова: „это вѣрно“, „такъ точно“ — только наивны, а совсѣмъ не смѣшны; то же самое говорить партеръ своимъ „браво“; то же самое „это вѣрно“, „такъ точно“ повторяютъ въ душѣ своей всѣ образованные люди. Но съ чѣмъ вѣрно художественное исполненіе, съ чѣмъ имѣть оно точное сходство? Конечно, не съ голою обыденною дѣйствительностью: сходство съ дѣйствительностью вызываетъ не шумную радость, не восторгъ, а только довольно холодное одобреніе. Это исполненіе вѣрно тому идеально-художественному представленію дѣйствительности, которое недоступно для обыкновенаго пониманія и открыто только для высокихъ творческихъ умовъ. Радость и восторгъ происходятъ въ зрителяхъ отъ того, что художникъ поднимаетъ ихъ на ту высоту, съ которой явленія представляются именно такими. Радость быть на такой высотѣ и есть восторгъ, и есть художественное наслажденіе; оно только и нужно, только и дорого, и культурно и для отдѣльныхъ лицъ, и для цѣлыхъ поколѣній и націй. При талантливыхъ и хорошо подготовленныхъ исполн-

нителяхъ художественныя пьесы не перестаютъ нравиться и оказывать вліяніе на публику; онъ вѣчны, какъ вѣчны всѣ высокія изящныя произведенія. Оттого-то и устанавливается всегда такая близость, такая родственная связь между актерами-художниками, исполнителями, и авторами-художниками, творцами.

Что же вносить на сцену актеръ-любитель? Онъ вносить съ собой надоѣдающую неумѣлость, зритель испытываетъ непрерывную неудовлетворительность, онъ чувствуетъ; что нѣтъ чего-то того, зачѣмъ онъ пришелъ въ театръ. Не всякий зритель можетъ уяснить себѣ, чего ему не достаетъ, но чувство неудовлетворительности остается у всѣхъ. Зритель не знаетъ, какъ надо исполнить ту или другую роль; но онъ чувствуетъ, что въ игрѣ любителей чего-то не хватаетъ. А не хватаетъ-то игры, то-есть именно того, что смотрѣть-то всѣ и ходять въ театръ. Зритель чувствуетъ, что на сценѣ что-то творится непохожее на то, какъ это бываетъ въ жизни; но чувствуетъ все это онъ не ясно, а смутно; онъ чувствуетъ, что дѣло не ладно; а какъ надо—онъ не знаетъ. А пустите между любителями хоть одного самаго третьестепенного актера, всѣ зрители заговорятъ: „вотъ это такъ, какъ должно; ахъ, какъ хорошо онъ играетъ!“ А онъ играетъ совсѣмъ некорошо, а только умѣеть жить на сценѣ. Чтобы зритель остался удовлетвореннымъ, нужно, чтобы передъ нимъ была не пьеса, а жизнь, чтобы была полная иллюзія, чтобы онъ забылъ, что онъ въ театрѣ. Поэтому нужно, чтобы актеры, представляя пьесу, умѣли представлять еще и жизнь, т. е. чтобы они умѣли жить на сценѣ. Какъ въ жизни всякий свободенъ въ своихъ движенияхъ и нисколько не задумывается надъ жестомъ, такъ должно быть и на сценѣ. Находясь въ многолюдномъ собраніи знакомыхъ вамъ лицъ, попробуйте изолировать себя отъ слуховыхъ впечатлѣній, т. е. заткните себѣ уши, и вы увидите, что всѣ жесты присутствующихъ совершенно свободны; походка и посадка, движеніе и покой, улыбка и серьезность совершенно таковы, каковы они и должны быть, сообразно характеру каждого лица. Попробуйте то же сдѣлать въ спектаклѣ любителей — и вы увидите печальную картину всеобщаго конфузса. Любитель или играетъ роль деревяннымъ образомъ, т. е. совсѣмъ безъ жестовъ, или жестъ у него противорѣчить словамъ, нерѣшителенъ, робокъ и

всегда угловатъ. Любитель, можетъ-быть, и знаетъ, какой жестъ ему нуженъ, да не умѣеть его сдѣлать, потому что пренебрегъ горечью труда и скучой изученія и жиль припъвающи. Обходиться своими привычными развязными жестами онъ сомнѣвается, зная, что они не подходитъ къ роли; оттого-то самый развязный любитель связанъ на сценѣ, онъ жмется, горбится, у него руки и ноги точно не свои.

Немнога пользы принесли клубамъ и провинціальные актеры, которые, за весьма малымъ исключеніемъ, суть тѣ же любители. Въ провинціи театральныхъ школъ нѣтъ, актеру учиться негдѣ и некогда, тамъ и хорошие актеры портятся и приобрѣтаютъ недостатки, отъ которыхъ всю жизнь освободиться не могутъ. Прежде, лѣтъ 30—40 тому назадъ, провинціальная труппы, которыхъ было очень немного, составлялись изъ артистовъ болѣе или менѣе подготовленныхъ; въ нихъ вошли обломки старыхъ барскихъ труппъ цѣлыми семействами, въ нихъ участвовали бравшіе продолжительные отпуски артисты Императорскихъ театровъ и кончившіе курсъ воспитанники театральныхъ училищъ, которыхъ начальство отпускало въ провинцію для практики. Въ послѣднее десятилѣтіе почти всѣ старые провинціальные актеры уже сошли со сцены; а между тѣмъ съ каждымъ годомъ число провинціальныхъ труппъ возрастаетъ, и въ настоящее время уже нѣтъ почти ни одного уѣзднаго города, въ которомъ бы не было театра. Провинціальныхъ актеровъ развелось огромное количество, но между ними артистовъ, сколько-нибудь годныхъ для сцены, весьма малый, почти ничтожный процентъ; остальные — сбродъ всякаго празднаго народа всѣхъ сословій и всевозможныхъ общественныхъ положеній. Провинціальная сцена — это послѣднее прибежище для людей, перепробовавшихъ разныя профессіи и испытавшихъ неудачи, которымъ больше рѣшиительно некуда дѣваться; это рай для лѣнтиевъ и тунеядцевъ, бѣгающихъ отъ всякаго серьезнаго дѣла и желающихъ, не трудясь, не только быть сытыми, но еще и жуировать и занимать замѣтное положеніе въ обществѣ. Провинціальные актеры тѣ же любители, только не по охотѣ, а поневолѣ, или вслѣдствіе лѣни, и игрой своею отъ столичныхъ любителей они мало отличаются. Если они менѣе грамотны, такъ зато болѣе наглы; если они ужъ совсѣмъ никогда не учатъ

ролей, такъ зато бойчѣе и безъ малѣшаго стыда говорять, вмѣсто роли всякую чушь, какая имъ въ голову придеть; если въ нихъ менѣе неловкости и связности, такъ зато развязность ихъ самаго дурнаго тона. Таковы исполнители, доставшіеся на долю клубныхъ театровъ, ими должна была удовлетвориться и удовлетворяется нуждающаяся въ эстетическихъ удовольствіяхъ публика.

Можетъ возникнуть вопросъ: какъ и почему публика удовлетворилась такими жалкими исполнителями? На этотъ вопросъ отвѣтъ легко. Огромное большинство клубной публики составляютъ люди новые, незнакомые съ тонкостями сценическаго обмана, на нихъ всякое зрѣлище дѣйствуетъ обаятельно; самой незначительной сценической обстановки, плохенькихъ декораций и костюмовъ и кой-какой игры ужъ слишкомъ довольно, что-бъ произвести въ такой публикѣ полную иллюзію. Свѣжіе люди, подъ вліяніемъ сильнаго нового чувства, еще не могутъ различить того, что они дѣйствительно видятъ, отъ того, что они дополняютъ воображеніемъ. Кто не видаль прежде актеровъ, тому всякий актеръ хорошъ. Да и въ развитомъ меньшинствѣ клубной публики далеко не всѣ способны оцѣнивать сценическое исполненіе. Способности сценическаго артиста обусловливаются извѣстною степенью тонкости двухъ чувствъ: зрѣнія и слуха, и преимущественно зрѣнія, какъ чувства высшаго. Извѣстная степень развитія тѣхъ же чувствъ образуетъ и критика, т. е. человѣка, способнаго понимать и оцѣнивать правду и художественность сценическаго исполненія. У насъ же, какъ у всѣхъ сѣверныхъ народовъ, не отличающихся пластичностью, зрѣніе вообще мало развито; мы больше слушаемъ и думаемъ, чѣмъ смотримъ; мы больше вслушиваемся, чѣмъ всматриваемся въ жизнь. Особенюю слѣпотой отличаются въ этомъ отношеніи люди ученые, кабинетные, большую часть жизни живущіе съ отвлеченіями и идеями, а не съ образами, и для которыхъ окружающіе ихъ жизненные явленія представляютъ очень мало интереса, или даже не представляютъ никакого. А, между тѣмъ, ихъ часто считаютъ авторитетами не только въ дѣлахъ науки, но и искусства, и обращаются къ нимъ съ вопросами о способностяхъ того или другого исполнителя.

Ничего нѣть мудренаго, что удовлетворительного отвѣта отъ нихъ не получается, такъ какъ для такихъ цѣры, ис-

вся пластическая сторона исполненія не существуетъ. Развитіе вкуса въ публикѣ для оцѣнки всякаго рода искусствъ и для наслажденія ими зависить отъ качества и художественныхъ образцовъ: чѣмъ выше художественные образцы и чѣмъ болѣе ихъ, тѣмъ правильнѣе и тоньше вкусъ въ публикѣ. То же и въ театральномъ искусствѣ: только артисты-художники развиваются въ зрителяхъ истинное пониманіе достоинствъ художественного исполненія. Разница только въ томъ, что въ другихъ искусствахъ художественные образцы остаются навсегда, все пребываютъ и постоянно служатъ путеводными маяками для вновь образующихся художниковъ и вѣчною мѣркой, масштабомъ для цѣнителей, а въ сценическомъ искусствѣ художественные образцы исчезаютъ безслѣдно, и потому, при отсутствіи хорошихъ актеровъ, вкусъ въ публикѣ постепенно понижается и, какъ мы видимъ, можетъ упасть до того печального уровня, на которомъ онъ теперь находится.

Кромѣ того, въ людяхъ есть одно свойство, которое иногда хорошо, а иногда дурно,—это уживчивость, это способность примиряться, уживаться со всякою средой, въ которой они живутъ, и въ самой неприглядной обстановкѣ находить относительно лучшее и утѣшаться имъ. То же произошло и въ театральномъ дѣлѣ: сначала любительскія труппы казались плохи, очень плохи; потомъ публика, а за ней и критика, стали къ нимъ снисходительнѣе, послышались отзывы, что, „за неимѣніемъ лучшихъ, и эти артисты не дурны“; потомъ, между совсѣмъ плохими актерами, стали выдѣляться не совсѣмъ плохіе, ихъ публика стала одобрять, вѣдь надо же кому-нибудь аплодировать,—заговорили съ легкото похвалой и газеты. Притомъ, какъ это всегда водится, у артистовъ имѣются пріятели изъ людей, легко восторгающихся; при всякомъ малѣйшемъ поводѣ они трубятъ повсюду довольно громко о новомъ талантѣ; трубные ихъ гласы проникаютъ и на столбцы газетъ, и вотъ возникаетъ извѣстность. Микроскопическія способности, да еще при отсутствіи предварительной подготовки и добросовѣстности въ исполненіи ролей, дѣлаютъ актеру-любителю имя онъ начинаетъ пріосаниваться и претендовать на соперничество съ извѣстными актерами-художниками, а пріятели начинаютъ поговаривать, что въ той-то роли онъ напоминаетъ Мартынова, и тамъ-то Садовскаго. А онъ не только

не Садовскій и не Мартыновъ, а и совсѣмъ не актеръ; апплодируютъ ему и вызываютъ его только потому, что, по пословицѣ, на безрыбыи и ракъ рыба, и что между слѣпыми и кривой король. Почти всѣ наши прославленные актеры-любители обязаны своею извѣстностью не талантамъ своимъ, а той людской уживчивости, о которой сказано выше.

Публика ужилась съ своими актерами и довольствуется ими, но удовлетворена-ли она вполнѣ, удовлетворяется-ли въ ней та жажда изящныхъ удовольствій, въ которой она томилась такъ долго? Нѣтъ, не удовлетворяется, и патріотическая усилю меньшинства, желавшаго помочь публикѣ въ ея духовной нуждѣ, почти пропали даромъ. Клубные спектакли удовлетворяютъ публику только внѣшнимъ образомъ, они удовлетворяютъ не эстетическое чувство, а только любопытство. При хорошихъ актерахъ публика смотритъ исполненіе и наслаждается игрой; художественная игра въ художественной пьесѣ производитъ такое полное удовлетвореніе, такое наслажденіе въ публикѣ, что она ничего ужь больше не желаетъ, какъ только повтореній наслажденія, которое она испытала, т. е., художественности. При хорошихъ исполнителяхъ театръ можетъ ограничиться небольшимъ избраннымъ репертуаромъ, и онъ никогда не надоѣсть, а все болѣе и болѣе будетъ привлекать публику. На водевили — „Я имянинникъ“ и „Знакомые незнакомцы“ при игрѣ Мартынова публика рвалась, сколько бы разъ ихъ не давали. Если такія неважныя пьесы при хорошей игрѣ держались на репертуарѣ, то, при тѣхъ же условіяхъ, настоящія художественные произведенія не должны никогда сходить со сцены. Хорошіе артисты даютъ устойчивость репертуару, что весьма важно, когда репертуаръ желають вести разумно, примѣняясь къ потребности и къ умственному росту публики.

Совсѣмъ другое происходитъ въ театрѣ при неумѣлыхъ, неподготовленныхъ исполнителяхъ: игры нѣтъ, жизни нѣтъ; вмѣсто жизни, царствуетъ на сценѣ довольно замѣтный конфузъ, пьеса „не идетъ“, а тянется; все кажется длиннымъ: и монологи, и діалоги, и сцены; вялое исполненіе утомляетъ; — утомляетъ и пьеса. При дурномъ исполненіи всѣ пьесы равны: и бесодержательная сказка — издѣліе драматического промышленника, и правдивое, сильное произведеніе поэта одинаково кажутся длинными и скучными. Характеры, ис-

полненные художественной правды, мастерская драматизировка сценъ — все это скрыто, или опошлено вялымъ исполнениемъ. Зритель удерживается въ зрительной залѣ только внѣшнимъ интересомъ, любопытствомъ; онъ смотрить не игру, не пьесу, а одно содержаніе пьесы — фабулу. Между актами онъ интересуется тѣмъ, что дальше будетъ, а къ концу пьесы онъ сильно желаетъ знать, чѣмъ она кончится. Пьеса кончается, любопытство зрителя удовлетворено, онъ доволенъ, онъ знаетъ развязку, онъ поощрить актеровъ, вызоветъ — по добротѣ и по обычай — главныхъ персонажей и будетъ апплодировать довольно громко, если окончаніе пьесы благополучное; но ужъ въ другой разъ смотрѣть эту пьесу ее пойдетъ. Зачѣмъ ему? Онъ знаетъ, чѣмъ она кончается, ему давай новую. При плохихъ актерахъ ужъ не можетъ быть никакого репертуара. Чтобы удовлетворять любопытство — нужно разнообразіе, нужно каждый день новую пьесу, какъ въ провинціи: вчера *Гамлетъ*, нынче — *Дѣло Плеянова*, завтра — *Испанцы въ Перу*, послѣ завтра — *Ермакъ, покоритель Сибири*, потомъ *За монастырскою стѣной*, *Сошествіе апраксинскаго купца въ адъ* и т. д. Пьесы идутъ, большею частію, по одному разу, поэтому порядкомъ ихъ репетировать и учить роли не стоитъ, да и времени нѣть; большая пятиактная драма ставится въ одинъ день, много въ два; а въ представленіе всѣ актеры идутъ за суплеромъ; исполненіе, падая разъ отъ разу, становится почти дѣтскимъ. Вотъ до чего доходитъ неминуемо сцена при отсутствіи талантливыхъ и прошедшихъ школу актеровъ; при неумѣлыхъ исполнителяхъ, сцены не имѣютъ ни смысла, ни значенія, — это не храмы, это даже не балаганы для забавы, потому что въ нихъ ничего забавнаго нѣть, кромѣ претензій и смѣлости людей, берущихся не за свое дѣло. Это просто большія залы, устроенные для пустой и безмысленной траты времени какъ зрителями, такъ и исполнителями.

Въ такомъ именно положеніи и находятся въ настоящее время клубныя и другія частныя сцены; онѣ не только не способствуютъ развитію драматического искусства, но мѣшаютъ ему и понижаютъ вкусъ публики, понижаютъ такъ послѣдовательно, такъ рѣшительно, что становится страшно за будущность русской сцены. Если прислушаться къ разговору публики, посѣщающей театры, къ отзывамъ прессы,

къ поученіямъ, которыя произносятъ во время антрактовъ теперешніе заправители вкуса, эти слѣпые вожди слѣпыхъ, можно подумать, что или ни у кого изъ этихъ господъ нѣть даже органа для пониманія изящнаго, или что у насъ сценическое искусство еще только возникаетъ, и зрители еще смотрять на сцену съ младенческою улыбкой въ блаженномъ невѣдѣніи того, что хорошо, что дурно. Какъ будто у насъ не было труппы, рѣдкой по способностямъ и по сценической подготовкѣ, превосходно подобранный, а по полнотѣ и по обилію талантовъ даже на вторыя роли и аксессуары лучшей въ Европѣ! Какъ будто у насъ не было цѣнителей, не было совсѣмъ установленныхъ принциповъ для сужденія объ изящномъ, не было публики, чуткой къ мельчайшимъ повышеніямъ и пониженіямъ уровня искусства на сценѣ! Все это было и все погибло, исчезло безслѣдно.

Единственою причиной такого оскудѣнія сценическаго искусства въ Россіи должно считать излишнюю продолжительность театральной монополіи. Постоянное, неутомимое преслѣдованіе драматического искусства не прошло даромъ и самимъ гонителямъ; загнанная въ клубы русская сцена отомстила привилегированнымъ театрамъ: она надѣлила ихъ своими артистами. Когда привилегированные театры, уничтожившіе у себя драматическіе классы и упутившіе время для пополненія своихъ труппъ, стали нуждаться въ замѣщении вакантныхъ амплуа, предложеніе явилось со стороны актеровъ клубныхъ и любительскихъ сценъ, и его надо было принять, такъ какъ клубные спектакли уже настолько успѣли понизить вкусъ публики, что артисты-любители ей стали нравиться, сдѣлялись ей знакомы, да и пресса оказывала свое посильное вліяніе. И вотъ въ труппы, когда-то хорошо составленныя и отлично подготовленныя (особенно въ Москвѣ), попадаютъ на высшіе оклады и на первые амплуа такие исполнители, которые столько же актеры, сколько первый попавшійся на улицѣ.

Уничтоженіемъ подготовительныхъ классовъ при Императорскихъ театрахъ нанесенъ такой ударъ сценическому искусству, отъ которого ему не поправиться очень долго, даже при самыхъ энергическихъ усилияхъ. Надо немедленно начать исправлять дѣло, иначе мы совсѣмъ останемся безъ артистовъ. Императорскіе театры должны непремѣнно имѣть у себя подготовительныя школы для всѣхъ своихъ труппъ,

во-первыхъ, достоинство Императорскихъ театровъ требуетъ, чтобы труппы ихъ состояли изъ артистовъ, специально и вполне подготовленныхъ къ своему дѣлу; *во-вторыхъ*, Императорские театры должны служить образцами для всѣхъ другихъ театровъ, а образцовыи театромъ нельзя быть, не имѣя образцовыхъ актеровъ; *вѣ третыхъ*, что самое важное, Императорские театры должны завести и установить у себя избранный репертуаръ, чтобы руководить вкусомъ публики и заставить ее подчиниться культурному вліянію искусства, а устойчивость репертуара, какъ уже сказано выше, невозможна безъ труппы, хорошо подготовленной и дисциплинированной.

Неразборчивое смѣщеніе умѣлыхъ съ неумѣлыми скоро принесло свои плоды: стройность въ ходѣ пьесъ стала исчезать, живость и сила тоже, и вообще исполненіе стало приближаться къ уровню провинціального. Вѣдь хорошо подобранныя и сыгравшаяся труппа то же, что хорошо слаженный оркестръ; а спросите дирижера, чтѣ будеть съ хорошимъ оркестромъ, если пустить въ него аматеровъ и посадить ихъ въ перемежку съ музыкантами. Легкость вступлениія въ артисты Императорскихъ театровъ уронила ихъ значеніе, уронила и самое званіе артиста, которое прежде стояло въ обществѣ очень высоко. Что же въ самомъ дѣлѣ стоитъ это званіе, когда завтра же каждый можетъ носить его? Что это за искусство, которое дается безъ труда? Если сценическое искусство таково, то оно не искусство, а или баловство, или шарлатанство.

При этой запискѣ прилагается проектъ курсовъ подготовительной школы для драматической сцены.

б) Дополнительная записка о театральныхъ школахъ.

Драматическое искусство, какъ наука, не существуетъ. Школы только подготавливаютъ артистовъ для сцены, а актёромъ дѣлаютъ артиста: талантъ, изящный вкусъ, энергія, практика и хорошія сценическая преданія.

Вся задача театральныхъ школъ должна состоять, въ томъ, чтобы доставлять для сцены артистовъ, которымъ строгою подготовкой дана возможность развивать свои способности и совершенствоваться. Школа даетъ артисту послушный материалъ, изъ которого онъ, руководясь непосредственнымъ артистическимъ чутьемъ, то-есть талантомъ, можетъ создавать образы, полные художественной правды.

Любители и вообще артисты, вступившіе на сцену безъ технической подготовки, не им'яютъ въ своемъ распоряженіи послужного материала для того, чтобы жить на сценѣ жизнью того лица, которое они изображаютъ; они обманываютъ зрителей и сами обманываются, полагая, что изображаютъ какое-нибудь живое лицо. Представленіе о данномъ лицѣ такъ и остается въ ихъ головѣ только представлениемъ, не проникая въ внутренность артиста и не преображая ее въ ясно опредѣленный образъ. Игра неученыхъ артистовъ не есть лицедѣйство; это только, болѣе или менѣе, приличное чтеніе роли, сопровождаемое тщетными, нескладными усилиями согласовать свою фигуру со словами роли.

Театральные школы должны представлять изъ себя, такъ сказать, низшіе курсы обученія сценическому искусству; высшими курсами будетъ практика, хорошія сценическая преданія — самый лучшій профессоръ сценическаго искусства.

Техническая подготовка артиста состоитъ во всестороннемъ развитіи жеста и произношенія. А такъ какъ произношеніе и жесть должны быть, прежде всего, правильными и, наконецъ, характерными (естественными), то и курсовъ въ приготовительныхъ школахъ должно быть *три*.

Весьма желательно, чтобы на этихъ курсахъ передавались ученикамъ также нѣкоторыя знанія, тѣсно связанныя со сценическимъ искусствомъ и необходимыя для болѣе полнаго образованія артиста.

Затѣмъ имѣю честь представить на обсужденіе комиссіи составленную мною программу приготовительныхъ для драматической сцены курсовъ. Программу эту я считаю только достаточною, и суживать ее, я полагаю, будетъ не безъ ущерба сценическому образованію; расширить же ее, если позволять средства, было-бы во всякомъ случаѣ полезно.

с) Программа подготовительной драматической школы.

Курсъ I. (Чтеніе и жестъ правильные).

1) Развитіе голоса, произношенія и слуха:

а) Чтеніе: описанія и повѣствованія ізъ хрестоматій; повѣстовательные и описательные монологи ізъ пьесъ, по книгѣ и наизусть, со сцены. б) Пѣніе: элементарный курсъ для всѣхъ: гаммы, интервалы, чтеніе нотъ, громкое чтеніе прозы и стиховъ въ данномъ тонѣ; для имѣющихъ голосъ—правильное обученіе пѣнію. с) Музыка: (обязательно для всѣхъ) игра на какомъ-нибудь инструментѣ, по выбору.

Обученіе музыки должно быть въ такихъ размѣрахъ, чтобы каждый могъ самъ аккомпанировать, хотя бы на гитарѣ.

2) Развитіе жеста:

а) Элементарное обученіе танцованию: па, позы, исправленіе походки: живыя картины, тихіе танцы, польскій, менуэтъ и прочіе бальныя танцы. б) Фехтованіе.

Дополнительное преподаваніе:

3) Рисованіе для желающихъ:

Элементарное обученіе: черченіе.

4) Лекціи:

а) Исторія театра и сценическаго искусства. б) Исторія драматической литературы (въ популярномъ изложеніи).

5) Языки: а) Французскій (обязательно). б) Италіянскій (для желающихъ).

Курсъ II. (Чтеніе и жестъ выразительные).

1) Развитіе произношенія, декламація.

а) Чтеніе драматическихъ сценъ по книгѣ; драматические монологи преимущественно въ стихахъ, наизусть, со сцены; діалоги (умѣніе слушать). б) Пѣніе: несложные

хоры, соло, легкие куплеты и пѣсни съ аккомпанементомъ и безъ аккомпанемента. с) *Музыка*: продолженіе изученія игры на инструментахъ; совмѣстная игра: легкіе дуэты, тріо и пр.

2) *Развитіе жеста*:

а) Живые танцы, позы сложныя и группировка на сценѣ; нѣмыя сцены, небольшія пантомимы, умѣніе держать себя въ разныхъ костюмахъ. б) Фехтованіе.

Дополнительное преподаваніе:

3) *Рисованіе*:

а) Изученіе перспективы для желающихъ. б) Первоначальное понятіе о гримировкѣ (для всѣхъ).

4) *Лекціи*:

а) Біографія знаменитыхъ артистовъ. б) Біографія знаменитыхъ драматическихъ писателей.

5) *Языки*: а) Французскій. б) Италіянскій.

Курсъ III. (Чтеніе и жестъ характерные).

1) *Чтеніе естественное, правдивое относительно того лица, которое артистъ исполняетъ*:

а) Считка образцовыхъ пьесъ по ролямъ, причемъ роли передаются отъ одного къ другому, такъ что каждый артистъ прочтеть всѣ роли данной пьесы. Такимъ образомъ можно будетъ познакомиться съ особенностями учениковъ по тому или другому амплуа. Изученіе ролей въ небольшихъ пьесахъ и строгое репетированіе ихъ. (Въ продолженіе курса учениками должно быть спрѣтировано нѣсколько пьесъ для исполненія ихъ на годичномъ экзаменѣ). б) *Пѣсіе*: исполненіе на сценѣ соло и хора. с) *Музыка*: совмѣстное оркестровое исполненіе (аккомпанированіе).

2) *Развитіе жеста*:

а) Танцы характерные и национальные и пантомима (въ костюмахъ). б) Фехтованіе и умѣніе обращаться со всякаго рода вооруженіемъ.

Дополнительное преподаваніе:

3) *Рисованіе*:

а) Рисованіе декорацій. б) Характерная гримировка.

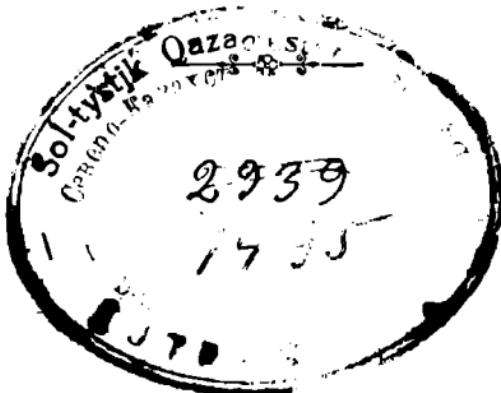
4) *Лекціи*:

а) Исторія костюма и вообще выѣшности человѣка по вѣкамъ и народамъ. б) Разборъ извѣстныхъ драматическихъ произведеній со стороны характеровъ.

5) Языки: а) Французский. б) Итальянский.

Третій курсъ долженъ быть двухгодичный. Послѣ первого, годичнаго исполненія болѣе способные ученики допускаются на сцену для исполненія небольшихъ ролей, но съ обязательствомъ еще годъ посещать классы. Послѣдній курсъ назначается двухгодичнымъ для того, чтобы приводить артистовъ къ болѣе тщательному изученію ролей и къ болѣе правильной репетировкѣ. Артистъ, который смолоду не привыкъ читать ролей, не будетъ знать своихъ ролей никогда.

Приготовительные драматические курсы назначаются для экстерновъ (приходящихъ). Принимаются ученики обоего пола, окончившіе курсъ въ гимназіи или, по крайней мѣрѣ, въ прогимназіи, возрастомъ отъ 14 до 19 лѣтъ, по экзамену, и только тѣ, которые несомнѣнно имѣютъ подражательныя способности. Количество учениковъ зависитъ отъ помѣщенія, потому что расходы по обученію будутъ одинаковы какъ для малаго, такъ и для большого числа учениковъ.

Примѣчанія.

Волки и овцы. Напечатана въ журналь „Отечественные Записки“ 1875 г. № 6 (июнь).

Въ первый разъ поставлена въ Петербургѣ, на Александрийской сценѣ, въ бенефисъ г. Бурдина 8 декабря 1875 г.

Играли роли:

Мурзавецкой	г-жа Читая.
Мурзавецкаго	г. Сазоновъ.
Глафиры	г-жа Савина.
Купавиной.	г-жа Лядова I.
Анёусы Тихоновны	г-жа Александрова.
Чугунова	г. Варламовъ.
Лыняева	г. Бурдинъ.
Горецкаго	г. Горбуновъ.
Беркутова	г. Нильскій.
	и др.

Въ московскомъ Маломъ театрѣ въ первый разъ шла въ бенефисъ г-жи Никилиной въ томъ же году 26 декабря.

Играли роли:

Мурзавецкой	г-жа Васильева Е. Н.
Мурзавецкаго	г. Садовскій М.
Глафиры	г-жа Никилина.
Купавиной	г-жа Федотова
Анёусы Тихоновны	г-жа Акимова.
Чугунова	г. Шумскій.
Лыняева	г. Самаринъ.
Горецкаго	г. Музиль.
Беркутова	г. Вильде.
	и др.

Правда — хорошо, а счастье лучше. Напечатана въ журналь „Отечественные записки“ 1877 г., № 1 (январь).

Въ первый разъ поставлена въ Москвѣ на сценѣ Малаго театра, въ бенефисъ г. Музиля 18 ноября, 1876 г.

Играли роли:

Барабошева	г. Бергъ.
Мавры Тарасовны	г-жа Рыкалова.
Поликсены	г-жа Никулина.
Филицаты	г-жа Акимова.
Мухоярова	г. Садовскій М.
Глѣба	г. Живокини 2.
Пелагеи Егоровны	г-жа Васильева Е. Н.
Платона	г. Музиль.
Силы Грозднова	г. Шумскій

Въ Петербургѣ, на Александринской сценѣ, представлена въ первый разъ въ томъ же году 22 ноября въ бенефисъ г. Бурдина.

Играли роли:

Барабошева	г. Бурдинъ.
Мавры Тарасовны	г-жа Читай.
Поликсены	г-жа Савина.
Филицаты	г-жа Громова.
Мухоярова	г. Горбуновъ.
Глѣба	г. Виноградовъ.
Пелагеи Егоровны	г-жа Стрѣльская.
Платона	г. Сазоновъ.
Силы Грѣзнова	г. Варламовъ.

Послѣдняя жертва. Напечатана въ журналѣ „Отечественные Записки“ 1878 г., № 1 (январь).

Поставлена въ первый разъ, въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ въ бенефисъ г. Муэйля 8 ноября 1877 г.

Исполняли роли:

Юліи Павловны.	г-жа Федотова.
Глафиры Фирсовны	г-жа Акимова.
Дульчина	г. Ленскій.
Дергачева	г. Макшеевъ.
Флора Федулыча	г. Шумскій.
Михевны	г-жа Таланова.
Лавра Мироныча	г. Самаринъ.
Ирины	г-жа Никулина.
Салая Салтаныча	г. Музиль.
Пивокуровой	г-жа Яблочкина.
Иногороднаго купца	г. Садовскій М.
Наблюдателя	г. Вильде.
	и др.

Въ Петербургѣ, на Александринской сценѣ, въ первый разъ шла въ томъ же году 2 декабря въ бенефисъ г. Бурдина.

Играли:

Юлію Павловну	г-жа Савина.
Глафиру Фирсовну	г-жа Читай.
Дульчина	г. Петипа.
Дергачева	г. Сазоновъ.
Флора Федулыча	г. Бурдинъ.
Михевну	г-жа Стрѣльская.
Лавра Мироныча	г. Нильскій.
Ирины	г-жа Стремлянова.
Салая Салтаныча	г. Федоровъ.
Пивокору	г-жа Натарова 1.
Иногороднаго купца	г. Горбуновъ.
Наблюдателя	г. Полонскій.

Безприданница. Напечатана въ журналѣ „Отечественные записки“ 1879 г., № 1 (январь).

Поставлена въ Москвѣ, въ первый разъ, въ Маломъ театрѣ 1878 г. 10 ноября въ бенефисъ г. Музилы.

Играли:

Огудалову	г-жа Медвѣдева.
Ларису	г-жа Федотова.
Кнурова	г. Самаринъ.
Вожеватова	г. Рѣщимовъ.
Карапышева	г. Садовскій М.
Паратова	г. Ленскій.
Робинзона	г. Музиль.
Евфросинью Потаповну . . .	г-жа Акимова.
Гаврилу	г. Колосовъ.
Ивана	г. Живокини 2.
Илью	г. Лентовскій.

Въ Петербургѣ, на Александринской сценѣ, шла въ первый разъ въ томъ же году 22 ноября въ бенефисъ г. Бурдина.

Играли:

Огудалову	г-жа Читай.
Ларису	г-жа Савина.
Кнурова	г. Бурдинъ.
Вожеватова	г. Сазоновъ.
Карапышева	г. Полонскій.

Паратова	г. Нильскій.
Робинзона	г. Арди.
Гаврилу	г. Васильевъ 1.
Ивана	г. Горбуновъ.
Илью.	г. Константиновъ.
Евфросинью Потаповну . .	г-жа Натарова 1.

Сердце не камень. Напечатана въ журналѣ „Отечественные Записки“ 1880 г. № 1 (январь).

Въ первый разъ шла на сценѣ Александринскаго театра, въ Петербургѣ, 21 ноября 1879 г. въ бенефисъ г. Бурдина.

Играли.

Каркунова	г. Нильскій.
Вѣру Филипповну	г-жа Дюжикова.
Халымова	г. Бурдинъ.
Аполлинарію Панфиловну .	г-жа Карпова.
Константина	г. Арди.
Ольгу Дмитріевну	г-жа Тютрюмова.
Ерасту	г. Сазоновъ.
Огуревну	г-жа Громова.
Иннокентія	г. Горбуновъ.

Въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ поставлена въ первый разъ въ томъ же году 30 ноября въ бенефисъ г. Музиль.

Играли:

Каркунова	г. Музиль.
Вѣру Филипповну	г-жа Федотова.
Халымова	г. Макшеевъ.
Аполлинарію Панфиловну .	г-жа Акимова.
Константина	г. Садовскій М.
Ольгу Дмитріевну	г-жа Никулина.
Ерасту	г. Ленскій.
Огуревну	г-жа Таланова.
Иннокентія	г. Живокини 2.

Приложеніе: Записка о театральныхъ школахъ.

Записка эта была составлена Островскимъ въ видѣ до-
клада комиссіи, учрежденной въ 1881 г. для пересмотра зако-
ноположеній по всѣмъ частямъ театрального вѣдомства. Въ
коммисію эту изъ драматурговъ были приглашены (только
трое): А. Н. Островскій, А. А. Потѣхинъ и Д. В. Аверкіевъ.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
138	15 сн.	изъ дали	издали
402	13 ,	Михевна	Михевна
